

**ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ
ТИПОЛОГИЯ
И ВОСТОЧНЫЕ
ЯЗЫКИ**

М. Орташ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ НАРОДОВ АЗИИ

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ
ТИПОЛОГИЯ И ВОСТОЧНЫЕ
ЯЗЫКИ

МАТЕРИАЛЫ СОВЕЩАНИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Главная редакция восточной литературы

Москва 1965

Ответственный редактор
Л. Б. НИКОЛЬСКИЙ

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ
И ВОСТОЧНЫЕ ЯЗЫКИ
Материалы совещания

Утверждено к печати
Ученым советом Института народов Азии
Академии наук СССР

Редактор *Г. А. Давыдова*
Технический редактор *Л. Б. Михлина*
Корректоры *Г. В. Афонина* и *М. З. Шафранская*

Сдано в набор 1/IV 1965 г. Подписано к печати 31/VII 1965 г. А-10393.
Формат 60×90^{1/16}. Печ. л. 19,5. Уч.-изд. л. 18,09. Тираж 1900 экз. Изд. № 1417.
Зак. № 691. БЗ № 6—1965—№ 15 Цена 1 р. 16 к.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»
Москва, Центр, Армянский пер., 2

3-я типография издательства «Наука»
Москва К-45, Б. Кисельный пер., 4

ОТ ОТВЕТСТВЕННОГО РЕДАКТОРА

Сборник «Лингвистическая типология и восточные языки» включает в переработанном для печати виде доклады и сообщения, сделанные советскими и зарубежными учеными на совещании по типологии восточных языков (Москва, 1963 г.).

В статьях, входящих в сборник, рассматриваются общие вопросы лингвистической типологии (выяснение понятий «типология», «структурная типология», «структура языка», «структурный тип языка» и т. п.) и демонстрируются типологические исследования разного содержания и разной методологии на материалах языков Востока и Африки.

Сборник намечает основные направления разработки лингвистической типологии и представляет интерес для широкого круга языковедов всех лингвистических специальностей.

ПРОБЛЕМА ТИПОЛОГИИ В СОВЕТСКОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ И ЗАДАЧИ СОВЕЩАНИЯ

Языкознание, как и все общественные науки в нашей стране, призвано содействовать построению коммунистического общества и воспитанию многонационального советского населения в духе научного коммунизма.

Вся история советского языкознания говорит о том, что успешно оно может развиваться только на основе марксистской методологии. Культ личности Сталина нанес большой ущерб развитию теоретической работы по языкознанию и привел к недооценке, а порою и к забвению в среде языковедов важнейших высказываний классиков марксизма о природе и сущности языка, его общественных функциях, о соотношении языка и мышления, истории языка и истории народа, о роли языка в развитии человеческой культуры, об отражении в языке классового сознания и т. д.

Преодолевая имеющиеся недочеты в языковедческой науке и следуя решениям XX и XXII съездов КПСС, советские языковеды должны и могут в кратчайшие сроки развернуть интенсивную теоретическую и практическую работу в своей отрасли знания и тем самым содействовать дальнейшему развертыванию научных исследований и укреплению международного авторитета советской науки.

Основными проблемами современного советского языкознания несомненно являются проблемы «язык и общество», «язык и мышление». В непосредственной связи с решением этих проблем находится и вопрос о типологии языков.

В прошлом в области типологии языкознание опиралось преимущественно на исследование индоевропейских языков, в основном западных. Но при всем разнообразии и сложности структуры этих языков изучение их не давало и не могло дать сколько-нибудь полного представления о возможных структурных типах языков. Для того чтобы установить воз-

возможные структурные типы языков и выяснить, как при помощи их выражается мыслительная и познавательная деятельность человека, необходимо сопоставить все многообразие существующих языковых типов и структур. К этому призывали еще в 30-х и 40-х годах наши крупнейшие лингвисты-академики Н. Я. Марр и И. И. Мещанинов.

Изучение и сопоставление многочисленных и различных по своей структуре славянских, балтийских, иранских, кавказских, тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских, палеоазиатских и других языков Советского Союза (что было связано с созданием для многих из них письменностей и литературных языков, с установлением методов их школьного преподавания, с вопросами перевода) дали мощный толчок к развитию у нас типологических исследований и к пересмотру многих установившихся до этого в теории языкознания представлений. Но для того чтобы вести дальше полноценные типологические исследования, необходимо в сравнительно-типологическом плане изучить возможно большее количество языков не только Советского Союза и Европы, но также зарубежной Азии, Африки, аборигенов Америки и других районов мира.

Только в результате такой исследовательской работы можно представить все возможные способы выражения человеческого мышления речевыми средствами, описать и сопоставить реально существующие типы языков. Тогда, действительно, станет возможным и построение на полноценной языковой базе общего языкознания. Конечно, осуществление подобного труда потребует многих лет работы и не одного коллектива языковедов, но научная ценность и целесообразность его несомненны. К тому же такой охват материала в корне противостоит любым попыткам свести языкознание до уровня старой индоевропейской науки о языке с ее изолированными одна от другой, замкнутыми в себе группировками языков.

Вообще давно уже наступило время значительно расширить и усилить изучение языков зарубежного Востока и Африки. О необходимости этого сказано и в постановлении Общего собрания Академии наук СССР от 19 октября 1962 г.

Развитие международных связей Советского Союза, рост и укрепление его авторитета в странах Азии и Африки, а также исключительная научная ценность языков этих стран для решения теоретических проблем общего языкознания требуют от советских языковедов дальнейшего расширения круга изучаемых языков этих двух континентов и их всестороннего исследования. За последние годы советские востоковеды-лингвисты значительно расширили круг изучаемых языков, под-

готовили специалистов по ним, начали публикацию ряда важных работ, в частности — серии «Языки зарубежного Востока и Африки», шестьдесят выпусков которой общим объемом более чем 360 авторских листов уже вышло из печати.

Но, конечно, призывая обратить научные интересы к мало изучавшимся или совсем не изучавшимся у нас языкам Азии и Африки и уделяя на нашем совещании основное внимание типологии восточных языков, мы далеки от того, чтобы считать какую-либо группу или даже все восточные или африканские языки единственной базой для построения общей теории языкознания. Все языки мира одинаково важны для разработки теоретических основ науки о языке. Поэтому для нас абсолютно неприемлемы взгляды тех ученых, которые под влиянием иногда чисто националистических настроений ратуют сейчас за то, чтобы основной и чуть ли не единственной базой для теории общего языкознания считать какую-либо одну группу языков.

Не касаясь в какой-либо мере всей истории типологических исследований в языкознании (по этому вопросу на нашем совещании должен был выступить проф. А. А. Холодович), следует отметить, что к вопросам лингвистической типологии за рубежом в последние годы привлек внимание Р. Якобсон, выступивший на VIII Международном лингвистическом конгрессе в Осло (1957 г.) со специальным докладом «Типологические исследования и их значение для сравнительно-исторического языкознания»¹.

В своем докладе Р. Якобсон утверждал, что современное языкознание не может пренебрегать типологическими исследованиями, так как явления изоморфизма наблюдаются в самых различных, в том числе и неродственных, языках. Согласно Р. Якобсону, генетический метод связан с установлением родства языков, ареальный — их сходства, типологический — изоморфизма. Изоморфизм может быть обнаружен в различных языках или в различных состояниях одного и того же языка, «...независимо от того, существуют ли они одновременно или разделены временем, являются ли сравниваемые языки смежными по территории, родственными или неродственными» (стр. 5). В основе типологического исследования должен лежать анализ языковой системы, а отнюдь не инвентаризация отдельных элементов языка. Типологические сопоставления должны охватить существенные особенности языковой системы, сложную иерархию ее элементов.

¹ R. Jakobson, *Typological studies and their contribution to historical comparative linguistics*, — «Reports for the Eight International congress of linguists», suppl., Oslo, 1957.

Они должны вскрыть и имплицативные явления, предусмотреть существование одних языковых фактов, вытекающее из наличия других. Этим путем в различных языках, согласно Р. Якобсону, должны быть установлены некие однородности и универсалии.

Важно отметить и конечные цели, выдвигаемые Р. Якобсоном перед типологическими исследованиями: привести к установлению вероятных, менее вероятных и вообще невозможных путей развития языка, опираясь на синхронное состояние его системы. Обращаясь к проблемам реконструкции языковых систем, Р. Якобсон утверждает, что правильность реконструкции вызывает сомнение, если наблюдается противоречие между реконструируемым состоянием языка и теми общими закономерностями, которые вскрываются в результате типологических исследований.

В качестве иллюстраций к своему докладу Р. Якобсон использовал примеры только из области фонологии.

Доклад Р. Якобсона вызвал оживленную полемику и противоречивые оценки в среде как зарубежных, так и советских языковедов. У нас из-за него скрестили шпаги прежде всего участники конгресса — Б. А. Серебренников и Вяч. В. Иванов². Свое отношение к этому докладу в связи с направлением и задачами советской типологической школы высказали также И. И. Мещанинов³ и В. М. Жирмунский⁴.

Б. А. Серебренников признает, что «типологические исследования должны быть необходимым продолжением сравнительно-исторических исследований, их естественным синтезом»⁵. Об этом говорят общие явления в развитии звуков и грамматических форм, наблюдаемые в различных языках мира. Б. А. Серебренников формулирует и основную задачу типологических исследований, которая, по его мнению, должна сводиться к выявлению в различных языках общих типов изменений в области фонетики, морфологии, синтаксиса и развития значений. К области типологических исследований он относит также вопрос о степени сохранности типов языка, проблему образования новых языковых типов в результате влияния соседних языков, субстратов и т. п.

² См. Б. А. Серебренников, *К критике некоторых методов типологических исследований*, — «Вопросы языкознания», 5, 1958, стр. 24—33; Вяч. В. Иванов, *Типология и сравнительно-историческое языкознание*, — там же, стр. 34—42.

³ См. И. И. Мещанинов, *Типологические сопоставления и типология систем*, — «Научные доклады высшей школы. Филологические науки», 1958, № 3, стр. 3—13.

⁴ В. М. Жирмунский, *Теоретические проблемы советского языкознания*, — «Вестник Академии наук СССР», 1963, № 7, стр. 49—50.

⁵ См. Б. А. Серебренников, *К критике некоторых методов типологических исследований*, стр. 28.

Ю вместе с тем Б. А. Серебренников критически относится ко многим положениям в докладе Р. Jakobсона, считая, что этот доклад не дал реальных представлений о том, каким путем устанавливаются в языках общие закономерности, как осуществляется строжайший учет иерархического подчинения одних компонентов системы языка другим компонентам и т. д. Конкретный метод исследования и система доказательств, выдвинутых в докладе положений, по справедливому, как мне кажется, утверждению Б. А. Серебренникова, остались нераскрытыми и необъясненными.

Б. А. Серебренников считает антиисторичным метод аргументации Р. Jakobсона и находит, что созданная последним схема не имеет никакого отношения к истории конкретных языков и «механически пересажена на все языки мира». Этим он объясняет и утверждение Р. Jakobсона о том, что изоморфизм не связан с пространством и временем.

Вяч. В. Иванов в общей оценке типологических исследований близок к Б. А. Серебренникову, заявляя, что «типологические исследования соотношений между разными языковыми системами оказываются очень важными для теоретического обоснования и уточнения методов сравнительно-исторического языкознания и для проверки полученных благодаря этим методам результатов»⁶. Но в отличие от Б. А. Серебренникова с основными положениями доклада Р. Jakobсона он согласен, считая заслугой докладчика прежде всего то, что типологические и сравнительно-исторические исследования Р. Jakobсон рассматривает исходя из концепции языка как единого структурного целого и видит задачу типологического изучения не в сопоставлении разрозненных фактов, а в установлении общих законов, определяющих взаимоотношения различных элементов в языковой системе.

Вяч. В. Иванов в своей статье не ограничивается оценкой взглядов Р. Jakobсона, но и развивает некоторые положения его доклада, например в части применения «типологических законов» к анализу грамматической структуры языка. И если Р. Jakobсон типологические исследования рассматривал лишь в плане синхронии, то Вяч. В. Иванов заканчивает свою статью указанием на особую важность использования достижений структурной лингвистики при изучении истории языков и реконструкции их доисторических состояний, тем самым как бы отмечая неполноту, недостаточность, а может быть, и некоторую односторонность трактовки вопроса Р. Jakobсоном.

К сожалению, полемизируя с Р. Jakobсоном и друг с дру-

⁶ Вяч. В. Иванов, *Типология и сравнительно-историческое языкознание*, стр. 34—35.

гом, Б. А. Серебренников и Вяч. В. Иванов ни разу не вспомнили о наличии в советском языкознании положительного опыта в постановке и проведении типологических исследований. Об этом очень скромно напомнил И. И. Мещанинов в упоминавшейся уже статье «Типологические сопоставления и типология систем» и затем очень твердо В. М. Жирмунский в работе «Теоретические проблемы советского языкознания». В. М. Жирмунский справедливо заметил, что Р. Якобсон старается выявить закономерности, свойственные лишь синхронным системам языков, воспринимаемых статически, и что все же «...приоритет в постановке типологических проблем, притом на существенно иной методологической основе, принадлежит советскому языкознанию»⁷. Советские лингвисты стремятся показать типологию исторического развития языков, сходные или параллельные процессы грамматического или фонетического развития не только родственных, но и неродственных языков. Они, как пишет В. М. Жирмунский, «...устанавливают общие пути развития, раскрывающиеся при сопоставлении сравнительно-исторических грамматик разных языковых групп»⁸.

Первым, кто в советском языкознании обратил внимание на важность типологического изучения неродственных языков, был акад. Н. Я. Марр. С присущей ему убежденностью и страстностью он не раз указывал на необходимость при построении общего языкознания учитывать особенности различных по своей структуре языков мира. И сейчас в полной мере сохраняет свое значение его правильное утверждение о том, что «...наукой об языке может быть признано только то учение, которое считается с особенностями всех языков мира и, исходя из учета конкретной системы каждого из них, не только отводит или намечает каждому из них принадлежащее ему место в среде всех, но и выявляет те пути и те рамки, в которых может и должна протекать специальная работа над каждым языком, исчерпывающе углубленное исследование каждого языка»⁹. Н. Я. Марр неоднократно подчеркивал, что «...нам важны черты не только роднящие, но и разъединяющие, нам нужен анализ парно сближаемых языков и в их расхождениях»¹⁰.

Изучение структурных особенностей любого конкретного языка, по Н. Я. Марру, требует в первую очередь сопоставления его с другими языками той же группы; исследование же этой группы языков в целом ставит перед исследова-

⁷ В. М. Жирмунский, *Теоретические проблемы советского языкознания*, стр. 49—50.

⁸ Там же.

⁹ Н. Я. Марр, *Избранные работы*, т. 2, Л., 1936, стр. 410.

¹⁰ Там же, стр. 414.

телем задачу сопоставления ее с группами языков иной структуры.

«Основные положения Н. Я. Марра в этом вопросе,— как пишет акад. И. И. Мещанинов,— сводятся к следующему: чтобы понять данный, конкретно взятый язык, нужно рассматривать его в общем составе его же языковой группы (семьи), а чтобы глубже уйти в понимание последней, необходимо перейти к сопоставлению ее с иноструктурными языковыми группами. Получающееся в конечном итоге стремление охватить языковой процесс в целом требует в свою очередь выхода за пределы языка, требует рассмотрения самого языкового процесса в тесной связи с другими проявлениями человеческой деятельности»¹¹.

В отличие от многих современных ему лингвистов Н. Я. Марр занимался не только типологическим изучением разноструктурных языков в их синхронном состоянии, но и старался проследить на протяжении длительных исторических периодов «динамику звуковой речи», историческое развитие грамматических и лексических форм языка в целом под воздействием в конечном счете социально-экономических факторов. В связи с этим Н. Я. Марр и создает гипотезу о едином глоттогоническом процессе и стадиях его развития, под воздействием которой оказались в свое время многие советские лингвисты. Конечно, предложенная Н. Я. Марром схема развития различных языковых структур параллельно со сменой социально-экономических формаций была явно неудачной, и она-то послужила поводом для обвинения ее автора в вульгарно-социологических взглядах, хотя и сам Н. Я. Марр предупреждал, что предлагаемое им решение проблемы не является окончательным, что это лишь рабочая схема, требующая проверки и поправок. Н. Я. Марру, этому крупному советскому ученому, намечавшему в основном правильные пути развития советской науки о языке, были присущи и крупные ошибки, от которых, естественно, следует предостеречь нашу научную молодежь.

Исключительная заслуга в развитии типологических исследований в СССР принадлежит акад. И. И. Мещанинову. Еще в 1936 г. он выпускает книгу «Новое учение о языке», в которой дает характеристику грамматического строя ряда языков, в то время еще мало изученных. Но считая задачей общего языкознания «...не только описание наличных синтаксических структур и типов словообразований в различных языках, но и истолкование наблюдаемых форм из их исторического развития»¹², в своей новой монографии «Общее язы-

¹¹ И. И. Мещанинов, *Общее языкознание. К проблеме стадильности и развития слова и предложения*, Л., 1940, стр. 4.

¹² И. И. Мещанинов, *Общее языкознание*, стр. 4.

кознание» он выделяет в разноструктурных языках разные типы языковых конструкций, стараясь проследить и доказать преемственность языковых форм, иногда кажущихся совершенно новыми и исторически самодовлеющими.

Сама структура слова и предложения, этих основных единиц человеческой речи, неодинакова в различные эпохи развития языков. К тому же она исторически видоизменяется, приобретая иногда совершенно новую форму и функцию. Но, как замечает И. И. Мещанинов, в процессе языковой перестройки, иногда весьма существенной, в новых формах проглядывают старые основы.

Углубленное изучение языков СССР в советский период предоставило к этому времени в распоряжение исследователя обильный лингвистический материал, и И. И. Мещанинов широко использовал его в целях демонстрации развития языковой типологии с ее трансформационными переходами и перестройками. Особое внимание при этом И. И. Мещанинов обратил на бесписьменные и младописьменные языки.

Курс И. И. Мещанинова «Общее языкознание» несомненно подчинен идее единства глоттогонического процесса и стадильности в историческом развитии языков. Но трактовка глоттогонической проблемы здесь уже иная, чем у Н. Я. Марра, я бы сказал, более реалистичная, опирающаяся на конкретный языковой материал. «Единство глоттогонического процесса,— пишет акад. И. И. Мещанинов,— вовсе не представляет единства языкового строя в его формальном выявлении на всем земном шаре и во все периоды истории человечества. Наоборот, оно разнообразно в своем внешнем выявлении и во времени и в пространстве, объединяясь общностью не формальной стороны, а общностью путей развития языка, обусловленной в конечном итоге... общностью путей развития общественных форм в их движении, устанавливаемом историческим материализмом»¹³.

Сравнительно-типологические исследования занимают основное место в трудах акад. И. И. Мещанинова. Им посвящен его капитальный труд «Члены предложения и части речи», (М.—Л., 1945), а также монография «Глагол» (М.—Л., 1948). Свои исследования акад. И. И. Мещанинов направляет на ведущие устои грамматики, на изучение слова в его основном использовании в речи. Структура каждого языка, на какой бы ступени своего развития он ни находился, очень сложна и многогранна. Способы синтаксического сочетания слов могут быть весьма разнообразными. Акад. И. И. Мещанинов отбирает из них лишь наиболее показательные, все время сопоставляя и дифференцируя синтаксические и морфологиче-

¹³ Там же.

ские возможности разноструктурных языков. Уделяя в первую очередь внимание синтаксису, И. И. Мещанинов с типологических позиций изучал морфологию, считая, что «на фоне синтаксического строя морфологическое оформление слова получает наиболее яркое освещение»¹⁴.

Почва для сравнительно-типологических исследований была благоприятной. Все расширявшееся и углублявшееся изучение разноструктурных языков СССР давало богатый и в своей подавляющей части новый, свежий материал. Но акад. И. И. Мещанинов уже не ограничивается данными языков Советского Союза, он подвергает анализу также многочисленные факты европейских, восточных языков, в частности китайского и монгольских, языков индейцев Америки и других.

Эти материалы давали возможность совершенствовать и уточнять самую методiku сравнительно-типологического исследования, а также показать всю сложность процессов развития человеческой речи в ее многообразных проявлениях в различных языковых структурах.

В своих работах 40-х годов в трактовке проблем языкового развития И. И. Мещанинов все больше отходит от теории Н. Я. Марра о едином глоттогоническом процессе, ограничиваясь иногда лишь указанием на то, что единый процесс языкового развития отнюдь не предполагает однообразия или тождества в развитии формально-речевых средств. Напротив, этот процесс, по формулировке И. И. Мещанинова, оказывается весьма разнообразным в своем внешнем выявлении. Одно и то же содержание высказывания приобретает неодинаковые способы своего выражения в морфологии и синтаксисе различных языков.

Следовательно, и сравнительно-типологическое изучение языков приводит к выявлению не только черт сходства, но и многообразных расхождений, обусловленных различиями в языковых структурах.

В ноябре 1963 г. акад. И. И. Мещанинову исполнилось 80 лет. Но и сейчас ни на один день он не прекращает своей научно-исследовательской деятельности. Помимо двух книг по урартскому языку он опубликовал лишь за последние годы серию интересных и содержательных статей, посвященных все той же типологической проблематике. Среди них особый интерес представляют «Типологические сопоставления и типология систем»¹⁵, «Различные виды классификации языко-

¹⁴ И. И. Мещанинов, *Члены предложения и части речи*, М.—Л., 1945, стр. 4.

¹⁵ «Научные доклады высшей школы. Филологические науки», 1958, № 3, стр. 3—13.

ного материала»¹⁶ и «Синтаксические группы»¹⁷, «Основные виды синтаксических группировок. Предикативные группы»¹⁸, «Прямое дополнение и объектные группы»¹⁹, «Передача субъектных и объектных отношений в языках эргативного строя предложения»²⁰, «Различные построения членов предложения в связи с отношениями субъекта и объекта»²¹, «Структура предложения»²².

Уже из одного перечня последних работ акад. И. И. Мещанинова выявляется их строгая целенаправленность. В них, как и раньше, анализируя большой фактический материал, взятый из типологически различных языков, акад. И. И. Мещанинов уточняет и вновь систематизирует свои взгляды на задачи, объем и методы типологических исследований. В основу типологических сопоставлений И. И. Мещанинов считает необходимым положить то общее, что наличествует во всех языках мира, что их объединяет. Этим общим являются прежде всего синтаксические отношения — предикативные и атрибутивные, связывающие субъект с предикатом, определение с определяемым, переходное действие с объектом. Общими для всех языков являются также такие передаваемые в языке понятия, как предметность и действие, как субъект, предикат, объект, атрибут с их модальными оттенками и т. д. Именно это общее для языков любой структуры и должно лечь, по Мещанинову, в основу типологического сопоставления, поскольку «грамматическая форма его выявления на конкретном языковом материале не дает единой общей схемы»²³.

Типологическому исследованию, согласно И. И. Мещанинову, должно подвергаться не функциональное значение грамматической формы, а именно сама грамматическая форма в ее конкретном выражении и в ее сочетании с другими грамматическими формами той же системы. Только таким путем и устанавливается типология систем, привлекаемых к исследованию.

Если проследить способы выражения отношений между предикатом и субъектом, представляющими структурное ядро предложения хотя бы в исконно кавказских языках при наличии в большинстве их эргативного строя предложения, мы не обнаружим единой схемы оформления интересующих нас

¹⁶ «Вопросы языкознания», 1959, № 3, стр. 11—21.

¹⁷ «Вопросы языкознания», 1958, № 3, стр. 24—37.

¹⁸ «Известия АН СССР. Отделение литературы и языка», вып. 6, 1959, стр. 490—499.

¹⁹ Там же, вып. 4, 1960, стр. 273—283.

²⁰ Там же, вып. 5, 1960, стр. 398—408.

²¹ «Научные доклады высшей школы. Филологические науки», 1961, № 1, стр. 3—12.

²² И. И. Мещанинов, *Структура предложения*, М., 1963.

²³ «Научные доклады высшей школы. Филологические науки», стр. 5.

грамматических отношений. Сказуемое здесь согласуется не только с подлежащим, но и с дополнениями. Подлежащее выражается не только именительным, но и различными косвенными падежами. Наравне со сказуемым и подлежащим структурно определяющую роль в предложении часто играет прямое дополнение, поэтому такие ученые, как проф. Н. Ф. Яковлев, считали его так же, как сказуемое и подлежащее, главным членом предложения.

Подлежащее при переходных и непереходных глаголах ставится в различных падежах (восточнокавказские и некоторые другие языки). В абхазском и абазинском языках при отсутствии в них падежной системы — склонения — субъектно-объектные отношения передаются путем включения в глагольное выражение особых субъектно-объектных префиксов. В древнем урартском и в современных картвельских языках существует падеж активного производителя. Постановка подлежащего в определенном падеже зависит иногда от семантики глагола (в аварском языке) или от степени активности действующего лица (например, в бацбийском языке).

Если мы обратимся к языкам изолирующего строя (китайско-тибетские, мон-кхмерские и др.), то здесь отношения между предикатом и субъектом будут выражаться уже совсем иными способами, в каждом конкретном случае объясняемыми исторически сложившейся структурой этих языков. Именно поэтому типологическое изучение языков выявляет грамматическую и иную специфику языка, его особенности даже в сравнении с ближайшими родственными языками и отнюдь не ограничивается простой регистрацией одного только общего, одних только сходжений.

Типология, по И. И. Мещанинову, требует изучения структуры языка в целом. «Типологические сопоставления,— утверждает он,— основываясь... на всей структуре языка, должны быть обеспечены всесторонним изучением языкового строя во всех его слагаемых частях»²⁴. Исследовательская работа в области типологии должна в конечном итоге сводиться к сопоставлению различных, в том числе и разноструктурных, языковых систем.

Но не все языки изучены всесторонне и достаточно основательно. Поэтому и типологические исследования не достигают часто той полноты, которая от них ожидается. Типологически наиболее обследованными оказываются фонетико-фонологические и морфологические системы языков. Синтаксис в типологических исследованиях освещается еще чрезвычайно мало и бледно. Если можно говорить уже о существовании в системе общего языкознания фонологической или

²⁴ Там же, стр. 8.

морфологической типологии, то о синтаксической типологии этого сказать нельзя. У нас, к сожалению, нет еще каких-либо сводных работ по синтаксической типологии. Акад. И. И. Мещанинов вполне прав, говоря, что в силу этого и наши руководства по общему языкознанию со структурой предложения знакомят лишь на типично индоевропейском материале, при этом в них безапелляционно утверждается, что сказуемое будто бы всегда согласуется только с подлежащим, а подлежащее всегда передается именительным падежом.

Таким образом, И. И. Мещанинов в качестве предварительного этапа к типологическому исследованию разноструктурных языковых систем считает естественным и вполне возможным устанавливать типологические системы в области отдельных языковых уровней. Сам он наибольшее внимание уделяет синтаксической типологии.

Интересны замечания акад. И. И. Мещанинова об отношении сравнительно-исторических исследований к типологическим. Сравнительно-историческое изучение языка, тесно связанное с генетической классификацией, ограничивает круг изучаемых языков языками родственными, сближаемыми по своему происхождению и по своей структуре. Изучение структуры каждого отдельно взятого языка или родственной группы языков замыкается здесь в их собственном материале, отнюдь не представляющем собою какую-то конструктивную схему, единую или типичную для всех или хотя бы большинства языков мира. Подобный подход к изучению структуры языка в таком случае получается односторонним. «Всестороннего охвата возможных разновидностей морфологии и синтаксиса генетическая классификация сама по себе дать не может»²⁵, — отмечает И. И. Мещанинов, а ведь каждый язык отличается от другого, даже близко родственного ему, особенностями фонетики, морфологии, синтаксиса, лексики, установить которые можно только типологическими сопоставлениями.

Сходные фонетические и грамматические категории могут быть и в неродственных языках. Поэтому отдельные типологические (морфологические, синтаксические) классификации языков строятся на материалах самых различных языковых групп.

Сравнительно-исторический подход, охватывая все стороны, иначе — уровни, изучаемых языков, помогает установить систему различных уровней языка и структуры языка в целом. Типологический подход выясняет структурные типы этих систем. В этом, по И. И. Мещанинову, и заключается основ-

²⁵ И. И. Мещанинов, *Различные виды классификации языкового материала*, — «Вопросы языкознания», 1959, № 3, стр. 14.

ная ценность типологических исследований, обогащающих те сведения, которые достигаются описанием отдельной структуры языка и его сравнительно-историческим анализом. Но, в свою очередь, типологические сопоставления опираются на данные, добытые в предваряющем их описании и сравнительно-историческом анализе отдельных языков. Чем больше описаны и исторически освещены различные языки и их группы, подвергаемые типологическому изучению, тем это изучение богаче и надежней.

Таким образом, акад. И. И. Мещанинов справедливо считает сравнительно-историческое и типологическое изучение языков взаимно дополняющими и обогащающими друг друга, различая в каждом из них свои задачи и цели.

Но надо помнить, что сравнительно-исторический анализ неприменим ко многим языкам, не имеющим письменных памятников, относящихся к различным периодам существования этих языков. Это относится к таким языкам, как чукотский и корякский на Дальнем Востоке, как многие языки Северного Кавказа и Дагестана, языки мунда в Гималаях, значительное количество мон-кхмерских языков, языки групп и, мяо-яо и другие в Южном Китае, Юго-Восточной Азии и языки Африки. В подобных случаях при отсутствии данных, добытых в результате сравнительно-исторического изучения, типологические исследования обеспечивают успех работы и уточняют реальные отношения, исторически сложившиеся между отдельными языками и их группами.

Несомненно, в одном русле с работами акад. И. И. Мещанинова, хотя и на другом языковом материале, уже в 30-е годы проводились типологические исследования неродственных языков членом-корр. АН СССР В. М. Жирмунским и его учениками — С. Д. Кацнельсоном, А. В. Десницкой, М. М. Гухман и др.

Широко известны работы В. М. Жирмунского о развитии строя и истории немецкого языка²⁶, исследования С. Д. Кацнельсона о генезисе номинативного предложения²⁷, А. В. Десницкой о чередовании гласных в германских языках²⁸, М. М. Гухман о происхождении строя готского глагола²⁹, несмотря на имеющийся в них некоторый налет в настоящее время уже поблекших общелингвистических суждений, в основной своей части сохраняют значительную ценность и в на-

²⁶ См. работы В. М. Жирмунского: *Развитие строя немецкого языка*, М.—Л., 1936; *История немецкого языка*, М., 1956.

²⁷ С. Д. Кацнельсон, *К генезису номинативного предложения*, М.—Л., 1936.

²⁸ А. В. Десницкая, *Чередование гласных в германских языках*, М.—Л., 1937.

²⁹ М. М. Гухман, *Происхождение строя готского глагола*, М.—Л., 1940.

ши дни. Именно в этих трудах почти тридцать лет тому назад при помощи типологических сопоставлений раскрывались общие закономерности развития различных грамматических категорий — частей речи, залоговых образований, видо-временной системы глагола, различных структур предложения и др.

Таким образом, заслугой советских ученых, повторяем, является то, что еще в 30-х годах они ставили и практически решали вопрос о типологических закономерностях исторического развития, которые выявляются в сходных процессах фонетического, грамматического и лексико-семантического развития неродственных языков.

В своем обзоре типологических исследований в советском языкознании мы не можем не вспомнить и таких крупных ученых, как Е. Д. Поливанов, Н. К. Дмитриев и Д. В. Бубрих, Н. Ф. Яковлев и Л. И. Жирков, и многих других, из которых каждый, идя своим путем, обогатил наше языкознание ценными материалами по типологии различных языковых групп. Но только пренебрежением к нашим бесспорным достижениям в этой области можно объяснить заявления некоторых лингвистов о том, что будто бы доклад Р. Якобсона на VIII Международном лингвистическом конгрессе впервые серьезно поставил эту проблему.

В начале 50-х годов внимание к типологическим исследованиям было значительно ослаблено, достижения советских ученых в этом отношении замалчивались и не популяризовались; в течение ряда лет типологические исследования фактически были исключены из планов научно-исследовательской работы, в результате чего мы стали отставать в разработке этой проблематики от зарубежного языкознания.

В настоящее время мы вновь возвращаемся к обсуждению важной в теоретическом и практическом отношении проблемы лингвистической типологии в связи с изучением восточных языков.

В Советском Союзе имеются все данные для дальнейшего развития и совершенствования структурно-типологических исследований. В распоряжении ученых имеется множество полноценных трудов, характеризующих современное состояние и историю языков различных народов СССР и зарубежных стран, причем количество этих исследований постоянно пополняется, в частности в отношении языков зарубежного Востока и Африки.

В связи с задачами школьного преподавания создан значительный фонд так называемых сопоставительных грамматик, посвященных сравнительному описанию двух генетически неродственных языков (русского и узбекского, русского и кабардинского, азербайджанского и английского и т. д.),

которые также могут быть с успехом использованы в больших теоретических обобщениях по типологии языков.

В последние годы возникло новое направление типологических исследований, опирающееся на методы структурной лингвистики и связанное с решением таких важных задач, как машинный перевод с одного языка на другой, теория информации и теория связи, речевое управление производственными процессами, создание автоматической аппаратуры и т. д. Естественно, что вопросы структурной типологии оказались в центре внимания этого направления. И вот только в 1962—1963 гг. Издательством Академии наук СССР выпущено три специальных сборника со значительным количеством статей по структурной типологии: сборник Института русского языка АН СССР «Проблемы структурной лингвистики» и два сборника Института славяноведения — «Структурно-типологические исследования» и «Исследования по структурной типологии».

Не будучи специалистом в области структурной лингвистики, я не беру на себя смелости оценивать по существу публикуемые в них материалы. Укажу лишь на то, что материалы этих сборников пока что пестры и неоднородны. В них нет еще единства взглядов и стройных концепций; в публикуемых работах нередко наблюдается отрыв от конкретных языковых данных. Идут поиски, эксперименты, что, естественно, поскольку направление новое и окончательно не оформившееся. Как часто бывает в подобных случаях, чувствуется задор, категорическое отрицание одних авторитетов и нескритическое восприятие других. Но делаются уже попытки теоретических обобщений, с некоторыми из них мы будем знакомиться и на нашем совещании.

Перед нашим совещанием мы ставим следующие основные задачи:

а) дать обзор различных направлений в области изучения типологии языков в лингвистических исследованиях XIX и XX вв. и методики этих исследований;

б) осветить современное состояние в разработке типологических проблем в советском языкознании и продемонстрировать отдельные типологические исследования — широкого и узкого содержания, в первую очередь на материалах различных языков Востока и Африки. Отдельные доклады опираются на материалы индоевропейских, алтайских, китайско-тибетских, вьетнамского, дравидийских, арабского, корейского, кхмерского, бирманского, кетского, чукотско-камчатских, западнокавказских, суахили и некоторых других языков. Из этого перечня языков ясно, что языковая база для суждений по вопросам типологии довольно большая; она, по-видимому, будет дополнена в выступлениях по докладам различных

участников совещания. Это сулит нам содержательный разговор, серьезное обсуждение вопросов с привлечением разнообразных языковых данных;

в) естественно, что в докладах и выступлениях по ним будут уточняться содержание, объем и методика типологических исследований, рекомендуемые различными направлениями и учеными;

г) хотелось бы, чтобы был обсужден вопрос и об уточнении содержания таких понятий и терминов, как «система» и «структура» языка, «типология», «тип языка», «структурная типология», «типологическая единица», «типологический подход, метод» и др. Существующая у нас в языкознании терминологическая чересполосица несомненно мешает делу;

д) мы надеемся, что на данном совещании будут ясней представлены взаимоотношения сравнительно-исторического и типологического изучения языков;

е) вероятно, в результате нашего совещания мы сможем полнее и лучше, чем это делалось до сих пор, определить теоретическую и практическую важность типологических исследований разноструктурных языков;

ж) были бы очень желательны высказывания и по вопросу о целесообразной тематике дальнейших типологических исследований в области восточных (и других) языков на ближайшие годы.

Задач много, но ведь и специалистов на нашем совещании тоже много, людей опытных, имеющих большие и разносторонние исследования. Можно быть уверенным, что это совещание сможет продвинуть вперед разработку весьма важной для языкознания проблемы типологии.

ПРОБЛЕМЫ СТРУКТУРНОЙ ТИПОЛОГИИ

О ПОНИМАНИИ ТЕРМИНА «ТИПОЛОГИЯ»

Термин «типология» при употреблении его в различных кругах наших лингвистов имеет, по-видимому, различный смысловой объем и различную коннотацию. Для части лингвистов старшего поколения, взгляды которых сложились в условиях, когда в лингвистике преобладали исторический аспект, с одной стороны, и внешнелингвистический аспект (в смысле сосюровского деления на внутреннюю и внешнюю лингвистику) — с другой, слово «типология» часто выступало как символ теоретической синхронной лингвистики, становление которой относилось к отдаленному будущему. Иными словами, под типологией понималась область языкознания, занимающаяся вневременным сравнением неродственных языков.

В структурной лингвистике, представляющей последующий этап лингвистических исследований, для которой стал очевидным общий (единый) подход к различным языкам и основные усилия которой были направлены на создание лингвистической теории, термин «типология» имеет более ограниченный смысл.

Слова «структурная лингвистика» означают здесь совокупность теоретических представлений о языке (рассматриваемую в данный момент в отвлечении от операциональных правил и какого-либо математического формализма), полученных как результат работы многих поколений лингвистов, ориентировавшихся на объяснение механизма языка, а не на простую регистрацию фактов. Речь идет, в некотором роде, о современном итоге лингвистики. Уход от мышления в терминах данной совокупности (сюда относятся такие понятия, как «система языка», «иерархия языковых единиц», «планы языка», «различительные признаки», «анализ и синтез», «порождающее устройство» и др.) может служить показателем того, что исследователь находится вне сферы современного языкознания.

Как будет показано ниже, с теоретической точки зрения понятие типологии является «деталью» концепции порождающего устройства. Из данного определения вытекает, что структурная лингвистика исходит из допущения множественности типологий. В зависимости от конкретной задачи или теоретической установки исследователя меняется состав типологических параметров и принципы квантования, что ведет к возникновению самых различных типологических построений.

В зависимости от того, берется ли простой (в частности однородный) набор параметров или же этот набор является многомерным, можно говорить о примитивной или непримитивной типологии. Классификация языков по частотам определенных букв в текстах может служить примером примитивной типологии, в то время как классические типологические схемы (Ф. Мистели, Ф. Финка или Э. Сепира) служат примером непримитивных типологий.

Лингвисты были бы заинтересованы в создании такой непримитивной типологии, которая за основу сравнения берет такие фундаментальные параметры, выбор которых влек бы за собой максимальное число других (более конкретных) черт языка.

Правда, вопрос о самой возможности подобной типологии остается пока открытым, так как мы не знаем, существуют ли глубокие различия между человеческими языками. Также неизученным остается вопрос об импликациях внутри языковой системы.

Чтобы точнее сформулировать задачи структурной типологии, необходимо остановиться на тех параметрах, которыми пользовалась классическая типология.

Далее для примера рассмотрим некоторые из них.

1. Концепция «формального/бесформенного».

Эта концепция лежит в основе главной дихотомии многих систем классической типологии. Согласно этой концепции, языки делились на аморфные и обладающие формой. В этой наиболее примитивной формулировке дихотомия строилась на семантически неясном противопоставлении «служебных слов» и «аффиксов».

Более детализированным вариантом той же концепции (так как в формулировке ее появляется различительная характеристика «служебного слова» и «аффикса») является концепция, строящаяся на противопоставлении «изолирующий/неизолирующий» (сюда же можно присоединить формулировку «факультативно-категориальный/нефакультативно-категориальный»).

Если пристальнее рассмотреть факты, лежащие в основе последних формулировок, то оказывается, что противопоставление следует переформулировать следующим образом: «Язы-

ки с относительно большой частотой нулевых формантов versus языки с относительно малой частотой нулевых формантов».

Но отсюда ясно, что данное противопоставление (и любое противопоставление концепции в целом) не может обладать большой значимостью с точки зрения структурной лингвистики.

Впрочем, для окончательного решения этого вопроса требуется рассмотреть проблему значения количественных характеристик для структурной лингвистики.

2. Концепции «степени спаянности» («фузионный/нефузионный»). Этот параметр, играющий видную роль в некоторых классификациях (Э. Сепир), может быть охарактеризован как: а) одноплановый (относится к плану выражения); б) субстанциональный (скорее связан со звуковой субстанцией, чем с формой языка); в) имеет операциональный, а не теоретический характер.

Значение данного параметра для структурной лингвистики не может быть большим, если не осуществляется одновременно переход к случаю, который рассматривается ниже (т. е. случай, когда фузия нарушает взаимно однозначное соответствие между категориями и формантами).

3. Концепция «формантно-категориальных соответствий». Этот параметр служит для разграничения агглютинативных (однозначное соответствие между звуковыми формантами и категориальными смыслами или близкое к однозначному) и флективных (с неоднозначностью соответствия в том смысле, что одному форманту соответствует несколько категориальных смыслов) языков. По своему характеру рассматриваемый параметр является: а) двухплановым; б) реляционным (т. е. связанным с отношениями, а не с субстанцией); в) легко допускающим математическую формулировку.

В принципе этот параметр является значимым для структурной лингвистики.

Из проведенного анализа может быть сделан вывод о том, что не все параметры классической типологии являются значимыми (релевантными) с точки зрения структурной лингвистики. Наряду с ценными параметрами, которые были отобраны в процессе исследовательской практики, встречаются и случайные. Кроме того осталось невыявленным большое число параметров¹, которые могут оказаться чрезвычайно ценными для лингвистики.

¹ Из сказанного очевидна ограниченность классической типологии, которая сложилась стихийно. В качестве логического вывода следует указать также на принципиальную множественность типологий, построенных по самым различным параметрам и с различными целями. Такие типологии не обязательно должны быть структурными.

Сейчас необходимо остановиться на вопросе значимости параметра с точки зрения структурной лингвистики. Структурная лингвистика основывается на определенных представлениях о структуре языка-механизма, с помощью которого происходит синтез и анализ текстов в некоторой языковой общности в определенную эпоху. Эти представления о структуре языка еще не получили точной формулировки. Поэтому наиболее кардинальные понятия будут названы здесь с ориентацией на содержательный аспект представлений, хотя существует несколько возможных способов их математической записи.

Безусловно общим для всех направлений является понятие двух планов языка (план выражения и план содержания в глоссематике, плоскость дифференциальных признаков и плоскость значений у Р. Якобсона и др.). В пределах каждого из планов существует два фундаментальных явления:

во-первых, иерархия классов единиц: слово состоит из морфем, предложение — из слов, фонемы — из дифференциальных признаков, силлабема — из фонем и т. д.;

во-вторых, в пределах единицы каждого иерархического уровня (за исключением самого низкого, признакового уровня) выступают два отношения: отношение сосуществования в пределах одной единицы (в частности отношение соседства) и отношение несовместимости в пределах одной единицы (синтагматическое и парадигматическое отношения соскуриванской лингвистики). В том случае, если речь идет о процессе порождения, названные выше отношения выступают как операции конкатенации и выбора соответственно.

Между произвольными элементами языка существует отношение различия (контраст, оппозиция и др.).

Для двуплановых явлений языка (например, морфем, слов, предложений) задается система соответствий между единицами обоих планов. Таковы наиболее фундаментальные понятия структурной лингвистики.

Типологический параметр рассматривается в структурной типологии как значимый (релевантный), если он связан (логически) с очерченным выше кругом представлений об основных элементах языковой структуры. Структурная лингвистика не отбрасывает одни типологические параметры, принимая другие; она располагает их по значимости относительно круга базисных понятий. Круг последних пока не является строго фиксированным в силу недостаточной разработанности теории. Кроме того, он относителен как с точки зрения глубины исследования (области объясняемых фактов), так и с точки зрения развития представлений о структуре языка.

Параметры могут быть упорядочены по степени их значимости относительно базисных понятий лингвистики и аспек-

гов их рассмотрения следующим образом (в порядке убывания значимости):

I. Параметры «чистой структуры». Имеются в виду понятия, взятые безотносительно к процедурам синтеза или анализа.

II. Параметры синтезирующей процедуры.

III. Параметры анализирующей процедуры. Последние ниже параметров II с эпистемологической точки зрения, как связанные с более низкой ступенью абстракций.

IV. Параметры эмпирического наблюдения. Параметры последней группы связаны не с целенаправленной процедурой, а с интуитивным подходом к лингвистическому описанию.

Структурная типология (в той мере, в которой она возможна) должна получить соответственно более узкое определение, чем определенный выше термин «типология»: под структурной (при этом не прикладной, а теоретической) типологией следует понимать раздел общей лингвистики, который занимается различением языковых объектов и квантованием выявленных различий и исходит при этом из наиболее значимых для структурной лингвистики параметров, причем цель структурно-типологического исследования подчинена некоторой объясняющей гипотезе структурной лингвистики.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СТРУКТУРНОЙ ТИПОЛОГИИ

Пожалуй, наиболее важной проблемой, с которой связано развитие структурной типологии, является проблема создания метаязыка для структурной лингвистики, который был бы математически строг и в то же время достаточно гибок в описании различных лингвистических фактов.

Типология, не обладающая таким метаязыком (все свойства которого необходимо хорошо изучить!), должна быть готова к тому, что ей придется наряду с реальными трудностями на каждом шагу встречать трудности терминологические (метаязыкового характера).

Ввиду того, что вопрос о «чистой структуре» языка, независимой от анализа и синтеза, разработан недостаточно, мы будем говорить в основном о проблемах типологии синтеза (генерирование). Предположим, что у нас есть гипотеза, объясняющая все существующие языковые структуры и представленная в виде генератора (синтезирующего устройства), который порождает эти структуры. Структура любого языка возникает в результате работы нашего генератора. Две различные языковые структуры будут отличаться друг от друга характером и числом операций, примененных при их порождении.

Из сказанного видна важность изучения метрических свойств пространства указанного типа (пространства генератора)².

Квантование полученных различий, иными словами, разнесение языковых структур по типам, связано с рассмотрением параметров как неравноценных, т. е. с приписыванием типологическим параметрам различных весов.

Предложенная типологическая схема пока еще является идеалом, а не практикой типологического описания³.

Типологический генератор безусловно отличается от генератора конкретной языковой структуры (сингулярного генератора) тем, что он в противоположность последнему принципиально не верифицируем (не может изучаться как реальный механизм), это лишь логический прием.

В этой связи следует провести различие между содержательным синтезом и метаязыковым синтезом. Идея последнего состоит в том, что мы говорим о каком-либо процессе как о синтезе (генерации). В частности этот процесс, о котором мы говорим как о синтезе, может быть содержательно аналитическим процессом, например процедурой деления текста по Ельмслеву⁴. Мы вполне можем представить такой процесс как синтез языковых структур из отрезков текста.

Можно представить себе типологическую классификацию, основывающуюся не на синтезирующей процедуре, а на процессе анализа.

Такая индуктивная классификация обладает меньшей объяснительной силой и, с точки зрения эпистемологии, оценивается ниже, чем типология, основанная на синтезирующей процедуре.

Однако такая типология будет, по-видимому, преобладать в течение долгого времени, так как она отвечает этапу накопления и сопоставления эмпирических фактов различных языков.

² Определение основных понятий теории метрических пространств см. П. С. Александров, *Введение в общую теорию множеств и функций*, М.—Л., 1948 г., стр. 226 и сл.

³ Следует, однако, заметить, что связь типологии и синтеза все четче осознается в современных работах. Так, в книге Б. А. Успенского, *Принципы структурной типологии* (М., 1962), в качестве такого генератора выступает язык-эталон. Еще более четко, с точки зрения алгоритмической формы, идея типологии через генерацию проведена в работе М. И. Лecomцева, Д. М. Сегал, Т. М. Судник, С. М. Шур, *Опыт построения фонологической типологии близкородственных языков*, — «Славянское языкознание. Доклады советской делегации. V Международный съезд славистов», София, сентябрь, 1963 г. Еще раньше идея типологии, основанной на процессе генераций, была высказана Харрисом (см. S. Z. Harris, *Transfer Grammar*, — IJAL, vol. 20, № 4, 1954).

⁴ См., например, С. E. Bazell, *Linguistic typology*, London, 1958. Обсуждение подхода Базелла см. в работе: Б. А. Успенский, *Проблемы структурной типологии*, М., 1962, стр. 16—17.

Совокупность параметров, на основе которых проводится типологическое сравнение двух объектов, называется базой типологического сравнения. При отсутствии базы (и соответственно при отсутствии общих для сравниваемых объектов параметров) типологическое исследование становится невозможным. В этой связи следует заметить, что практически мы встречаемся с двумя видами баз: истинной базой и псевдобазой. Примером истинной базы могут служить дифференциальные фонологические признаки (точно так же и семантические, если окажется возможным их выделить). Примером псевдобазы могут служить части речи при сравнении, скажем, синтаксических конструкций двух языков. В последнем случае как бы происходит условное приравнивание разнообъемных и различно оформленных классов нетождественных (в свою очередь) единиц. Образование псевдобаз правомерно, но требует осторожности.

Из сказанного вытекает необходимость пристального внимания к истинным базам, т. е. к дифференциальным признакам обоих планов. Поскольку систему признаков можно выбрать, по-видимому, несколькими способами, большее значение приобретает проблема выбора оптимальной в каком-то смысле системы признаков.

Для любых единиц языка встает задача изучения степени их дискретности. Например, в языках Юго-Восточной Азии можно помимо морфем обнаружить аналог европейского слова, которое будет обладать, однако, свойством замыкать (или включать в себя) другие слова, а также вообще будет проявлять черты неустойчивости. Так как типологическое исследование связано в конечном счете с измерением расстояний, то важно знать степень устойчивости тех «точек», между которыми мы оцениваем расстояние.

Можно было бы говорить еще о многих других проблемах структурной типологии. Однако вплотную заняться этими теоретическими вопросами можно будет только после накопления большого эмпирического материала и его обработки, в частности выявления универсалий и импликаций.

ДИАХРОНИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА И ТИПОЛОГИЯ

При данном нами определении типология стала более узкой и «механистичной» дисциплиной (она уже не включает в себя общее языкознание и связана с метрическими свойствами пространства генератора). Но благодаря сужению самого понятия область его применения сильно расширилась, в частности сравнительно-историческое языкознание (в противоположность которому и применялся термин «типология») приобрело различные типологические аспекты.

Процесс сравнительно-исторического исследования можно рассматривать как генерацию праязыковой системы или текста, пользующуюся параметрами особого рода, учитывающую конкретные связи между планом выражения и планом содержания⁵.

По существу и раньше сравнительно-исторические исследования опирались на анализ целых систем или подсистем, но это производилось неосознанно. Структурный подход к компаративистике, во-первых, позволяет строго сформулировать принцип сравнения систем, во-вторых, дает возможность обосновать такие новые методы, как метод внутренней реконструкции, основанный на системном анализе, выявляющем неоднородность системы и выделяющем две системы вместо одной.

Поскольку сравнительно-историческое языкознание рассматривает отношение между системами во времени, существенным оказывается статистический анализ, который позволяет снять шум, накладывающийся на систему при ее передаче. История языка, с точки зрения структурной лингвистики, представляется как цепь преобразований первоначальной системы. Цепи преобразований систем разных языков могут стать предметом типологического сравнения.

Рассмотрение системы языка как автомата с некоторыми основными количественными характеристиками (число элементов в системе, число элементов, составляющих окрестность данного элемента, и т. п.) могло бы позволить переформулировать некоторые принципы теории диахронической эволюции языковой системы с точки зрения теории самоконструирующихся автоматов (в частности, для описания фонологической эволюции существенно рассмотрение элементов, входящих в окрестности данного элемента, сохранение некоторых основных характеристик системы-автомата и т. п.).

В качестве примера можно указать на развитие индоевропейской системы согласных в древнеармянском. При описании этого процесса следует учитывать окрестность каждой фонемы, в которую входят другие фонемы, отстоящие от данной фонемы не более чем на два различительных признака (в окрестность глухой непридыхательной заднеязычной фонемы k входит глухая придыхательная заднеязычная фонема $k' = kh$, отличающаяся от нее по признаку придыхательности,

⁵ Ср. «...родство языков отнюдь не устанавливается на основании таких общих структурных черт, которые могут изменяться коренным образом в течение нескольких столетий и допускают лишь немногочисленные вариации. Только конкретные формы выражения грамматических значений имеют доказательную силу для установления преемственности между общим языком и языком, развившимся из него» (см. А. Мейе, *Сравнительный метод в историческом языкознании*, М., 1954, стр. 28).

спирант *h*, отличающийся от *k* по признаку непрерывности, и т. п.). Все изменения, осуществляющиеся при переходе от индоевропейской системы согласных к древнеармянской, подчиняются принципу, по которому фонема может отобразиться лишь на такую фонему, которая входит в ее окрестности: глухие непридыхательные отображаются на глухие придыхательные (или спиранты) ($p > p'$ или $p > f > h$, $k > k'$ или $k > h$, $t > t'$ и т. п.), соответственно звонкие непридыхательные отображаются на глухие ($d > t$ и т. п.), а древние придыхательные (или спиранты) отображаются на звонкие придыхательные (*bh*, *gh*, *dh*). При этом сохраняется основной параметр всей системы (т. е. всего автомата в целом), определяющей число рядов согласных фонем: трем древним индоевропейским рядам (глухим непридыхательным, звонким непридыхательным и придыхательным) соответствуют три древнеармянских ряда (глухие придыхательные, глухие непридыхательные и звонкие придыхательные). Сохранение этого основного параметра системы и обязательность передвижения не более чем на один или два различительных признака обнаруживаются не только в этом древнеармянском примере, но и во всех других аналогичных процессах передвижения согласных (ср. также «великий сдвиг гласных» в английском и т. п.).

С этой точки зрения, проблема телеологии фонологических изменений, изучавшаяся в структурной лингвистике, начиная с работ Пражской школы⁶, могла бы быть связана с кибернетической теорией таких самоорганизующихся систем, которые вырабатывают «цель» по ходу своего развития (такая «цель» фонологической эволюции в узком смысле слова, специфичная для данного конкретного языка, зависит от общей цели эффективной коммуникации, общей для языка и других коммуникативных систем). И, с другой стороны, данные лингвистической типологии в виде вероятностных импликаций используются для установления степени вероятности реконструируемых систем.

ПРИКЛАДНЫЕ ЗАДАЧИ ТИПОЛОГИИ

Человек, пишущий практическую грамматику конкретного языка, с известной точки зрения может обойтись без типологии. Там, где возникает проблема сравнения языков (например, при преподавании русского языка эскимосским детям), со всей остротой встают проблемы типологии. Как рассказать о русском глаголе с его тремя временами и двумя видами слушателям, в языке которых существует класс язы-

⁶ R. Jakobson, *Efforts toward a means-ends model of language in interwar continental linguistics*, — «Trends in modern linguistics», Spectrum publishers, 1962, pp. 104—108.

ковых единиц, который мы тоже называем глаголом, но который имеет пять времен и свыше одиннадцати видов? Сделать это экономно и быстро можно лишь тогда, когда имеется общий масштаб, общая мерка, иными словами, имеется метаязык, посредством которого можно одними терминами описать эти два разных явления. Следовательно, типология нужна для таких областей практики, как преподавание чужого языка, устный и литературный перевод, машинный перевод, и вообще при любом перекодировании информации.

Язык обслуживает человеческий коллектив в качестве средства коммуникации. В этой связи встают вопросы удобства, экономичности, надежности и т. д. языка данного типа в сравнении с языками других типов. Известно, что все естественные языки более или менее одинаково хорошо служат средством общения в человеческом быту. Но когда речь заходит о специальных языках (язык науки, например), к таким языкам предъявляются повышенные и специфические требования. Так, может быть поставлен вопрос: на какой тип естественного языка должен прежде всего ориентироваться искусственный язык такого рода? В разных условиях человеческого общения на первое место могут выдвигаться различные языковые свойства: экономность для языка машин, избыточность для радистов (как способ борьбы с помехами) и т. д.

Естественные языки, в частности языки народов Востока, типологически отличные от западноевропейских, могут хранить в себе много приемов, ценных при построении искусственных языков всякого рода. Показатели классов, пронизывающие предложение в языках банту и некоторых кавказских языках, могут подсказать инженеру решение, которое позволило бы повысить помехоустойчивость сообщения (идущего, например, к космическому кораблю). Как пример избыточного (и надежного) кодирования в естественных языках можно дать следующее предложение языка сантали (группа мунда)⁷: *Onko do¹ menak² tako³ teko caseta⁴* 'Они¹, имея² [все необходимое] свое³, выращивали рис⁴', где показатель множественного числа — *-ko* (притяжательная форма *tako*), указывающая на субъект действия, как бы пронизывает предложение.

В свое время И. И. Мещанинов назвал подобный синтаксический прием синтетизмом. «Такой синтаксический прием, позволяющий объединение составляющих частей предложения не слиянием слов, а связыванием их при помощи разнообразных служебных частиц, можно в отличие от инкорпорации назвать синтетизмом»⁸.

⁷ Р. О. Boddling, *Santal folk-tales*, vol. II, Oslo, 1927, p. 116.

⁸ И. И. Мещанинов, *Члены предложения и части речи*, М.—Л., 1945, стр. 34.

Многообразное использование небольшого числа аффиксов в ряде малайско-полинезийских языков для указания на значительное число различных категорий может помочь человеку, занимающемуся экономностью кода.

Характерна способность вьетнамского языка не употреблять значительного числа служебных морфем, если этого не требуется для понимания фразы. Любопытно отметить, что во вьетнамских школах учащимся прививается мысль о том, что неупотребление в возможных случаях служебных морфем связано с хорошим стилем.

Примером экономного кодирования могло бы служить также явление, свойственное многим языкам, которое мы проиллюстрируем ниже на примере тагальского языка.

Тагальский глагол обладает довольно развитой системой формообразовательных аффиксов. Наоборот, имя существительное бедно ими и обходится небольшим числом аналитических показателей. Зато большинство глагольных формообразовательных аффиксов выступают как деривационные элементы имени.

Особенно существенна для прикладных целей типология семантических систем естественных языков, по своей структуре в настоящее время существенно отличающихся от логических и машинных языков, с одной стороны, и от сигнализации животных — с другой (причем между семантическими характеристиками двух последних нечеловеческих способов коммуникации обнаруживаются некоторые общие черты). Выявление общих черт человеческих естественных языков в сопоставлении с системами коммуникации животных (пчел, дельфинов, обезьян и т. п.) не только представляет интерес для моделирования возможных систем коммуникации в космосе, но и может оказаться полезным для научной постановки вопроса о происхождении языка (в частности, в свете данных экспериментальной психологии и теории информации особенно важным оказывается соответствие между постоянным числом элементарных единиц плана выражения в естественных языках и числом сигналов в системах коммуникации животных). Сравнение семантики естественных языков с семантикой машинных языков важно для построения более эффективных языков машин (ср. первые опыты в этом направлении, произведенные Г. С. Цейтиным в Вычислительном центре ЛГУ в связи с работой по машинному переводу).

Наконец без данных типологии невозможно будет построение международных языков.

По мере развития новых форм общения, таких, как литературные и научные формы, массовая коммуникация (радио, кино и т. д.), увеличивается роль как коммуникативной функции, так и ряда других (моделирующей, программирующей,

теоретико-игровой, эстетической). Представляет интерес исследование этого вопроса на материале современных языков народов Азии и Африки. Чрезвычайно важной проблемой является проблема смешанных языков и их функций в изменяющихся социальных условиях, проблема адаптации языковых систем. Опыт изучения таких явлений будет необходим при выработке единого языка человечества. Важны также общие зависимости между характером языка (например, единством его системы или наличием многих подсистем) и характером коллектива (язык небольшого коллектива, недифференцированного коллектива, очень большого коллектива, коллектива с развитой иерархией и т. д.).

Целесообразно исследование различных форм языковой коммуникации, их влияние на структуру языка. В современной логике интеллектуальные операции моделируются посредством идеализированных искусственных языков, и по своему типу эти искусственные языки приближаются по ряду черт к таким языкам, как китайский или вьетнамский (крайне аналитическим, с небольшим числом частных категорий). Кроме того, наблюдаются усложнения логических моделей. В связи с этим возникает потребность в таком типологическом сопоставлении языков, в основу которого были бы взяты свойства, могущие быть использованными при логическом моделировании.

В частности, представляло бы интерес выяснение того, насколько разные языки сходны в передаче логических отношений (причем следовало бы различать наличие в инвентаре соответствующих единиц и наличие сложных правил, дающих такое же соответствие функторам или другим логическим единицам).

Взаимопонимание, перевод и сравнение семантических систем разных языков связаны с проблемой языка ситуации. Можно предположить, что на некоторых первых этапах обучения языку элементарные ситуации соотносятся с элементарными высказываниями (хотя элементарность этих последних для лингвистов, в отличие от логиков, неочевидна). Дальнейшие операции строятся чисто синтаксическим путем (моделью чего являются правила вывода в логических исчислениях). Процесс обучения языку можно соответственно представить как состоящий из двух типов, названных выше.

При исследовании связи языка с мышлением существенно то, что языковая программа вырабатывается в раннем детстве и в дальнейшем используется автоматически, тогда как знаковые модели, усвояемые человеком позднее, надстраиваются над языковыми системами.

СТРУКТУРНАЯ ТИПОЛОГИЯ И ЕДИНСТВО ЛИНГВИСТИКИ

Структурную типологию можно рассматривать с разных точек зрения. В настоящем кратком сообщении речь будет идти не столько о структурной типологии самих естественных языков — объектов исследования в лингвистике, сколько о структурной типологии разных областей лингвистики, т. е. разных метаязыков, строящихся для описания различных уровней (и различных сторон) естественных языков-объектов. Разные области лингвистики сейчас далеко разошлись и иногда настолько уже разобщены, что может возникнуть взаимонепонимание у лингвистов, использующих разные метаязыки (например, метаязыки классического сравнительно-исторического языкознания и описаний, рассчитанных на составление алгоритмов машинного перевода). Но такое положение дел едва ли сохранится надолго, потому что вся лингвистика или во всяком случае основные ее области могут быть осмыслены как единое целое. Некоторые предварительные соображения, относящиеся к решению этой задачи, излагаются ниже.

Если пользоваться удобными для общего изложения терминами «план выражения» и «план содержания», то можно было бы сказать, что наибольшие достижения лингвистики первой половины XX в. были связаны с исследованием плана выражения. Первым этапом этого исследования, относящимся в сущности еще к XIX в., было создание универсального фонетического метаязыка, т. е. набора дискретных фонетических единиц, с помощью которых можно описать фонетическую систему любого языка мира. Когда фонология еще только формировалась как самостоятельная научная дисциплина, в фонологических работах на первый план выдвигались различия между фонологией и фонетикой. На нынешнем этапе развития наук о плане выражения больший интерес представляет выявление того общего, что создает непосредственную цепь преемственности от фонетических работ Суита и других классиков фонетики (в том числе и Щербы, если иметь в виду собственно фонетические его труды) к

фонологии Пражской школы. Разумеется, классики фонетики оперировали не с фонемами, а с обобщенными дискретными фонетическими единицами, которые часто соответствовали вариантам фонем в конкретных языках. Но существенно то, что это была лингвистика, оперировавшая с некоторым набором дискретных единиц, служащих для описания непрерывного звукового потока. Необходимость использования такого набора основных фонетических элементов утверждается и в современной лингвистике: в этом отношении показателен доклад Н. Хомского на последнем съезде лингвистов (Кембридж, Массачусеттс, 1962 г.).

Первое интуитивное, часто еще не вполне осознанное (и опирающееся на бессознательные правила классификации звуков центральной нервной системой) представление непрерывного звукового потока в записи, состоящей из последовательности дискретных единиц, лежит в основе первых буквенных алфавитов. Дальнейшим развитием этой записи, придавшим ей большую фонетическую точность, но тем самым лишившим ее фонологической обобщенности, явилась универсальная фонетическая транскрипция, выработанная в классической фонетике. Возврат к первоначальной фонологической интуиции, ориентированной на тот минимальный набор единиц, который, очевидно, обусловлен характеристиками центральной нервной системы человека, был осуществлен в лингвистике первой половины нашего века, в частности, в связи с широко развернувшейся после революции работой по построению алфавитов. Работы того времени нашли обобщение в «Основах фонологии» Н. С. Трубецкого. Этот этап в развитии структурной типологии аналогичен классификации Линнея в ботанике. Благодаря работам Трубецкого и других фонологов этого периода была разработана четкая классификация фонологических систем.

Следующим этапом в области исследования плана выражения явился метод описания фонем по различительным признакам, предложенный Р. Якобсоном и его школой. Был построен такой минимальный метаязык для фонологического описания, который позволил дать описание любой конкретной фонологической системы в терминах 12 различительных признаков (или несколько большего их числа). Чисто количественное сравнение с универсальной фонетической транскрипцией позволяет оценить развитие, сказавшееся, в частности, в минимизации числа элементов метаязыка. Идеи структурного описания плана выражения оказались настолько общими, что вскоре были предприняты попытки сходным образом описать и другие уровни языка, в частности план содержания.

Еще Суит в своей книге «Практическое изучение язы-

ка» заметил, что по отношению к значениям слов следовало бы предпринять такой же анализ, который фонетика его времени давала по отношению к звукам. Однако эта задача в очень малой степени занимала лингвистов XIX и первой половины XX в. Это относится и к классической структурной лингвистике, которая, как и другие течения науки и искусства первой половины нашего века, характеризовалась прежде всего интересом к построению формальных систем и значительно меньшим интересом к их семантической интерпретации. Те отдельные ученые и целые течения, которые в этом или наперекор времени, разделяли судьбу почти всех научных направлений, которые пробуют опередить свое время, не имея на то средств. В частности, это относится ко многим семантическим исследованиям, так или иначе связанным с именем Марра и испытавшим на себе его влияние.

Лишь в настоящее время предприняты систематические усилия построить такие метаязыки для описания плана содержания, которые по своей структуре были бы аналогичны метаязыкам для плана выражения, построенным в фонологии. В качестве примера можно указать на работы, ведущиеся в связи с решением задач машинного перевода Кембриджской математико-лингвистической группой, Миланским центром и Лабораторией машинного перевода 1-го Московского государственного педагогического института иностранных языков. Работы этой последней группы, более ранний этап которых можно обозреть благодаря изданию сборника статей (№ 8 бюллетеня «Машинный перевод и прикладная лингвистика»), в настоящее время все теснее переплетаются с решением задачи синтеза текста при некотором заданном его значении (имеется в виду совместная работа А. К. Жолковского и И. А. Мельчука). Здесь особенно наглядно выступает сходство с фонологическим анализом, т. е. значения конкретных слов русского языка в работе А. К. Жолковского и И. А. Мельчука выступают в качестве комбинаторных вариантов или сочетаний некоторых выделенных ими основных семантических элементов и соотношений между элементами. Набор самих этих элементов, являющийся метаязыком для описания значений, в большой степени пересекается с тем набором значений и категорий, выражаемых в разных языках грамматическими средствами, который давно уже индуктивно выводился в частных грамматиках отдельных языков и в таких книгах по универсальной грамматике, как, например, «Философия грамматики» Есперсена и «Философия символических форм» Кассирера (имеется в виду том I последнего сочинения).

Иначе говоря, те категории (например, каузативности, фактитивности, инхоативности), которые в одних языках вы-

ражаются грамматическими (синтетическими — словоизменительными или словообразовательными — и аналитическими) средствами, в других языках выявляются лишь при анализе структурных соотношений между словами. Поэтому метаязык, который строится для описания семантики одного конкретного языка (русского в работе А. К. Жолковского и И. А. Мельчука), по-видимому, достаточно близок, с одной стороны, к универсальному метаязыку для описания семантики, аналогичному фонологическому метаязыку различительных признаков, с другой стороны, к набору категорий универсальной грамматики. Эта последняя разрабатывалась уже давно, но лишь в самое последнее время стало обнаруживаться, что выявленный универсальной грамматикой набор категорий оказывается пригодным и для описания семантики отдельных слов (а не только грамматических форм). Поэтому почва для построения универсального метаязыка, служащего для описания семантики, оказывается подготовленной. Однако лишь дальнейшие исследования могут показать, в какой мере такой универсальный метаязык способен описать всю абстрактную лексику разных языков мира (для описания конкретных слов, соотносящихся со специфическими реалиями, разумеется, будут требоваться дополнительные элементы, каждый раз вводимые в метаязык с этой целью. Задача построения такого метаязыка (или метаязыков, если окажется, что для разных языков-объектов потребуются разные метаязыки этого типа) в отчетливом виде поставлена лишь в самое недавнее время. Ее решение, по-видимому, может потребовать нескольких десятилетий работы лингвистов и специалистов в области смежных наук (семиотики, логики, экспериментальной психологии, структурной поэтики).

За исключением собственно фонологических и собственно семантических проблем, большинство задач, возникающих в лингвистике, связано одновременно с планом выражения и с планом содержания (т. е. с обоими сторонами языкового знака). В качестве наиболее наглядного примера можно указать на задачи сравнительно-исторического языкознания, которые благодаря их отчетливости легко могут быть формализованы и подвергнуты частичной автоматизации. Поскольку дискретные символы могут быть представлены соответственными машинными символами (числами) в вычислительной машине и могут быть заданы расстояния между ними, вся процедура сравнения слов в принципе может быть автоматизирована. Автоматизация задач сравнительно-исторического языкознания (в особенности в его этимологической части) делается возможной благодаря разработке формализованных метаязыков для записи плана выражения и плана содержания.

В принципе сходные задачи, касающиеся соотношения

обоих планов языка, возникают и при составлении правил машинного перевода с одного уровня языка на другой (при построении алгоритмов автоматического анализа и синтеза) или с одного языка на другой. Задача при анализе состоит в переходе от последовательности единиц плана выражения (чаще всего букв, поскольку в настоящее время речь идет о машинном переводе письменных текстов) к последовательности единиц плана содержания, тогда как при синтезе ставится обратная задача. При переводе алгоритм анализа переводимого текста на одном языке соединяется с алгоритмом синтеза переводящего текста на другом языке посредством установления соответствий между планами содержания обоих текстов, что облегчается при использовании одной и той же семантической записи (языка-посредника). Если при решении задач сравнительно-исторического языкознания установление соответствий в плане содержания служит исходной точкой для поиска соответствий в плане выражения (на которые было ориентировано классическое сравнительно-историческое языкознание), то для машинного перевода (и других связанных с ним задач синхронного описания языка) исследование последовательности единиц плана выражения является лишь средством для обнаружения соответствующей им цепочки единиц плана содержания. Именно поэтому в современной лингвистике, использующей синхронные описания для прикладных целей, центральной становится задача разработки метаязыка для исследования плана содержания.

Но сравнительно-историческое языкознание до сих пор остается моделью точного лингвистического исследования. Независимо от того, какой конкретной областью занимается лингвист, ему следует хорошо знать методы сравнительно-исторического языкознания, обладающего наиболее хорошо разработанной процедурой установления соответствий между языковыми системами. На основании двух или более данных систем компаративистика строит некоторую новую систему (праязык), представляющую собой диахронический метаязык для описания данных сравниваемых систем. Наиболее отчетливо технику сравнительно-исторического языкознания описали Мейе, определивший единицы праязыка как строки в таблице соответствий между родственными языками, и Соссюр, который в заключительном разделе своего «Курса общей лингвистики» говорит, что мы можем только пронумеровать фонемы индоевропейского праязыка. Иначе говоря, каждая единица праязыка задается номером строки в таблице соответствий между родственными языками. Такая формулировка техники реконструкции позволяет автоматизировать не только те начальные этапы сравнения родственных языков, о которых говорилось выше, но и заключительный

этап — реконструкцию праязыка (разумеется, речь идет о формализации и автоматизации аппарата сравнительно-исторического языкознания, но не интерпретирующей его части, требующей привлечения данных других социальных дисциплин). Вместе с тем формальное описание процедуры построения диахронического метаязыка (т. е. праязыка) в компаративистике позволяет установить сходство этой процедуры с процедурами построения метаязыков, используемых для описания естественных языков-объектов.

Точно таким же образом строится наддиалектная модель («cover-all pattern»), используемая в качестве метаязыка для описания фонологических систем отдельных диалектов в структурной диалектологии. Сходным образом на основании сравнения друг с другом конкретных фонетических, фонологических и грамматических систем отдельных языков строились и упоминавшиеся выше метаязыки общей фонетики и общей фонологии, с одной стороны, универсальной грамматики, с другой стороны. Задачи структурной типологии в конечном счете и сводятся к построению таких искусственных систем, с помощью которых могут быть описаны естественные языки-объекты, путем сопоставления которых строятся искусственные метаязыковые системы. Установление соответствий между разными языковыми системами в указанных областях лингвистики производится единообразным способом, что представляет интерес для осознания внутреннего единства лингвистики и для исследования того, как целесообразно осуществлять внедрение в лингвистику точных методов.

Лингвистика всегда была точной наукой в той мере, в какой она включала в себя элементы науки, наряду с которыми в сочинениях многих лингвистов большое место уделялось интерпретации точно установленных фактов, причем интерпретация часто никак не связывалась с реальными точными исследованиями. Лишь в настоящее время можно достаточно четко отделить эту интерпретирующую часть лингвистических сочинений (например, конкретную интерпретацию выводов сравнительно-исторического языкознания, соотносящую их с реалиями) от содержащегося в них формального аппарата, где вполне подготовлена почва для автоматизации и для внедрения математически точных методов. Автоматизации (как это указывалось выше на примере сравнительно-исторического языкознания) предполагает выяснение некоторых исходных принципов, которые в лингвистике очень просты. Построение лингвистических описаний на основе этих простых принципов (что ведет к существенному упрощению сложных описаний) и составляет задачу окончательного превращения лингвистики в точную науку.

ТИПОЛОГИЯ ЯЗЫКОВ КАК УЧЕНИЕ О КЛАССАХ И ТИПАХ ЯЗЫКОВ

Идея типологического изучения языка характеризуется неопределенностью в двух отношениях: неясно, должно ли типологическое изучение языков привести к построению классов языков или к построению типов. Это совершенно различные аспекты проблемы.

Построение классов языков осуществляется посредством операции разбиения некоторого множества языков и пересечения классов разных разбиений.

Допустим, что некоторое множество языков мы разобьем на классы в форме трех разбиений, причем каждое разбиение будет давать по два класса. В основе каждого отдельного разбиения лежит одно основание, по каждому основанию выделяются два признака (табл. 1).

Таблица 1

Основания разбиений	Признаки по данному основанию
Основание разбиения № 1	1 2
Основание разбиения № 2	1 2
Основание разбиения № 3	1 2

Допустим далее, что по крайней мере некоторые классы разных разбиений пересекаются. Операция пересечения реализуется в форме комбинаторных сочетаний признаков трех оснований; она дает восемь непересекающихся классов, выделяемых по комбинации признаков: 111, 211, 121, 221, 112, 212, 122, 222. Мы не будем обсуждать вопрос о достоинствах и недостатках тех оснований разбиений, которые обычно ис-

пользуются. Примем эти основания без критического обсуждения, хотя они и вызывают возражения.

Пусть основанием первого разбиения будет различие между номинативностью и эргативностью. Цифру 1 интерпретируем как номинативность, цифру 2 — как эргативность.

Пусть основанием второго разбиения будет различие между синтетичностью и аналитичностью. Цифру 1 интерпретируем как синтетичность, цифру 2 — как аналитичность.

Пусть основанием третьего разбиения будет различие между флективностью и агглютинативностью. Цифру 1 интерпретируем как флективность, цифру 2 — как агглютинативность (табл. 2).

Таблица 2

Основания разбиений	Признаки по данному основанию
1. Противоположность между номинативностью и эргативностью	1—номинативность 2—эргативность
2. Противоположность между синтетичностью и аналитичностью	1—синтетичность 2—аналитичность
3. Противоположность между флективностью и агглютинативностью	1—флективность 2—агглютинативность

Теперь запишем восемь полученных комбинаций признаков в словесной форме (табл. 3).

Операции разбиения на классы некоторого множества языков и операции пересечения классов разных разбиений могут привести к построению классов отдельных языков. Возможно, что некоторые из полученных классов отдельных языков окажутся пустыми: условию, сформулированному в наборе признаков, не будет удовлетворять ни один язык. Но многие из полученных комбинаций признаков выделяют определение языка, например, признаки 111 выделяют такие языки, как русский, немецкий; признаки 112 выделяют в особый класс тюркские языки и т. д.

Однако лингвисты занимаются не только построением классов отдельных языков (т. е. так называемой классификацией языков), но и изучением типов языков. Что же считать типом языков? Постановка этого вопроса требует рассмотрения оппозиции «язык и его тип». Наличие такой оппозиции предполагает, что если мы охарактеризуем язык

Таблица 3

Цифровая запись	Словесная интерпретация цифровых записей. Языки, обладающие свойствами:
111	номинативности, синтетичности, флективности
211	эргативности, синтетичности, флективности
121	номинативности, аналитичности, флективности
221	эргативности, аналитичности, флективности
112	номинативности, синтетичности, агглютинативности
212	эргативности, синтетичности, агглютинативности
122	номинативности, аналитичности, агглютинативности
222	эргативности, аналитичности, агглютинативности

некоторым числом признаков, то его тип должен характеризоваться меньшим числом признаков. Признаки отдельного языка должны выделять его как отдельный язык из некоторого общего множества языков. Признаки типа отдельного языка должны выделять его из общего множества языков как представителя некоторого подмножества общего множества языков. Таким образом, тип отдельного языка характеризуется набором признаков, общих для некоторого подмножества общего множества языков. Есть, следовательно, классы, или подмножества общего множества языков, и есть типы языков. Тип отдельных языков представляет собою набор их общих свойств. Класс отдельных языков есть подмножество общего множества языков, характеризующееся данным набором свойств, общих для всех отдельных языков.

Тип языков задает класс отдельных языков. Тип языков — это то, что позволяет выделить из общего множества отдельных языков некоторое его подмножество, которому удовлетворяют строго определенные языки. Выше мы получили восемь классов отдельных языков. Для каждого класса отдельных языков характерен свой тип языка. Данный состав свойств языков есть тип языков, данный состав отдельных

языков, обладающих указанным составом свойств, есть класс языков. То, что со стороны состава свойств языков есть тип языков, то со стороны носителей этих свойств есть класс отдельных языков. Изучать типы отдельных языков — значит устанавливать комбинации свойств, по которым выделяются отдельные подмножества общего множества отдельных языков. Строить классы отдельных языков — значит создавать подмножества общего множества отдельных языков — подмножества, которые удовлетворяли бы данному типу языков, т. е. данному набору некоторых свойств. Построенным выше восьми классам языков соответствует восемь типов языков, каждый из которых характеризуется неповторимой комбинацией соответствующих признаков.

Необходимо различать разные ранги классов и типов языков. Классы, членами которых являются отдельные языки, назовем первичными классами, или классами первого ранга, а соответствующие им типы — первичными типами языков, или типами первого ранга.

Классы, членами которых являются первичные классы, назовем классами второго ранга, а соответствующие им типы языков — типами второго ранга и т. д.

Могут быть построены не только классы отдельных языков, но и классы классов отдельных языков.

Классы первичных классов отдельных языков устанавливаются путем уменьшения числа оснований разбиения общего множества языков. Существуют следующие три возможности разбиения на классы второго ранга классов первого ранга, полученных нами ранее:

- 1) по сочетанию признаков первого и второго разбиений при исключении признаков третьего разбиения;
- 2) по сочетанию признаков второго и третьего разбиения при исключении признаков первого разбиения;
- 3) по сочетанию признаков первого и третьего разбиений при исключении признаков второго разбиения.

Произведем разбиение полученных нами восьми первичных классов по сочетанию признаков первого и второго разбиений при исключении признаков третьего разбиения. Тогда мы получим следующие четыре класса второго ранга, членами которых являются первичные классы отдельных языков (табл. 4).

Мы получили некоторые классы первичных классов языков, т. е. классы второго ранга. Они характеризуются различиями и комбинациями признаков номинативности-эргативности и синтетичности-аналитичности. Разные комбинации этих свойств и образуют разные типы языков. Первый тип языков характеризуется наличием признаков 110, второй — наличием признаков 210, третий — 120, четвертый — 220.

Таблица 4

Классы второго ранга, обладающие признаками	Первичные классы языков, обладающие признаками
110—номинативности, синтетичности	111—номинативности, синтетичности, флективности 112—номинативности, синтетичности, агглютинативности
210—эргативности, синтетичности	211—эргативности, синтетичности, флективности 212—эргативности, синтетичности, агглютинативности
120—номинативности, аналитичности	121—номинативности, аналитичности, флективности 122—номинативности, аналитичности, агглютинативности
220—эргативности, аналитичности	221—эргативности, аналитичности, флективности 222—эргативности, аналитичности, агглютинативности

Названные в таблице комбинации признаков являются константными свойствами соответствующих типов языков. Признаки флективности-агглютинативности являются переменными элементами и не входят в состав признаков, характеризующих константные свойства выделенных типов языков. Каждому выделенному типу языков соответствует класс второго ранга, членами которого являются соответствующие первичные классы отдельных языков.

Можно построить типы языков по признакам второго и третьего оснований при исключении признаков первого основания. Тогда мы получим следующие четыре класса первичных классов языков (табл. 5).

Мы получили новые классы первичных классов языков, т. е. новые классы второго ранга; они характеризуются различиями в комбинациях признаков синтетичности-аналитичности и флективности-агглютинативности. Разные комбинации этих свойств и выделяют разные типы языков. Первый тип языков характеризуется наличием признаков 011, вто-

Таблица 5

Классы второго ранга, обладающие признаками	Первичные классы языков, обладающие признаками
011—синтетичности флективности	111—номинативности, синтетичности, флективности 211—эргативности, синтетичности, флективности
021—аналитичности, флективности	121—номинативности, аналитичности, флективности 221—эргативности, аналитичности, флективности
012—синтетичности, агглютинативности	112—номинативности, синтетичности, агглютинативности 212—эргативности, синтетичности, агглютинативности
022—аналитичности, агглютинативности	122—номинативности, аналитичности, агглютинативности 222—эргативности, аналитичности, агглютинативности

рой — наличием признаков 021, третий — наличием признаков 012, четвертый — наличием признаков 022.

Названные здесь комбинации признаков являются константными свойствами соответствующих типов языков. Признаки номинативности-эргативности являются переменными элементами и не входят в состав признаков, характеризующих константные свойства выделенных типов языков. Каждому выделенному типу языков соответствует класс второго ранга, членами которого являются соответствующие первичные классы отдельных языков.

Можно построить типы языков по признакам первого и третьего оснований при исключении признаков второго основания. Тогда мы получим следующие четыре класса первичных классов языков (табл. 6).

Мы получили некоторые новые классы первичных классов языков, т. е. новые классы второго ранга. Они характери-

Таблица 6

Классы второго ранга, обладающие признаками	Первичные классы языков, обладающие признаками
101—номинативности, флективности	111—номинативности, синтетичности, флективности 121—номинативности, аналитичности, флективности
201—эргативности, флективности	211—эргативности, синтетичности, флективности 221—эргативности, аналитичности, флективности
102—номинативности, агглютинативности	112—номинативности, синтетичности, агглютинативности 122—номинативности, аналитичности, агглютинативности
202—эргативности, агглютинативности	212—эргативности, синтетичности, агглютинативности 222—эргативности, аналитичности, агглютинативности

зуются различиями в комбинациях признаков номинативности-эргативности, флективности-агглютинативности. Разные комбинации перечисленных свойств и выделяют разные типы языков. Первый тип языков характеризуется наличием признаков 101, второй — наличием признаков 201, третий — наличием признаков 102, четвертый — наличием признаков 202.

Указанные здесь комбинации признаков являются константными свойствами соответствующих типов языков. Признаки синтетичности-аналитичности являются переменными элементами и не входят в состав признаков, характеризующих константные свойства выделенных типов языков. Каждому выделенному типу языков соответствует класс второго ранга, членами которого являются соответствующие первичные классы отдельных языков.

Одним из важнейших вопросов является подбор и формулировка оснований разбиений. Используемые нами основания разбиений отличаются неопределенностью в ряде отноше-

ний. Если в данном языке формы глагола и формы имени имеют флективный характер, то он не может быть аналитическим. Если язык является флективным и аналитическим, то это означает отсутствие флективности в именах и наличие флективности в глаголах, как в болгарском языке.

Комбинация эргативности и аналитичности, по-видимому, должна задавать пустой класс, так как язык, чтобы быть эргативным, должен иметь падежные формы, а чтобы быть аналитическим, он должен не иметь их.

Из этого следует вывод, что использованные нами основания разбиения языков фактически не относятся ко всему грамматическому строю языка в целом. В принципе они не пригодны для решения поставленной задачи, т. е. для построения типологии языков. Характеристика оснований и выбор их для разбиения отдельных языков на классы зависит от характера грамматической теории. Для того чтобы эффективно обсудить эти вопросы, необходимо формулировать основные положения грамматической теории.

Итак, содержанием типологии языков является построение классов отдельных языков, классов их классов и установление типов языков, которые задают классы отдельных языков разных рангов.

В лингвистической литературе нередко приходится встречаться с постановкой вопроса о типологическом изучении отдельного языка. В чем заключается сущность самой проблемы типологического изучения языка? Нам представляется, что в этой области научных исследований необходимо различать по крайней мере три аспекта.

Во-первых, существует вопрос об отнесении данного отдельного языка к данному классу языков. Но такой вопрос возникает постольку, поскольку данный язык не вошел в общее множество языков, которые подвергались разбиениям. В противном случае его место в общем множестве языков уже определено и задача его отнесения к классу разрешена.

Во-вторых, существует вопрос о характеристике типа данного языка. Но и этот вопрос возникает только в случае, если свойства данного языка не были учтены в построении типов общего множества языков. В противном случае тип данного языка должен быть определен при построении типов общего множества языков.

В-третьих, существует вопрос совершенствования построенных классов языков и соответствующих им типов языков. В таком случае типологическое изучение отдельного языка имеет целью углубление знаний об отдельном языке с целью углубления наших знаний типов и классов всего множества языков, которое окружает нас. Вопрос о типологическом изучении отдельного языка вне связи со свойствами других язы-

ков не обладает свойством осмысленности и не существует для науки.

В лингвистической литературе поставлен вопрос о синтезе типологических и сравнительно-исторических исследований, об использовании типологических знаний о языках для построения истории родственных языков. Однако этот вопрос требует отдельного обсуждения ввиду его особой сложности.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕЧАНИЯ К ПРОБЛЕМЕ ТИПОЛОГИЧЕСКОЙ КЛАССИФИКАЦИИ ЯЗЫКОВ

1. Прежде всего необходимо поставить вопрос о тех задачах, практических и теоретических, которые призвана решать типология языков. Выяснение этого не такое уж простое дело, ибо с тех пор как начались первые типологические исследования, представления об их назначении, возможностях и методах не только существенно изменились, но и, главное, сильно разошлись у представителей разных школ в языкознании.

Так, например, по мнению представителей современных структуральных направлений, необходимость в типологическом исследовании появляется потому, что «...исчерпывающее описание данного языка в целом как некоего инварианта не позволяет ограничиться исследованием этого языка только внутри», а, наоборот, предполагает сопоставление с рядом вне его находящихся систем¹. Заданное таким образом типологическое сравнение оказывается по сути дела универсальным и должно охватить все другие виды сопоставлений — ареальное и генетическое². Основными единицами такого типологического сравнения являются системы; поэтому построение системных «моделей» языка — необходимая предпосылка типологических исследований³. Иначе говоря, «модели» являются материалом типологического сравнения. Сравнение системных моделей может быть проведено вне времени и пространства⁴. Возможность самого сравнения моде-

¹ См.: М. И. Бурлакова, Т. М. Николаева, Д. М. Сегал, В. Н. Топоров, *Структурная типология и славянское языкознание*, — сб. «Структурно-типологические исследования», М., 1962 (далее — *Структурная типология*), стр. 3; Б. А. Успенский, *Принципы структурной типологии*, М., 1962, стр. 10, 12—13, 17—19 (далее — *Принципы...*).

² *Структурная типология...*, стр. 3—5.

³ См. там же, стр. 7, 8, 9; *Принципы...*, стр. 11—12; ср. Р. Якобсон, *Типологические исследования и их вклад в сравнительно-историческое языкознание*, — сб. «Новое в лингвистике», вып. III, М., 1963, стр. 97—98 (далее — *Типологические исследования...*).

⁴ См. *Структурная типология*, стр. 5, 7, 9; ср. *Типологические исследования...*, стр. 97.

лей обосновывается, во-первых, одинаковостью вопросной процедуры, во-вторых, одинаковостью употребления лингвистической терминологии и соответствующих ей процедур анализа и описания, в-третьих, одинаковостью субстрата — это во всех случаях окружающая действительность (?), — в-четвертых, одинаковостью прагматической направленности (очевидно, и языка, и исследования его) ⁵. Продуктом типологического сравнения должно быть знание «...правил импликации тех или иных элементов, отражающих детерминированность в строении системы и вероятностный характер импликаций» ⁶. Подобный продукт приближает нас к «созданию универсальной грамматики» ⁷. Уже в дополнении (чисто механическое) к проведенному таким образом анализу вводятся определения того, «...какую нагрузку несет каждый уровень данного языка или разные элементы и правила сочетания их внутри одного уровня в сегментации неязыковой действительности» ⁸.

Диахроническая типология систем строится после и в каком-то смысле независимо от ахронической, но обязательно на основе тех же процедур анализа. Главная ее задача — показать, как происходит переход во времени от одной системы к другой; при этом для каждого языка надо построить возможно более длинную цепочку преобразований системы, а затем, установив принципы диахронической импликации, вывести вероятные типы преобразования языковых систем во времени ⁹. Наконец, параллельно проводимому таким образом сопоставлению частных моделей, ставится вопрос о построении общих моделей конкретных языков, учитывающих все уровни языковой системы и переходы между ними ¹⁰.

Совершенно иную позицию в оценке задач и методов типологической классификации языков занимал Н. Я. Марр и его ученики. Для них главным было установление единого процесса языкового развития. Типологическая классификация рассматривалась ими в контексте общей задачи генетического исследования всех существующих языков; они понимали, что анализ языков по отдельности и «перекидывание» из одного в другой законов развития, установленных на материале какого-то одного языка, не может выявить единства языкового

⁵ См. *Структурная типология...*, стр. 8; ср.: *Принципы...*, стр. 7, 15—19; *Типологические исследования...*, стр. 95—96.

⁶ См. *Структурная типология...*, стр. 10; ср.: *Принципы...*, стр. 14—15; *Типологические исследования...*, стр. 99—102.

⁷ См. *Структурная типология...*, стр. 10; *Принципы...*, стр. 5, 6, 7.

⁸ *Структурная типология...*, стр. 10.

⁹ См. там же, стр. 10—11, 18; *Принципы...*, стр. 8; *Типологические исследования...*, стр. 104.

¹⁰ *Структурная типология*, стр. 17—18.

процесса и его закономерностей¹¹. Отсюда необходимость в особой генетической группировке всего языкового материала¹²; вне учета «времени» и «пространства» она бессмысленна. Более того, построение действительной типологической классификации предполагает учет даже не столько времени и пространства, сколько реальных взаимодействий языков и реальных механизмов их развития, неизбежно «погруженных» во всю массу социальных человеческих отношений¹³. Поэтому хронологическая типология замещается собственно исторической¹⁴. Отсюда же выход за пределы традиционного объекта лингвистики и тезис, что язык невозможно рассматривать как таковой вне связи с мышлением и всеми разнообразными процессами коммуникации¹⁵. Вместе с тем сама типологическая классификация языков выступает не как завершающий этап описания их, а скорее как его исходный пункт и даже предпосылка: весь дальнейший формальный анализ должен исходить из определенных генетических гипотез, должен строиться на них¹⁶. И это обстоятельство существенным образом меняет как сам этот анализ, так и общее представление о языке. Первостепенное значение приобретают изменение семантики слов и преобразование механизмов этого изменения, на передний план выдвигается проблема происхождения различных синтаксических и морфологических категорий, в конечном счете — речи и языка вообще¹⁷. Но это означает, что к различным системам и ста-

¹¹ См. И. И. Мещанинов, *Проблема классификации языков в свете нового учения о языке*, Л., 1935, стр. 5—7, 14, 20, 28, 43, 46—47, 61—62 (далее — *Проблема классификации...*); см. также работы Н. Я. Марра: *Чем живет яфетическое языкознание*, — *Избранные работы*, т. 1, Л., 1933, стр. 158—185; *Основные достижения яфетической теории*, — там же, стр. 197—216; *Яфетическая теория*, — *Избранные работы*, т. 2, Л., 1936, стр. 3—126; *О слоях различных типологических эпох в языках прометейской системы*, — там же, стр. 224—233; *Об яфетической теории*, — *Избранные работы*, т. 3, М.—Л., 1934, стр. 1—34.

¹² См. *Проблема классификации...*, стр. 6, 10, 11—13, 29—32, 49.

¹³ Там же, стр. 3—5, 11—16, 20, 35, 45—47; см. также работы Н. Я. Марра: *Яфетическая теория*, стр. 3—126; *Лингвистически намечаемые эпохи развития человечества и их увязка с историей материальной культуры*, — *Избранные работы*, т. 3, стр. 35—60; *О числительных*, — там же, стр. 246—306.

¹⁴ *Проблема классификации...*, стр. 11—13, 20, 27, 28—35, 45, 48, 57—60.

¹⁵ Там же, стр. 11—16, 28, 38—39, 45—47, 51—52, 62—63, 65; см. также работы Н. Я. Марра: *Сдвиги в технике языка и мышления*, — *Избранные работы*, т. 2, стр. 427—443; *Язык и мышление*, — там же, т. 3, стр. 90—122.

¹⁶ См. *Проблема классификации...*, стр. 8—13.

¹⁷ См. *Проблема классификации...*, стр. 13—16, 26—28, 46, 49—51; см. также работы Н. Я. Марра: *К происхождению языков*, — *Избранные работы*, т. 1, стр. 200—217; *О происхождении языка*, — там же, т. 2, стр. 179—209; *К семантической палеонтологии в языках неяфетических систем*, — там же, стр. 246—288; *Язык и мышление*, — там же, т. 3, стр. 90—122; см. работы И. И. Мещанинова: *Члены предложения и части речи*, М., 1945; *Глагол*, М.—Л., 1948.

диям в развитии языка не могут применяться ни общая лингвистическая терминология, ни общие процедуры расчленения¹⁸. Более того, если и не отвергается, то во всяком случае отходит на задний план членение языка по «уровням» (или «ярусам»); в связи с этим, естественно, не ставится задача объединения частных представлений языка по уровням в единой модели: уровни должны появиться как результат развертывания единой в исходном пункте лингвистической модели. При этом первым и основным предметом изучения становятся функции различных языковых форм¹⁹. Конечным продуктом исследований, построенных на генетической группировке языков, должна быть общая картина стадийальных смен и системного многообразия «техники» (или «технологии») мышления и оформляющего его языка²⁰.

Сопоставление этих двух точек зрения на задачи и методы типологической классификации языков показывает, что они не сходятся фактически ни в одном пункте, и, более того, становится ясным, что их расхождения обуславливаются в конечном счете принципиально различным пониманием еще более глубоких вещей — с одной стороны, «языка» как предмета исследования, а с другой — категорий «история» и «развитие» в их научно-теоретических функциях.

Охарактеризованные концепции являются, на наш взгляд (по соображениям, которые мы излагаем ниже), полярными; все остальные колеблются между ними. Но даже если это не так, само различие этих двух направлений достаточно характеризует степень существующего расхождения в понимании задач, возможностей и методов типологических исследований. Учитывая его, не так-то просто ответить на вопрос, в чем же «действительное» назначение типологических исследований; и даже более того, сама постановка такого вопроса была бы, наверное, некорректной: скорее нужно спрашивать о том, как относятся друг к другу эти разные постановки задач и связанные с ними методы типологической работы.

Не раз указывая на значительное расхождение направлений типологической работы²¹, лингвисты тем не менее не ста-

¹⁸ Проблема классификации..., стр. 27, 29—34, 36—37, 50, 55.

¹⁹ См.: Проблема классификации..., стр. 53—55; Н. Я. Марр, *Язык и мышление*, — Избранные работы, т. 3, стр. 115 и сл.

²⁰ См.: Проблема классификации..., стр. 14, 35, 38—39, 62—69; Н. Я. Марр, *Сдвиги в технике языка и мышления*, — Избранные работы, т. 2, стр. 427—443; *Язык и мышление*, — там же, т. 3, стр. 103, 106, 117, 121 и др.

²¹ В. Скаличка, *О современном состоянии типологии*, — сб. «Новое в лингвистике», вып. III, М., 1963, стр. 19; Э. Бенвенист, *Классификация языков*, — там же, стр. 36—45, 50—59; Дж. Гринберг, *Квантитативный подход к морфологической типологии языков*, — там же, стр. 62—78.

вили вопрос таким образом и все пытались выяснить, какое же направление исследования и какие методы работы являются «действительно правильными». Распространение подобной, наивнодогматической точки зрения можно объяснить, на наш взгляд, беззаботностью современных лингвистов в отношении логических и методологических оснований их исследовательской работы. А она в свою очередь подкрепляется отсутствием достаточно серьезных логических описаний строения науки. Не имея точки зрения на научную дисциплину в целом и на конституирующую ее иерархию задач, естественно, очень трудно и даже рискованно ставить вопрос об отношении друг к другу разных направлений исследования, возникающих в разное время и в связи с разными практическими и теоретическими задачами²²; таков уж «закон» научных публикаций: права «гражданства» и широкое признание получают лишь те вопросы, на которые мы умеем отвечать. Поэтому совершенно естественная и даже необходимо **вытекающая из сложившегося** положения дел задача: выяснить отношение друг к другу разных линий типологического исследования — фактически так нигде и не была поставлена и никогда всерьез не решалась.

2. Два пути возможны в решении ее. Первый опирается на анализ истории языкознания; он может установить задачи и методы типологических исследований на разных этапах развития науки, фиксировать переходы одной проблематики в другую, возникновение новых методов и новых задач в ходе реального движения науки. Второй путь предполагает разработку специального логико-методологического аппарата понятий; он основывается на анализе закономерностей самого познания, его средств и механизмов, его «углубления» в объекты такого типа, каким является речь. Первый путь — эмпирический, описательный: он фиксирует то, что было, и никогда не может дать ответ на вопрос, как должно быть. Второй путь, напротив, — обязательно теоретический, дедуктивный; он устанавливает необходимые стороны познавательного движения, отвечает на вопрос, как должно быть, но вместе с тем неизбежно содержит все недостатки общих теоретико-дедуктивных построений.

²² Ср. это с замечаниями В. Скалички: «Типология является одним из самых древних и вместе с тем наименее разработанных разделов языкознания. Преимущество отдельных трудов как в прошлом, так и в настоящее время весьма относительна, вследствие чего нелегко дать общий обзор современного состояния типологии. Кроме того, не вполне ясно — даже самим типологам, — что именно является предметом типологии» (В. Скаличка, *О современном состоянии типологии*, стр. 19). По сути дела В. Скаличка признает, что не знает научного метода, с помощью которого можно было бы реконструировать историю типологических исследований, построить общий для всех них предмет изучения и таким образом закономерно связать их друг с другом.

Параллельное применение и согласование этих двух путей анализа даст нам наилучший результат; это будет вместе с тем научная история языкознания²³.

В этом сообщении мы сможем остановиться только на самых общих принципах и выводах второго, логико-методологического пути анализа.

3. Итак, проблема типологической классификации языков должна быть рассмотрена с точки зрения закономерностей и механизмов процесса познания объектов такого типа, каким является речь, или (что является иным аспектом того же подхода) с точки зрения логического строения науки о языке. При этом сразу же выделяется по меньшей мере шесть групп логико-методологических проблем, во многом независимых друг от друга. Они будут относиться: 1) к общей логической теории группировок объектов и классификаций; 2) к общей логической теории слоев научного знания и соответственно слоев предмета знания; 3) к логической теории построения генетических и функциональных теорий любых объектов; 4) к логической теории методов анализа и описания «множественных» функционально-структурных объектов такого типа, каким является речь; 5) к методологической теории специфических приемов и способов описания актов речи в системах языка; 6) к методологическому знанию о соотношении между описаниями единичных языков и теорией языка вообще. С логико-методологической стороны проблема типологии языков представляет собой пересечение, узел всех этих проблем; их нужно разделить, рассмотреть в абстрактном плане по отдельности, а затем взять в связи и во взаимозависимости друг от друга.

4. Начнем с проблемы группировок и классификаций. Предположим, что нам задано выделенное каким-то образом и объединяемое в одно целое множество объектов (так называемое «множественное» целое). Каждый из этих объектов индивидуален и может быть индивидуализирован по каким-то признакам. Вместе с тем среди них могут быть выделены такие группы объектов, которые будут одинаковыми (или, точнее, неразличимыми) с точки зрения определенной деятельности — познания или практического употребления. Тогда при изучении объектов с этих общих для них сторон можно будет замещать группы объектов одним объ-

²³ Подробнее об этом см.: М. К. Мамардашвили, *Некоторые вопросы исследования истории философии как истории познания*, — «Вопросы философии», 1959, № 12; Г. П. Щедровицкий, В. Н. Садовский, *К характеристике основных направлений исследования знака в логике, психологии и языкознании, Сообщение II*, — «Новые исследования, в педагогических науках», вып. 4, М., 1965.

ектом из их числа. Благодаря этому он выступит уже не просто как единичный объект, а как образец или модель всех объектов группы. Функциональное назначение этого объекта в контексте познавательной деятельности, его отношение ко всем другим объектам группы определяет и задает те свойства, в которых он может рассматриваться как представитель группы. Происходит (фактически объективно, но пока в скрытом виде) разделение свойств, специфических для этого объекта как модели других объектов, и всех остальных его свойств — частных и индивидуальных.

Свойства, выделяемые в этом объекте, фиксируются в различных знаковых формах. Схематически это можно представить так:

$$X_0 \Delta_1 \Delta_2 \dots \uparrow (A) (B) \dots$$

где X_0 — рассматриваемый объект, $\Delta_1 \Delta_2 \dots$ — познавательные операции, посредством которых выделяются различные свойства А, В и т. д., а знаки (А) (В)... изображают те знаковые формы знаний, в которых эти выделенные свойства фиксируются, выражаются.

Среди свойств, обнаруженных в объекте X_0 , будут такие, которые специфичны для него как для модели, т. е. будут принадлежать всем объектам группы. Из этого следует, что, выделив в объекте X_0 свойства, специфичные для него как модели и зафиксировав их в знаковой форме, скажем (А), мы можем затем переносить эту форму на все другие объекты группы и таким образом приписывать им соответствующее свойство. Схематически это можно изобразить так:

$$\overline{\text{---}} \text{(A)} \uparrow \\ \downarrow X_i = X_0 \Delta \uparrow$$

где X_i — любой переменный объект группы, а знак = изображает отождествление его с моделью X_0 .

Мы начинали наше рассуждение с предположения, что существует группа одинаковых объектов и X_0 выделяется как их модель. Но теперь рассуждение можно перевернуть: можно считать, что если в каком-то произвольно взятом объекте выделено какое-то свойство (А), то всегда будет существовать некоторая группа объектов, обладающих этим же свойством, и для всех них объект X_0 будет выступать в качестве модели (по этому свойству). Из этого следует, что любая знаковая форма (исключая «собственные имена») уже одним своим существованием выделяет определенную группу объектов, задает ей в своем лице особую скрытую «жизнь»²⁴.

²⁴ Подробнее об этом см. Г. П. Щедровицкий, *О строении атрибутивного знания*, — «Доклады АПН РСФСР», 1958, № 1, 4; 1959, № 1, 2, 4; 1960, № 6.

Благодаря тому что в объекте X_0 выделены определенные свойства, фиксируемые в знаковой форме (A) , и благодаря тому что он выступает как носитель и олицетворение этих свойств, он приобретает еще дополнительную функцию — быть эталоном этих свойств. Сами же свойства A , поскольку они зафиксированы в знаковой форме (A) и олицетворяются в объекте X_0 , выступают в качестве особого (как говорят, идеального) предмета; реально этот предмет существует в связи с замещением вида²⁵:

$$\downarrow (A) \uparrow \\ \downarrow X_0 \Delta \uparrow$$

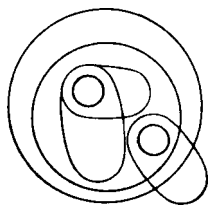
В результате описанного процесса все множество первоначально никак не организованных объектов оказывается разбитым на ряд сфер или классов; каждый класс представлен своим эталоном и своей знаковой формой. Важно подчеркнуть, что это расчленение и эта организация объектов в классы не имеет ничего общего с реальным пространственно-временным расчленением и организацией самих объектов; все это происходит в иной плоскости благодаря тому, что ряд разных объектов реального множества замещается одним объектом-эталонем и фиксирующей его знаковой формой.

В исходном пункте рассуждения мы предполагали, что группировка «одинаковых» объектов производится практической деятельностью, ее реально осуществляющимися актами; лишь затем начинается познание этих объектов и выделяется то свойство, которое было существенно для практической деятельности и по которому все они были объединены. Так происходит вначале. Но в дальнейшем, когда выделяются эталоны и возникают «предметы», фиксируемые в знаках, механизм познания как бы «перевертывается»: теперь уже не практическая деятельность и задаваемая ею неразличимость объектов определяют границы групп, а наоборот: все множество объектов, входящих в класс, оказывается уже заданным каким-либо свойством, и необходимо выяснять, какие еще свойства являются общими для всех них. Эта задача точно так же решается путем изучения некоторых объектов из группы, и они при этом выступают в качестве моделей других. Но здесь, очевидно, может быть взят отнюдь не всякий объект из первоначально заданной группы, а лишь некоторые, которые нужно специально находить и выбирать. Во многих случаях дело не заканчивается одним выбором из уже существующих объектов и при-

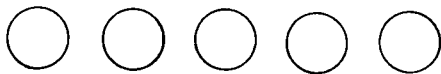
²⁵ Г. П. Щедровицкий, *Проблемы методологии системного исследования*, М., 1964, стр. 14—19.

ходится необходимую модель строить. Таким образом, характер и набор свойств, фиксируемых в эталоне (и предмете), задается не «природой» выбранного единичного объекта, а прежде всего объемом той группировки объектов, которую мы хотим рассматривать как одно целое, как один класс. С появлением этой установки возникает и собственно теоретическое отношение к объектам.

В зависимости от задач — сначала трудовой деятельности, а затем и познания — будут меняться эталоны, фиксирующие их знаковые формы, и соответственно разбивка всего множества объектов на классы. Общее число их непрерывно растет. Если спроецировать эти классы на «поле» самих объектов, то мы увидим, что границы их пересекаются: одни и те же объекты оказываются членами различных и многих классов; на схеме это будет выглядеть так:

Вместе с тем «классы», как мы уже говорили, имеют второе, специфическое для них существование в виде эталонов и фиксирующих их знаковых форм. В этом «поле» классы будут выступать в виде набора независимых друг от друга и никак не пересекающихся единиц. Схематически их можно будет представлять только в виде ряда отграниченных друг от друга образований:

Уже из этого простого примера видно, что «поле» объектов и «поле» эталонов, представляющих классы, несмотря на то что второе «отражает» первое, живут, если можно так выразиться, по-разному. Но здесь мы переходим уже в область другой группы проблем — анализа слоев знания. Именно к ней надо теперь обратиться, чтобы понять дальнейшую судьбу группировок объектов, классов и условия появления классификаций.

5. Если исходное множество объектов является не просто кучей отдельных единичностей, а определенным «множествен-

ным» целым, включающим также связи между выделенными объектами, то представление его в качестве набора несвязанных между собой эталонов и фиксирующих их знаковых форм будет, очевидно, неадекватным задаче описания этого множества именно как целого. Чтобы воспроизвести в знании целостность исходного множества объектов, нужно установить связи между всеми созданными для их описания эталонами и соответственно фиксирующими их знаковыми формами, представить то и другое в виде структур и систем²⁶.

При этом складывается очень непростая ситуация. Связи, устанавливаемые в «поле» эталонов и знаковых форм, как правило, не могут быть тождественны тем связям, которые существуют между единичными объектами или их реальными пространственно-временными группами²⁷. Это совсем другие связи, которые не повторяют связи объектов, а замещают их в специально создаваемых для этой цели оперативных системах. Но чтобы установить (и даже, скажем, сконструировать) эти связи, нужно особым образом сопоставить между собой эталоны или знаковые формы, и эти процедуры сопоставления будут, с одной стороны, выявлять новое содержание, которое мы не могли выявить непосредственно на объектах, а с другой — организовывать эталоны и знаковые формы в те или иные системы.

Благодаря деятельности сопоставления эталонов (или знаковых форм) складывается второй слой знания (или теории) и соответственно становится двуслойным предмет изучения. Действительно, содержание, выявленное в результате сопоставления эталонов и знаковых форм, фиксируется в новых знаковых формах, которые в качестве третьей плоскости надстраиваются над уже существующими рядами замещений объектов (первая плоскость) знаковыми формами (вторая плоскость); первая и вторая плоскости вместе образуют первый слой, вторая и третья вместе — второй слой знания; образования, являющиеся знаковой формой для первого слоя, становятся объектами деятельности для второго. Знаковые формы третьей плоскости, так же как и знаковые формы второй плоскости, относятся непосредственно к объектам; последним, таким образом, приписывается содержание, выявленное при сопоставлении

²⁶ См.: В. Н. Садовский, *К вопросу о методологических принципах исследования предметов, представляющих собой системы*, — сб. «Проблемы методологии и логики наук», Томск, 1962; Г. П. Щедровицкий, *Проблемы методологии системного исследования*, стр. 19—45.

²⁷ См. Г. П. Щедровицкий, *О принципах классификации наиболее абстрактных направлений методологии структурно-системных исследований*, — «Проблемы исследования структур и систем», М., 1965.

эталонов и знаковых форм второй плоскости; вместе с тем ни объекты, ни сама деятельность второго слоя не могут быть «спущены» в первый, и, следовательно, все это трехплоскостное образование никак не может быть превращено в двухплоскостное; поэтому и предмет знания по необходимости должен оставаться двуслойным. Схематически сложившуюся структуру можно изобразить так:

$$X_i \Delta_1 \uparrow (A), Y_j \Delta_2 \uparrow (B), Z_k \Delta_3 \uparrow (C) \quad \{(A)(B)(C)\dots\} \Delta' \uparrow (\alpha)(\beta)\dots \downarrow S_{XYZ\dots}$$

где X_i Y_j Z_k — объекты, лежащие в первой плоскости; (A) (B) (C) — знаковые формы, лежащие во второй плоскости; Δ_1 Δ_2 Δ_3 — сопоставления в первой плоскости; Δ' — сопоставления во второй плоскости; (α) (β) ... — знаковые формы, фиксирующие связи; они лежат в третьей плоскости; $S_{XYZ\dots}$ — целое, которому приписывается содержание, выявленное во втором слое знания.

Общий тезис, важнейший для нас: любая наука (и в том числе языкознание) является многослойным образованием, а вместе с тем является многослойным и предмет ее изучения (например, язык); этот факт является кардинальным для логико-методологического анализа науки; другие аспекты анализа зависят от него ²⁸.

6. В предшествующем пункте мы фактически уже произвели различие группировок объектов и классификаций. Выделяя новое содержание во втором слое знания, мы сопоставляем знаковые формы и ходом этого сопоставления организуем их в системы. Способы сопоставления и систематизации могут быть различными, и в зависимости от этого мы будем выявлять в объекте то или иное содержание. Например, чтобы выявить эмпирические зависимости между сторонами какого-либо объекта, нужно произвести сопоставление, отличное от того, какое необходимо для того, чтобы выявить абстрактные связи между этими же сторонами ²⁹. Точно так же, чтобы выявить связи, называемые развитием, нужно произвести иное сопоставление, чем в том случае, когда мы выявляем структурные связи или связи функционирования объекта ³⁰.

²⁸ Ср. Г. П. Щедровицкий, В. Н. Садовский, *К характеристике основных направлений исследования знака в логике, психологии и языкознании*, *Сообщения II*, — сб. «Новые исследования в педагогических науках», вып. 4, М., 1965.

²⁹ Г. П. Щедровицкий, *Проблемы методологии системного исследования*, стр. 25—29.

³⁰ См. Б. А. Грушин, *Очерки логики исторического исследования*, М., 1961.

Классификационные таблицы — один из видов такого сопоставления и систематизации материала. Вопрос об их функциях и выявленном при этом содержании требует еще специальных исследований³¹, но уже сейчас можно сказать, что чаще всего они играют лишь вспомогательную роль, организуя в легко обозримом виде весь материал сопоставления, и затем сменяются другими типами систематизации материала.

7. Следующий результат, который мы можем выявить из анализа процессов познания «множественных» объектов, — очень важный для языкознания — касается взаимоотношения между исходными группировками объектов в классы и последующими систематизациями знаковых форм в более высоких слоях теории. Из изложенного выше уже ясно, что к деятельности сопоставления во втором слое предъявляются особые требования: хотя она и приложена только к заместителям действительных объектов (следовательно, к образованиям, существенно отличающимся от объектов), тем не менее должна выявлять «объективные» связи, характеризующие реальную жизнь рассматриваемого целого. Это требование накладывает также определенные условия на те объекты, которые даны во второй плоскости и к которым прикладывается эта деятельность, т. е. на знаковые формы, эталоны, а через них далее — и на те группировки исходных объектов, которые создаются: они ни в коем случае не могут быть произвольными. Если из сопоставления знаковых форм (и эталонов) мы хотим получить содержание, характеризующее внутренние связи и закономерности жизни объективного целого, то исходные группировки, определяющие характер эталонов и знаковых форм, с самого начала должны быть так созданы, чтобы они позволяли это сделать, чтобы уже в этих группировках были заложены те различия и сходства, обособления и объединения, которые существенны для этого содержания. Иначе говоря, между исходной группировкой объектов и последующим систематизирующим сопоставлением существуют строго определенные зависимости: возможности последующей систематизации в выявлении нового объективного содержания, соответствующего «природе» изучаемого целого, заданы исходной группировкой; одновременно задача получить определенную систему — тем самым выявить определенное содержание — обуславливает характер исходной группировки.

При анализе процессов познания такая двусторонняя зависимость выступает как круг: с одной стороны, характер

³¹ См. С. С. Розова, *Научная классификация и ее виды*, — «Вопросы философии», 1964, № 8.

всех последующих систематизаций в теории и вместе с тем характер выявляемого при этом содержания во многом предопределен исходными группировками объектов, все теоретические систематизации осуществляются после группировок и на их основе³²; с другой стороны, поскольку продукт теоретического анализа, создаваемый этими систематизациями, заранее задан задачей исследования, характер исходных группировок должен определяться требованиями к последующим систематизациям и опираться на знания, получаемые путем сопоставлений во втором слое предмета.

В реальном движении познания этот круг, как и всегда, снимается путем ряда последовательных приближений. Сначала мы производим расчленение целого и группировку входящих в него объектов в порядке «прикидки», опираясь на очень поверхностные и мало обоснованные знания и гипотезы. Потом эти знания и гипотезы уточняются на основе процедур сопоставления во втором слое теории, в третьем и т. д., а в соответствии с ними в свою очередь меняются исходные расчленения и группировки. Подобное «круговое» или «челночное» движение является законом всякого познания (и, добавим, основанием для постоянного применения все более развивающихся логико-методологических знаний).

Но таким образом перед нами раскрывается новая сторона взаимоотношения группировки и систематизации. Если необходимая группировка объектов, входящих в «множественное» целое, определяется связями, выявляемыми во втором (а затем в третьем, четвертом и т. д.) слое знания, то эти связи должны «переноситься» в какой-либо форме или, точнее, проецироваться в плоскость самих объектов целого; они должны выступать как те или иные категории, гипотетически приписываемые самому объектному целому, и именно эти гипотезы будут предопределять возможные схемы сопоставлений и группировок отдельных объектов целого, а также выражающие их эталоны и знаковые формы. Но это означает, что и сама группировка не остается в том виде, в каком мы рассматривали ее вначале, а приобретает форму тех или иных гипотетических систематизаций и классификаций. Но это вытекает не из ее собственной «природы», а определяется обратным движением от систематизаций второго и более высоких слоев знания и теории.

Спроецированная таким образом на объекты систематизация выступает как особое изображение целого,

³² Ср.: «...не наука о языках позволила заложить основу классификации, но, наоборот, именно с классификации, сколь наивна и туманна она ни была вначале, начинается развитие науки о языках. Сходство между древними и современными языками Европы обусловило создание теории, объясняющей это сходство» (Э. Бенвенист, *Классификация языков*, стр. 37).

отличное от тех изображений, которые имеются в более высоких слоях знания.

8. Здесь мы подошли еще к одному исключительно важному вопросу, который в исходном перечислении логико-методологических проблем стоял под номером шесть. Если содержания, выявляемые во втором и последующих слоях знания, должны быть спроецированы в каком-то виде на плоскость своих объектов (или, скажем, «эмпирического материала»), то необходимо знать, как это происходит и как это может быть осуществлено. Если исходная группировка объектов, входящих в «множественное» целое, и соответствующее расчленение всего их множества на сферы производится на основании каких-то гипотез относительно строения этого целого, т. е. относительно входящих в него элементов и связей, то это целое, очевидно, с самого начала должно выступать в виде какого-то единого предмета знания. К примеру, если исходные группировки объектов соответствуют частным языкам, то все целое этих группировок должно выступать как «язык вообще». Но тогда основным становится вопрос: как, т. е. на основе каких процедур, мы задаем этот предмет, как он относится к тем системам, которые мы строим во втором и последующих слоях теории?

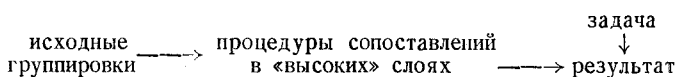
Этот вопрос требует специального обсуждения. Здесь мы хотим лишь поставить его и сформулировать самый общий тезис. С абстрактной точки зрения вполне мыслимы две принципиально различающиеся между собой линии: 1) движение непосредственно от эмпирического материала, фиксирующего плоскость объектов, к новой системе эталонов и фиксирующих их знаковых форм, «обобщенно» изображающих заданное целое (скажем, как «язык» вообще или как «знаковые системы» вообще); 2) движение сразу с более высоких слоев знания, от систем описания частных языков и процедур их описания, к системе «языка» вообще³³. Возможно, что реальные движения в науках сочетают (или смешивают) обе эти линии, но в теоретическом и, тем более, логико-методологическом анализе их надо четко разделять.

Знание о возможности двух таких линий движения в науке важно нам для понимания дальнейших рассуждений.

9. Рассматривая выше взаимоотношение исходных груп-

³³ Ср. это с вопросом относительно семиотики: является ли она эмпирической наукой такого же типа, как логика, психология, языковедение, или же, напротив, теоретико-методологической дисциплиной, лишь синтезирующей представления других, как бы «нижележащих» наук; подробнее см. Г. П. Щедровицкий, В. Н. Садовский, *К характеристике основных направлений исследования знака в логике, психологии и языковедении. Сообщение 1*, — сб. «Новые исследования в педагогических науках», вып. 2, М., 1964.

пировок объектов и последующих систематизаций их знаковых форм, мы совсем не выделили то обстоятельство, что между исходными группировками объектов и процедурами сопоставления знаковых форм (и эталонов) во втором и следующих слоях знания существует своеобразное отношение дополнительности. Лишь от них обоих вместе зависит результат всего процесса, схематически это можно представить так:

Поэтому вариации в выделении исходных группировок иногда могут быть компенсированы вариациями процедур, устанавливаемых во втором и последующих слоях теории.

Но можно поставить вопрос: является ли это общим принципом и всякая ли неудача в исходных группировках может быть погашена за счет искусственной изощренности процедур сопоставления во втором и последующих слоях научного знания? История таких сравнительно развитых наук, как математика, физика, химия, показывает, что отнюдь не всегда. И, более того, анализ истории этих наук убеждает нас в том, что очень часто неудачная исходная группировка объектов в изучаемых целых приводила к длительному застою в науке: все попытки выделить общие этим объектам свойства и построить в плоскости фиксирующих их знаковых форм процедуры сопоставлений, выявляющие новые объективные содержания, приводили к неудачам; а отказ от этих группировок и выражающих их эталонов, введение новых группировок и новых эталонов, напротив, тотчас же приводили к быстрому развитию науки, к решению тех проблем и задач, которые раньше не могли быть решены.

Важнейшими причинами расцвета физики в XVII в. после работ Галилея или расцвета химии в конце XVIII в. после работ Лавуазье были именно такие смены исходных группировок и эталонов³⁴.

Это положение нельзя понимать так, что выбор эталонов и фиксирующих их знаковых форм исчерпывает все проб-

³⁴ Эти положения интересно сравнить с описаниями ходов мысли физиков догалилеевского периода; см.: М. А. Гуковский, *Механика Леонардо да Винчи*, М.—Л., 1947; А. R. Hall, *The scientific Revolution 1500—1800*, London, 1954; Th. Beck, *Leonardo da Vincis Ansicht vom freien Falle schwerer Körper*, — ZVDY, № 35, 3 Augusta, 1907; E. Wohlwill, *Die Entdeckung des Beharrungsgesetzes*, — «Zeitschrift für Völkerpsychologie und Sprachwissenschaft», Bd XIV, S. 366—410, Bd XV, S. 70—135, 337—387; E. Wohlwill, *Ein Vorgänger Galileis im 6 Jahrhundert*, — «Physikalische Zeitschrift», 1906, № 1.

лемы науки и делает ненужным поиск новых процедур сопоставлений в более высоких слоях знания. Нет. Выше мы уже достаточно говорили о значении и необходимости сопоставлений в «высоких» слоях знания и, более того, подчеркивали зависимость выбора исходных эталонов и качества исходных группировок объектов от результатов работы в этих более высоких слоях знания, от характера выработанных в них сопоставлений. Нам важно подчеркнуть существование двух принципиально различных линий в разработке науки.

Одна связана с конструированием процедур сопоставления в «высоких» слоях знания; она предполагает жесткую фиксированность исходных группировок, схем сопоставления, входящих в них объектов и эталонов, выражающих эти сопоставления. Вторая линия отталкивается от неудач работы в высоких слоях знания и направлена на перестройку исходных группировок и выражающих их эталонов. Нам важно подчеркнуть различие этих двух линий теоретической работы, потому что именно оно, на наш взгляд, объясняет то расхождение в оценке задач, возможностей и методов типологических исследований языков, о котором говорилось вначале.

10. Так, в частности, современные структуралисты и последователи «нового» учения о языке Н. Я. Марра работают по этим двум различным линиям и, следовательно, в разных слоях языковедческой науки. И из этого принципиального различия их места в системе науки, рассматриваемой в логико-методологическом аспекте, могут быть выведены все существенные особенности их концепции, включая сюда понимание задач и методов типологических исследований.

Структуралисты в общем и целом без особой критики принимают существующие процедуры описания актов речи в системах языка; в самом крайнем случае эти процедуры могут быть улучшены и уточнены, но они не требуют кардинального изменения и перестройки. Эти процедуры, на их взгляд, едины и универсальны для всех языков независимо от их пространственно-временной характеристики, а сами «языки» (т. е. «системы» их) как продукты этих процедур должны быть инвариантами.

Таков основной принцип в подходе этого направления к изучению языков, и из него с необходимостью следуют другие.

При таком подходе системная группировка актов речи не может стать предметом специального изучения: все тексты, к какому бы языку и какому бы этапу развития языка они ни

относились, должны обрабатываться посредством одних и тех же, единственно существующих процедур и выражающих их методических понятий. Это не значит, что структуральный подход не опирается на определенные группировки и исходную эмпирическую обработку актов речи, не имеет строго определенных эталонов. Без этого вообще не было бы исследования. Нет, это значит, что при таком подходе ученый принимает как данное стихийно сложившиеся группировки и выражающие их эталоны, рассматривает их как неизбежные и отказывается как от анализа условий и процедур их формирования, так, тем более, и от изменения их. Но это влечет за собой и еще один момент: принимаемые им группировки актов речи, как правило, не связаны друг с другом, не определяются общим планом анализа языка в целом.

Поскольку нет особой проблемы группировки актов речи, здесь нет и не может быть ни пространственной, ни временной локализации их. Одновременно здесь не может быть и пространственно-временной характеристики актов речи и языков.

Каждый частный язык выступает как набор несвязанных между собой «моделей». То, что его называют «объективно-системным» и даже «структурным», является недоразумением и может быть объяснено только тем, что до сих пор эти категории употребляются без достаточного выяснения их логического смысла. Главная проблема состоит в том, чтобы установить, уже во втором слое теории, связи между различными знаковыми формами, образующими «язык». Но так как исходные группировки объектов и выделение фиксирующих их эталонов и знаковых форм были произведены безотносительно к задаче последующей системной (в точном смысле этого слова) организации языка, то установить действительные связи, характеризующие реальную жизнь речи, не удастся. На передний план поэтому выдвигается единственное, что возможно в этой ситуации: во-первых, анализ связей существования различных элементов языка в актах речи (так называемые сочетаемости) и подсчет их вероятностных характеристик для разных языков, а во-вторых, сравнение этих связей и различных их характеристик в разных языках. Последнее и образует то, что представители этих направлений называют «типологическим исследованием языков». Они правильно подчеркивают, что сравнение это производится без всякого учета времени и пространства и, очевидно, не может быть иным. Это, таким образом, ахроническая типология. Для лучшего обозрения материалов сравнения могут быть построены различные классификационные таблицы. Всякое совпадение таблиц, построенных по разным основаниям, выступает как весьма многозначительный факт, говорящий (возможно!) о зависимости между рядами призна-

ков. На основе этого могут быть построены таблицы третьего, четвертого слоя и т. д.

Все, что выявляется в речевых актах посредством иных процедур и абстракций, чем традиционно принятые, отсекается от общей системы: как говорят, это — «внеязыковое» (экстралингвистические факты), и структуралисты очень настаивают на этой конвенции; но по сути дела эти внеязыковые факты всегда могут быть механически добавлены в общую «систему языка» и при этом не нарушат ее стройности, ибо никаких содержательных критериев цельности собственно «языковой системы» не существует и не может быть.

Диахроническая типология (или типология изменяющихся систем) строится независимо от ахронической и параллельно ей. Здесь впервые появляется потребность в группировке собственно объектного, речевого материала, но она может быть только чисто хронологической. Для каждой такой группировки материала осуществляются все описанные выше процедуры. Полученные «подсистемы» языка являются ахроническими, но по отношению к ряду сопоставлений их друг с другом выступают как «синхронные» состояния системы. Признаки, полученные в результате типологического сравнения элементов подсистем, сопоставляются друг с другом, и по результатам этого сопоставления судят об изменениях системы языка.

Особенно важно подчеркнуть, что подобное диахроническое описание систем языка не имеет ничего общего с описанием исторического развития речи. И дело не только в том, что при таком подходе не могут быть вскрыты действительные движущие силы этого развития, на чем особенно делал ударение Н. Я. Марр. При таком подходе — а суть его состоит в применении одних и тех же эталонов для анализа различных языков и различных состояний их — вообще не может быть сконструирован такой предмет, который бы воспроизводил или как-то характеризовал генетические связи объекта — всей системы речевой коммуникации человечества или отдельных народов. Чтобы отразить исторические связи развития какого-либо объекта, нужно с самого начала ввести систему эталонов, находящихся между собой в строго определенных отношениях, и производить группировку всего эмпирического материала в соответствии с этой системой. Это — обязательное условие генетического исследования, если употреблять эту категорию в точном, логическом смысле³⁵. А традиционализм структуральных направлений в

³⁵ См. Б. А. Грушин, *Очерки логики исторического исследования*, стр. 74—123, 170—211; Г. П. Щедровицкий, *Проблемы генетического исследования мышления и формальная логика*, — сб. «Логика научного исследования», Киев (в печати).

отношении исходных понятий языкознания совершенно исключает такой подход. Поэтому можно сформулировать общий тезис: «язык», как его понимают структуралисты и как они выделяют его в качестве предмета изучения, вообще не может иметь исторического развития. И это положение справедливо в отношении предметов изучения почти всех предшествующих языковедческих направлений, включая сюда и «сравнительно-историческое языкознание»³⁶.

Но точно таким же образом, как это было сделано выше для структурализма, мы можем объяснить многие особенности концепции Н. Я. Марра, исходя из того, что он решал проблемы, связанные с реорганизацией первого слоя языковедческой науки. Он оттачивался от отчетливо выявившихся уже к его времени недостатков «сравнительно-исторических» процедур сопоставления элементов различных языков и стремился установить между ними новые связи, соответствующие «действительным», как он говорил, а не мнимым и упрощенным историческим процессам. Но для этого прежде всего нужно было найти новые группировки эмпирически заданного речевого материала и выработать уже в первом слое знания новые схемы сопоставления и систематизации его. Именно в связи с этой задачей Н. Я. Марр вырабатывает новое, не столько даже лингвистическое, сколько историческое и социологическое представление о механизмах и закономерностях развития языков. Он вводит постулат о единстве глоттогонического процесса и затем строит довольно разветвленную методологическую картину механизмов развития речи, разбирая возможные типы «движущих сил» развития, взаимовлияния и взаимодействий между языками и т. п.

Первоначально весь этот исторический подход играет чисто вспомогательную роль: сколь бы разветвленными ни были входящие в него представления и сколько бы новых важных проблем они ни поднимали, все это не может заменить самого языкознания, а является лишь философским и социологическим, а по функции — методологическим введением в него, предназначенным лишь для того, чтобы определить способы исходных группировок речевого материала. Это все — онтология, на основе которой должны быть разработаны приемы и методы нового, собственно лингвистического расчленения и описания речевых актов. И вполне возможно, что, если бы все эти вопросы онтологии и методологии «нового» языкознания были решены «походя», в короткие сроки, все историко-социологические соображения о меха-

³⁶ См.: *Проблема классификации...*, стр. 7, 38—39, 61—83; Н. Я. Марр, *Язык и мышление*, — Избранные труды, т. 3, стр. 90—122; Г. П. Щедровицкий, *Методологические замечания к проблеме происхождения языка*, — «Научные доклады высшей школы. Филологические науки», 1963, № 2.

низмах жизни языка так бы и остались общим философским введением, лежащим за границами собственно языкознания: Но каждый из этих вопросов сам превращался в огромную проблему, и это привело к тому, что центр тяжести работы (во всяком случае самого Н. Я. Марра) сместился, и исторический подход, возникший из чисто методических заданий — построить новые группировки эмпирического материала, вскоре же стал основным принципом, вокруг которого начала строиться новая система исследований. Из средства он превратился в самоцель, стал самостоятельной и притом даже основной проблемой исследования. В конечном счете это привело к переориентировке целей всей науки, к постановке новых научных задач: выяснить законы изменения «техники» языка и тем самым предусмотреть и предопределить возможные линии его новообразования.

Уже из этого ясно, как должна была стоять проблема типологической классификации языков у Н. Я. Марра. Главное заключалось в такой группировке исходного объектного, т. е. речевого, материала, которая вела бы исследователя к знаниям, отображающим его историю. Хронологическая типология, очевидно, ничего не могла дать для решения этой задачи, и поэтому должна была смениться собственно исторической типологией, в которой главную роль играло уже не время как таковое, а реальные взаимодействия и взаимовлияния языков друг на друга.

Но дело не ограничилось только этим. После того как произошла охарактеризованная выше смена задач языковедческой науки, совершенно естественной и необходимой стала постановка вопроса о смене или преобразовании также и предмета исследований. Действительно, если исторический подход кладется в основание всего и перед самой наукой ставятся такие задачи, которые могут быть решены только с помощью генетического анализа, то, естественно, и предмет этой науки может быть только таким, чтобы он допускал генетическое и историческое представление. Вопрос теперь стоит так: какой предмет мы должны выделить *в* и *вокруг* речевой действительности, чтобы специально построенное теоретическое развертывание его дало нам представление о законах и механизмах исторического развития этой действительности. Н. Я. Марр утверждал, что язык один, сам по себе, не может служить таким предметом; это должен быть обязательно язык, взятый в единстве с мышлением³⁷.

³⁷ См. *Проблема классификации...*, стр. 38—39, 62—69; Н. Я. Марр, *Сдвиги в технике языка и мышления*, стр. 427—443; Н. Я. Марр, *Язык и мышление*, стр. 90—122; ср. это также с замечаниями Э. Бенвениста: «Здесь пришлось бы прежде всего отказаться от того молчаливо принятого принципа, довлеющего над большинством современных лингви-

И этот принцип определяет дальнейшую работу по выделению новых эталонов, членищих речевую действительность, разработку приемов и способов нового, собственно исторического описания, представляющего ее в виде органического, развивающегося целого.

11. В предшествующих рассуждениях мы совершенно сознательно не обсуждали вопроса о том, насколько правильно (с логико-методологической точки зрения) каждое из названных нами направлений «работает» в своем слое теории. Для обоснованных утверждений на этот счет нужно провести специальные обстоятельные исследования.

В этой статье нам важно было только одно: объяснить, откуда и почему возникает столь сильное расхождение в понимании задач, возможностей и методов типологических исследований, показать необходимость этого и отвергнуть всякие попытки синтеза всех существующих представлений на уровне самого языкознания³⁸.

Что касается вытекающих из нашего анализа задач для будущих исследований, то мы хотим сделать всего несколько замечаний.

Чтобы оценить позицию современного структурализма, в частности в отношении типологических исследований, нужно провести детальный логический анализ тех процедур, которые применяются сейчас традиционными направлениями языкознания при воспроизведении речи в системах языка, ибо структурализм целиком и полностью базируется на них и является по сути дела предельно традиционалистским направлением.

Чтобы оценить концепцию Н. Я. Марра, нам представляется, нужно прежде всего резко разделить и даже в ка-

стов, который состоит в признании лишь лингвистики языковых фактов, лингвистики, для которой язык полностью содержится в своих осуществленных манифестациях. Если бы это было так, то путь ко всякому углубленному исследованию природы и проявления языка был бы полностью закрыт. Языковые факты являются продуктом, и нужно определить, продуктом чего именно. Стоит лишь на миг задуматься о том, как устроен язык — любой язык, — и мы увидим, что каждый язык имеет определенное число ждущих своего решения проблем, сводящихся к одному центральному вопросу — вопросу обозначения. В грамматических формах, построенных с помощью той символики, которая является отличительным признаком того или иного языка, представлено решение этих проблем. Изучая указанные формы, их выбор, сочетание и свойственную им организацию, мы можем сделать вывод и о природе и форме внутриязыковой проблемы, которой они соответствуют. Весь этот процесс является неосознанным и трудным для понимания. Но он очень важен» (Э. Бенвенист, *Классификация языков*, стр. 58).

³⁸ О путях и методах синтеза различных теоретических представлений см. Г. П. Щедровицкий, В. Н. Садовский, *К характеристике основных направлений исследования знака в логике, психологии и языкознании. Сообщение I.*

ком-то смысле противопоставить друг другу: 1) постановку самих задач и 2) способы их решения. В отношении первого мы стремились с помощью логико-методологического анализа показать, что концепция Н. Я. Марра была совершенно правомерной и даже необходимой; на наш взгляд, она правильно наметила важнейшую линию ближайшего развития науки о языке³⁹. Что касается второго, т. е. способов решения поставленных проблем, то нам кажется, что во многих пунктах концепция Н. Я. Марра была неудовлетворительной. В частности, было неверным его решение проблемы взаимоотношения языка и мышления⁴⁰; не были разработаны методы исторических и генетических исследований⁴¹, отсутствовали способы теоретического представления языка как социального явления⁴².

Поэтому дальнейшая работа по решению проблем, поставленных Н. Я. Марром, должна идти, на наш взгляд, прежде всего по следующим основным линиям:

1. Анализ способов представления «языка» и «мышления» как социальных образований. Здесь речь идет о том, что как «языковое мышление» в целом, так и его отдельные стороны-элементы — «язык» и «мышление» — являются социальной деятельностью (или во всяком случае элементами деятельности) и поэтому подчиняются принципиально иным законам, нежели объекты и явления «натурального» мира.

³⁹ Ср.: «Можно показать... что языковые способы, материализованные в весьма несходных формах с точки зрения их функционирования нужно поместить в один класс. Кроме того, нельзя ограничиваться только материальными формами, т. е. нельзя ограничивать всю лингвистику описанием языковых форм. Если группировки материальных элементов, которые рассматривает и анализирует дескриптивная лингвистика, представить как бы в виде нескольких фигур одной и той же игры и объяснить с помощью небольшого числа фиксированных принципов, то тем самым можно получить основу для разумной классификации отдельных элементов, формы, наконец, языков в целом... Конечно, это лишь отдаленное намерение и скорее предмет для размышления, чем практический рецепт. Ясно одно: раз полная классификация означает полное знание, то к наиболее рациональной классификации мы продвигаемся именно благодаря все более глубокому пониманию и все более точному определению языковых знаков. Важно не столько расстояние, которое предстоит пройти, сколько выбор правильного направления» (Э. Бенвенист, *Классификация языков*, стр. 58—59); ср. Д. Х. Хаймс, *Общение как этнолингвистическая проблема*, — ВЯ, 1965, № 2.

⁴⁰ См.: Г. П. Щедровицкий, «Языковое мышление» и его анализ, — ВЯ, 1957, № 1.

⁴¹ См. работы Б. А. Грушина: *Очерки логики исторического исследования*, М., 1961; *Процесс развития*. (Логическая характеристика категории в свете задач исторической науки), — сб. «Проблемы методологии и логики наук», Томск, 1962. См. также сб. *О соотношении синхронного анализа и исторического изучения языков*, М., 1960, стр. 39—49, 56—63, 92—96, 103—108, 111—114, 117 и др.; Г. П. Щедровицкий, *Методологические замечания к происхождению языка*, — Научные доклады высшей школы. Филологические науки, 1963, № 2.

⁴² Г. П. Щедровицкий, *Что такое система языка*, М. (в печати).

Деятельность вообще является такой действительностью, которая не похожа на все известные нам до сих пор объекты, не допускает применения привычных категорий и логических схем, это своего рода лемовский «солярис», и чтобы исследовать его, нужны совершенные особые, как иногда говорят, «сумасшедшие» понятия и приемы анализа⁴³.

2. Выяснение взаимоотношения «языка» и «мышления». Включенные в общую структуру деятельности, они должны рассматриваться как ее элементы и получить связь, задаваемую целостным представлением этой структуры.

3. Логический анализ способов воспроизведения генетических, в частности собственно исторических, процессов в объектах такого типа, каким является речь, или, точнее, «рече-мысль». Здесь разговор пойдет прежде всего об особенностях существования так называемых «множественных» или «массовых» объектов, состоящих из больших групп, единичностей, с одной стороны, изолированных и независимых друг от друга, а с другой — образующих, несмотря на эту изолированность, единую целостность. В социальных образованиях, принадлежащих к деятельности, соединение этих противоположных и, казалось бы, исключаящих друг друга характеристик обуславливается и объясняется отнюдь не связями взаимодействия, которые могут возникать между самими этими единичностями, скажем, актами речи-мысли или речевыми текстами, а особой связью их по происхождению, зависимостью от одних и тех же социальных средств производства рече-мыслительных текстов, наличием особых механизмов передачи этих средств от поколения к поколению⁴⁴. Особенности устройства этих объектов органически связаны с особенностями механизмов их исторического развертывания, и все они вместе определяют специфическое строение научных теорий, описывающих подобные социальные целостности, и особый логический характер методов, применяемых для их построения. Выяснить логику создания таких теорий — важнейшая научная задача наших дней.

4. Анализ возможных структур тех «предметов исследования», выделяемых в рече-мыслительной деятельности, которые допускают генетическое представление и, следовательно, могут быть воспроизведены в теориях генетического типа.

Разработка указанных вопросов будет вместе с тем важнейшим вкладом в решение проблем типологической классификации языков.

⁴³ См. В. А. Лефевр, Г. П. Щедровицкий, Э. Г. Юдин, *Естественное и искусственное в семиотических системах*, — сб. «Проблемы исследования систем и структур», М., 1965.

⁴⁴ Там же.

ОСНОВНЫЕ ЗАДАЧИ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ТИПОЛОГИИ

Задача типологического изучения языков является чрезвычайно актуальной. В последнее время интерес к этому изучению в лингвистических кругах значительно возрос.

Прежде всего необходимо остановиться на понятии «типология», «типологическое изучение языка». Поскольку вопросы типологического изучения языка в широком плане стали занимать сравнительно недавно, это понятие до сих пор четко не определено. Слово «типология» употребляют в разных смыслах. Для того чтобы подойти к определению понятия «типология», необходимо установить, какова задача типологического исследования.

Некоторые ставят знак равенства между типологическим изучением языка и типологической классификацией языков, полагая, что если удовлетворительная типологическая классификация языков еще не существует, то в результате типологического изучения языков должна быть создана такая типологическая классификация, которая сумеет точно охватить все языки мира.

Мне кажется, что основной задачей типологического изучения языков не может быть создание такой классификации. Может быть, — я не хочу категорически заявлять, — со временем будет создана такая классификация, которая охватит все языки мира. Но это сравнительно второстепенная задача в типологическом исследовании.

Над проблемами создания типологических классификаций наука о языке работает давно. Известны попытки создания морфологических и синтаксических классификаций языков. Многие понятия, выработанные в связи с созданием этих классификаций (агглютинация, изоляция, флективность), оказались до некоторой степени целесообразными. Известно, что эти понятия не очень точные, расплывчатые, причем можно заметить тенденцию вкладывать в эти понятия содержание более широкое, чем то, которое предполагается самой классификацией. Например, когда речь идет об агглютинативных языках, имеют в виду не только способ организации морфем

в ряде языков, не только взаимоотношения морфем в рамках слова, но также и наличие определенного строя предложения, и наличие флексии, и наличие особого оформления того, чему в индоевропейских языках соответствует придаточное предложение, и т. д.

В очень узких границах такое широкое употребление терминов, может быть, и допустимо, поскольку сопоставляются структуры определенных языков. Но никто никогда не писал, что определенная структура слога или корня необходимо связана с определенной структурой морфемы, определенный морфологический строй строго предполагает и определенный синтаксический строй языка.

По-видимому, связи отдельных фрагментов в структуре языка не случайны. По-видимому, фонологическая структура языка связана с морфологической и с синтаксической структурой языка. Но на основе того, что мы сейчас знаем о языках, можно предполагать, что эти связи довольно гибки и эластичны, поскольку с определенной синтаксической структурой может связываться не один тип морфологии.

В последнее время делаются попытки такого рода и в области грамматики. Создаются двуязычные грамматики. Скажем, грамматика русского языка в сопоставлении с немецким. Такая грамматика чрезвычайно интересна и имеет большое практическое значение.

Но ограниченное сопоставление, проводимое в такого рода работах, в плане общего языкознания совершенно недостаточно. Хотелось бы разработать метод, который позволял бы охватить все языки мира. И в этом случае, естественно, встает вопрос о всеобщем эталоне для сопоставления языков мира между собой. Практика машинного перевода поставила этот вопрос очень остро, выдвинув проблему создания языка-посредника для перевода со многих языков на многие языки.

С определенным типом формирования слова, по-видимому, будут сочетаться определенные приемы. И, следовательно, пока не выяснена связь между отдельными элементами структуры, до тех пор трудно говорить, что нам удастся создать типологию языков такого-то цикла и можно будет одним термином охватить все элементы структуры языка.

Иногда задачей типологического изучения языков считают создание какого-то искусственного языка-эталона, с которым можно было бы сравнивать все языки. Идея создания языка-эталона исходит из практики типологических исследований: занимаясь типологией, мы сравниваем один язык с каким-то другим, рассматриваем какой-то язык, чаще всего родной или язык наиболее близкий нам, в качестве отправного момента исследования и сопоставляем другой язык с дан-

ным языком, который временно выступает в качестве языка-эталона.

Все наши двуязычные словари являются какой-то попыткой дать типологию словаря одного языка в соотношении со словарем другого языка.

О языке-посреднике говорят и пишут очень много. Но пока что реальных попыток претворения этого интересного замысла в жизнь что-то не видно. И мне кажется, что в идее языка-посредника содержатся некоторые моменты, делающие невозможным осуществление этой идеи.

В самом деле, что такое язык-посредник? По-видимому, в области лексики такой язык-посредник должен представлять собой инвентарь всех лексических значений, которые содержатся в языках мира. Если бы нам удалось создать такой семантический словарь всех языков, то задача перевода со всех языков и, значит, сведения всех словарей к такому семантическому словарю, была бы очень простой. Вместе с тем можно было бы осуществить движение в обратном направлении: показать, как определенные семантические единицы выражаются в разных языках.

Но действительно ли семантический состав всех языков един? Действительно ли можно выделить семантические единицы, лежащие в основе всех языков? Современная семантика, теория семантического поля, теория Уорфа, практика каждого исследователя показывают, что наряду со значениями, сводимыми к общему знаменателю, есть значения несводимые. Семантическое разделение мира в разных языках не совпадает. Для подтверждения этого достаточно привести несколько самых простых примеров.

Значение русского слова *нога* передается на немецкий язык, в котором разграничивается нижняя часть ноги и остальная часть ноги, двумя словами. Русским словам *голубой* и *синий* в западноевропейских языках, где синий и голубой объединяются в один цвет, соответствует одно слово. С точки зрения русского языка слова *наседка* включает в себе единое понятие, а, например, в корейском языке это слово означает «курица-мать».

Таким образом, при любой попытке собрать все значения всех языков мы столкнемся с необходимостью как-то сводить одно значение к другому, разделить все элементы на простые и сложные. Словом, мы столкнемся с необходимостью провести очень углубленную работу в плане анализа значений.

В области грамматики дело обстоит еще более сложно. Ошибочно было бы думать, что задачи типологии в области грамматики заключаются в том, чтобы выделить основные грамматические функции в языках мира и посмотреть, как

эти функции выражаются в разных языках (основная идея типологической теории акад. И. И. Мещанинова).

Внимательное изучение грамматического строя разных языков показало, что разные языки в грамматическом плане отличаются друг от друга не только способом выражения грамматических отношений, но и набором грамматических функций.

Правда, есть, по-видимому, элементы функций, которые проявляются в той или другой степени в разных языках. Во всех языках имеются средства актуализации слов в предложении, но средства эти различны в разных языках. Есть языки, которые актуализируют слово в предложении с помощью артикля. Например, в немецком языке в каждом предложении ставится определяющее в виде артикля, актуализируя данное существительное. В других языках артикли отсутствуют. Есть языки, имеющие большое количество времен. Но есть языки, которые обходятся совершенно без грамматических времен.

Таким образом, и задача создания языка-посредника далеко не простая, поскольку различия между языками не исчерпываются формальными различиями, а необходимо включать и смысловые, и функциональные различия.

Несомненно, в основе всех языков мира лежит единство человеческого мышления. Но, по-видимому, связи между элементами грамматики и элементами словаря и общечеловеческим мышлением не такие простые, как кажется с первого взгляда. И именно это обстоятельство и делает, с моей точки зрения, непростой задачей создания единого языка-эталопа.

Есть еще одно понимание типологии. Говорят: типологическое изучение языка должно иметь целью выявление таких сходжений между структурами отдельных языков, которые поддаются формализации, поддаются математической обработке.

Я считаю, что внесение математических методов в языковедение может способствовать уточнению работы лингвистов и достижению ценных результатов. Но это внесение не может быть внешним. Мы не должны ориентироваться только на такие стороны языковой структуры, которые поддаются математической обработке. Мы должны исследовать существенное в структуре разных языков и потом по возможности подвергать это формализации и математической обработке.

Опыт развития структурализма показывает, что основное — это не математическая обработка языка, а изучение сущности, структуры языка, осознание специфики, а затем уже приложение математических методов к этой структуре.

Именно в этом я вижу большую заслугу Н. Хомского. Что показал Н. Хомский в своем ценном анализе?

Он показал, что если бы кто-нибудь попытался описать структуру языка с помощью цепей Маркова, с помощью определенных понятий теории вероятности, он достиг бы очень малого. Фактически языки не поддаются такой обработке. Н. Хомский показал, что можно применять к языку метод непосредственно составляющих, но он, однако, не охватывает всей суммы грамматических фактов. Это слишком узкая одежда для языковой структуры. И Н. Хомский предлагает новый, более широкий метод трансформационного анализа языка, но не для его математической обработки.

Основную задачу типологического изучения языка следует видеть не непосредственно в создании классификации языков, не в разработке языка-эталона, не в математизации, а в выявлении основных закономерностей и взаимоотношений отдельных фрагментов в структуре языка.

Сравнивать между собой языки, с моей точки зрения, следует прежде всего не по изолированным признакам, а по отдельным микросистемам, по отдельным фрагментам структуры языка. Опыт такого типологического сравнения есть в области фонологии. Например, Н. Трубецкой в своих «Основах фонологии» сумел свести основные типы вокалических и консонантных систем в разных языках к сравнительно небольшому числу. Это очень важный шаг в данной области. Мы знаем, что позднее была установлена тесная связь между вокализмом и консонантизмом.

Дальнейший шаг в разработке типологии фонологического состава заключался в том, чтобы показать связь между определенными типами вокалической и консонантной структур. Было бы важно, если бы была раскрыта связь между типами основных дискретных единиц и типами единиц несегментных, типами единиц просодических и т. д.

Если была бы обратная типология основных языков, мы получили бы обратные закономерности, которые позволили бы нам разобраться во внутренней структуре всех языков в плане раскрытия внутренней связи.

Я думаю, что в этом же духе можно было бы работать и в области грамматики. Вести типологическое исследование в таких областях, как видо-временные отношения в рамках языка, как выражение пространственных отношений в рамках языка. Рассмотреть типовые структуры и предложения с точки зрения количества различных типов индикативов, особенно с точки зрения количества мест в индикативах и т. д.

Таким образом, типологическое изучение языков должно определять какие-то реальные фрагменты структур и иссле-

довать их в универсальных рамках. В дальнейшем следует стремиться к тому, чтобы выяснить связи между типами, охватывающими различные типы моноструктур, и более сложными типами.

Основная задача типологического изучения языков, таким образом, заключается в выявлении внутренних закономерных связей, действующих внутри каждого языка. Типологическое изучение языков — это основной метод общего языкознания, а основная задача языкознания заключается в том, чтобы изучить закономерности, определяющие связи между различными элементами структуры.

СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ И ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В АЛТАИСТИКЕ

В описательной лингвистике изучение языка раскрывает весь строй или отдельные его стороны, если при этом не выявляются действующие в изучаемом языке законы его функционирования. Так, например, в монографии под наименованием «Фонетический строй ...ого языка» возможно ограничиться систематическим перечнем соответствующих звуков с той или иной характеристикой и классификацией таковых. Но если при этом исследуются также и действующие законы функционирования данного языка, то частично или полностью излагается система последнего. Следовательно, в монографии «Фонетическая система ...ого языка» наряду с характеристикой и классификацией звуков с той или иной полнотой исследуются также разного рода фонетические законы, правила и явления, как-то: различные типы ассимиляции звуков, правила чередования последних, особенности агглютинации, законы и виды акцентуации и т. п.

Иными словами, под строем языка можно было бы понимать лишь материально-звуковой состав или остов языка, тогда как под системой языка обычно понимают преимущественно совокупность действующих в данном языке законов и правил его функционирования, совокупность однопорядковых элементов языка. Конечно, практически различие между этими понятиями лингвистического исследования не всегда проводится строго, в результате чего термины «строй» и «система» очень часто смешиваются или употребляются в общем безразлично. Впрочем, все это в сущности не представляет особенной беды.

Наряду с изложенными понятиями и терминами применяется термин «структура» языка, под которым можно было бы разуметь систему соотношения разных элементов языка, т. е. соотношения разных ярусов языка, морфемных компонентов слова или членов словосочетания и предложения.

В дальнейшем после изучения строя или системы языка исследование проводится либо в вертикальном направлении,

либо в горизонтальном, что лишь отчасти может соответствовать диахроническому и синхроническому подходам к явлениям языка. В первом случае лингвисты прибегают к историческому языкознанию, в котором сравнительно-исторический метод наряду с внутренней реконструкцией занимает существенное место, но никак не единственное и не всегда главное. Во втором же случае мы имеем дело с типологическим изучением одного или ряда языков как родственных, так и неродственных, развивающихся или функционирующих в условиях той или иной степени контакта между собою, например узбекского и таджикского, монгорского и тибетского, а также языков, которые находятся вне какой бы то ни было реальной исторической связи между собою, например кечуа в Южной Америке и маньчжурского на Дальнем Востоке.

Конечно, при этом не следует упускать из поля зрения того обстоятельства, что, как известно, родственные языки могут терять все контактные связи между собою, например якутский и турецкий языки, и вступать в тесное соприкосновение с совершенно другими языками, например язык афганских монголов, примерно с XIV в. оказавшийся в окружении различных языков Афганистана и отчасти Средней Азии и в результате этого утративший сингармонизм гласных, и языки дунсянский, баоаньский и монгорский, очутившиеся в тибетско-китайском языковом окружении.

Историческое изучение в лингвистике по преимуществу представляет собою пока исследование одних и тех же «материй» или одних и тех же явлений в ходе эволюционного развития одного или ряда языков. В этой связи можно было бы вспомнить образование долгих гласных в различных алтайских языках, различение так называемых первичных и вторичных долгот, образовавшихся либо в результате выпадения интервокальных согласных (например, монг. $-ē- < -ege-$ в словах типа $дёрё < дегере$ 'на'), либо морфологически или позиционно (например, монг. $-ī- < -y-$ в словах типа $малің < мал-ун$ 'скота', род. пад., $-ī- < -i-$ в словах типа $хї- < кї-$, ср. бурят. $хе-$, калмыцк. $ке-$ 'делать'). Имеет смысл в данном случае присмотреться к такому типу образования долгих гласных, как в тюркских $тау$, $тоо$ и т. д. из предполагаемого исконного $таг$ 'гора' при общности в тюркских языках конечного $к$, совершенно невозможности в монгольских языках, — эти явления никак не могут быть разъяснены методами сравнительно-исторического языкознания и нуждаются в иной интерпретации, нежели явления образования долгих гласных в результате выпадения интервокального согласного.

Совершенно необязательно, чтобы изучаемые языки были родственными, например, можно проследивать различные

семантические и фонетические перипетии санскритского слова *vajra* 'жезл' в лексике ряда языков народов Востока. Это слово проникло в монгольский язык в виде *vacir*, диалектное *ocir* 'жезл' и *Очир* (имя собственное) через согдийско-уйгурское посредство и в облике *бадзър* (имя собственное) через тибетское посредство.

Равным образом необходимо иметь в виду, что данные одних языков могут характеризовать какую-нибудь ступень пройденного прошлого других языков, например русск. *караул* и *есаул* отражают среднемонгольскую ступень в образовании долгих гласных (соответственно *карабул* > *караул* > *харул* 'стража' и *джасабул* > *джасаул* > *дзасул* 'распорядитель').

В связи с излагаемым, вероятно, нелишне отметить, что вряд ли можно относить к жанру исторических исследований изучение какого-нибудь языка по его состоянию на какой-либо один хронологический отрезок только потому, что такой отрезок уходит в далекое прошлое. Такого рода описательное рассмотрение живого или мертвого языка может лишь поставлять необходимый материал для последующего исторического изыскания, например, исследования лингвистических особенностей «Сокровенного сказания монголов» или памятников орхоно-енисейской письменности тюрков второй половины I тысячелетия нашей эры.

При типологическом исследовании лингвист имеет дело с различными «материями» и явлениями разных языков, как родственных, так и неродственных, и оперирует с аналогичными формами и явлениями тех же языков во всех ярусах и сферах последних. (При этом не исключаются явления из области семасиологии, например, различные производные значения одного и того же исходного однозначного словосочетания типа русск. *бессердечный*, монг. *зүрэхгүй* 'трусливый' и бурят. *зүрхэгүй* 'ленивый', букв. 'без сердца' и т. п.). Отсюда различные, зависящие от целей и задач данного лингвистического исследования, классификации языков, флективные, агглютинативные, изолирующие, или корневые, номинативные, эргативные, аналитические, синтетические, сингармонистические и т. п., очень часто перекрещивающиеся друг с другом или комбинированные, как, например, у Э. Сепира.

Можно утверждать, что типологические изыскания возможны и в пределах даже одного и того же языка, поскольку типологические или типизированные явления обнаруживаются в каком-либо одном или в одной группе диалектов одного и того же языка, например вокализм ряда узбекских или бурятских диалектов, расхождения в количестве падежей в диалектах монгольского языка (отсутствие и наличие соединительного падежа на *-ла*). Здесь сравнительно-исторический метод помогает лишь восстановить исходный

прототип изучаемых «материй», не давая ключа к пониманию различных эволюций. Так, например, шесть кратких гласных восточнобурятских диалектов *a, o, y, i, e, u* методами сравнительно-исторического языкознания возводятся к восьми древнемонгольским *a, o, y, i, ö, ü, e*, к которым же восходят семь кратких гласных западнобурятских диалектов (те же шесть плюс *ö*). Однако сравнительно-исторический метод сам по себе не может ни предсказать ту или иную форму эволюции вокализма, ни тем более раскрыть причинность последней. И если компаративисту это оказывается доступным, то он уже выступает в качестве типолога, поскольку типологическое исследование ряда различных языков устанавливает известную последовательность в развитии вокализма языков вообще.

В еще большей степени можно говорить о применении типологического метода к явлениям ряда родственных языков, например при изучении различных типов личной предикации некоторых глагольных форм в монгольских, тюркских и тунгусо-маньчжурских языках, точнее наличия или, как в халха-монгольском и уйгурском, отсутствия таковой. Сказанное относится также и к исследованию различных типов прогрессивной и регрессивной ассимиляции гласных в монгольских и тюркских языках, среди которых уйгурский язык, как известно, стоит особняком по характеру регрессивной ассимиляции (вообще же в алтайских языках такая ассимиляция имеется, но в уйгурском языке она распространяется и на сферу словоизменения).

В случаях частной типологической классификации, обусловленной какой-либо непосредственной целью в рамках избранной проблемы, может оказаться, что родственные языковые единицы очутятся в разных классификационных группах. Например, чувашский язык по наличию в нем препозиционной отрицательной частицы *ан* < **e-n* 'не' выпадает из тюркской семьи и вместе с монгольскими, тунгусо-маньчжурскими и финно-угорскими языками включается в другую группу языков. Здесь сравнительно-исторический метод может лишь дать генетическое толкование данной чувашской частице, возводя ее вместе с монгольской *e-se* 'не' и эвенкской *еми* и *есин* 'не' к праформе **e*-. Однако, вероятно, сопоставление этой чувашской частицы с соответствующими формами соседних финно-угорских языков сможет объяснить, почему в данном отношении чувашский язык отличается от всех прочих тюркских языков: по-видимому, контакт этого языка с финно-угорскими способствовал сохранению в нем обозреваемой частицы (возможность заимствования чувашами этой частицы из какого-то соседнего неалтайского языка исключается). Далее, такие монгольские языки, как дун-

сянский, монгорский, баоаньский и афганско-монгольский, по отсутствию в них сингармонизма, утраченного под влиянием тибетско-китайских и иранских языков, типологически как бы выходят за пределы монгольских языков вообще.

Кажется очевидным, что без типологического исследования вообще невозможна разработка общей теории языка, общего языкознания, так как лишь сравнительное изучение различных языковых явлений, однородных и неоднородных, позволяет улавливать в различных языках общие закономерности функционирования и развития человеческой речи. Правда, типология как раздел языкознания не всегда в состоянии раскрыть причинность тех или иных изменений в различных языках, но она может предсказать вероятность того или иного направления языковой эволюции.

Из изложенного вытекает, что типологическое исследование обнаруживает типизированные, или специфические, признаки какого-нибудь языка лишь сравнительно с таковыми же другого языка, чаще всего по отсутствию в одном языке того, что имеется в другом языке. Здесь будет вполне уместным вспомнить из нашего лингвистического «просторечья» так называемые «специфические звуки» и «специфические буквы», рабочие термины в практике «языкового строительства». Причем эти специфические признаки изучаемого языка будут как бы представляться совершенно различно в зависимости от целей непосредственного лингвистического исследования или от того, с какими другими языками и в отношении чего сравнивается данный язык. Так, например, сингармонизм тюркских языков будет специфическим при сопоставлении с индоевропейскими языками, но не имел бы никакого значения при сопоставлении же с другими сингармоническими языками. Равным образом «специфические» звуки *ə*, *ʏ* и *h* ряда алтайских языков не были бы признаны в нашем лингвистическом обиходе таковыми, если такие же звуки имелись бы в русском языке. Если бы сингармонизм и агглютинация имелись во всех языках мира, то ни один лингвист их даже и не заметил бы.

Следовательно, абсолютной типологии языка или языков, отличной от строя или системы языка, не существует и не может существовать. Когда говорят о типологии какого-нибудь языка, то это при правильном применении данного термина означает только, что строй или система данного языка полностью или частично излагается в интересах и целях выявления его «специфических» признаков, повторяем, сравнительно с таковыми же другого языка. Поэтому надо признать, что при данном состоянии лингвистической науки создание общей типологии любой группы алтайских языков невозможно. Такая типология пока возможна лишь в целях

выяснения различий и сходств внутри самих алтайских языков или внутри каждой из групп последних.

Из изложенного вытекает, что словосочетание «сравнительная типология» является тавтологическим нонсенсом, поскольку вне сравнения «специфических» признаков одного языка с таковыми же другого языка вообще не может быть какой бы то ни было типологии как раздела языкознания. Построение же типологии какого-нибудь конкретного языка без изложения «специфических» признаков другого языка может оказаться допустимым, если при этом таковые молчаливо подразумеваются или остаются в черновой лаборатории исследователя. Но такого рода изыскания вряд ли будут представлять особую научную ценность, если в данном случае не определяются цели соответствующего лингвистического исследования.

Поэтому и понятие типа языка не имеет абсолютного значения и не может быть терминованным, поскольку по одному какому-либо признаку, например, агглютинации, синтезу-анализу, посессивному или эргативному строю предложения, невозможно определять всю систему данного языка. Любое типологическое определение языка является относительным, частным или условным, т. е. изменчивым в зависимости, повторяем, от целей и направления данного конкретного исследования. Следовательно, нельзя полагать, что и классификации языков мира, например в духе Шлейхера—Марра или Сепира, могут быть признаны универсальными или самоцелью типологического языкознания, поскольку такого рода попытки классификации языков либо беспредметны, если при этом не определены цели исследования, либо оказываются не в состоянии правильно наметить всеобщую схему эволюционного развития языков или отдельных сторон последних: история конкретных языков не подтверждает последовательность их эволюции по схемам Шлейхера и Марра (периода «бакинско-го курса») ни в одном из известных случаев.

Типологические изыскания пока могли бы обходиться без какой бы то ни было классификации языков мира, особенно по мнимому уровню их эволюционного развития. Однако беспредметность типологической классификации языков не исключает возможности или даже целесообразности типологического определения конкретных языков. Можно говорить, что в мире имеются агглютинативные, флективные, аналитические, эргативные и тому подобные языки, но нет целостных групп таковых, поскольку объединение ряда языков в какие-либо типологические группы оказывается случайным, произвольным, и поскольку такие языки не составляют органической и закономерной общности, как это имеет место в случаях генеалогической классификации или тогда, когда

определенные языки объединяются в так называемые «языковые союзы» или «сообщества». Иначе говоря, типологическая классификация языков мира имеет не большее значение, нежели сведение ряда языков в соответствующие географические группы, например «языки народов Севера».

Дело в том, что типологическое языкознание тем существенно отличается, например, от сравнительной этнологии, что языковые явления, будучи внешне однородными, не всегда оказываются результатами одних и тех же процессов. Здесь достаточно будет привести лишь следующие факты: а) начальный фарингальный *h* в алтайских языках либо развивается из некоторых губных согласных, либо появляется протетически; б) агглютинация в этих же языках возникла совершенно иначе, нежели в некоторых новоиндийских языках гила ассамского, где ей предшествовала флексия.

Равным образом одни и те же явления не всегда приводят к одним и тем же результатам, например, раннемонгольский гласный *i* оказал различное влияние на развитие фонетики монгольских языков: в калмыцком языке соседние гласные заднего ряда перешли в передние, а согласные остались без изменения (например, *сәлкән* < *салкн* 'ветер'), тогда как в бурятском языке те же согласные подверглись палатализации, а соответствующие гласные остались без изменения (например, *һалхяң* < *салкн* 'ветер').

Такого рода явления хорошо известны сравнительно-историческому языкознанию и тем более часто обнаруживаются в генетически разнородных языках. Иными словами, история конкретных языков показывает, что в развитии последних нет закономерной последовательности в смене определенных стадий или отдельных категорий, форм и т. д., как это оказывается возможным установить в области сравнительной этнологии, например форм религиозных верований, семьи и брака, типов хозяйственных культур и т. п.

Типологические изыскания дают, правда, возможность определить лишь вероятные пути эволюции языковых структур или отдельных звеньев таковых, отдельных форм, категорий, конструкций и т. д., иногда в противоположных направлениях, например, как от синтеза к анализу, так и от анализа к синтезу, чего совершенно не знает сравнительная этнология.

Итак, типологическое исследование базируется на приемах сравнения. Что же с чем сравнивается? За последние годы у нас стало трафаретным утверждать, что в лингвистике нет чисто описательных работ и что в любом описании языка содержится что-то от «историзма». В еще большей степени можно сказать, что любое описание содержит в себе элементы типологического подхода. Например, почти в лю-

Бой грамматике алтайских языков имеется глава, раздел или абзац о том, что в изучаемом языке отсутствует категория грамматического рода, что подлежащее и определение характеризуются препозицией соответственно в отношении сказуемого и определяемого и что при наличии количественного определения соответствующее определяемое имя употребляется в форме единственного числа. Вместе с тем в такой грамматике нет никакого упоминания о том, что в данном языке нет категории двойственного числа или различных классов имен... Почему? Да потому, что алтайские языки излагаются с оглядкой, например, на современный русский язык, — неважно, что при этом признаки последнего и не упоминаются. Таким образом, сопоставление признаков того и другого языков осуществляется неявно. Характерно, что в грамматических трудах по монгольскому языку, написанных самими монгольскими учеными, упоминаемые выше «специфические» признаки этого языка совершенно не упоминаются, поскольку эти труды пишутся без оглядки на другие языки.

Ответ на вопрос «что с чем сравнивается?» будет зависеть, по-видимому, от целей данного типологического исследования, в связи с чем и возникает проблема эталона сравнения. Практика монгольского языкознания выработала два эталона сравнения. В своих диалектологических исследованиях монголисты уже давно сравнивают диалектные формы с формами старописьменного монгольского языка, исходя из стремления неизвестное пояснить путем ссылки на известное, так как этот язык для ученых того периода и был наиболее изучен: схождения и расхождения какого-нибудь монгольского диалекта с данным известным языком давали представление об особенностях этого диалекта. С конца XIX в. формы старописьменного монгольского языка оказались эталонами сравнения уже по другой причине: этот язык в группе монгольских языков и их диалектов примерно на девять десятых стал тем, чем для современных романских языков является «вульгарная» латынь, или даже, в практике некоторых монголистов, фактически общемонгольским «праязыком». Поэтому старописьменный монгольский язык в качестве эталона сравнения имеет известное значение для сравнительно-исторической монголистики, если, конечно, сравнения с ним живых монгольских языков и диалектов проводить со строгим учетом и отбором того, что в этом языке является общемонгольским («праязыковым»).

После того как начали складываться современные монгольские литературные языки, калмыцкий, бурятский и собственно монгольский (халха-монгольский), эти последние стали эталонами сравнения при описании соответственно

калмыцких, бурятских и халхаских диалектов и говоров. Однако такое сравнение имеет сугубо практическое значение, например при уточнении орфографий этих литературных языков, разработке методики их преподавания в школах, орфоэпических норм и т. п. Таково же в общем положение вещей в тюркологии и отчасти в тунгусо-маньчжуристике. Впрочем, тюркологи и тунгусо-маньчжуристы не имеют своей «вульгарной» латыни, поскольку язык орхоно-енисейской письменности и особенно маньчжурский письменный язык не отражают соответственно общетюркского и общетунгусо-маньчжурского состояния, — в этом состоит существенное отличие этих алтаистских дисциплин от монголистики.

За последние годы тюркология обогатилась рядом так называемых сопоставительных грамматик некоторых тюркских и русского языков, например «Сравнительная грамматика русского и азербайджанского языков» под редакцией М. А. Ширалиева и С. А. Джафарова (Баку, 1954), «Очерки по сопоставительной грамматике русского и узбекского языков» А. И. Абражеева, П. А. Данилова и Р. И. Бигаева (Ташкент, 1960) и др. В тюркологии имеются некоторые работы иного сопоставительного характера, например, А. А. Исенгельдиной «Спектрально-рентгенологическое исследование сонорных согласных казахского и английского языков» (Москва, 1960) и т. п. Эта новая серия типологических работ имеет, конечно, специальное значение и преследует определенные практические цели, а потому не может оставаться вне поля нашего зрения.

Итак, мы хотим еще раз подчеркнуть, что в зависимости от целей соответствующего лингвистического исследования в качестве эталона сравнения или сопоставления может быть избран любой оправданный объект. Конечно, дальнейшая практика такого исследования и потребности жизни приведут к необходимости находить какие-то другие типы эталонов сравнения, например в области разработки принципов и приемов машинного перевода, если последний вообще окажется возможным (пока еще не время с порога отвергать попытки и поиски в этом направлении).

Как известно, сравнительно-исторические исследования в алтаистике до сих пор не привели лингвистов к особенно существенным результатам в том смысле, что и по сей день исконное родство алтайских языков все еще является весьма проблематичным и многими учеными вполне обоснованно отвергается или подвергается сомнению. Однако эти исследования показали, что сравнительно-исторический метод может быть с успехом применен и при изучении одних и тех же «материй» в ходе эволюционного развития ряда языков, не обязательно генетически родственных, но непременно находя-

щихся в условиях реальных исторических связей или «сообщества» в течение весьма длительного периода. Следовательно, при этом в известных случаях устанавливается генетическая общность ряда «материй», развивающихся в разных языках из одного общего источника, так сказать, из «праматерий», — эти «праматерии» невозможно ставить в один ряд с обычными заимствованиями эпохи письменных языков. Конечно, общим «источником» может быть либо один из изучаемых языков, либо какой-то третий язык — тот и другой могут быть, таким образом, как бы «праязыком» лишь в отношении некоторых «материй». Разумеется, здесь сравнительно-исторический метод не перестает быть таковым, ибо было бы странно, если бы природа и назначение какого бы то ни было научного метода изменялись в зависимости от позитивного или негативного результата того или иного изыскания с применением данного метода. Наоборот, является весьма примечательным длительное использование сравнительно-исторического метода в условиях, когда алтайская теория еще не создана или даже не может быть создана.

Таким образом, применение сравнительно-исторического метода как будто бы может выходить за пределы генетически родственных языков, поскольку при этом лингвист имеет дело с разными формами эволюции одной и той же «материи» независимо от генетического родства языков, в которых зарегистрированы эти формы. Здесь языковеду приходится изучать различные формы эволюции того общего, которое образуется в пору усиления контакта между прежде генетически неродственными языками: методы изучения этого общего вряд ли должны отличаться от приемов исследования того общего, которое обнаруживается в исконно родственных языках. В конце концов безразлично, каким образом и из чего образуется общее в языках, поскольку его эволюция с определенного момента подчиняется таким закономерностям человеческой речи, которые изучаются сравнительно-историческим методом. Например, при помощи такого метода доказано, что монгольская деепричастная форма на *-джу* и тюркская индикативная форма на *-ды* восходят к «праформе» на **-ды* со значением, пока еще не установленным. Это доказанное не может измениться и в том случае, если гипотеза об исконном родстве алтайских языков окажется совершенно отброшенной, причем оно, это доказанное, не может быть изучено никаким другим методом, кроме как сравнительно-историческим.

Впрочем, возможно, что опыт алтаистики подскажет насущную необходимость разработки и уточнения какого-то особого, специального метода изучения таких «материй», которые, будучи общими для ряда неродственных и родст-

венных или предположительно родственных языков, либо не восходят к состоянию соответствующего «праязыка», либо в каком-то отношении оказываются гипотетическими. В этой связи следовало бы вспомнить теорию контакта проф. Д. В. Бубриха, незаслуженно отвергнутую сначала противниками компаративистики, а затем и ортодоксальными сторонниками последней. Однако такой особый метод вряд ли существенно будет отличаться от сравнительно-исторического, который ведь применяется различно в зависимости от того, с какими явлениями родственных языков приходится иметь дело.

Алтаистика показывает, что изложенное выше связано с весьма ограниченной сферой применения сравнительно-исторического метода, при помощи которого изучаются как бы только общий фонд разных результатов эволюции и форм одних и тех же «материй», тогда как весь остальной массив достояния алтайских языков остается вне поля зрения исследователей. К этому массиву относятся «необщее» и семасиологически-функциональная сторона тех же общих «материй» этих языков. Например, если сравнительно-исторический метод обосновал единство упомянутых выше глагольных форм на *-джу* и *-ды*, то при помощи этого же метода невозможно вскрыть ни того, каким образом в тюркских языках данная форма оказалась индикативной, а в монгольских — деепричастной, ни того, какое значение имела исконная форма на **-ды*. Поэтому этот метод не может охватить все стороны родственных языков даже в рамках общего фонда последних. Это, конечно, не значит, что сравнительно-исторический метод устарел или должен быть заменен какими-то другими приемами исследования. Это значит только, что этот метод должен быть дополнен и сопровождаться другими методами лингвистического исследования, например приемами внутренней реконструкции и типологического анализа, что особенно важно именно для алтаистики.

Правда, можно говорить и о том, что в той или иной отрасли языкознания сравнительно-исторический метод исчерпал или почти исчерпал все свои возможности. Так, например, в сравнительной фонетике монгольских языков многое уже стало ясным, тогда как в области таковой тунгусо-маньчжурских языков многое еще остается требующим уточнения. Равным образом морфология алтайских языков вообще в своей изученности методами сравнительно-исторической лингвистики в основном может считаться исчерпанной. Иными словами, быть исчерпанным и быть устаревшим — не одно и то же: исчерпанное должно быть дополнено, а устаревшее — пересмотрено и заменено чем-то другим, более совершенным.

В алтаистике сравнительно-исторические исследования изучаемых языков должны быть дополнены типологическими, как уже сказано, наряду с методами внутренней реконструкции, поскольку сравнительно-историческая алтаистика вскрывает эволюционный путь развития алтайских языков в рамках агглютинативно-сингармонистического строя, в рамках лишь общего фонда совпадающих «материй», оставляя в стороне неагглютинативное и несингармонистическое, все то, в чем проявляются существенные различия между этими языками.

Эти различия между, например, монгольскими и тюркскими языками можно свести к следующим явлениям, хорошо известным и используемым противниками алтайской теории.

В области фонетики: 1) наличие в монгольских языках исконных начальных согласных *д, г, дж*, которые в тюркских языках появились поздно; 2) отсутствие в монгольских языках конечных согласных *дж, ч, т, к* и *ы* при наличии таковых в тюркских; 3) наличие в монгольских языках большого количества слов (около 4%) с начальным огласным *н* при ограниченности таковых в тюркских; 4) наличие в монгольских языках начального фарингального *h*, появляющегося в некоторых тюркских языках лишь протетически.

В области грамматического строя: 1) отсутствие в монгольских языках так называемого «отрицательного аспекта» с показателем *-ма- 'не'*, характерного для тюркских языков; 2) наличие в монгольских языках препозиционных частиц отрицания *йү* и *есе 'не'*, отсутствующих в тюркских (о чувашской частице *ан* см. выше); 3) наличие в монгольских языках двух форм местоимения 1-го лица множественного числа, включительной и исключительной, образованных соответственно средствами агглютинации и внутренней флексии от такого же местоимения единственного числа: *биде* и *ба* при *би 'я'*, в тюркских языках имеется лишь одно местоимение того же лица и числа, образованное агглютинативно; тунгусо-маньчжурские языки в данном отношении сходятся с монгольскими полностью; 4) наличие в монгольских памятниках XIII в. категории грамматического рода, в системе некоторых глагольных форм выражаемой средствами внутренней флексии, при полном отсутствии таковой в тюркских языках и их памятниках; 5) наличие в монгольской глагольной системе четырех изъявительных форм при наличии одной в тюркских языках (здесь не имеются в виду формы именного или причастного происхождения и характера); 6) относительное обилие в монгольских языках показателей формы множественного числа и некоторых залоговых форм при однородности таковых в тюркских языках, в чем

Б. Я. Владимирцов в свое время видел «смешанный» характер образования общемонгольского языка.

Общие же черты монгольских и тюркских языков имеются в ряде неалтайских языков, например в семитских, японском, уральских, новоиндийских и т. д.: несовместимость двух начальных согласных, отсутствие начальных согласных *л* и *р*, гармония гласных, агглютинация и т. п.

Все эти различия между монгольскими и тюркскими языками, приведенные нами выше не полностью, не могут быть изучены сравнительно-историческим методом. Следовательно, они должны подвергаться исследованию приемами типологического языкознания или по крайней мере описаны при помощи последних, если предположить, что эти явления не могут быть разъяснены типологически (мы хотим отметить, что не следует возлагать на типологический метод чрезмерные надежды, как и на любой другой).

В алтаистике все схождения и расхождения должны изучаться в определенном сопоставлении с аналогичными данными других, неалтайских, языков. Типологические, или структурные, схождения между отдельными алтайскими языками не всегда свидетельствуют о возможности выделения некоторых из них в соответствующие группы на началах их генетической общности или общности в условиях контакта. Так, например, никак нельзя объединять в одну группу башкирский, якутский, бурятский и эвенкийский (точнее, прибайкальские диалекты эвенков) языки по признаку развития фарингального *h* из проточного *с*, поскольку башкирский язык в данном случае было бы уместно включить в одно какое-то языковое сообщество с приуральско-угорскими, в которых наблюдается аналогичное фонетическое явление. Конечно, якутский, бурятский и эвенкийский языки могут быть объединены в одно прибайкальское сообщество, если их прочие специфические признаки будут дополнять изложенное фонетическое явление.

Задачей типологических изысканий в алтаистике является, во-первых, установление причин различных выражений в различных алтайских языках одних и тех же явлений, например, формы множественного числа, частицы отрицания и запрета, вероятности двойственного числа, выражения субъекта формами родительного, винительного и именительного, или основного, падежей в причастных и деепричастных оборотах и т. д. В историческом плане речь может идти об изучении последовательной смены различных средств и приемов передачи одного и того же выражаемого [например, внутренняя флексия (проблема протоалтайской агглютинации), смененная агглютинацией современного типа], а также смены характера выражения одними и теми же выража-

ющими, например, некоторыми глагольными формами (проблема образования системы глагольных форм в современных алтайских языках, в особенности — причастий и деепричастий). Далее, было бы важно выяснить, в силу чего и каким образом в изучаемых языках появляется и функционирует одна и та же лингвистическая «модель», т. е. конструкция (при этом сопоставительно с аналогичными явлениями в других языках, прежде всего в японском, кечуа, новоиндийских типа ассамского и т. д.). Именно конструкции грамматического и лексикологического характера могут быть предметами типологического исследования, тогда как на долю сравнительно-исторического изучения в качестве объектов остаются иногда только компоненты соответствующих конструкций и особенно аналитических форм. Разумеется, разные формы или виды подобных «моделей» должны изучаться в системе каждого данного языка отдельно, т. е. с учетом их сосуществования и софункционирования с разными формами других «моделей», в частности агглютинации с особого рода флексией, например в формах множественного числа личных местоимений, грамматического рода в системе глагола в ранних памятниках монгольского языка и т. д.

Конечной целью типологических изысканий в алтаистике должно быть обоснование или отрицание алтайской теории как таковой, выяснение реальных путей эволюционного развития различных групп алтайских языков с учетом внутренних и внешних факторов, т. е. роли влияния инструкторных языков, прежде всего иранских и китайско-тибетских, на развитие окраинных монгольских (утрата сингармонизма, личное спряжение неместоименного характера) и тюркских языков (определительные конструкции, характерные лишь для некоторых тюркских языков). Особенно важно для алтаистов выйти за пределы агглютинации и сингармонизма с тем, чтобы при исследовании далекого прошлого изучаемых языков получить возможность проникнуть в протоалтайское прошлое независимо от проблемы их исконного родства. Разумеется, всему этому должно предшествовать развернутое описание алтайских языков в свете задач типологической лингвистики.

Еще несколько слов о «специфических» признаках в связи с классификацией некоторых алтайских языков. Как известно, эти языки выделены в данную группу как будто бы по генеалогическому принципу. Пока оставляя в стороне вопрос о характере общности алтайских языков («семья» или «сообщество?»), затронем вкратце проблему классификации внутри каждой из групп этих языков — монгольских, тюркских и тунгусо-маньчжурских. Бесконечные опыты классификации названных языков, особенно тюркских, до сих пор не увенчались успехом, точнее говоря, не получили общего

признания. Дело в том, что при этом, главным образом в тюркологии, предпринимаются попытки сочетать несочетаемые вещи: принципы генеалогические с типологическими, например, включение в одну группу башкирского, якутского, даже бурятского и эвенкийского языков по признаку образования фарингального *h* из проточного *s*.

Типологические классификации, например, тюркских языков могут быть различными в зависимости от целей непосредственного лингвистического исследования или от того, какие признаки считаются существенными. А между тем существенность или несущественность «специфических» языковых признаков вряд ли может быть оправдана в качестве универсальных, ибо любой признак в одном случае может быть существенным, а в другом — несущественным. Например, в плане известных типологических изысканий И. И. Мещанинова сингармонизм алтайских языков может даже и не быть замеченным, хотя этот признак весьма важен в случаях морфологической и, тем более, фонологической классификаций.

То, что возможно, например, в славистике, а именно — сочетание типологического и внутри-генеалогического принципов классификации языков, совершенно исключается в тюркологии, монголистике и отчасти тунгусо-маньчжуристике. В алтаистике помимо изложенного — необходимости не допускать смешения генеалогического и типологического, если таковые не являются сочетаемыми, — следовало бы оперировать понятиями «признак» и «подпризнак». Например, сингармонизм гласных безусловно является существенным признаком алтайских языков, если эти языки сопоставлять, в частности, с индоевропейскими, но утрачивает свое значение, если эти же языки сравнивать с какими-либо другими сингармонистическими языками. Но в ряду последних для выделения алтайских языков в особую типологическую группу приходится отмечать виды или типы сингармонизма гласных, например, по наличию или отсутствию явлений губного притяжения, что и окажется «подпризнаком». Такого рода «подпризнаки» имеют свое значение и для классификаций внутри родственных языков. Например, ойратский язык, сохраняя древнемонгольский тип, по отсутствию явлений губного притяжения противопоставляется всем прочим монгольским языкам, что особенно проявляется на качестве долгих гласных: ойратск: *долāн* < *долубан* 'семь', бурятск. *до-лōн*.

Как известно, аналогичное противопоставление иногда можно наблюдать и внутри одного и того же языка, в его диалектах и говорах. Например, если большинство казахских говоров в СССР характеризуется отсутствием губного при-

тяжения (*дөңгелек* 'колесо'), то говор монгольских казахов обнаруживает такое притяжение (*дөңгөлөк* 'колесо') без какого бы то ни было влияния со стороны монгольского языка (наоборот, монгольские казахи живут в ойратском окружении, а, как уже говорилось, для ойратского языка характерно именно отсутствие губного притяжения). Таким образом, по отсутствию или наличию губного притяжения одной части и монгольских и тюркских языков противопоставляется другая группа тех же языков: наглядное свидетельство несовпадения генеалогической классификации и типологической, причем такое несовпадение не может быть объяснено наличием или отсутствием контакта между носителями названных языков. Стало быть, здесь необходимо видеть проявление лишь общих закономерностей, характер которых зависит от внутренних структурных особенностей того или иного языка.

Историческое изучение алтайских языков может показать нам, что на разных этапах своего развития они или некоторые из них могут менять свою типологическую природу, т. е. переходить из одной типологической группы в другую, конечно, частично, т. е. в частных классификациях. Так, например, как уже отмечалось выше, монгольская речь раннего периода (XIII в. и раньше) по наличию в ней внутренней флексии и категории грамматического рода не оказывается полностью агглютинативной. Мы уже не упоминаем об общеизвестных фактах смены синтетичности аналитичностью в ряде индоевропейских языков, появления агглютинации в некоторых новоиндийских языках типа ассамского и т. д.

Важным для алтаистики является выяснение причин опделенных структурных изменений в тех или иных языках. Так, например, действие законов губного притяжения в системе вокализма ряда алтайских языков оказывается явлением поздним и обусловленным внутренними закономерностями в развитии этих языков без какого бы то ни было влияния со стороны других языков. А между тем утрата законов сингармонизма гласных в ряде алтайских же языков объясняется влиянием со стороны китайско-тибетских и иранских языков.

**СТРУКТУРНАЯ ТИПОЛОГИЯ,
ЯЗЫК-ЭТАЛОН И ЗАДАЧИ
ОБЩЕЙ ТЕОРИИ ЯЗЫКА**

Выдвигаемая представителями структурной типологии задача построения универсальной грамматики как общей теории отношений языковых систем, позволяющей построить алгоритмы перехода от языка к языку, несомненно, имеет огромное практическое, народнохозяйственное значение. Однако не менее несомненно, что эта теория может принести ожидаемые результаты только в том случае, если она будет в полной мере учитывать типологические особенности реально существующих языков.

Особое значение в этом плане приобретает проблема строя изолирующих («аморфных») языков, что связано с вводимым структуральным языкознанием методом «ступенчатого» выявления языковых типов путем установления их места в «признаковом пространстве», причем за начало отсчета (язык-эталон или метаязык) принимается «аморфный» язык.

Данная методика, очевидно, предполагает, что реально существующие «аморфные» (изолирующие) языки либо в основном совпадают с языком-эталонном, либо могут быть определены операционально как первая ступень его трансформации, т. е. языковая структура, наиболее близкая к «идеальной» метаструктуре.

Однако оба предположения не соответствуют действительности: реальный строй этих языков не только нетождественен по своим признакам языку-эталону, но и не может быть определен при помощи предлагаемой методики.

Причина этого лежит в том, что данная методика зиждется на ошибочном предположении, что мерки, выработанные на языках флективных, имеют всеобщую значимость, применимы ко всем языкам.

Она не учитывает, что все категории языка суть явления исторические, не учитывает закономерностей развития грамматических классов и категорий и различного характера их взаимоотношений в языках разных типов в силу системности явлений языка.

«Строгий» подход к анализу языкового строя, исходящий из постулата о выделении классов слов только на основе парадигм словоизменения, носящих обязательный характер, противоречит реальному процессу развития языка, в ходе которого сначала появляются разнородные классы, которые лишь затем в той или иной мере обрастают формами и категориями.

Чем ближе язык по своему типу к аморфному метаязыку, тем больше в нем удельный вес явлений, обусловленных не языковыми системами, а факторами, обычно относимыми к экстралингвистическим (характер выражаемого понятия, референтная отнесенность, объективные и объективно-субъективные потребности общения и т. п.), а также такими собственно лингвистическими факторами, как принадлежность к определенному подклассу, характеризующему либо в плане содержания определенным типом значения, либо в плане выражения словообразовательной моделью, отношением к норме и количественными признаками слова и словосочетания.

Принадлежность слова к определенному классу в китайском языке определяется прежде всего его синтаксической валентностью, в основе которой лежат факторы референтной отнесенности и понятийного содержания слова, ограничиваемые такими факторами, как влияние словообразовательной структуры, внутренней формы и отношения к норме современного языка.

Однако эти ограничения не носят абсолютного характера. Объективные потребности общения, определяя степень реализации возможностей развития слова, вместе с тем иногда преодолевают и указанные ограничения, ломая сопротивление языкового материала и присваивая слову новые функции.

В этих условиях, если характер вещественного значения дает базу, скажем, как для глагольного, так и для субстантивного употребления и этому не препятствуют внутренние признаки слова или ограничения, накладываемые нормой, такое слово потенциально всегда может совмещать в себе оба значения, т. е. быть бивалентным.

Однако случаи поливалентности строго ограничены действительными (хотя и развивающимися) потребностями общения. Только один тип слов — слово, образованное из двух синонимичных (парных) глагольных морфем, устойчиво дает вербально-субстантивные пары (*лаодун* 'труд', 'трудиться'). В основном же господствует моновалентность слова.

Помимо признака синтаксической валентности, а также словообразовательной структуры, иногда являющейся важным дополнительным признаком принадлежности к тому

или иному классу слов, некоторые классы слов способны приобретать в речи определенные грамматические формы.

От определения их природы и дистрибутивных признаков зависит, по нашему мнению, решение проблемы, обладают ли китайские слова, одним-единственным общеграмматическим значением, а отсюда и решение вопроса о том, нарушает ли поливалентность тождество слова.

Грамматические формы слов в китайском языке очень немногочисленны, причем о наличии категории в строгом смысле можно говорить, пожалуй, только применительно к виду глагола. Категория вида (или видо-временная категория) образуется противопоставлением друг другу трех суффиксальных форм: 1) совершенный вид (-ла), 2) испытанный (-го), 3) продолженный (-чжэ и аналитическая форма *цзай*+глагол).

Трактовка бессуффиксального глагола как нулевой формы несовершенного вида (дававшаяся автором в учебнике 1953 г. и ранее) представляется сейчас спорной ввиду факультативности совершенного вида (в ряде случаев обе формы — форма на -ла и бессуффиксальная — находятся в непротивопоставляющей дистрибуции).

Анализ употребления формы на -ла показал, что она, как правило, применяется во всех тех случаях, когда отсутствует актуализация данного понятия действия какими-либо иными средствами (внутренняя или внешняя, имплицитная или эксплицитная), нет препятствий со стороны языковой нормы и, кроме того, внимание говорящего фиксируется именно на данном действии, что бывает, в частности, когда данный глагол сообщает нечто новое (т. е. входит в предикат суждения).

Отсюда гипотеза о том, что в основе данной и ряда других грамматических форм лежит более широкая категория актуализации, чем объясняются не только особенности их употребления, но и та дополнительная информация (индивидуализация, конкретизация, выделение), которую они несут в случаях, характеризующихся непротивопоставляющей дистрибуцией с бессуффиксальной формой.

О чем говорят описанные особенности формы на -ла? Видимо, если даже признать наличие нулевой формы в тех случаях, когда в изолированном предложении противопоставление суффиксальной и бессуффиксальной формы не вызывает сомнений, видовая (видо-временная) парадигма в своем употреблении настолько связана закономерностями речевой цепи, что относится не столько к парадигматике, сколько к синтагматике языка.

Поскольку это едва ли не единственный случай, где язык более или менее дает основания говорить о строгой пара-

дигме, следует, видимо, признать, что устойчивых словоизменительных признаков, характеризующих слово в языковой системе, в китайском языке не существует.

Если согласиться с положением о том, что единое общеграмматическое значение слова формируется его словоизменительными категориями, в китайском языке такого значения нет. Именно об этом, видимо, говорят и довольно распространенное совмещение словом функций двух и более частей речи (поливалентность) и потенциальная способность китайского слова приобретать любую валентность под влиянием объективных потребностей общения, если этому не препятствуют ограничения, накладываемые языком, а иногда и вопреки им. Но если это так, то и устойчивая поливалентность слова не нарушает его тождества, не превращает его в разные слова, в грамматические омонимы.

Однако вопреки распространенному мнению мы считаем, что все это не влечет отрицания наличия разнородных классов. В отечественном языкознании принято противопоставлять концепции Щербы — Виноградова (слово оформлено уже тем, что оно несет известные функции, занимает определенное место в системе языка) и Фортунатова — Кузнецова (классы слов различаются грамматическими категориями, выражаемыми в изменении слова). Думается, что это противопоставление ошибочно. Обе концепции в основном правильны, но в полной мере относятся к разным этапам выделения частей речи (к разным типам языкового строя).

Ниже предлагается гипотеза о двух этапах выделения частей речи:

а) как лексико-грамматических классов слов, характеризующихся синтаксической валентностью, в основном моновалентностью, не исключаящей ограниченной поливалентности там, где этого от языка требуют интересы общения, частично способностью принимать определенные грамматические формы (сопутствующие категории), когда это необходимо в речи, а также иногда словообразовательной структурой;

б) как грамматических классов слов, общеграмматическое значение которых формируется сопутствующими им (частными) грамматическими категориями, носящими обязательный характер и образующими устойчивую парадигму.

Только в последнем случае слово выступает в языке как единство всех его форм, как инвариант, представленный в речи его вариантами (словоформами).

Признание системности всех признаков языка диктует необходимость различного подхода к проблеме тождества слова на этих этапах.

На первом этапе: при отсутствии обязательной парадигмы, закрепляющей общеграмматическое значение, понятие конверсии неприменимо, твердой противопоставленности частей речи в языке нет. Поэтому устойчивое использование слова в функции нескольких частей речи (поливалентность), если при этом отсутствует осязаемое (для носителя языка) расхождение лексических значений, может не нарушать его тождества; слово остается одним и тем же.

На втором этапе: обязательность парадигм, характеризующих разные части речи, дает твердую противопоставленность последних. Слово всегда есть одна определенная часть речи. Устойчивое использование слова в функциях и формах разных частей речи нарушает его тождество, порождает грамматические омонимы, два разных слова (явление конверсии).

Последовательно системный подход к языку, таким образом, во-первых, исключает механическое перенесение критериев и мерок с языка одной типологии на язык другой типологии и, во-вторых, требует полного учета объемного, неоднородного характера языка, учета закономерностей как парадигматики языка, его системы, так и синтагматики, где, особенно в языках изолирующих, мы имеем дело преимущественно с закономерностями нормы. При этом особо важно учитывать соотношение и удельный вес явлений системы и нормы в языке того или иного типа, степень противопоставленности языковых единиц, классов и категорий (т. е. признаки структуры в узком смысле).

Только исключением из признаков грамматического строя всего того, что не отвечает определению грамматического как носящего обязательный характер, а отсюда исключением из анализа явлений нормы и структуры, т. е. отказом от последовательно системного анализа грамматического строя, учитывающего все три его слагаемых (норма, система, структура), можно объяснить превратное представление о строе аморфных языков и выработку методики, не способной вскрыть их реальные признаки.

Известную роль здесь, видимо, играет и наивный номенализм, исходящий из ближайшего значения слов «аморфность» и «факультативность». Применительно к реально существующим изолирующим языкам аморфность не означает ничего иного, кроме способности слова (для некоторых классов — лишь в определенных условиях) выступать в речи вне грамматических форм, что отнюдь не лишает их грамматической определенности.

В термин «факультативность» может с известным основанием вкладываться два значения: во-первых, необязательный характер категории там, где она существует,

наличие в языке условий, при которых возможно или следует обходиться без нее; во-вторых, возможность в определенных условиях выбирать: использовать данную грамматическую форму или обойтись без нее, оставив слово неформленным. Однако сам выбор всегда обусловлен субъективно-объективными факторами логико-грамматического порядка и закономерностями языковой нормы. Следовательно, применительно к реальным языкам можно говорить только об относительной аморфности и относительной факультативности.

В качестве общего вывода можно констатировать существенное различие в удельном весе в строе изолирующих и флективных языков факторов внелингвистических и собственно лингвистических. Парадигматика в китайском языке находится под сильным воздействием отражаемой в сознании действительности и занимает сравнительно небольшое место в языковом строе. На первый же план выступает синтагматика языка, закономерности употребления и соединения элементов в речевой цепи как средства выражения мысли.

Соответственно в строе языка главное место занимают явления не системы, а нормы. Даже то, что во флективных языках безоговорочно относится к системе, в китайском в основном подчиняется закономерностям нормы. Поэтому, с одной стороны, имманентный подход здесь исключает всякую возможность что-либо понять в строе языка. С другой стороны, сам характер строя изолирующих языков, которые представляют не столько совокупность теоретико-множественных характеристик, сколько совокупность характеристик теоретико-вероятностных, предполагает особую эффективность применения в их анализе точных методов — вероятностной методики и дескриптивного анализа,—позволяющих достаточно полно характеризовать их «языковое пространство» как степень реализации заложенных в строе языка возможностей.

Последнее особенно важно, так как явления нормы имеют нередко сугубо индивидуальный, вероятностный характер.

Отсюда вывод о необходимости органического соединения двух сторон: полного раскрытия реального строя языка во всех его исторически обусловленных и взаимообуславливающих признаках и массового обследования языкового материала с применением точных методов, позволяющего проверить и уточнить теоретическое объяснение и дать полный свод правил языка.

Видимо, только на основе учета полученных таким образом описаний изолирующих и близких им по строю языков можно подойти и к решению грандиозных теоретических

и практических задач, которые мы упоминали в начале нашего сообщения.

Думается, что обнаруженное несоответствие между постулатами общего языкознания (в том числе и структурной типологии) и фактами изолирующих языков выдвигает перед языковедами по крайней мере три задачи.

Во-первых, привести эти положения в соответствие с действительностью языка и закономерностями его развития.

Во-вторых, проверить трактовку строя нефлективных языков, в которых под влиянием этих положений некоторые факты могли быть не учтены или неправильно истолкованы.

В-третьих, вскрыть и проанализировать все следствия, вытекающие из данной трактовки строя изолирующих языков для определения предмета и методов языкознания.

ТЕЗИСЫ О ПРИРОДЕ ПОНЯТИЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ТИПОЛОГИИ

1. Типология есть часть языкознания, которое вместе с другими науками (логика, эстетика, психология и т. п.) изучает язык. В истории языкознания были выделены четыре фактора звукового (естественного) языка, определяющих предмет языкознания (в отличие от предметов других наук о языке): а) социальная природа языка, б) линейность речи, в) физико-физиологическая природа артикуляционного аппарата и г) индивидуально-психические факторы в языке. Последний фактор не является внутренне присущим любой лингвистической теории и поэтому рассматриваться далее не будет.

2. Социальная природа языка обуславливает его существование не в индивидуе, а в обществе. Отсюда язык, с одной стороны, стабилен как известный набор слов и грамматических правил, с другой — изменчив, причем перемены происходят под влиянием социальных причин, но в пределах, допускаемых прочими факторами, выделяемыми языкознанием.

Под линейностью речи понимается тот факт, что при языковом общении, наблюдаемом лингвистикой, звуки следуют друг за другом. Высказывания имеют только одно — временное — измерение, поэтому части высказываний, выделяемые лингвистикой, рассматриваются только в отношениях предшествования и следования, совместной и раздельной встречаемости, контактного и дистактного расположения.

Линейность речи, по-видимому, приводит к так называемому функциональному делению, которому отвечает лингвистическая абстракция «язык как система», т. е. набор уровней и единиц этих уровней, сводимых в классы. Линейность придает языку как системе особую, специфическую форму существования, именуемую «членораздельность».

Под членораздельностью понимается функциональная делимость потока звуков на парадигматику и синтагматику, уровни и единицы уровней, классы и единицы классов. Свой-

ство членораздельности присуще всем естественным языкам и является в этом смысле универсальным.

Физико-физиологическая природа артикуляционного аппарата ограничивает количественно состав звуков, придает им физически определенные характеристики. Состав звуков, их физические характеристики и способы комбинирования в потоке речи индивидуальны для каждого языка.

Если линейность речи создает членораздельность, то физико-физиологическая природа указывает на конкретное проявление единиц функционального деления и дает языку «способ членораздельности». Под способом членораздельности понимается способ «манифестации» единиц языка.

3. Типологическое исследование может пониматься в двух планах: а) исследование, занимающееся сравнением языков, исходя из всех трех или четырех факторов; б) исследование, занимающееся только вторым и третьим факторами. Первое есть типология в широком смысле слова, второе — типология в узком смысле слова.

Типология в широком смысле слова не может базироваться только на одной лингвистике. Она по необходимости включает в себя логику, психологию и обществоведение (историю, археологию, этнографию, политическую экономию и т. п.). Типология в узком смысле слова может быть ограничена одним языкознанием. Ее правильнее называть лингвистической типологией, имея в виду, что она всегда была присуща языкознанию как науке. Лингвистическая типология имеет дело с членораздельностью и способом членораздельности.

4. Среди прочих лингвистических дисциплин лингвистическая типология располагает своим методом. В настоящее время языкознание располагает тремя методами: синхронно-описательным, иначе дескриптивным, сравнительно-историческим, иначе генетическим, и типологическим¹. Сравнение исходных пунктов и возможных результатов применения методов показывает, что они с разных сторон рассматривают членораздельность и способ членораздельности языка, не противоречат друг другу, но дополняют друг друга.

Если дескриптивный и генетический методы обращают внимание по преимуществу на членораздельность, то типологический метод ставит во главу угла способ членораздельности. Если дескриптивный и генетический методы имеют свои постулаты в истории языкознания (тезисы о конвенциональ-

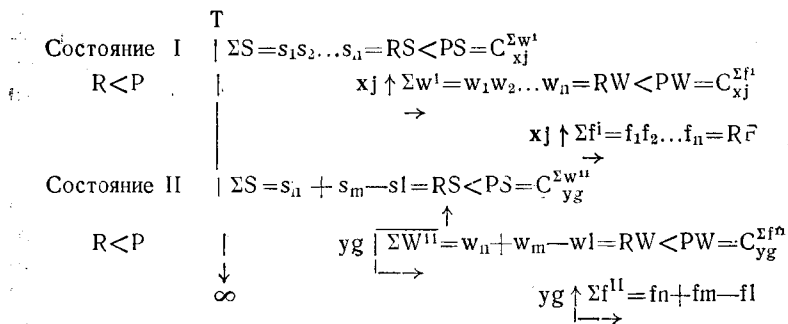
¹ Методы как способы познания объекта мы отличаем от вспомогательных методов или приемов, представляющих собой набор процедур, которые благодаря своему формальному характеру дополняют методы и облегчают в некоторых сферах работу исследователя.

ности и неконвенциональности языка), то типологический метод из-за малой его разработанности не имеет четко сформулированного постулата.

5. Суммируя общетипологический подход к языку в истории языкознания, типологический постулат о языке может быть сформулирован так: язык располагает ограниченным количеством звуков и их комбинаций, но обладает способностью к выражению бесконечного числа лингвистических смыслов.

Эта формулировка может быть конкретизирована так: а) единый глоттогонический процесс распадается на ряд участков, называемых конкретными национальными языками (русский, французский, китайский и т. д.); б) каждый конкретный язык никогда не реализует всех доступных ему потенций звуковых разнообразий²; в) у конкретного языка всегда есть резерв новых разнообразий, по мере создания новых разнообразий старые выходят из употребления; г) замена старых разнообразий новыми перестраивает способ членораздельности языка (так сказать, изменяет его тип).

Это уточнение типологического постулата о языке для конкретного языка может быть сведено к такому изображению:

∞ — разнообразие смыслов, \uparrow — парадигматика, \rightarrow — синтагматика, I, II — индексы состояния языка, R — реализованные единицы, P — потенциальные единицы, S — сумма предложений, $s_1 s_2$ — конкретные предложения, RS — реализованные предложения, PS — все допустимые по правилам данного языка предложения, ΣW — сумма слов, $w_1 w_2$ — конкретные слова, RW — реализованные слова, PW — потенциально допустимые по правилам данного языка слова; Σf — сумма

² Под термином «разнообразие» мы понимаем функционально значимое различие в звучаниях, которое выявляет весь набор лингвистических единиц языка: фонем, морфем, грамматических конструкций и т. д.

фонем, $f_1 f_2 \dots$ — конкретные фонемы, RF — реализованные фонемы, C_{xj}^m — сочетания из единиц некоторого уровня (m) по X — длина сочетания, при j — правила ограничения сочетаемости элементов.

6. Непосредственно наблюдаемым в типологии фактом является перестройка способа членораздельности языка, которая обнаруживается в смещении и изменении связей между уровнями путем формирования единиц иного типа (падение и появление сингармонизма, архифонем, тонов, числа фонем в морфемах и формантов склонения и спряжения, позиционных возможностей членов предложения и т. п.).

Однако наблюдаемая в современном языкознании история конкретных национальных языков не может дать исчерпывающего перечня смены способов членораздельности. Поэтому в типологии, как правило, гипотетически всегда предполагалось, что все существующие языки представляют единый глоттогонический процесс, в котором уже даны все способы членораздельности (все значения x и j , y и g).

7. Для фиксации способов членораздельности в едином глоттогоническом процессе должны быть уточнены и дополнены типологические понятия (арсенал которых в связи с особенностями развития языкознания довольно невелик, а точность сомнительна). Единственным способом уточнения и выведения дополнительных типологических понятий является материал разных конкретных национальных языков, взятых для сравнения как состояния единого глоттогонического процесса. Понятия должны выводиться на некоторых национальных языках, действовать и проверяться на прочих национальных языках так, как это делалось в истории любой науки.

8. Общим признаком всякого типологического понятия является то, что в нем в общем виде фиксируется связь между уровнями в пределах единицы, например «флексия», «агглютинация» традиционно обозначают способ связи морфем (один уровень) в слове (другой уровень).

Типологические понятия должны выводиться и уточняться так, чтобы удовлетворять этому требованию. Отсюда, желая получить данные о типологии, например слова, нельзя сравнивать между собой слова разных языков, а следует сравнивать формы главных отношений, в которые вступает любое слово в любом языке; именно: слово — предположение, слово — слово, слово — фонемный состав.

Поскольку в типологии сравниваются не функциональные единицы, а их связи, типологические понятия отличаются от понятий дескриптивной и генетической лингвистики не только своим содержанием, но и группировкой.

Типологические понятия могут быть трех родов:

А. Различающие признаки языков.

Термин «различающие признаки» мы вводим как типологический в отличие от термина «различительные (или дифференциальные) признаки», принятого в дескриптивном описании.

Различающие признаки языков содержательно так или иначе формулировались в дескриптивном и генетическом описании языков, но они никогда не сводились вместе и не имеют формализованной процедуры выведения.

Приведем примеры некоторых различающих признаков языков, фиксированных содержательно в различных описаниях:

1) морфологическая значимость слогаделения: границы морфем проходят там же, где границы слогов, как в китайско-тибетских и мон-кхмерских языках;

2) количественная определенность фонемного состава морфемы. Морфема всегда выступает в определенном количественном составе, как в малайско-полинезийских или алтайских языках в отличие от русского, где фонемный состав морфемы колеблется (ср. *брал*, но *берете*);

3) функциональная слитность (раздельность) фонемных классов. Корни и аффиксы представлены одними и теми же классами фонем, как в русском языке, в отличие от семитических, где корни представлены только согласными;

4) наличие или отсутствие корневых слов;

5) наличие или отсутствие нулевых форм слова;

6) наличие композита со всеми типами связей, характерных для словосочетаний;

7) наличие переразложения и опрощения;

8) новосоздание категорий словоизменения;

9) много или мало аффиксов;

10) многозначность аффиксов;

11) полифункциональность аффиксов;

12) групповое оформление;

13) личное спряжение;

14) падежи;

15) субъектно-объектное спряжение;

16) строгий или вариантный порядок слов в пределах конструкции из двух имен и одного глагола;

17) возможность маргинального расположения сказуемого;

18) вариантность позиции именных членов относительно глагола и т. п.

Рассмотрение предложенного примерного перечня показывает, что: а) некоторые признаки относятся к связи между фонемным и морфемным (или словесным) уровнями; б) другие—к связи между словесным уровнем и уровнем пред-

ложения; в) третья категория признаков как бы выявляет способ отношения слова к слову в процессах слово- и формообразования.

9. Различающие признаки языков подобны различительным (или дифференциальным) признакам, принятым в дескриптивном описании, только в двух планах: а) они выводятся из сравнения на общем основании минимум двух лингвистических явлений, б) они могут прикладываться к прочим явлениям и тем самым проверяться с точки зрения объяснительной силы.

Различающие признаки не похожи на различительные (или дифференциальные) прежде всего своим содержанием, потому что они: а) фиксируют межнационально-языковые, а не внутринационально-языковые отношения и б) объясняют не единицы членораздельности, а способ членораздельности, принятый в конкретном национальном языке или языках.

При выведении различающих признаков берется не отдельный идиолект или набор текстов, а все языки как общее состояние единого глоттогонического процесса. Сегментация этого состояния проводится не по отдельным повторяющимся физическим признакам, а на основании данных лингвистики о том, что обозримый материал глоттогонического процесса разделен на определенное количество языков. В этом случае лингвистически важнейшим аргументом для сегментации является генетическое родство языков.

Поскольку единицами в пределах сегментов выступают в типологии связи между уровнями, из данных лингвистики берется также: а) количество уровней, б) общие отношения между ними. Здесь наиболее надежными являются данные дескриптивной лингвистики.

Так, для типологического рассмотрения слова из дескриптивной лингвистики можно заимствовать уровни: НС, трансформационный и фономорфологический, что следует, например, из неизоморфности операций на каждом из уровней, отмечаемых трансформационной грамматикой.

В соответствии с типологическим постулатом количество различающих признаков ограничено в материале языков и выводится как конечное в пределах типологии исследуемой единицы.

10. Различающие признаки допускают логическую классификацию, языки могут быть классифицированы по различающим признакам, языки могут быть описаны логико-математическим путем через посредство различающих признаков. Однако все это не устанавливает связей между способом членораздельности и самой членораздельностью.

Для установления такой связи вводится вторая группа понятий:

Б. Периодические закономерности. Пример:

V/c ³	Кит. 2—3/1	Мон- кх. 1/1	Тиб. 1/2	Тюрк. 1/2—3	Индо- евр. 1/3—4	Семит. 1/6— 10
Функциональная слитность фонемных классов	+	+	+	+	+	—
Количественная определенность фонемного состава	+	+	+	+	—	—
Морфологическая значимость слогаделения	+	+	+	—	—	—
Наличие корневых слов	+	+	+	+	+	—
Отсутствие нулевых форм	+	+	+	+	—	—
Композита, реализующие все синтаксические правила	+	+	+	—	—	—
Переразложение и опрощение	—	—	—	—/+	+	+
Много аффиксов	—	—	—	+	+	+
Синтаксические категории словоизменения	—	—	+	+	+	+
Многозначность аффиксов	—	—	—	—	+	+
Полифункциональность аффиксов	—	—	+	+	+	+
Групповое оформление	+	+	+	+	—	—
Личное спряжение	—	—	+	+	+	+
Падежи	—	—	+	+	+	+
Субъектно-объектное спряжение	—	—	—	—	—/+	+
Вариантность расположения ЯТЦ ⁴ из двух имен и глагола	—	—	—	—	+	+
Возможность задней маргинальной позиции глагола	—	—	+	+	+	+
Вариантность позиции имени относительно глагола	—	—	+	+	+	+

³ V—гласные; С—согласные.

⁴ ЯТЦ—ядерная трансформационная цепочка.

В примере рассматривается типология слова. В строках таблицы размещаются различающие признаки (в примере даны не все). Знаки + или — показывают наличие или отсутствие того или иного признака в языке, характеризуемом соотношением гласных и согласных в морфеме или корневом слове, «взятом в системе».

Эмпирически обнаруживается периодическое поведение различающих признаков языков, взятых для слова. Выбор соотношения гласных и согласных предсказан как предшествующими исследованиями, так и тем соображением, что именно это есть наиболее общее выражение способа членораздельности в слове, связанное с тем, что «при произнесении слов в речи человек должен дышать».

Периодические закономерности, т. е. соотношения в таблице по горизонтали и вертикали, передают конкретные проявления общего способа членораздельности. Они могут указывать на связь между способом членораздельности и членораздельностью.

11. Проверка периодических закономерностей помимо наложения их на языки, не вошедшие в исследование, может производиться путем рассмотрения типологического (стадиального) развития языков. Конкретный язык в своем развитии проходит через непрерывную цепь состояний. Эта непрерывная цепь состояний может быть разбита на участки, называемые стадиями. Стадии одного и того же языка могут быть сравнены с помощью таблицы периодических закономерностей. В этом случае каждая из стадий представляется как самостоятельный конкретный язык. Границы между стадиями прокладываются посредством сохранения и падения различающих признаков. Если формы периодических закономерностей, получающихся при этом, отвечают периодическим закономерностям, полученным через соотношение гласных и согласных, то тем самым указывается на неслучайный характер совпадения различающихся признаков. Такой операции отвечает третья группа понятий: В. Стадиальная проверка.

12. Периодические закономерности, указывая на связь между членораздельностью и способом членораздельности, не содержат интерпретации этой связи. Содержательная интерпретация этой связи есть конкретная типологическая теория, которая может в пределах типологических закономерностей охватывать содержание связи в разных отношениях и с разной степенью глубины.

О ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ В ЯЗЫКОЗНАНИИ МАТЕМАТИЧЕСКИХ МЕТОДОВ

За последние годы типология становится модным понятием и модным словом. Все согласны, что это нечто очень важное и очень современное, но тем не менее все спрашивают, что такое типология? Некоторые полагают, что типология — это любое сравнение по любому признаку. Я не согласен с этой точкой зрения. Наука не может иметь дело с любым, т. е. случайным и по необходимости субъективным сопоставлением, а должна заниматься сопоставлениями, раскрывающими и развивающими закономерные связи объективной действительности.

Типология — это учение о типах общественных явлений, реально существующих в общественной действительности. Типология в языкознании изучает путем сравнения, сопоставления типы языков или более частных микросистем языковых явлений, которые существуют в реальной языковой действительности. Кстати сказать, в исторической действительности реальные языковые типы вовсе не являются механическим набором классов, организованных путем комбинаторного сочетания признаков, как считает Т. П. Ломтев¹. Такие абстрактно-логические классификации, с моей точки зрения, в отношении исторических явлений представляются бесплодными.

Можно искать примеры типологии и типов в разных общественных явлениях, например, учение Маркса и Энгельса об общественных формациях дает нам картину определенных типов общественной жизни. Я беру такие общеизвестные признаки феодализма, как мелкое производство непосредственного производителя при господстве крупной собственности на землю, низкая техника производства, слабый объем разделения труда, господство натурального хозяйства, прямая связь непосредственного производителя со средствами производства, в частности, крестьянина с землей, с наделом,

¹ Т. П. Ломтев, *Типология как учение о классах и типах языков*, — см. настоящий сборник, стр. 39—47.

с уплатой крестьянами ренты феодалу в результате внеэкономического принуждения со стороны сеньора и т. д. Это значит, что эти взаимосвязанные, внутренне обусловленные материальными предпосылками системы возникают всюду, где для этого есть исторические предпосылки. Закономерность заключается в том, что и в Испании и в Средней Азии при известном состоянии общественного развития производительных сил и производственных отношений мы имеем аналогичные надстроечные явления.

Разумеется, феодальные отношения во всем мире не могут быть тождественными. На Востоке, например, в связи с искусственным орошением появляются некоторые особые признаки общественной жизни, а именно: сохранение патриархально-родового и рабовладельческого уклада в обществе значительно дольше, чем на Западе, и т. д. Таким образом, существуют индивидуальные виды, индивидуальные особенности в историческом развитии, в общем типе, который определяется некоторыми чертами.

Историки литературы в последнее время также много говорят о типологии, например, о типе героического эпоса в средние века или о типе рыцарской любовной лирики или куртуазного романа, поскольку эти явления наблюдаются независимо друг от друга и на Переднем и Среднем Востоке, и в Западной Европе.

Но когда историки литературы говорят о смене ренессанса барокко, классицизма романтизмом и последнего критическим реализмом, под этим тоже подразумеваются известные типы литературных явлений, отличающихся друг от друга и возникающие в той или иной степени независимо друг от друга.

Что же касается сравнительно-исторической типологии в языкознании, то прежде всего я хотел бы сослаться на напрасно забытые и подвергшиеся несправедливому осуждению работы И. И. Мещанинова, который поднимает проблему субъектно-объектной структуры предложения и прослеживает в разных типах языков, с помощью каких морфологических и синтаксических средств выражается категория подлежащего, сказуемого, прямого дополнения и т. д. Эта методика кажется мне примером типологического рассмотрения, которое, может быть, не вполне охватывает языки как типы, но зато схватывает в них существенное, а не случайное. Субъектно-объектные отношения являются одной из самых универсальных категорий языка, поскольку они связаны с выражением в языке универсальнейших категорий человеческой мысли. В связи с этим, в частности, встает вопрос о так называемой эргативной конструкции и о ее отличии от номинативной.

Школа Н. Я. Марра склонна была связывать развитие этих конструкций, смену эргативной конструкции номинативной с известным изменением в мышлении. Против этой точки зрения можно возразить, поскольку, например, в некоторых индоевропейских языках, в частности новоиранских диалектах, эргативная конструкция развилась на базе номинативного строя. Значит, факты выдвигают здесь известную проблему, которую надо поставить, а именно: можно ли вообще подходить к явлениям типологии как явлениям исторического развития синтаксических типов? Я считаю, что основная задача заключается в том, чтобы, исходя из каких-то организующих, стержневых явлений языка или языков, дать возможно более широкое объяснение разных сторон грамматического строя. В этом смысле для меня до сих пор остается образцом несправедливо забытая книга проф. С. Д. Кацнельсона «Историко-грамматические исследования». По моему, это выдающаяся книга, в которой сделана конкретная убедительная попытка на примере древнеисландского языка показать, как в разных сторонах грамматического строя языка находят выражение его основные типологические черты как языка доминативного и раннеинформативного строя.

Перехожу к другому вопросу: необходима ли в типологическом исследовании математическая обработка языка? Вяч. В. Иванов говорит о необходимости внедрения в лингвистику точных методов. По его словам, в старой лингвистике наличествовали элементы точного исследования наряду с элементами субъективной интерпретации. В настоящее время происходит превращение лингвистики в точную науку путем ее математизации или кибернетизации². Мне кажется, что предрассудком является мнение, будто бы точными науками являются только науки математические и вообще будто бы общественные науки должны еще дорасти до математически точных наук, а пока они неточны в математическом смысле, а следовательно, находятся в донаучном состоянии. Когда это говорят математики, я считаю, что это объясняется недостатком у них философского образования. Что касается филологов, то мне кажется, что им не следовало бы этого говорить: в общественных науках существуют научные закономерности, вовсе не требующие математического выражения. Например, Маркс и Энгельс открыли закон, согласно которому история человечества является историей классовой борьбы, ведущей к созданию бесклассового общества. Этот закон абсолютно точный и не требующий математического выражения. Я думаю, что учение К. Маркса

² Вяч. В. Иванов, *Проблемы структурной типологии*, — настоящий сборник, стр. 33—38.

и Ф. Энгельса об общественно-экономических формациях тоже в основном не требует математического выражения.

Общественные науки требуют математической обработки только там, где мы имеем дело с явлениями количественного порядка. Например, политическая экономия должна строиться на основе экономической статистики, поскольку последняя предоставляет в ее распоряжение факты.

Математические подсчеты могут быть применены в теории стиха. Примером тому является работа акад. А. Н. Колмогорова по русскому стиху, открывающая большие перспективы. Поскольку стих определяется числом слогов и ударений, чередованием ударных и неударных слогов, а это явления количественные, постольку систематический количественный подход может дать очень существенные результаты. При этом не следует забывать одного очень существенного обстоятельства: акад. А. Н. Колмогоров прекрасно знает стихи, он цитирует стихи современные и классические, и когда он делает подсчеты, то они направляются тем непосредственным эстетическим восприятием, которое подсказывает ему, что именно считать.

Но вот возьмем пример из области грамматики. Хорошо известно, что и в немецком и в английском языках имеются слабые и сильные глаголы; регулярный тип — это так называемые слабые глаголы, а нерегулярный тип — это сильные глаголы, образующие прошедшее время с помощью изменения корневого гласного.

Если подсчитать соотношение сильных и слабых глаголов в немецком языке, то можно сказать, что корневых сильных глаголов около 160; вся остальная масса немецких глаголов — слабые глаголы. Я не знаю, сколько их — 5000, 8000 или 10000, но их тысячи. Если молодой исследователь, соблазненный точностью математического подхода к языку, считает, что в словаре немецкого языка сильных глаголов не 160, а, скажем, 158, а слабых глаголов не 3 или 4 тысячи, а 6570, и если он к тому же проделает трудоемкую работу для выяснения частотности сильных и слабых глаголов в немецких текстах, то я считаю, что такой псевдонаучный подход во всеоружии математики ровно ничего не прибавит к тому, что я формулирую словами: «Широко распространенный тип глаголов в немецком языке — это слабые глаголы и лишь малое число глаголов сильные».

Но вот другой вопрос, который статистика не решает: какой тип глагола в немецком и английском языках является продуктивным. Статистика может лишь сказать — сколько, много или мало, но не может сказать, что является продуктивным и что непродуктивным. Лингвисты, работающие в области исторического языкознания, хорошо знают, что рус-

ское окончание мужского рода родительного падежа множественного числа на *-ov* распространилось на очень большое число слов с численно маленькой группы основ на *-u*, так же как в немецком языке множественное число среднего рода на *-er* явилось результатом распространения по аналогии с десятка слов такого типа в древнегерманском языке. Значит, продуктивность не совпадает с частотностью. О продуктивности мы можем говорить тогда, когда можем, например, сказать, что вновь образованный в немецком языке или заимствованный глагол будет образовывать прошедшее только по слабому типу, т. е. когда мы сумеем войти в языковое сознание человека, говорящего на немецком языке. И это сознание (а оно вовсе не субъективный факт, сознание ведь тоже объективный факт) нельзя «подсчитать».

Язык как целое — неподходящий предмет для эффективной математической обработки.

Я хотел бы далее остановиться на некоторых интересных мыслях, высказанных Вяч. В. Ивановым, который, как и другие структуралисты, различает в языке план выражения и план содержания. По его мнению, план выражения — звуковые формы, которые имеют общую фонетику, и эта общая фонетика есть, так сказать, готовый, сложившийся фонетически метаязык. Это первое, что было сделано в области структурной типологии, говорит Вяч. В. Иванов.

Надо сказать, что нельзя вообще проводить простых параллелей между фонетикой и другими «уровнями» языка. Плодотворное развитие фонологических методов в фонетике привело к тому, что стали говорить и о грамматике и о семантике такие вещи, которые взяты из области фонологии.

Вторая сторона — это план содержания. Внедрение математических методов в план содержания и есть внедрение математики в область семантики. Ю. К. Лекомцев полагает, что это дело очень легкое и что мечта Соссюра об алгебраическом языке скоро будет реализована³. Вяч. В. Иванов гораздо осмотрительнее, он говорит, что для математизации значения, т. е. для вовлечения в конце концов лингвистики в сферу точных наук, требуется работа многих десятилетий. В настоящее время он предлагает только методику этой работы, замену значений числами; каковы же будут результаты этой методики, на сегодня сказать трудно. Это вопрос будущего.

Но есть еще и другой вопрос, которого Вяч. В. Иванов не затрагивает. Ведь, кроме звуков и значений в плане выражения и плане содержания, в языках существуют грамма-

³ Ю. К. Лекомцев, *Проблемы структурной типологии*, — настоящий сборник, стр. 21—32.

тические формы, которые также имеют и план выражения и план содержания. Можно ли построить систему грамматических форм, которые, подобно общей фонетике, имели бы универсальный характер грамматического метаязыка? Наверное, нет. Я, по крайней мере, могу сказать, что это не сделано, и я думаю, что это принципиально и невозможно сделать. А между тем вопросы типологии, по крайней мере в «классическом языкознании», это в основном вопросы типологии грамматического строя языка. Конечно, можно построить типологическое сравнение на фонетическом уровне, но мне кажется, что более плодотворно проведение такого исследования применительно к грамматическому строю. Раз мы о такой метаграмматике в этой области пока и мечтать не можем, то, мне кажется, мало надежды на превращение нашего языкознания в точную науку, если понимать под точной наукой науку математическую.

УСТАНОВЛЕНИЕ ПОДОБИЯ КАК МЕТОД ТИПОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

(на материале китайского и вьетнамского языков)

Лингвистическое исследование может быть определено как типологическое при условии: а) сопоставления минимально двух языков и б) обследования таких свойств языков, которые существенны для типологической оценки языка.

Сам факт сопоставления разных языков (минимально двух) является постоянным моментом всякого типологического исследования. Что касается отбора тех или иных сторон языка, тех или иных его свойств для рассмотрения, то, насколько можно судить по истории типологических исследований, такой отбор различен у разных авторов и в типологических исследованиях выступает как некоторый переменный момент. Возможность избирать то одни, то другие языковые свойства или стороны в качестве основы для типологической оценки языка приводит к различным конечным результатам. Вследствие этого типологические оценки языков и соответственно типологические классификации языков, которые обычно следуют за типологическими исследованиями, представляются во многом условными и зависящими от числа и определенного выбора языковых явлений, используемых для сравнения¹. А если к этому добавить, что специфические черты, выделенные для типологической оценки языка, будут представляться совершенно различными, в зависимости от того, с какими другими языками и в отношении чего сравнивается данный язык², то типологическая оценка языка становится как будто еще более условной и относительной.

В этом, очевидно, следует видеть причину многочисленных скептических высказываний в адрес типологии вообще и типологической классификации в частности.

Возможность различных типологических оценок, а также

¹ Дж. Гринберг, *Квантитативный подход к морфологической типологии языков*, — «Новое в лингвистике», вып. III, М., 1963, стр. 63.

² Г. Д. Санжеев, *Сравнительно-исторические и типологические исследования в алтаистике*, — настоящий сборник, стр. 77—92.

зависимость результатов типологической (как и всякой другой) классификации от используемых критериев — все это очень остро ставит вопрос об адекватности отбора компонентов типологического сопоставления, т. е. сторон и свойств, в которых проявляется нечто наиболее существенное для оценки строя языка и сопоставления с другим языком (или другими языками).

Результаты типологического исследования и, в частности, типологическая классификация, очевидно, должны максимально соответствовать свойствам обследуемых объектов — тех или иных конкретных языков. Для этого нужно свести до минимума произвольность выбора компонентов типологического сопоставления. Задача поисков наиболее адекватных в типологическом отношении свойств языка остается в полной мере актуальной.

Большинство лингвистов, занимавшихся типологическими изысканиями, в качестве компонентов сопоставления брали те или иные единицы языка и в первую очередь центральную единицу — слово, в которой скрещиваются и проявляются важнейшие свойства и стороны языка. Не отрицая значения этих типологических исследований, мы ниже предлагаем использовать в качестве компонентов типологического сопоставления не сами единицы, а те отношения, которые существуют между единицами разных уровней и подуровней языка. Цель сообщения, таким образом, состоит в изложении одного из возможных методов типологического исследования языка.

Наблюдения показывают, что языки обнаруживают сходство и различия не только в особенностях своих единиц, но и в характере отношений между единицами разных уровней и подуровней языка. Например, в так называемых изолирующих языках (китайско-тибетские и территориально примыкающие к ним языки Юго-Восточной Азии), в которых звуковой состав организован в замкнутое количество тонированных слогов, отношение звука к слогу существенно отличается от отношения звука к слогу в языках индоевропейской семьи.

Исходя из факта сходства и различий в отношениях между аналогичными единицами одних и тех же уровней разных языков, можно попытаться построить сопоставление языков не на прямом сравнении единиц, а на основе сопоставления тех отношений, в которых находятся единицы разных уровней в каждом из языков.

Такой метод сопоставления при условии учета отношений между единицами всех уровней в каждом из языков позволяет охватить всю структуру языка в целом и поставить один язык в некоторое отношение к другому языку. Такой

прием позволяет установить в строении соответствующих языковых структур наличие или отсутствие подобия. Под подобием языков понимается при этом такое отношение структур исследуемых языков, при котором обнаруживается последовательная аналогия отношений между единицами соответствующих уровней каждого языка³.

Проведение такого сопоставления требует введения определенной процедуры исследования. На первом этапе в каждом из сопоставляемых языков следует выделить однотипные уровни и, разбив их на подуровни, выбрать однотипные единицы. Такими единицами, очевидно, должны быть основные единицы соответствующих уровней и подуровней: звук, слог, морфема, слово и на синтаксическом уровне — словосочетание и предложение (табл. 1).

Таблица 1

Уровни	Подуровни	Единицы
Звуковой	A—отдельные звуки B—слоговой	a—звук b—слэг
Морфологический	C—морфемный D—словесный	c—морфема d—слово
Синтаксический	E—словосочетание F—предложение	e—словосочетаниэ f—предложение

На втором этапе следует установить в каждом языке отношения единиц разных уровней и подуровней друг к другу, т. е. требуется дать характеристику отношений звука к слогу, слога к морфеме, морфемы к слову, слова к словосочетанию и предложению (символически — a : b; b : c; c : d и т. д.).

Рассмотрим теперь соответствующие отношения единиц в китайском и вьетнамском языках и сопоставим их с соотношениями, которые имеются в индоевропейских языках, в частности в русском.

Звуки китайского и вьетнамского языков, как и звуки всякого другого языка, распадаются на гласные и согласные. В этом смысле звуки этих языков принципиальных различий от звуков других языков не обнаруживают. Но если взять отношение этих языков к слогу, то сразу обнаруживаются весьма глубокие различия.

³ Понятие подобия заимствуется из геометрии. Однако в геометрии аналогичность отношений элементов тел и фигур и соответственно тел и фигур в целом дополняется количественной характеристикой. Заимствуя самое идею подобия, мы отвлекаемся в данный момент от количественной характеристики.

Как известно, слоги китайского и вьетнамского языков имеют фиксированную структуру. В составе слога определенные звуки занимают определенное место. Слог полного состава в этих языках обладает таким строением: первое место занимает начальнослоговой согласный, второе — неслогообразующий узкий гласный, третье — слогообразующий гласный, четвертое — неслоговой компонент дифтонгов или трифтонгов или конечнослоговой согласный (схематически: 1234 — так называемая формула Е. Д. Поливанова). Каждая позиция закреплена за определенным классом звуков. Начальнослоговые и конечнослоговые согласные всегда имеют разные характеристики, так, например, начальнослоговые согласные — всегда эксплозивные, конечнослоговые — импловзивные.

Когда звук в китайском или вьетнамском языке входит в состав слога, он, подобно пассажиру дальнего следования, занимающему место в купе, имеет билет, на котором указано строго определенное место, которое можно занять. Другого места занять нельзя.

Иначе обстоит дело в индоевропейских языках. В них звуки в слогe также располагаются в определенной последовательности. Однако при входе в «слог-купе» звуки не получают столь категорического указания занять строго определенное место, а имеют, говоря фигурально, определенную свободу выбора.

В этом проявляется существенное отличие отношения звука к слогу в китайском и вьетнамском языках по сравнению с индоевропейскими языками.

Отношения между слогом и морфемой в языках рассматриваемых групп в свою очередь обнаруживают глубокие расхождения: для китайского и вьетнамского языков всякое деление речевой цепи на слоги в то же время есть деление на морфологически значимые отрезки. Какой бы слог мы ни взяли в китайском или вьетнамском языке, он обязательно является звуковой оболочкой либо слова, либо части сложного или производного слова — морфемы.

В индоевропейских же языках этого нет, например, в английском слове *fenian* 'фений' (член ирландского тайного общества) слоги, на которые распадается звуковая оболочка этого слова, не являются обозначением какой бы то ни было морфемы.

Отношение между звуками и смысловыми единицами — морфемами в индоевропейских языках можно охарактеризовать таким образом: отдельные звуки (гласные и согласные) могут быть точно так же, как и слоги, оболочками морфем. В этих языках устанавливаются параллельно прямые отношения: звук — морфема, слог — морфема, хотя звуки, слоги необязательно служат оболочками морфем.

В китайском или вьетнамском языках это отношение называется иным: звуки должны быть организованы в слог, чтобы стать носителем смысла, т. е. звуковой оболочкой морфемы. Если отдельный звук является оболочкой морфемы, то он обязательно представляет собой частный случай слога и тонируется.

В этих языках звук может быть носителем смысла, только входя в слог. Итак, в китайском, вьетнамском, тайском, бирманском и ряде других языков отношение слога к морфеме характеризуется совпадением слогоделения с морфологическим членением слов, в то время как в русском, немецком, английском и других языках такого обязательного совпадения нет.

Таким образом, если китайский и вьетнамский языки обнаруживают аналогию в отношениях между звуком и слогом, между слогом и морфемой, то языки иной системы (в данном случае индоевропейские) обнаруживают иное соотношение между звуком, слогом и морфемой.

Если мы перейдем дальше к рассмотрению соотношения между морфемой и словом, то мы вновь обнаружим существенное расхождение между языками рассматриваемых групп. В частности, в русском языке мы можем выделить морфему из состава слова как определенный, реально звучащий комплекс, например, из слова *красный* можно выделить морфему *красн-*. Этот звуковой отрезок осознается как определенный носитель некоторого смысла, который хотя и значит нечто, но не может быть использован в речи как слово.

В китайском и вьетнамском языках морфему нельзя выделить из слова как реальное звучание, имеющее некоторое (ассоциативное) значение, но непригодное к использованию в речи как слово.

В связи с этим часто ставится вопрос, можно ли вообще выделять морфему в этих языках и возможно ли установить различие между словом и морфемой? Если мы признаем наличие в китайском и вьетнамском языках производных слов, т. е. слов, которые включают в себя какой-то аффикс, а также сложных слов, состоящих из знаменательных компонентов, мы неизбежно должны признать, что в составе этих слов существуют элементы, меньшие, чем слово, т. е. такие, которые по общеграмматическому определению должны быть охарактеризованы как морфемы.

Но как только мы начинаем вычленять эти элементы (речь идет о знаменательных элементах) и вынимать их из слова, мы сразу получаем звуковые отрезки, которые ничем внешне от слова не отличаются и которые могут быть использованы как законченные слова (исключение составляют только весьма немногочисленные аффиксы).

Можно ли в этих условиях говорить о морфемном делении и морфемах в китайском и вьетнамском языках как величинах, отличных от слова? По-видимому, в этих языках можно и нужно говорить о морфеме лишь в составе слова, где морфема выступает как часть по отношению к этому слову при наличии в составе слова другого значимого элемента ⁴.

Таким образом, отношение между морфемой и словом в китайском и вьетнамском языках принципиально отлично от того отношения, которое имеется между морфемой и словом в языках индоевропейских.

Что касается отношений слова к единицам синтаксического уровня — словосочетанию и предложению, то здесь надо отметить следующие моменты. В китайском и вьетнамском языках при соединении слов в более крупные единства отношения между словами никогда не выражаются средствами самих слов. Это определяет особенности отношения слов изолирующих языков к словосочетаниям и предложениям в отличие от индоевропейских языков. Связи и отношения между словами в более крупных единствах устанавливаются посредством соответствующего расположения слов; при этом важнейшую роль играют грамматические свойства самих слов, их смысловая подборка, а также служебные слова и интонации ⁵.

В отличие от индоевропейских языков в китайском и вьетнамском сравнительно слабо выражены морфологические границы слов. Сложные слова, как и словосочетания, образуются путем прямого соположения фонетически неизменяемых компонентов. В силу этого, а также вследствие того что модели, по которым образуются сложные слова и словосочетания, как правило, совпадают, во многих случаях принципиально невозможно отграничить сложное слово от словосочетания. Это проявляется в том, что к образованиям такого рода в полном объеме применимы как признаки, характеризующие слово, так и признаки, характеризующие словосочетание.

Проблема «неразличимости» имеется и в некоторых индо-

⁴ Мы оставляем в стороне вопрос об отношении односложного слова и морфемы в этих языках. Заметим лишь, что, фонетически совпадая в границах с морфемой, односложное слово отличается от морфемы наличием нулевой формы. Подробнее см. В. М. Солнцев, *Проблема частей речи в китайском языке*, — ВЯ, 1956, № 5.

⁵ Следует отметить, что в английском языке падение флексий и нарастание невыраженности в словах их отношений друг к другу обусловило появление в языке ряда черт (анализизм), свойственных изолирующим языкам, в частности в сфере отношения слова к более крупным единствам. Тем не менее английский язык остается языком флективным и типологически более близким к русскому, чем, например, к китайскому.

европейских языках, например в английском. Неразличимость сложного слова и словосочетания возникает как следствие нарастания явлений изоляции. Однако в целом неразличимость слова и словосочетания не является отличительной чертой индоевропейских языков, но является характерным свойством таких изолирующих языков, как китайский и вьетнамский.

Таким образом, в китайском и вьетнамском языках возможно установить последовательную аналогию в отношении звука к слогу, слога к морфеме, морфемы к слову и слова соответственно к словосочетанию и предложению. Эти отношения существенно отличаются от соответствующих отношений в языках индоевропейских.

Сопоставление отношений собственно и есть установление подобия языков. Сличение тех отношений, в которых находятся единицы разных уровней соответственно в китайском, вьетнамском и русском языках, показывает, что:

в китайском языке		вьетнамском языке		русском языке
a:b	=	a:b	≠	a:b
b:c	≠	b:c	≠	b:c
c:d	=	c:d	≠	c:d
d:e	=	d:e	≠	d:e
e:f	=	e:f	≠	e:f

Китайский и вьетнамский языки демонстрируют последовательное подобие друг другу, в то время как русский язык не обнаруживает подобия ни китайскому, ни вьетнамскому языкам. Полученный результат соответствует принятому в науке включению китайского и вьетнамского языков в единый структурный тип и отнесения русского языка к иному структурному типу.

Установление подобия двух или нескольких языков, по-видимому, требует определенных уточнений и оговорок. В частности, очевидно, можно и нужно говорить о степени подобия языковых структур. При обнаружении двух языков, демонстрирующих подобие, необходимо установить степень их подобия. Различие в степени подобия языковых структур может быть выведено на основании:

а) учета различия в отношении единиц разных уровней и подуровней друг к другу (например, при общем подобии отношения отдельного звука к слогу в китайском и вьетнамском языках во вьетнамском языке на конце слога возможны согласные такого типа, которые не могут находиться в соответствующей позиции в китайском языке: само количество конечнослоговых во вьетнамском значительно выше, чем в китайском, и т. п.);

б) прямого сопоставления единиц разных уровней разных языков (например, при наличии общего принципа неизменяемости морфем в китайском и вьетнамском языках в китайском наблюдается явление «сплавления» суффикса *-эp* с основой, а во вьетнамском языке — расщепление и изменение морфем при помощи суффикса *-iêc* и т. д.).

Очевидно, что при максимальном подобии языки окажутся принадлежащими к типологически одной структуре и, наоборот, при минимальном подобии (или отсутствии подобия) языки окажутся структурно несходными и относящимися к разным типам.

Некоторые языки, относящиеся в целом к разным типам, как, например, китайский (или вьетнамский) и английский, в некоторых чертах обнаруживают сходство, как это уже отмечалось выше.

Если мы в результате обследования группы языков установим их подобие, то мы получим достаточно прочное основание для сознательного переноса определенных теоретических положений, определенных данных, добытых на материале одного языка, на другой язык.

Перенос теоретических положений с одного языка на другой считается одним из наиболее тяжелых грехов лингвистов. Тем не менее вопреки этому лингвисты иногда весьма успешно переносят данные, добытые на материале одного языка, на другой. В частности, изучение китайско-тибетской семьи показывает, что данные, добытые при исследовании одного языка, успешно применяются к другому или другим языкам этой группы, что позволяет успешно предсказывать решение тех или иных вопросов в этих языках.

Разумеется, подобная операция возможна лишь в пределах типологически сходных языков, между которыми существует высокая степень подобия. Установление подобия языков позволяет сознательно идти по более сокращенному пути получения новых знаний. Вместо того чтобы заново проходить весь путь теоретического осмысления языка, в том случае, когда удастся установить подобие, мы можем, опираясь на уже добытые и применимые к данному языку сведения, сосредоточить внимание на исследовании специфических черт этого языка. Учет степени подобия, разумеется, может и должен дать необходимые коррективы. Ясно, что полной аналогии всех свойств даже в языках, обнаруживающих высокую степень подобия, не будет.

О ТИПОЛОГИЧЕСКОМ СХОДСТВЕ НОВОИНДИЙСКИХ И ДРАВИДИЙСКИХ ЯЗЫКОВ

Еще каких-нибудь сто с небольшим лет тому назад различие новоиндийских и дравидийских языков не казалось всем таким очевидным, как теперь. Языковедам-компаративистам Р. Колдуэллу, Ф. Киттелю и другим стоило известного труда убедить ученых в том, что новоиндийские и дравидийские языки относятся к различным языковым семьям и неродственны друг другу. Так, например, большой знаток индоарийских и дравидийских языков Дж. Поуп уже после появления работ Р. Колдуэлла и Ф. Киттеля долгое время продолжал еще считать пракриты общим предком новоиндийских и дравидийских языков.

Не ощущали резкого различия между новоиндийскими и дравидийскими языками и индийские грамматисты, включавшие в число дравидийских языков («панча-дравида», как они их называли) наряду с тамильским, каннада и телугу такие новоиндийские языки, как маратхи и гуджарати. Это вряд ли можно объяснять только лишь уровнем развития языкознания: в ту эпоху Индия не представляла собой единого административного целого как в наши дни, а распадалась на ряд самостоятельных, зачастую враждующих друг с другом, государств. Поэтому применение политико-географического принципа классификации, что обычно и сейчас еще наблюдается в отношении малоизвестных языков, должно было бы привести в данном случае скорее к противопоставлению новоиндийских языков дравидийским, чем к их объединению. Это заставляет думать, что средневековые индийские грамматисты уже заметили некоторые общие черты новоиндийских и дравидийских языков.

Бурное развитие сравнительно-исторического языкознания в последующий период привело к тому, что основное внимание языковедов было сосредоточено на проблемах внутреннего развития этих языковых семей. Однако очень скоро обнаружилось, что при сколько-нибудь полном описании избегать упоминания о сходстве новоиндийских и дравидийских языков невозможно. Постепенно возникла весьма зна-

чительная по объему литература, в которой рассматривались отдельные черты сходства индоарийских и дравидийских языков.

В настоящее время считается общепризнанным тот факт, что дравидийские языки играли роль субстрата по отношению к древнеиндийскому языку, появившемуся на территории Индии в первой половине II тысячелетия до новой эры. Это обстоятельство в значительной мере предопределило весь дальнейший ход развития как индоарийских, так и дравидийских языков. Влияние их друг на друга проходило, по всей вероятности, в форме двуязычия значительной части смешавшихся народов. При этом вполне очевидно, что численный перевес был на стороне коренного населения, о чем свидетельствует быстрое изменение и полное растворение этнического типа пришельцев. Можно предполагать также, что двуязычными в начальный период этого контакта были преимущественно представители местного населения. В пользу этого свидетельствует большое число заимствований из древнеиндийского языка в дравидийские при сравнительно незначительном числе обратных заимствований из дравидийских языков в древнеиндийский. Между тем даже при равном распределении двуязычного населения можно было бы ожидать, что число дравидийских заимствований в древнеиндийском языке будет сравнительно большим в связи со значительными изменениями в мире реальных, окружавшем его носителей. Об этом говорит также и то обстоятельство, что в начальный период контакта древнеиндийский язык был единым, хотя и расчлененным на диалекты, в то время как местное население говорило на различных языках, ибо к этому моменту протдравидийское единство давно уже распалось.

Естественно поэтому, что при этих условиях существования древнеиндийский язык сравнительно быстро вышел из употребления и уже не позже VII в. до н. э. (т. е. не позже того момента, когда буддийские проповедники стали обращаться к народным массам на языке пали) стал мертвым языком (и появление в V в. до н. э. грамматики Панини лишний раз подтверждает это).

Сейчас трудно сказать, как долго продолжалось непосредственное существование этого языкового контакта и, в частности, состояние массового двуязычия. Во всяком случае это смешение имело своим следствием резкий перелом в направлении развития индоарийских языков, в результате которого в них появляются и постепенно увеличиваются в числе (возможно, под воздействием повторных смешений) элементы, типологически сходные, или типологически родственные, тем, что находим в дравидийских языках. Одновременно число родственных элементов, связывающих индоарийские

языки с другими индоевропейскими, постепенно падает. Решающим для этого процесса оказался позднесреднеиндийский период, когда совершался переход от стадии апабхрانشа к новоиндийским языкам. Суть этого перехода состояла в том, что преемственность в развитии грамматической структуры, сохранявшаяся у индоарийских языков до того времени, нарушилась и количественное накопление отдельных новых структурных элементов вылилось в качественное изменение всей структуры.

Отдельные черты сходства индоарийских языков с дравидийскими неоднократно отмечались различными исследователями. Они отмечены как в фонетике, так и в морфологии и в синтаксисе всех новоиндийских языков. К их числу относят в фонетике появление ретрофлексных согласных, характерных для дравидийских языков, упрощение консонантных групп в соответствии с закономерностями сочетаемости звуков, близкими к тем, которые наблюдаются в древних дравидийских языках, нередкое озвончение, спирантизацию и опущение одиночных взрывных согласных в интервокальном положении, что также характерно для древних дравидийских языков. В морфологии это — переход от системы флективного словоизменения к словоизменению агглютинирующего типа. Так, если в древнеиндийском языке, как и в других древних индоевропейских языках, имеются различные типы склонения имен с особыми окончаниями для каждого рода и числа, то в новоиндийских языках преобладает однотипное склонение с одинаковыми показателями в единственном и множественном числе. То же самое касается и глагольной системы, где словоизменение также стало однотипным. Можно указать также на однотипные с дравидийскими способы суффиксального словообразования, способы выражения пассивного значения или способы сравнения по степени признака, широкое развитие подражательных слов, слов-эхо и ряд других частных совпадений.

Что касается синтаксиса новоиндийских языков, то совпадение с дравидийскими нормами здесь почти полное. Как отмечает С. К. Чаттерджи, «...предложение, составленное на дравидийском языке (тамилском или каннада), обычно превращается в хорошее предложение бенгали или хинди, если, не изменяя порядка слов, под каждое дравидийское слово и форму подставить эквивалент бенгали или хинди, но это же самое невозможно при переводе персидского или английского предложения на новоиндийский язык»¹. Широкое распространение послелогов, абсолютных неличноглагольных

¹ S. K. Chatterji, *The origin and development of the Bengali language*, Calcutta, 1926, p. 177.

конструкций, так называемых деепричастных цепей, сложно-вербальных и сложноотыменных глаголов, характерный порядок слов и многие другие аналогичные черты сближают современные индоарийские языки с дравидийскими, одновременно противопоставляя их любому из индоевропейских языков.

Дравидийские языки также подверглись вполне определенному влиянию со стороны индоарийских языков. Правда, изменения в их фонетической и грамматической системе не столь велики и самоочевидны, как это имеет место в отношении индоарийских языков. К моменту установления контакта с индоарийским суперстратом дравидийские языки уже значительно разошлись, и индоарийское влияние на каждый отдельный язык шло своим путем. Поэтому здесь типологически родственные нововведения могут наблюдаться в некоторых языках или даже в каком-нибудь одном языке и не наблюдаться в остальных языках. И хотя применительно к фонетике и грамматике дравидийских языков в целом этот вопрос никогда специально не изучался и даже не ставился, сейчас уже возможно отметить здесь некоторые черты несомненного типологического сродства. К таким чертам в области фонетики следует отнести, например, утрату кратких фонем *e* и *o* в языке брагуи, что, как известно, наблюдается как раз в индоарийских языках², развитие назализованных гласных и дифтонгов индоарийского типа в языках брагуи, курух и в некоторых других, развитие придыхательных согласных в большинстве современных дравидийских языков. Весьма ярким примером такого рода является также постепенный отход во всех без исключения современных дравидийских языках от первоначальных весьма строгих законов сочетаемости звуков, в результате чего современные дравидийские языки стали в этом отношении сравнительно мало отличаться от индоарийских (потребуется, конечно, специальное исследование, чтобы определить, как далеко в этом направлении продвинулись отдельные языки).

В области морфологии — постепенная утрата некоторыми современными дравидийскими языками многих синтетических отрицательных форм глагола и развитие особых отрицательных слов индоарийского типа с дальнейшим переходом к сходному с индоарийским аналитическому способу выражения отрицания путем сочетания положительных форм с отрицательными словами. Значительные изменения произошли в системе именных частей речи. Такая специфически дравидийская часть речи, как личные имена, весьма широко

² См. также М. В. Emeneau, *Brahui and Dravidian comparative grammar*, Berkeley, 1962, pp. 7—20.

употреблявшаяся в древних текстах, во многих современных языках вышла из употребления. Во всех языках этой семьи, за исключением курух и, возможно, нескольких других, развивается прилагательное, отсутствовавшее в древних дравидийских языках, но характерное для индоарийской именной системы. То же, видимо, справедливо и в отношении наречия.

В области синтаксиса новой чертой, типологически близкой строю индоарийских языков, в дравидийских языках является постепенное развитие сложноподчиненных и сложносочиненных предложений, абсолютно чуждых древним дравидийским языкам (исключение составляют лишь предложения с прямой речью). Наиболее отчетливо индоарийское влияние на дравидийские языки проявляется в области лексики. Здесь удельный вес слов, заимствованных из индоарийского источника, достигает в некоторых языках 70% и более. Особенно велико число этих заимствований в мелких бесписьменных языках Центральной Индии, а также в языках северной группы — курух, малто и брагуи. Но даже в крупных литературных языках Юга — в телугу, каннада и малаялам — число именных заимствований в отдельных текстах бывает немногим меньше. Как отмечают М. Б. Эмено и Т. Барроу, «... во всех четырех дравидийских литературных языках Юга наблюдается тенденция к использованию всего санскритского словаря без каких-либо ограничений»³.

Взаимное проникновение языковых структур, на отдельные элементы которого было указано выше, постепенно привело к тому, что в структурном и лексико-семантическом отношении индоарийские и дравидийские языки в значительной степени сблизились и, можно утверждать, стали ближе друг другу, чем каждый из них своему предку. Так, в указанном плане современный народно-разговорный телугу имеет больше общего со своими арийскими соседями — ория и бенгальским, чем, скажем, с древним тамильским. Со своей стороны оба новоиндийских языка по структуре ближе к телугу, каннада и другим дравидийским языкам, чем к санскриту. Это положение в большей или меньшей степени справедливо в отношении любой пары современных индийских языков.

Вопрос о причинах и путях подобного развития индоарийских и дравидийских языков представляется нам первостепенным, кардинальным вопросом индийского языкознания. Трудно переоценить его значение для теории языкознания: он связан со всеми основными его проблемами — с понятием языкового родства, с вопросом о его сущности и происхождении, о происхождении и развитии языковых семей.

³ M. B. Emeneau and T. Burrow, *Dravidian borrowings from Indo-Aryan*, Berkeley, 1962, p. 1.

и о взаимоотношениях между ними. Правильный ответ на этот вопрос имел бы также принципиальное практическое значение для успешного разрешения запутанной (и нередко сознательно осложняемой) языковой проблемы Индии.

К сожалению, до сих пор индийское языкознание, по преимуществу сравнительно-историческое, мало занималось этим вопросом: оно не шло дальше случайного, бессистемного упоминания разрозненных элементов сходства в языках Индии и не смогло предложить здесь никакой теории, кроме теории субстрата, мало что объяснявшей и справедливо получившей у Л. Блумфилда эпитет «мистической»⁴. Также ничего не объясняет здесь и теория «языковых союзов», принципиально мало отличающаяся от теории субстрата.

Впрочем, иначе и не могло быть: сравнительно-историческое языкознание занимается изучением элементов языка, унаследованных от прошлого состояния, и не может сказать ничего определенного о тех его элементах, которые проникли в язык извне.

Гораздо более плодотворным в данном случае должен оказаться структурно-типологический подход к исследованию. Прежде всего он позволит более точно определить понятие языкового родства и тех элементов, из которых оно складывается. Так, если взять, например, послелог *ko*, выражающий объектное значение в языке хинди, то по своему материалу он восходит к некоторому древнеиндийскому слову и в этом смысле является элементом родства хинди с другими индоевропейскими языками (здесь предложено три или четыре этимологии). Следует, однако, иметь в виду, что это родство лексического, а не морфологического уровня, а ведь решающим в определении языкового родства является как раз последнее. Но послелог *ko* или какой-нибудь другой как структурный элемент чужд индоевропейским языкам и в плане структуры языка, в плане морфологии типологически родствен дравидийским языкам. Потребуется специальный подсчет, чтобы точно определить, как велик в современных индоарийских языках процент словоизменяемых суффиксов, имеющих надежные индоевропейские этимологии на морфологическом уровне. Но и на основании имеющихся данных уже можно предполагать, что он будет, по-видимому, значительно ниже того, который наблюдается в других ветвях индоевропейской семьи.

В связи с этим вряд ли окажется неожиданным, что и в структурно-типологическом отношении индоарийские языки занимают особое положение в кругу индоевропейских языков. Устанавливая шесть обязательных структурных при-

⁴ L. Bloomfield, *Language*, London, 1955, p. 386.

знаков индоевропейских языков, Н. С. Трубецкой отмечал, что «нет ни одного индоевропейского языка, лишенного префиксов», и что в современных индоевропейских языках число таких префиксов значительно увеличивается⁵. Но отличительную черту современных индоарийских языков составляет отсутствие префиксации, а Н. С. Трубецкой утверждал, что «...язык, не обладающий всеми указанными структурными признаками, не может считаться индоевропейским»⁶.

Это утверждение заставляет поставить вопрос: не может ли языковое развитие идти таким образом, что потомки некоторого языка или группы языков теряют родственные с ними связи и уже не относятся к той же языковой семье? Если число родственных элементов, связывающих один язык или группу языков с целой семьей языков, не остается постоянным и может изменяться, например сокращаться, как в нашем случае, то нет ли такой грани, за которой такое родство становится весьма дальним или даже перестает ощущаться совсем? Если в языке или в группе языков появляются элементы, первоначально не родственные данным языкам, а родственные какой-то другой группе языков, и если количество подобных элементов постепенно все более увеличивается, то не существует ли такой грани, за которой эти общие элементы начинают преобладать в этих языках и определять их родственные связи?

Материал индоарийских и дравидийских языков убеждает в том, что структурно-типологические элементы этих языков на протяжении известного нам исторического отрезка развивались именно таким образом. Вполне определенную тенденцию к утрате формального сходства с индоевропейскими обнаруживают и индоарийские суффиксы словоизменения. Остается выяснить, возможно ли в принципе возникновение формального сходства в словоизменении индоарийских и дравидийских языков.

Отдельные элементы такого сходства были замечены уже давно. За неимением лучшего объяснения, их иногда пытаются истолковать как простые заимствования из дравидийских языков в индоарийские и обратно. Такими заимствованиями из дравидийских языков считает, например, Б. Мазумдар суффиксы объектного падежа *-ку*, *-ке* в ория и бенгали (при сходном по форме суффиксе *-ку*, *-ке* в тамильском, малаялам, каннада, тулу и телугу)⁷ или не имеющие

⁵ N. Trubetzkoy, *Gedanken über das Indogermanenproblem*, — AL, I, 1939, S. 84—85.

⁶ Ibid.

⁷ B. Mazumdar, *History of the Bengali language*, Calcutta, 1927, p. 73—

убедительных индоарийских параллелей показатели множественного числа *-rā*, *-гуло||-гули* в бенгальском (при сходных по форме суффиксах *-р*, *-гад||-гуд* в тамильском, малаялам, каннада, ката и других) ⁸. Ж. Блок считает, что показатели инфинитива *-нā* в гонди и курух «без сомнения заимствованы из хинди» ⁹, а другой суффикс инфинитива в гонди *-ле* — из восточного маратхи. Здесь можно упомянуть еще суффикс будущего времени *-б-* (из *-в-*) в восточной группе индоарийских языков, показатели некоторых личных форм глагола в маратхском и др.

Независимо от того, имеют ли такие формы хорошие этимологии или нет, возможность прямого заимствования словоизменительных суффиксов сама по себе представляется нам маловероятной. Вместе с тем некоторые моменты такого формального сходства не могут быть объяснены и простой случайностью. Так, например, бросается в глаза тот факт, что бенгальский суффикс множественного числа *-rā* встречается лишь у существительных, обозначающих людей, тогда как *-гуло||-гули* — у существительных, обозначающих животных и неодушевленные предметы и понятия. Иными словами, эти суффиксы распределяются в бенгальском языке как языках, т. е. индоевропейское противопоставление одушевленных имен неодушевленным заменяется здесь дравидийское, как аналогичные суффиксы *-р* и *гад||гуд* в дравидийских противопоставлением имен человеческого порядка всем прочим именам. А как отмечал еще А. Мейе, «...чем своеобразнее явления, совпадающие в двух языках, тем более доказательно само совпадение. Поэтому „исключения“ больше всего помогают установить „общий язык“» ¹⁰.

Объяснение подобных случаев вновь возникающего формального сходства первоначально неродственных языков следует искать, по нашему мнению, как и при рассмотрении структурно-типологического сходства, в двуязычии их носителей. Яркий пример возникновения в этих условиях сходства форм, первоначально неродственных друг другу, дает диалект хиндустани, на котором говорят мусульмане Тамилнада. Как уже отмечалось, в литературном диалекте хинди имеется послелог *ко*, передающий объектное значение и этимологически восходящий к пракритскому источнику. В то же время аналогичный по значению тамильский суффикс имеет форму *-ку* и его дравидийское происхождение не вызывает сомнений. Двуязычие тамильских мусульман, а также типо-

⁸ Ibid., p. 87—88. Там же см. примеры на суффикс *-гал* в пали.

⁹ J. Bloch, *Structure grammaticale des langues dravidiennes*, Paris, 1946, p. 62—63.

¹⁰ А. Мейе, *Сравнительный метод в историческом языкознании*, М., 1954, стр. 29.

логическое сходство обоих языков и формальная близость обоих показателей приводят к тому, что в их диалекте хиндустани объектный послелог выступает в форме *ку*; например, *муджх ку* (вместо *муджх ко*) 'мне', *хам ку* (вместо *хам ко*) 'нам', *ус ку* (вместо *ус ко*) 'ему' и т. п.¹¹

Возникает вопрос, является ли показатель *ку* дравидийским (заимствованным) или его следует считать индоарийским и в конечном счете возводить к индоевропейскому корню? Ни то ни другое не может быть доказано со всей очевидностью и, следовательно, не может быть признано верным. Не правильное ли считать, что этот показатель унаследовал что-то и от хинди и от тамильского языка, но полностью уже не является ни индоарийским, ни дравидийским? Не есть ли это элемент новых родственных связей, которые когда-нибудь свяжут эти языки в новую семью?

Имеющиеся в нашем распоряжении данные истории индоарийских и дравидийских языков свидетельствуют о том, что число типологически сходных элементов, объединяющих обе группы языков, непрерывно растет и что число таких же элементов, связывающих индоарийские языки с другими индоевропейскими и современные дравидийские — с древними, постепенно сокращается. Основной причиной такого направления развития и той формой, в которой оно протекает, следует признать двуязычие носителей этих языков и их взаимное стремление сделать свою речь возможно более понятной друг для друга¹². За три с лишним тысячи лет совместного существования на территории Индии эти языковые группы достигли в своем развитии такой стадии, когда по типологическим признакам грамматической структуры, а также с точки зрения общего словарного фонда они образовали вполне определенное единство, отличающееся общими чертами как от индоевропейских языков Европы, так и от древних дравидийских языков.

Формальное соответствие показателей словоизменения, лежащее в основе генетической классификации, у индоарийских языков на их новоиндийской стадии развития перестало быть ясно выраженным. Появились формы, не имеющие твердых индоевропейских этимологий и сходные не только типологически, но и формально с соответствующими формами дравидийских языков. Аналогичные явления наблюдаются и в современных дравидийских языках.

Все это заставляет считать, что оставшееся от эпохи натуралистического понимания сущности языка так называемое

¹¹ Md. Yousuf Kokan, *Influence of Tamil on spoken Urdu in Tamil Nad*, Sethu Pillai Volume, Madras, 1961, p. 153.

¹² О появлении такого стремления см. L. Bloomfield, *Language*, p. 473.

генетическое родство языков внутри одной семьи не является изначальным и вечным, а носит исторический характер — оно складывается постепенно и также постепенно может ослабевать и исчезать. В этом смысле образование типологического сходства индоарийских и дравидийских языков можно рассматривать как предпосылку или начальный этап в развитии новой языковой семьи. В случае, если направление развития рассматриваемых языков останется в будущем без изменения, наблюдающаяся сейчас тенденция к образованию формального сходства может получить дальнейшее развитие и привести к возникновению новых родственных связей, новой языковой семьи, характер которой уже не будет ни индоевропейским, ни дравидийским.

ЯВЛЕНИЕ ПАРАЛЛЕЛИЗМА
В СТАНОВЛЕНИИ ГРАММАТИЧЕСКИХ
КАТЕГОРИЙ В ЯЗЫКАХ ИЗОЛИРУЮЩЕГО ТИПА

Китайский и кхмерский языки, как известно, относятся к языкам последовательно изолирующего типа в том смысле, что отношения между словами в них никогда не выражаются в форме самого слова, но только внешними по отношению к слову средствами — порядком слов, служебными словами.

В отличие от тех из индоевропейских языков, которые испытывают тенденции к изоляции (например, английский язык), китайский и кхмерский языки, относимые обычно к разным языковым семьям, но близкие типологически, на протяжении известной нам истории никогда не знали словоизменения, служащего нуждам синтаксиса¹.

Оба эти языка отличаются и той особенностью, что слог в них имеют во много раз более ограниченную в своих возможностях структуру, нежели в языках индоевропейских.

Грамматическая система и китайского, и кхмерского языков на протяжении того периода, который зафиксирован письменностью, претерпела существенные изменения. Это особенно наглядно заметно на материале глагола, наиболее богатого в этих языках специфическими формами и конструкциями. Фактически за истекшее тысячелетие полностью или почти полностью обновился ассортимент грамматических средств, призванных обслуживать глагол. В обоих языках этот процесс происходил в единых рамках изоляции и относительно неизменного порядка слов.

В связи с этим возникает ряд вопросов, из которых укажем хотя бы следующие.

Можем ли мы, исследовав грамматический аппарат какого-либо класса слов в одном языке, строить обоснованные гипотезы относительно хода развития аналогичного класса слов в типологически близком языке?

Если да, то каковы пределы относительной достоверности наших выводов?

¹ Мы не берем в расчет изменения местоимений в архаическом китайском языке, поскольку роль этих изменений пока недостаточно ясна.

Связана ли изоляция с определенными общими тенденциями в развитии глагольного оформления и если да, то какими именно?

Могут ли данные по истории типологии языков способствовать решению вопросов генеалогии этих языков и если да, то как именно? В частности, можно ли связывать с генеалогией единые процессы в развитии не соприкасающихся территориально языков, если известны их гораздо более ранние состояния, обнаруживающие примерно равную степень типологического сходства, но на ином уровне?

Ниже будет сделана попытка постановки первого вопроса. Современное китайское глагольное оформление (в широком смысле слова) представлено прежде всего элементами *-ла* ('завершать', соверш. вид)², *-го* ('приходить', неопр. кратный вид), *-чжо* (*чжао* 'приступать', 'возникать', 'обнаруживать', 'обосновываться', продолж. вид), *цилай* ('подниматься', начинат. вид), *сяцую* ('спускаться', показатель продолжения действия), *и* ('один', мгновенный, «точечный», вид), *цзай* ('жить', 'находиться', длительное настоящее время), *яо* ('хотеть', будущее время), *цзян* (будущее время), *бэй* ('достигать', 'подвергаться', пассив), повторами типа *кань-кань* 'взгляни', «суффиксами» направленности и ориентации; категория вида выражена также в глаголах результативной структуры.

Если исключить повторы, где нет никаких собственно грамматических показателей, все указанные грамматические элементы по их позиции можно разбить на две группы, занимающие позицию: а) перед глаголом (*и*, *цзай*, *яо*, *бэй*) и б) после глагола (*-ла*, *-го*, *-чжо*, *цилай*, *сяцую*, «суффиксы» направленности и ориентации, результативные элементы).

Элемент *и* записан иероглифом 'один', и если он действительно восходит к числительному «один», то стоит в этой группе особняком. Остальные элементы группы «а» — глаголы, требующие или именного, или глагольного дополнения.

Составляющие группы «б» — это восходящие к глаголам: 1) результативные основы (типа *дяо* 'падать', указание на утрату, исчезновение, *цзянь* 'видеть', указание на обнаружение, *вань* 'заканчивать', указание на завершенность действия); 2) «суффиксы» направленности (*цзинь* 'входить', показатель действия, направленного внутрь, *чу* 'выходить', показатель действия, направленного наружу, *хуй* 'возвращаться', показатель действия, направленного обратно, *шан* 'подниматься', показатель действия, направленного вверх, *ся* 'спускаться', показатель действия, направленного вниз); 3) пока-

² Здесь и ниже даются условные названия грамматических значений приводимых элементов.

затели ориентации (*лай* 'приходить', показатель действия, направленного к говорящему, *цюй* 'уходить', показатель действия, направленного от говорящего); 4) видовые показатели. Постпозитивные видовые показатели восходят либо к результативным элементам (*-ла, -го, -чжо*), либо к «суффиксам» направленности (*цилай, сяцюй*).

Современное кхмерское глагольное «оформление» представлено прежде всего элементами *ба:н* ('получать', завершённый вид), *тхлоап* ('привыкать', неопределенно-кратный вид или неопределенное прошедшее время), *нэу, нэу-лаэй* ('жить', 'находиться', продолженный вид), *лаэнг* ('подниматься', начинательный вид), *та:* ('связывать концы', показатель продолжения действия), *нынг* ('неизменный', будущее время), *тьанг* ('хотеть', близкобудущее время), *кампунг* (настоящее длительное время), *трэу* ('касаться', 'задевать', 'подвергаться', пассив), *аой* ('давать', каузатив), *ба:н* ('получать'), *казт* ('рождаться', показатели возможности действия), *хаэй* (показатель качественного скачка в развитии действия), глаголами направленности и ориентации. Категория вида выражается также в глаголах результативной структуры и в форме повтора начального согласного (типа *ка:й* 'рыться', 'копаться' — *кака:й* 'упорно и долго рыться')³.

Как и в китайском языке, здесь все глагольные «оформители» распадаются по позиции на две группы, находящиеся: а) перед глаголом (*ба:н, тхлоап, нэу, нынг, тьанг, трэу, кампунг, аой*) и б) после глагола (*хаэй, нэу-лаэй*, глаголы направленности и ориентации, результативные элементы, показатели возможности совершения действия).

Препозиционные элементы *кампунг* и *нынг* неясного происхождения. Элементы *ба:н, нэу, тхлоап, трэу, аой*, как и китайские препозиционные элементы, — глаголы, требующие того или иного рода дополнений.

Постпозиционные элементы в кхмерском языке — это: 1) глаголы направленности (*тьоуль* 'входить', показатель действия, направленного внутрь, *тьень* 'выходить', показатель действия, направленного наружу, *лаэнг* 'подниматься', показатель действия, направленного вверх, *тьох* 'спускаться', показатель действия, направленного вниз, *винь* — частица, показатель обратного или повторного действия)⁴; 2) глаголы ориентации (*мо:к* 'приходить', показатель действия, направленного к говорящему, *тэу* 'уходить', показатель действия, направленного от говорящего); 3) результативные основы (типа *тьаоль* 'бросать', указание на

³ Префиксы *бан//пх-, ро-, пра-* и инфикс *-ам-//ум-* мы здесь не рассматриваем как явления более древнего состояния языка, имеющие ныне тенденцию к отмиранию.

⁴ Этимологически, видимо, связана с глаголом *вить* 'возвращаться'.

оставление, отказ, *кхэ:нь* 'видеть', указание на обнаружение, *тьап* 'заканчивать', указание на завершенность действия); 4) близкие к результативным основам показатели возможности совершения действия (*ба:н, каэт*⁵); 5) восходящий к глаголу направленности видовой показатель *лаэнг*; 6) близкий к результативным элементам показатель качественного скачка в развитии действия *хаэй*; 7) усиленный частицей восходящий к глаголу показатель продолженного вида, занимающий в этом случае постпозицию.

Если сопоставить приведенные выше грамматические средства, призванные обслуживать глагол в современном китайском и кхмерском языках, то не может не броситься в глаза тот факт, что эти средства в высшей степени близки в обоих языках как по своему генезису, так и по обслуживаемой сфере значений. Оба языка имеют относительно развитую видовую систему, слабее развитую временную систему (нейтрально к виду выражается только будущее время), идентичные средства выражения результата, направленности и ориентации действия. Кроме отдельных показателей неясного происхождения, глагол в обоих языках целиком обслуживается элементами глагольного происхождения.

Суммируя исходные и полученные данные, можно сказать, что:

1) китайский и кхмерский — языки последовательно изолирующего типа, в которых корень, как правило, моносyllаб, а слог строится по формуле, допускающей ограниченное слогиобразование;

2) китайский и кхмерский языки не соприкасаются территориально, и родство их не доказано;

3) возникшее и утвердившееся на протяжении последнего тысячелетия глагольное «оформление» в обоих языках составляет очень близкую систему, т. е. языки от одного состояния, о котором известно лишь, что оно количественно отличалось от настоящего, но качественно было тем же самым (изоляция, моносyllабизм корня, ограниченность слогипроизводства), пришли к новому состоянию, оказавшемуся в большой степени типологически и материально сходным в обоих языках.

Отсюда можно заключить, что:

1) территориальная разрозненность китайского и кхмерского языков и либо отсутствие, либо большая давность родства заставляют сомневаться, могло ли взаимное влияние быть столь сильным, чтобы почти нивелировать способы и средства оформления и организации целого класса слов;

⁵ Ср. среднекитайское *дэ* 'получать' в значении возможности совершения действия: *кань-дэ* 'мочь увидеть', *май-дэ* 'мочь купить'.

2) следовательно, имеется какой-то иной источник (не родство и не взаимовлияние), породивший выявленную близость; таким источником, очевидно, может быть только общая типология, основные черты которой в данном конкретном случае были сформулированы выше;

3) следовательно, если общая типология (по крайней мере языков рассматриваемого типа) определяет и общие процессы развития, то мы можем сказать, что наш опыт сопоставления китайского и кхмерского нового глагольного оформления говорит в пользу возможности (применительно к языкам последовательно изолирующего типа с фиксированным составом слога) строить гипотезы относительно хода развития какого-либо класса слов в одном языке на базе знаний о ходе развития аналогичного класса слов в типологически близком языке.

Высказанное здесь положение следует проверить следующими путями:

1) сопоставлением того же класса слов в тех же языках, но в иную (достаточно отдаленную) историческую эпоху;

2) сопоставлением оформления того же класса слов с оформлением соответствующего класса слов в языках другой типологии;

3) аналогичным сопоставлением других классов слов в рассматриваемых же языках;

4) сопоставлением оформления того же класса слов в языках, отвечающих заданной характеристике.

Мы не можем провести здесь подробное сопоставление по первым двум пунктам в силу полной неизученности древнекхмерской грамматики, во-первых, и необходимости привлечения обширных материалов других языков, что потребует много места, во-вторых.

1. Во всяком случае, относительно более древних состояний кхмерского и китайского глаголов пока можно сказать следующее: около тысячи лет назад они не имели современного оформления. В кхмерских надписях VII—IX вв. (т. е. первых письменных памятниках на кхмерском языке) отсутствуют современные приглагольные грамматические элементы. Совершенно иной была и система китайского глагольного оформления, возникновение и становление характерных современных структурных элементов которой следует прежде всего отнести к эпохам Тан (618—907), Сун (960—1279) и Юань (1280—1367 гг.).

Для древнекхмерского языка специфическим активным глагольным показателем можно считать транзитивно-каузативный префикс *п-*, образовывавший отчасти от существительных и главным образом от непереходных глаголов переходные глаголы с побудительным значением, например:

тьюор 'борозда' — *пх-тьюор* 'пахать'; *дать* 'разорванный' — *пх-дать* 'разрывать'. Ныне этот префикс сохраняет свое значение, но непродуктивен. Наличие такого же префикса в других мон-кхмерских языках говорит о его древности.

Как известно, в древнекитайском языке побудительные глаголы образовывались также посредством тонального изменения. Это уже наводило исследователей на мысль о возможности наличия в таких глаголах префикса, исчезновение которого и оставило след в виде изменения основного тона в четвертый, например: *й̄* 'одежда' — *й̇* 'надевать', 'носить' [платье], 'одеваться'; *й̄й* 'слова', 'язык', 'фраза' — *й̇й* 'обращаться', 'говорить'.

2. Сопоставление даже в самых общих чертах единиц морфологического уровня в китайском и кхмерском языках, с одной стороны, и в типологически от них отличных языках индоевропейской семьи, таких, например, как русский, английский, немецкий, французский — с другой, свидетельствует о больших различиях, которые лежат в самой основе механизма действия этих единиц, не говоря уже о том, что глаголы в индоевропейских языках располагают формами словоизменения. Даже там, где есть аналитические глагольные формы, они, как правило, отличны от китайских и кхмерских глагольных грамматических средств и по происхождению, и по своей грамматической сущности. Наконец, такие специфические категории китайского и кхмерского языков, как направленность, ориентация, результативность, вообще не находят идентичного грамматического воплощения в индоевропейских языках и т. п.

3. При сопоставлении другого класса слов в китайском и кхмерском языках, например существительных, оказывается, что характерные черты тех и других в значительной степени общие.

Во-первых, и китайские, и кхмерские существительные не знают обусловленного специальными моментами выражения грамматического числа, имеют грамматическое средство выражения значения коллективной множественности. В китайском языке это суффикс *мынь* (неясного происхождения), в кхмерском языке — морфема *пуок* (этимологически «группа»). Ср. кит. *гунжэньмынь*, кхмер. *пуок-каммака*: 'рабочие'. В обоих языках указанная форма употребляется главным образом применительно к лицам.

Во-вторых, и китайские, и кхмерские существительные имеют двойную систему средств, обслуживающих их связи в предложении: а) в сфере локальных отношений — отглагольный предлог с широким диапазоном значений (кит. *цзай*, кхмер. *нэу* 'жить', 'находиться' — 'в', 'на' и т. д.) и группа отыменных служебных слов, позиция которых определяется

местом определения (последлоги в китайском языке, где определение занимает препозицию, предлоги в кхмерском языке, где определение занимает постпозицию), например: кит. *цянмянь*, кхмер. *мук* 'перед', кит. *хоумянь*, кхмер. *краой* 'за', 'позади' и т. п.; б) в сфере иных отношений — отглагольные предлоги и глаголы в функции предлога, причем эти средства зачастую имеют очень конкретные значения и соответственно узкую область употребления (типа кит. *дуй*, кхмер. *тьам-лох* 'в отношении', кит. *чао* 'в направлении кого-либо', кхмер. *грам* 'в' — только когда речь идет о жидкости).

В-третьих, характерным признаком существительных в обоих рассматриваемых языках является наличие системы счетных слов, например: кит. *вэй*, кхмер. *ру:n* для исчисления уважаемых персон; кит. *тяо*, кхмер. *даэм* для исчисления некоторых продолговатых предметов; кит. *со*, кхмер. *кхна:нг* для исчисления домов, построек. Разница в масштабах употребления счетных слов в китайском и кхмерском языках не имеет существенного значения для целей настоящего сообщения.

Таким образом, обращение к новому классу слов в тех же языках приводит нас к прежним результатам.

4. Языки, отвечающие заданным условиям типологии, четко распадаются на две группы по их отношению к современному глагольному оформлению. Одну, отличную от описанных выше, группу составляют языки с иной, нежели в китайском и кхмерском, позицией дополнения, вне зависимости от того, какую позицию занимает определение (тибетский, бирманский). Языки заданной типологии, имеющие ту же позицию дополнения, что и китайский и кхмерский, обнаруживают аналогичные основные закономерности в системе современных глагольных категорий.

Таким образом, необходимо ввести третий типологический признак для определения отнесенности того или иного языка к языкам с установленными выше чертами — позиция дополнения.

Возьмем для дополнительного сравнения два языка, отвечающие всем трем заданным условиям (последовательная изоляция, фиксированный состав слога, дополнение после сказуемого), — тайский и вьетнамский. Средства «оформления» тайского и вьетнамского глагола в сопоставлении с соответствующими средствами китайского и кхмерского языков наглядно свидетельствуют о существующей здесь общности (табл. 1). Между тем генетическое родство этих языков не установлено. Тайский язык относят то к китайско-тибетским, то к малайско-полинезийским языкам. Относительно вьетнамского языка наиболее надежно доказаны его австроазиатские связи. Общепризнанны только основные типологи-

ческие черты сходства этих языков — моносиллабизм корня, фиксированный состав слога, изоляция в области синтаксиса, относительно строгий порядок слов, позиция дополнения после сказуемого в большинстве случаев. Китайский отличается от трех других рассмотренных языков позицией определения (перед определяемым). Однако, как мы видели, эта его характеристика не имеет существенного значения для тех выводов, к которым мы приходим. Зато существенной оказалась позиция дополнения.

В архаическом китайском языке связочные предложения имели иное строение, нежели сейчас. В этих предложениях был порядок слов, присущий бирманскому и тибетскому языкам (если считать связкой, а не частицей конечное *e*). Возможно, реликтом иного порядка слов является также позиция древних вопросительных местоимений, которые в функции дополнения занимали позицию перед глаголом, а не после него (как современные китайские или кхмерские местоимения). Ср. древ.-кит. *хэ вэй*, совр. кит. *цзо шэммо* 'что делать?' (*хэ, шэммо* 'что', *вэй, цзо* 'делать').

Если действительно в китайском языке когда-то был порядок слов П—Д—С и если действительно позиция дополнения существенно влияет в языках заданной типологии на выбор средств грамматического оформления, то нельзя ли предположить, что именно изменение позиции дополнения (под влиянием, например, тайских или австроазиатских языков) увело китайский язык от тех путей развития, по которым пошли родственные ему тибетский и бирманский языки, и предопределило его развитие по пути, во многом близком к тому, по которому развиваются такие языки, как кхмерский (и другие мон-кхмерские языки), тайский, вьетнамский? Влияние позиции дополнения в изолирующих языках на их развитие можно объяснить тем, что нахождение дополнения в позиции между подлежащим и сказуемым (т. е. при соседстве двух имен) требует сохранения дополнительных средств для выражения тех или иных связей и отношений. Разъединение двух имен (подлежащего и дополнения) при порядке П—С—Д снимает необходимость в дополнительном оформлении. Отмирание же одних грамматических средств (например, имеющихся при дополнении) может повлечь за собой отмирание и других, с ним тесно связанных (например, глагольных). Это, в свою очередь, порождает необходимость обзаведения новым грамматическим аппаратом. Изоляция же при прямом порядке слов открывает широкие возможности для грамматикализации знаменательных зависимых элементов предложения, как видно на материале многих языков.

Итак, проведенная нами проверка в двух направлениях (внутри самих сопоставляемых языков и вне их) подтверди-

Приглагольные грамматические средства

Значение	Средство				Этимология			Позиция				
	ла	ба:н хай	дай лау	да снха гәи хонг	завер- шать	получать кон- чать	— — уже, кон- чать	пост-	пре- пост-	пре- пост-	пре- пост-	пре- пост-
Завершенность (совершенность) и прошедшее время												
Неопределенно-кратное прошедшее время	го	тх.лоап	кэй	—	прохо- дить	привыкать	—	пост-	пре-	пре-	—	—
Будущее время	яо цзян	тыанг нынг	тыа —	сә —	хотеть —	— —	— —	пре- пре-	пре-	пре-	—	пре- —
Настоящее время выделенное, длительность действия	цзай чжо	камлунг нэу нэу-лазэй	камланг йу	данг (ду'онг)	находить- ся —	— — находиться	—	пре- пост-	пре- пре-	пре- пост-	пре-	пре- —
Пассив	бай	трэу	тук	бј ду'ф'с	подвергаться	—	—	пре-	пре-	пре-	пре- пост-	пре- пост-
Каузатив	шы	ай	хай	шо	побуж- дать	давать	—	пре-	пре-	пре-	пре-	пре- —

Мгновенность	и	—	—	—	один	—	—	—	пре-	—	—	—
Результативность	Специальные результативные глаголы											
Направленность	цзинь	тьоуль	кау	вао	входить выходить подниматься спускаться возвращаться	пост- пост- пост- пост- пост-	пост- пост- пост- пост- пост-	пост- пост- пост- пост- пост-	пост- пост- пост- пост- пост-	пост- пост- пост- пост- пост-	пост- пост- пост- пост- пост-	пост- пост- пост- пост- пост-
	чу шан ся хуй	тьень лаэнг тьох винь	ок кын лонг	га лён хибнг вё								
Ориентация	лай цой	мо:к тэу	ма пай	лэй дэй	приходить уходить	пост- пост-	пост- пост-	пост- пост-	пост- пост-	пост- пост-	пост- пост-	пост- пост-
	цлай	лаэнг	кын	лён	подниматься	пост-	пост-	пост-	пост-	пост-	пост-	пост-
Языки	кит.	кхм.	тайск.	вьет.	кит.	кхм.	тайск.	вьет.	кит.	кхм.	тайск.	вьет.

ла сделанный выше вывод о возможности предвидеть общие черты в строе одного языка на основе знания строя другого, который бы в типологическом отношении составлял с первым один тип — был бы также изолирующим и моносиллабичным (в смысле моносиллабизма корня и фиксированности состава слога). Проверка показала также, что необходимо дополнить типологическую характеристику подводимых под данный тип языков еще двумя чертами: 1) существенность позиции дополнения; 2) несущественность позиции определения.

Конечно, никогда нельзя ожидать полного совпадения систем разных языков (хотя практически встречаются случаи очень значительного совпадения, как, например, в кхмерском и тайском языках). Число грамматических категорий и средства их выражения везде будут различными и лишь частично совпадающими. Общими же должны оказаться лишь тенденции в использовании для грамматики одних и тех же структурных элементов.

О СХОДСТВЕ И РАЗЛИЧИЯХ БИРМАНСКОГО, ТАМИЛЬСКОГО И КХМЕРСКОГО ЯЗЫКОВ

До сих пор никто не пытался сопоставлять такие очевидно-разные языки, как бирманский, тамильский и кхмерский. А между тем при первом же знакомстве с ними не могут не бросаться в глаза сходство и различия в этих языках, имеющие совершенно определенную закономерность в распределении.

Нужно оговориться, что обычно эти языки рассматриваются только как представители групп языков: кхмерский — изолирующих, тамильский и бирманский — агглютинирующих. Причем бирманский рассматривается несколько подробнее потому, что он имеет наиболее любопытные типологические черты и менее других изучен. По-видимому, было бы целесообразно сопоставить целиком группы изолирующих и агглютинирующих языков Юго-Восточной Азии и Дальнего Востока, поскольку та или иная черта сходства может выступать наиболее рельефно в каком-то одном языке из определенной группы.

Указанная проблема требует обобщения большого языкового материала и, следовательно, длительной работы, скорей всего не одного человека, а группы специалистов по соответствующим языкам. Поэтому сейчас трудно сделать какие-либо выводы, можно лишь выявить те сходства и различия во всех этих языках, которые лежат на поверхности и имеют закономерный характер.

Сопоставление бирманского, тамильского и кхмерского языков проводится на уровнях слога, морфемы, слова и предложения.

Не подлежит сомнению факт, что бирманский язык относится к сино-тибетской семье. Бесспорно также, что тамильский язык принадлежит к дравидийской семье. Вопрос о генетических связях кхмерского языка остается открытым, но ни у кого, очевидно, не возникнет мысли относить его к дравидийским.

Следовательно, как бирманский, так и кхмерский языки генетически противопоставляются тамильскому языку.

Структура слога, в основном сходная в языках бирманском и кхмерском (а также китайском и вьетнамском), отличается от структуры слога в тамильском языке.

В тамильском языке слог имеет следующую структуру¹: Г ИГ ГФ ИГФ.

Для языков бирманского и кхмерского структура слога будет несколько иная: Г ИГ ГФ ИГФ ИИГ ИИГФ.

Однако, несмотря на очевидную разницу в структуре слога в тамильском, бирманском и кхмерском языках, характерно, что все эти языки имеют одно принципиальное сходство — это наличие больших ограничений в способности фонем занимать те или иные позиции в слогe. Этим свойством языки всего рассматриваемого района отличаются от языков индоевропейской семьи. Любопытным и показательным в этом отношении является упрощение фонетической структуры слога в индоарийских языках Индии в процессе развития их от санскрита через пали-пракриты к современному состоянию.

Следовательно, можно сказать, что по структуре слога все эти языки сходны, поскольку удельный вес этого принципиального сходства значительно больше того различия, о котором мы сказали выше.

Но на уровне морфемы кхмерский и бирманский языки противопоставляются тамильскому. Как известно, бирманский и кхмерский языки (так же как китайский и вьетнамский) являются языками с моносиллабической структурой морфемы. Тамильский же язык не принадлежит к таким языкам. В нем морфема может быть и односложная, но достаточно часто она двусложная и многосложная.

Следовательно, на уровне морфемы, так же как и генетически, бирманский и кхмерский языки противопоставляются тамильскому.

Картина резко меняется на уровне слова и предложения. Как уже говорилось выше, тамильский язык относится к языкам агглютинативного типа. В отношении бирманского языка до сих пор никто и нигде еще четко не сформулировал его типологическую принадлежность. Я попытаюсь показать, что он также принадлежит к языкам агглютинативного типа.

Бирманский язык обладает большим количеством формальных элементов. В любом тексте около 30% всех морфем составляют чисто формальные морфемы. Под чисто формальными морфемами здесь понимаются такие, которые не имеют никаких других случаев употребления, т. е. употребляются только как формальные и никогда не употребляются как знаменательные.

¹ Г — гласный, И — инициаль, Ф — финаль, П — элемент, помещающийся между инициальной и гласным.

Другим признаком является (это, может быть, наиболее четкий показатель для отнесения бирманского языка к агглютинативным) то, что именные и глагольные частицы в бирманском языке, как правило, грамматически однозначны: одни указывают на множественное число имени или глагола, другие оформляют определение, третьи — дополнение и т. д. Когда бывает нужно выразить одновременно несколько грамматических значений, например множественное число и функцию дополнения имени, употребляются соответственно две разные частицы: *ein dwē go* (*ein* 'дом', *dwē* — показатель множественного числа, *go* — показатель дополнения).

Следующим признаком является то, что слово в бирманском языке не является постоянной величиной. Оно может быть определено как значимый элемент или последовательность из значимого элемента и одного или нескольких формальных элементов. Такое явление наблюдается именно в языках агглютинативного строя. Наличие формальных элементов определяется стилем или положением во фразе самого слова, т. е. определяется причинами, внешними по отношению к слову.

И, наконец, последнее — наличие в слове так называемых автоматических (термин заимствован у Дж. Гринберга) изменений морфем. Это выражается в том, что при сочетании имени с именной частицей на границе значимых и формальных элементов в определенных случаях происходят фонетические изменения, называемые «сандхи» (*sa'ou'ko*, но *ein go*, где *ko*, *go* — показатель дополнения).

Всеми этими признаками обладает и тамильский язык, поскольку он является агглютинативным.

Из сказанного следует, что на морфологическом уровне бирманский язык сходен с тамильским и отличается от кхмерского, который является изолирующим и как таковой почти не имеет чисто формальных элементов.

Другой характерной чертой бирманского языка является тенденция образовывать формальные элементы из значимых. Сначала какая-то морфема может употребляться параллельно и как значимая, и как формальная; потом знаменательное значение может утратиться, и она становится уже чисто формальным элементом. Иногда процесс идет еще дальше и влечет за собой изменение фонетической структуры морфемы. В таких случаях становится невозможным установить происхождение данного формального элемента. Можно предположить, что все или почти все формальные морфемы возникли именно таким путем, т. е. что первоначально в бирманском языке не было формальных элементов или их набор отличался от современного. Такая же тенденция наблюдается в какой-то мере и в тамильском языке. Например, лич-

ные окончания глагола восходят к постпозитивным личным местоимениям.

В кхмерском языке тоже можно наблюдать сходную тенденцию, но там она никогда не заходит так далеко, поскольку, как уже говорилось выше, там почти нет чисто формальных элементов. А в отношении вьетнамского языка даже существует мнение, что в нем наблюдается обратная тенденция: не пользоваться служебными словами.

В бирманском языке, так же как и в тамильском, происходит стяжение частиц, т. е. фонетическое сокращение морфемы: $\bar{o}i > \bar{o}ə$, $\bar{m}i > \bar{m}ə$, $\bar{r}u > \bar{r}ə$, где полный гласный переходит в нейтральный. Может быть, это уже сдвиг к флективному типу?!

В структуре предложения те же сходства и различия. В бирманском и тамильском языках предложение строится по схеме П — Д — С, в кхмерском, вьетнамском и китайском: П — С — Д. Мне кажется, что это очень серьезное, кардинальное различие.

Для бирманского и тамильского языков характерным является отсутствие связки в именных предложениях («я студент», «это стол»). Причем для бирманского языка характерно также, что различие настоящего и прошедшего времени выражается не в глаголе, а лексически.

Бирманский и тамильский языки имеют конструкцию так называемого предварительного сказуемого, являющуюся характерной чертой бирманского и тамильского языков и оказывающую существенное влияние на структуру предложения. В кхмерском языке ее нет.

Определение к имени, выраженное именем, в бирманском и тамильском языках предшествует определяемому, в кхмерском следует за ним.

Характерной чертой бирманского и тамильского языков является отсутствие придаточных предложений в индоевропейском смысле этого термина. В них то, что соответствует придаточным индоевропейских языков, является сложным именем и оформляется теми же грамматическими элементами, что и простой член предложения. Поэтому в этих языках отсутствуют союзы. В кхмерском языке имеются союзы и обычные придаточные предложения.

Из всего сказанного видно, что на урвне морфемы бирманский язык сходен с кхмерским, вьетнамским, китайским и отличается от тамильского; на морфологическом и синтаксическом уровнях он имеет общие черты с тамильским и отличается от кхмерского и остальных дальневосточных языков.

Характерно, что индоевропейские языки Индии тоже претерпели сходные изменения в структуре, причем в данном

случае по совершенно очевидной причине — в результате взаимодействия с дравидийскими языками. Это становится совершенно ясным, если сравнить языки так называемой внешней группы — маратхи, бенгали, с языками внутренней группы — хинди, панджаби и др., а в целом индоевропейские языки Индии с другими индоевропейскими языками.

Таким образом, бирманский язык претерпел примерно такие же изменения по отношению к дальневосточным языкам, как индоарийские языки Индии по отношению к остальным индоевропейским языкам.

К ТИПОЛОГИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКЕ ЯЗЫКА СУАХИЛИ

В языке суахили, как во всех языках банту, типологически важным представляется наличие именных классов, образуемых с помощью системы префиксов, совмещающих словообразовательные и формообразовательные функции. Рассмотрение морфемной структуры слов, входящих в систему именных классов, а также определение того, являются ли служебные морфемы этих слов полисемантическими или моносемантическими, является существенной задачей при определении морфологического типа языка суахили.

Именные классы в лингвистической литературе о языках банту характеризовались главным образом лишь с точки зрения семантического объема того или иного класса или установления номенклатуры словообразовательных единиц, с помощью которых образуются именные классы¹. Однако даже терминология, применяемая в отношении различных структурных единиц слова, точно не установлена. Одни и те же структурные единицы получают различные определения (корень-основа), и, наоборот, некоторые единицы, наделенные различными грамматическими значениями, занимающие различные положения в слове, терминологически определяются одинаково.

Именно поэтому прежде всего необходимо выделить и терминологически определить структурные единицы слова, их место по отношению друг к другу, возможную сочетаемость, а также влияние их на согласование, которое целиком детерминируется принадлежностью имени к тому или иному классу.

Имена в суахили членятся на морфемы. Под морфемой мы будем понимать наименьшую неразложимую на морфологическом уровне грамматически значимую единицу слова. Морфемы могут быть служебными и неслужебными.

¹ К. Meinhof, *Grundzüge einer vergleichenden Grammatik der Bantusprachen*, Berlin, 1948; A. Werner, *Introductory Sketch of the Bantu Languages*, London, 1919; C. M. Doke, *Bantu linguistic Terminology*, London, 1935; «The Southern Bantu Languages», London, 1954, и др.

Служебные — морфемы, передающие грамматические значения, неслужебные — морфемы, передающие или максимально обобщенное лексическое значение, или тематически ограниченное лексическое значение.

По занимаемому месту и значению морфемы, составляющие имена, могут быть разделены на четыре разряда: а — префикс; б — корень; с — инфикс; д — суффикс.

Префикс (а) — служебная морфема, в языках банту обязательно присутствует в любом слове, начинает его и в данном разряде слов является определяющим элементом согласования (префиксу может предшествовать только префикс — по позиции препрефикс, — грамматический идентичный префиксу). В языке суахили к этому разряду морфем будут относиться показатели всех именных классов с их позиционными вариантами, например: *m-/mɔ-*, *wa-*; *ki-(ch-)*; *ku-*; *ma-* и т. д. Показатель класса — префикс может отсутствовать; в таком случае можно говорить о нулевом префиксе, поскольку его отсутствие позиционно обусловлено. Так, например, позиционным вариантом префикса *n-* наряду с *ny-* — перед гласными и *m-* — перед лабиальными согласными будет нулевой префикс, так как *n-* выпадает перед некоторыми согласными; начинающими корень (*ch*, *f*, *k*, *m*, *n*, *p*, *s* и *t*), ср. *n-dege* 'птица', *ny-umba* 'дом', *m-bwa* 'собака', но *paka* 'кошка', *rafiki* 'друг', *fisi* 'гиена' и т. п.

Если в слове имеется два префикса (а + а + ...), согласование существительных осуществляется в соответствии с формой первого префикса, препрефикса. При нулевом префиксе согласование осуществляется по общей модели согласования данного класса.

Корень (б) — неслужебная морфема, выражающая максимально обобщенное лексическое значение. Корневая морфема, так же как и префикс, является необходимой частью слова, но не может выступать как самостоятельное слово. В языке суахили нет корневых знаменательных слов. В согласовании корень не участвует. В слове корень следует за префиксом или инфиксом, может завершать слово (а + б, а + с + с + б + ...).

Инфикс (с) — служебная морфема. Место в слове — между префиксом и корнем (а + с + б...), между префиксом и другим инфиксом или между другим инфиксом и корнем (а + с + с + б + ...). Разряды инфиксов и префиксов не пересекаются, так как инфикс никогда не начинает слова; функционально, по участию в согласовании, они также не пересекаются. Но именно в языке суахили некоторые инфиксы могут материально совпадать с префиксами, например: *ki-* и *-ki-* : *kukinunua kitabu* 'покупка книги', *m-* и *-m-* : *kumsikia mtu* 'слушание человека' и т. п.

Отсутствие или наличие инфикса изменяет функции слова в согласовании. В отличие от префикса и корня инфикс не обязателен в слове. Инфиксами в именах могут быть объектные согласователи, например: *-ni-*, *-m-*, *-ki-*, *-vi-* и т. п., отрицательная частица *-to-*, возвратная частица *-ji-*.

Суффикс (d) в составе слова может быть служебным и неслужебным. Служебным суффиксом (d_1) является локативный *-ni*. Суффикс d_1 всегда завершает слово ($a + b + d_1$), изменяет согласование слова, он, так же как и префикс, определяет согласование.

Неслужебными суффиксами (d_2) являются суффиксы, изменяющие лексическое значение слова, но не влияющие на функции слова в согласовании. В именах они представлены аффиксами *-wa*, *-isha*, *-ea*, *-o*, *-i* и т. п. Морфема d_2 может следовать за корнем ($a + b + d_2$) или за другой морфемой d_2 ($a + b + d_2 + d_2$). За морфемой d_2 может следовать морфема d_1 ($a + b + d_2 + d_1$).

Для морфемы d_2 возможно также внутреннее положение между морфемой d_2 и d_1 или между морфемами d_2 и d_2 ($a + b + d_2 + d_2 + d_2 + d_1$). Присутствие в слове морфем d_2 и d_1 необязательно.

Синтаксическая связь слов в предложении языка суахили осуществляется посредством согласования. Участие имен в согласовании может быть активным и пассивным.

Под активным согласованием слова мы понимаем определяющую роль данного слова в согласовании, например: *Chumba changu cha baridi Kinafumbua*, букв. 'комната моя холодная открыта' — слово *ch-umba* 'комната' активно в согласовании, поскольку форма префикса данного слова определяет формы согласователей зависимых слов и служебных частиц. Активное согласование может быть прямым и косвенным.

Под активным прямым согласованием понимается прямая зависимость форм согласователей зависимых слов и служебных частиц от форм префикса определяющего слова. В приведенном примере таким образом активное согласование является прямым, поскольку префикс слова *ch-umba* определяет форму согласователей слов служебных частиц, относящихся к нему: *ch-angu*, *ch-a*, *ki-nafumbua*.

Под активным косвенным согласованием понимается отсутствие прямой зависимости форм согласователей от формы префикса слова, определяющего согласование, например: *Ki-ongozi mkuu araingia chumbani* букв. 'руководитель почтенный вошел в комнату' — слово *ki-ongozi* косвенно активно в согласовании, т. е. оно определяет согласование, но согласователи зависимых слов не находятся в прямой зависимости от формы префикса данного слова.

Согласовываться могут также два имени, находящиеся в отношении «дополнение — дополняемое», например: *kuvirudi vitu* 'возвращение вещей'. Такого типа согласование мы будем называть пассивным. Пассивное согласование также может быть прямым, как в приведенном примере, и косвенным, например: *kuwarudi ndege* 'возвращение птиц'.

Анализ морфемной структуры имен языка суахили при учете роли их в согласовании заставляет выделить две структурные группы слов:

I. Имена, активные в согласовании, имеют следующую общую формулу морфемной структуры²: $(2)a + b + (3d_2) + (d_1)$.

Однако согласование этих слов может быть прямым и косвенным.

II. Принципиально иную формулу морфемной структуры будут иметь слова, входящие в состав так называемого 15-го именного класса, а именно: $a + (2c) + b + (3d_2)$.

Слова, имеющие данную морфемную формулу, могут быть как активны, так и пассивны в согласовании. Активность или пассивность в согласовании будет зависеть от присутствия в слове морфем с. Если в слове присутствуют морфемы с, слово пассивно в согласовании, и, наоборот, отсутствие морфем с указывает на его активность в согласовании. Активное согласование слов этой группы всегда прямое. Пассивное может быть и прямым и косвенным.

К группе I относятся слова, входящие во все именные классы языка суахили, за исключением 15-го именного класса. Внутри данной группы, однако, можно выделить подгруппы, учитывая варианты общей формулы морфемной структуры и прямое или косвенное согласование.

1. Прежде всего нужно выделить подгруппу, в которую войдут имена существительные, оформленные локативным суффиксом *-ni*. Данный суффикс был нами обозначен через d_1 . Слово любого класса группы I, кроме одушевленных имен существительных, может быть оформлено морфемой d_1 , которая в зависимости от выражаемого локативного значения будет требовать согласования с участием префиксов *pa-*, *ku-* или *tu-*, например: *Anakaa vyumbani mwangu* 'Он живет в моих комнатах'; *Anatoka vyumbani kwangu* 'Он вышел из моих комнат'; *Anasimama vyumbani pangu* 'Он стоит около моих комнат'.

Таким образом, суффикс $d_1(-ni)$, оформляя слова какого бы то ни было класса, прежде всего изменяет согласование

² Скобки приняты за знак факультативности. Если в скобках стоит символ морфемы и цифра, это указывает на то, что данная морфема может не присутствовать в слове вообще или повторяться указанное цифрой число раз. Если в скобки заключена только цифра, это значит, что морфема, обязательная в слове, может повторяться указанное цифрой число раз.

данного слова. Согласование становится косвенным, т. е. оно будет определяться уже не префиксом (в данном случае *vu-*), а суффиксом *-ni*, ср., например: *Ninapenda vyumba vyangu* 'Я люблю мои комнаты'.

Вариант основной формулы морфемного состава данных слов будет:

$$(2)a + b + (3d_2) + d_1.$$

Здесь суффикс d_1 является не факультативным, а обязательным, например:

nyumbani 'в доме', 'на доме' и т. п. = $a + b + d_1$ (*ny + umba + ni*);

kijitoni 'в ручье', 'около ручья' и т. п. = $a + a + b + d_1$ (*ki + ji + to + ni*);

kinuwajini 'в напитке' = $a + b + d_2 + d_1$ (*ki + nywa + ji + ni*);

mlinganoni 'в сходстве' = $a + b + d_2 + d_2 + d_1$ (*m + linga + ana + o + ni*);

mapumzikoni 'в отпуске' = $a + b + d_2 + d_2 + d_2 + d_1$ (*ma + pumua + za + ika + o + ni*).

2. В особую подгруппу могут быть выделены одушевленные имена, объединяемые в языке суахили, строго говоря, только в 1-й и 2-й классы. Однако в состав этой подгруппы войдут и одушевленные имена существительные, принадлежащие к абсолютному большинству классов группы I. Это будет выражаться прежде всего в нарушении прямого согласования. Одушевленное существительное, к какому бы классу оно ни относилось, будет требовать согласования по 1-му или 2-му классу: *Vijana wa Kenya wanakusanya mkutanoni* 'Молодежь Кении собралась на митинг'; *Raia huyu anasoma gazeti* 'Гражданин этот читает газету'.

Категория одушевленности морфологически может быть выражена также путем оформления имени существительного префиксом 1-го или 2-го класса. В этом случае префиксы этих классов *m-* или *wa-* будут выступать как препрефиксы, например:

mndege 'птица' = $a + a + b$ (*m + n + dege*);

mnyama 'животное' = $a + a + b$ (*m + ny + ama*);

wanyama 'животные' = $a + a + b$ (*wa + ny = ama*) и т. п.

Префиксы *m-* и *wa-* могут замещать собою первичный префикс имени существительного, например слово *kiongozi* 'руководитель' может выступать и в форме *mwonogosi*. В двух последних случаях согласование имен существительных будет прямым, например: *Mndege huyu aliruka hewani* 'Птица эта взмыла в воздух'; *Mwongozi wetu alirudi kutoka Ulaya* 'Руководитель наш вернулся из Европы'.

Имена существительные, не получившие морфологического подтверждения категории одушевленности, т. е. не пере-

оформленные префиксами 1-го или 2-го классов, имеют косвенное согласование.

Формула морфемной структуры одушевленных имен существительных также имеет особенности в пределах общей морфемной формулы слов, относящихся к группе I, а именно: $(2)a + b + (3d_2)$.

Например: *mtu* 'человек' = $a + b (m + tu)$;
raia 'гражданин' = $a + b (l + raia)$;
mndege 'птица' = $a + a + b (m + n + dege)$;
mlimaji 'земледелец' = $a + b + d_2 (m + lima + ji)$;
mfundishaji 'тренер' = $a + b + d_2 + d_2 (m + funda + isha + ji)$;
mshindanizi 'противник', 'соперник' = $a + b + d_2 + d_2 + d_2 (m + shinda + ana + iza + i)$.

Особенность морфемной формулы данной подгруппы слов заключается в отсутствии d_1 (суффикса *-ni*). Одушевленные имена существительные не образуют локативной формы; пространственные отношения данной подгруппы имен существительных могут быть выражены только при помощи предлогов, безотносительно к тому, имеет ли такое имя существительное префиксы 1-го или 2-го класса или оно принадлежит по форме префикса к какому-либо другому классу группы I.

Имена существительные группы I, не входящие в упомянутые подгруппы, не имеют нарушений в прямом согласовании, и их морфемная структура соответствует общей формуле, например:

kiti 'стул' = $a + b (ki + ti)$;
kijito 'ручей' = $a + a + b (ki + ji + to)$;
mwisho 'конец' = $a + b + d_2 (m\bar{w} + isha + o)$;
kimbilio 'убежище' = $a + b + d_2 + d_2 (l + kimbilia + ilia + o)$;
mapumziko 'отпуск' = $a + b + d_2 + d_2 + d_2 (ma + pumua + za + ika + o)$.

Формула морфемной структуры слов, относящихся к группе II, отличается от морфемной формулы слов группы I присутствием морфем *s*, наличием только одной морфемы *a* и отсутствием морфем d_1 , например:

kujulikana 'известность' = $a + b + d_2 + d_2 + d_2 (ku + jua + ilia + ika + ana)$;
kuzaliwa 'рождение' = $a + b + d_2 + d_2 (ku + zaa + lia + wa)$;
kuandikwa 'написание' = $a + b + d_2 (ku + andika + wa)$;
kujiona 'самочувствие' = $a + c + b (ku + ji + ona)$;
kutovipenda 'ненависть к ним (вещам)' = $a + c + c + b (ku + to + vi + penda)$.

Согласование слов, имеющих данную формулу, может быть активным прямым, а также пассивным прямым или косвенным, например: *Kuzaliwa kwangu kuanza vyema* 'День моего

рождения начался хорошо'; *Nilitaka kuvununa vitabu hivi* 'Я хотел купить эти книги'; *Nilitaka kuwaona ndege hawa* 'Я хотел увидеть птиц этих'.

Таким образом, морфемная структура всех слов, входящих в систему именных классов, может быть приведена к четырем формулам:

I. $(2)a + b + (3d_2) + (d_1)$

1) $(2)a + b + (3d_2) + d_1$

2) $(2)a + b + (3d_2)$

II. $a + (2c) + b + (3d_2)$

Как уже говорилось выше, от морфемной структуры слова находится в прямой зависимости положение его в системе согласования, т. е. изменение морфемной формулы изменяет роль слова в согласовании.

Непосредственно переходя к выявлению полисемантизма морфем, составляющих слова именных классов, необходимо отметить, что предметом анализа могут быть лишь служебные морфемы, передающие грамматические значения. Служебными морфемами в рассматриваемых словах являются морфемы *a*, *c* и d_1 .

Префикс (*a*) выражает категорию класса и числа. Так, слово *m-tu* 'человек' относится по форме префикса к 1-му классу людей и одушевленных существительных в единственном числе. Изменение только формы префикса (например, *ki-tu* 'вещь') относит данное слово уже к другому классу или числу: *wa-tu* 'люди', *vi-tu* 'вещи'. Любой префикс включает значение и класса и числа, даже если он выражен нулевой морфемой, например, слово *sagai* 'дротик' = $a + b$ ($0 + sagai$) единственного числа 9-го класса, согласование которого будет соответствовать модели согласования данного класса. Нулевая морфема, однако, нерегулярна, так как она может включать в себя значение и 5-го класса единственного числа, например: *shamba* 'поле' = $a + b$ ($0 + shamba$). Согласование этого слова будет соответствовать модели согласования 9-го класса, например: *Sagai yangu mkubwa imevunjika* 'Мой большой дротик сломался'; *Shamba langu kubwa linalimwa* 'Мое большое поле обрабатывается'.

Изменение числа данных слов также определяется изменением префикса. Причем слова, относящиеся к различным классам в единственном числе, принимают различные показатели и имеют разные модели согласования, например: *Mtu huu amesoma barua* 'Этот человек прочитал письмо'; *Watu hawa wamesoma barua* 'Эти люди прочитали письмо'; *Kitu hiki kimevunjika* 'Эта вещь сломалась'; *Vitu hivi vimevunjika* 'Эти вещи сломались'; *Sagai zangu zimevunjika* 'Дротики мои сломались'; *Mashamba yangu yanalimwa* 'Поля мои обрабатываются'.

Таким образом, префиксы всех классов полисемантически, т. е. они выражают грамматические категории класса и числа.

Под инфиксом (с) понимаются объектные согласователи, выражающие категории класса, числа и лица. Так, объектный согласователь *-ki-* в слове *kukinunua* 'покупка ее (вещи)' (имеется в виду, что покупается какая-то вещь) будет выражать класс, число и лицо, т. е. 7-й класс единственное число и 3-е лицо. В слове *kukuarifu* 'распоряжение твое' инфикс *-ku-* передает грамматическое значение 1-го класса единственного числа 2-го лица. Или, например, в слове *kururudi* 'возвращение нам' инфикс *-tu-* передает значение 2-го класса множественного числа 1-го лица.

Становится очевидным, что данные морфемы являются полисемантическими, поскольку каждая из них передает грамматические отношения класса, числа и лица.

В числе морфем типа «с» имеется только две морфемы моносемантические — это инфикс *-to-*, выражающий отрицание, и инфикс *-ji-*, передающий возвратное значение, например: *kutopenda* 'нелюбовь' (*kupenda* 'любовь'), *kujiona* 'самочувствие' и т. п.

Морфема d_1 (локативный суффикс *-ni*) передает пространственные отношения, которые в языке суахили дифференцированы, т. е. включают в себя значение направленности действия, нахождения на поверхности или вблизи, а также внутреннее местоположение. Различие этих значений имеет формальное отражение в моделях согласования с показателями *ku-*, *pa-* и *ni-*. Все эти три грамматических значения, требующих различных типов согласования в слове, обозначаются одной морфемой d_1 , например: *Nilitoka nyumbani kwangu* 'я вышел из моего дома'; *Nilisimama nyumbani pwangu* 'я стоял около моего дома', *Niliingia nyumbani mwangu* 'я вошел в свой дом'.

Из этого следует, что морфема d_1 (локативный суффикс *-ni*) полисемантически.

Таким образом, все служебные морфемы, т. е. морфемы а, с и d_1 , за исключением двух морфем с (отрицательная частица *-to-* и возвратная частица *-ji-*), являются полисемантическими морфемами, т. е. они передают минимум два грамматических значения.

Такие свойства морфем нехарактерны для языков агглютинативного типа.

К ТИПОЛОГИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКЕ ЧУКОТСКО-КАМЧАТСКИХ ЯЗЫКОВ

В работах и исследованиях, в той или иной степени затрагивающих вопрос классификации языков, инкорпорирующие языки ставятся в один ряд с языками аморфными (изолирующими), агглютинативными и флективными.

Перечень языков, для которых инкорпорация считалась основным или второстепенным типологическим признаком, постоянно изменяется. Достаточно напомнить, что термин «инкорпорация» применялся при описании грамматического строя таких языков, как, например, китайский, корейский, некоторые кавказские языки, говорилось и говорится об инкорпорации (или конструкциях, сходных с инкорпоративными) в немецком языке. До недавнего времени безоговорочно определялись как инкорпорирующие некоторые палеоазиатские языки.

В советской литературе в качестве примера языка инкорпорирующего чаще других упоминается чукотский язык.

На языках чукотско-камчатской группы (чукотском, корякском, алуторском, керекском, ительменском) говорят малые народности крайнего северо-востока Азии. До настоящего времени эти языки (младописьменные и бесписьменные) остаются малоизученными.

Чукотский язык и родственный ему корякский были определены как инкорпорирующие первым исследователем этих языков В. Г. Богоразом¹.

Определение чукотского и ряда родственных ему языков как инкорпорирующих находилось в соответствии с принципами морфологической классификации того времени (до Сепира). В основу определения типа языка был положен анализ морфологической структуры слова. Типология конкретного языка в значительной степени предопределяла характеристику структуры языка.

В грамматических очерках языков чукотско-камчатской группы типологической специфике придается особое значе-

¹ W. Bogoraz, *Chukchee*, — «Handbook of American Indian languages», pt 2, Washington, 1922.

ние: «Инкорпорация проникает весь чукотский язык, охватывая все наличные в нем лексико-грамматические категории»².

В основе определения инкорпорации неизбежно должен был содержаться анализ структуры и функции инкорпоративного комплекса.

За сравнительно короткий период изучения чукотско-камчатских языков последовательно сменялись определения инкорпоративного комплекса: как лексической (или аналогичной лексической) единицы, как синтаксической единицы, как единицы промежуточной—морфолого-синтаксической или синтактико-морфологической—и как одного из основных приемов морфологического конструирования.

Менялось определение инкорпоративного комплекса, но оставалась без изменений типологическая характеристика чукотского языка, чего не должно было быть. Изменение одного влекло бы изменение другого, если бы в основу морфологической классификации был положен один существенный признак.

Причина противоречий, содержащихся в определениях инкорпоративного комплекса, кроется, на наш взгляд, в смешении анализа техники инкорпорации и анализа системы отношений, выраженных данной техникой.

Инкорпорирование можно сравнить с изоляцией в схеме Сепира: определение как инкорпорации, так и изоляции выходит за пределы описания связей внутри слова. Иллюстрировать инкорпорирование в чукотско-камчатских языках лучше всего сопоставлением инкорпоративных комплексов с соответствующими словосочетаниями, противопоставляемыми комплексам по характеру синтаксических отношений между компонентами.

Так, наряду со словосочетаниями типа *нымэйыңқин в'ала* 'большой нож', *нив'лықин в'ала* 'длинный нож', *эньпичин в'ала* 'нож отца', *г'эқэлг'ин в'ала* 'нож врага' (корякск.), *нымэйыңқин валы* 'большой нож', *нивлықин валы* 'длинный нож', *ытлыгин валы* 'нож отца', *э'қэлъин валы* 'нож врага' (чук. яз.) в чукотско-камчатских языках функционируют сочетания определяемого и определения другого типа (инкорпоративные комплексы): *майңыв'ала* 'большой нож', *эв'лыв'ала* 'длинный нож', *аньпэчев'ала* 'отцовский нож', *г'эқэлг'ыв'ала* 'вражеский нож' (корякск.), *майңывалы* 'большой нож', *эвлывалы* 'длинный нож' (чук. яз.).

Инкорпоративные комплексы, типологически сопоставляемые с цельнооформленными словосочетаниями, объединяют, как правило, два элемента — определяемое и определение (в

² П. Я. Скорик, *Очерки по синтаксису чукотского языка*, Л., 1948, стр. 167.

широком смысле слова). К одному определяемому может относиться и несколько определений, например: *майңыэчвы в'алата* 'большим острым ножом', *эчвымайңы в'алата* 'острым большим ножом', *чыянмайңныэч выв'алата* 'двумя большими острыми ножами' (корякск.).

Сопоставление инкорпоративных комплексов и словосочетаний, синтаксическая связь внутри которых выражается согласованием, позволяет говорить об инкорпорировании в чукотско-камчатских языках как об одном из видов синтаксической связи, противопоставляемом согласованию, управлению, примыканию. Инкорпоративный комплекс в чукотско-камчатских языках может быть определен как один из видов синтагмы, между членами которой существует атрибутивная связь.

Основной способ связи слов в словосочетаниях в чукотско-камчатских языках — агглютинативный. Не случайно, по-видимому, многие черты морфологии чукотско-камчатских языков типологически близки таковым в агглютинативных языках.

Согласно одному из основных требований типологического сопоставления, сравниваться могут единицы одного уровня. Исходя из определения инкорпоративного комплекса в чукотско-камчатских языках как синтаксической единицы и следует оценивать возможность типологического соотнесения языков по этому признаку.

Инкорпорация с самого начала изучения чукотско-камчатских языков определялась как существенный или существеннейший признак морфологии, синтаксиса и даже фонетики этих языков.

История типологии чукотско-камчатских языков показывает, что определение структуры языка по одному признаку (например, по признаку цельнооформленности или раздельнооформленности синтагмы) неизбежно будет недостаточным, пока не будет установлена система отношений между уровнями языка. Установление такой системы и будет служить обоснованием существенности признака, взятого за исходный пункт при типологическом сопоставлении. Эта задача должна ставиться и разрешаться при составлении описательных грамматик.

**ТИПОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СЛОВА
В ПОЛИСИНТЕТИЧЕСКИХ ЯЗЫКАХ
ЗАПАДНОГО КАВКАЗА**

Принято считать, что традиционная типология исходит из структуры слова. На самом деле в основе традиционной морфологической классификации лежит не только слово, но и другие конститутивные единицы языка (ср., например, принципы выделения инкорпорирующих и изолирующих языков). Неразличение, вернее, смешение слова и смежных языковых единиц при построении морфологической типологии объясняется тем, что классификация языков строилась до разработки теории слова, до выяснения его структуры и дифференциальных признаков в языках различных типов.

Следует сказать, что строгостью методики не отличаются и новые морфологические классификации, разработанные квантитативными методами. Несмотря на перспективные результаты в области типологии, работа Дж. Гринберга страдает известной непоследовательностью в выборе критериев, на основании которых определяется соотношение различных тенденций в языке. Так, например, один из основных параметров у Дж. Гринберга основывается не на внутренней форме слова, а на способах связи между словами в речевом потоке.

Всестороннее типологическое исследование языка предполагает типологический анализ различных уровней. Но при построении классификационной типологии представляется целесообразным прежде всего выбрать основную единицу, на базе которой можно было бы выявить изоморфные явления конкретного языка или группы языков.

Недостаток традиционных классификаций заключается не только в том, что в их основе лежат разные языковые единицы, но также в том, что, исходя из структуры типологически разных языковых единиц — слова, словосочетания, предложения, — выясняется лишь преобладающая в том или ином языке типологическая черта, по которой, собственно, и определяется тип.

Однако непоследовательность существующих классификаций не снимает вопроса о том, является ли слово той единицей, по которой можно судить о важнейших структурных признаках языка. Но следует подчеркнуть, что разбираемый вопрос нельзя ставить независимо от своеобразия структуры языка. При построении типологии — по крайней мере на начальных этапах исследования — может идти речь прежде всего об определении соотношения различных типологических признаков, на основании которых характеризуются языки. С этой точки зрения слово как типологическая единица, например, в изолирующих и полисинтетических языках, представляющих собой два полюса, отнюдь неравнозначно.

Проблема статистической морфологической типологии, собственно, снимается, если в языке индекс синтеза равен нулю или крайне незначителен. В этой связи возникает необходимость ослабить категоричность положения о том, что слово является основной единицей любого языка, так как оно не учитывает всего многообразия языковой действительности. Едва ли можно утверждать, что слово является главной единицей языка, в котором основные классы слов лишены внутренней формы или же индекс синтеза приближается к нулю. Чем выше степень синтеза, тем больше возрастает роль слова в построении типологии. Структура слова определяет важнейшие типологические особенности в полисинтетических языках.

Языки Западного Кавказа, т. е. абхазско-адыгские языки, характеризуются чрезвычайно высокой степенью синтетизма. В понимании сущности синтетизма в абхазско-адыгских языках среди исследователей нет единства. Так, рассматривая синтетизм в различных языках, в том числе абхазско-адыгских, акад. И. И. Мещанинов относит к синтетическим формам лишь словоизменяемые, т. е. производящую основу в сочетании с аффиксами, выражающими синтаксические отношения. Таким образом, синтетизм понимается как исключительно синтаксический прием, используемый для передачи отношений между словами в предложении¹.

Мы не ограничиваем синтетизм сферой словоизменения и термин «полисинтетизм» понимаем шире, поскольку в абхазско-адыгских языках высокая степень синтетизма характерна как для парадигматики, так и для деривации.

Полисинтетичность языка — явление морфологическое. Полисинтетизм — это строгая последовательность морфем (или алломорф) в пределах парадигмы слова. В полисинтетических языках морфемы, используемые в пределах слова, выражают

¹ И. И. Мещанинов, *Члены предложения и части речи*, М.—Л., 1945, стр. 33—42.

субъектно-объектные отношения, соединительные, подчинительные и другие грамматические связи; типы сложения и деривации в этих языках разнообразны. Полисинтетическая форма лишь функционально эквивалентна предложению, ср. в кабардском языке: *у-а-кбы-ды-д-е-з-гъэ-шы-жы-ф-а-тэ-кбым* 'я тогда не смог заставить его обратно вывести тебя отсюда вместе с ними'. Это единое слово состоит из корневой морфемы *шы-* 'вести', 'возить' и аффиксальных морфем: *у-* — префикс объекта 3-го л. ед. ч., *а-* — префикс объекта 3-го л. мн. ч., *кбы-* — направительный префикс «сюда», *ды-* — префикс союзности действия, *д-* — локальный префикс, *е-* — префикс объекта 3-го л. ед. ч., *з-* — префикс субъекта 2-го л. ед. ч., *гъэ-* — каузативный префикс, *жы-* — суффикс прошедшего времени, *тэ-* — суффикс «тогда», *кбым-* — отрицательный суффикс.

Полисинтетизм сам по себе не является самостоятельной типологической чертой. В многоморфемном образовании перекрещиваются различные типологические признаки. Типологический анализ структуры слова в полисинтетических языках дает ответ на многовопросную (многопризнаковую) анкету. Вопреки распространенному мнению полисинтетическая форма может быть образована различными способами: агглютинативным, агглютинативно-инкорпоративным, агглютинативно-флективным. Ср. агглютинативное образование в абазинском языке: *сы-гъ-ца-ры-мы-з-тл* 'я не пошел бы'; агглютинативно-инкорпоративное образование в адыгейском языке: *сы-кбы-дэ-пльы-чы* 'я смотрю оттуда сюда' (*сы-* — префикс «я», *кбы-* — префикс «сюда», *дэ...чы* — прерываемая основа, *пльы-* — основа глагола *е-пльы-н* 'смотреть'); агглютинативно-флективные образования в кабардском языке: *фъ-хы-зэ-ш-ы-р* 'я вас вожу туда'; *фъ-хы-зэ-ш-ы-р* 'я вас вывожу оттуда'. Полисинтетизм может осуществляться также путем сложения и аффиксации, ср. в кабардском: *у-е-шьхъэ-фэ-уэ-нут* 'ты хотел бы ударить ему по голове'.

Мы считаем, что типология в отличие от сравнительно-исторической и ареальной лингвистики имеет дело с изоморфизмом. В то время как типология выявляет соотношение между лингвистическими элементами, сравнительно-историческое языкознание выясняет совокупность генетически тождественных элементов. Но в отличие от описательной (дескриптивной) лингвистики типология устанавливает не всякую взаимосвязь между языковыми элементами, а универсальные соотношения типологически сближаемых языков независимо от того, являются ли они результатом родства или сродства языков. Изоморфные явления в абхазско-адыгских языках обусловлены не только наличием генетически общих структурных черт, восходящих к языку-основе, но и независимым

развитием каждого из этих языков после их дифференциации. Очевидно, что причиной универсальных соотношений могут быть также параллельные языковые процессы, как результат развития общих тенденций, заложенных в языке-основе.

Анализ морфемной структуры слова в полисинтетических языках Западного Кавказа позволяет установить универсалии, имеющие существенное значение для построения типологии этих языков. Эти универсалии касаются аранжировки значимых элементов слова, условий преобразования их структуры, соотношения основ разных классов слов, морфемного строения слова и словообразования, слова и словосочетания. Иными словами, слово рассматривается в двух планах: парадигматическом и синтагматическом.

К основным синхронным моделям корневой морфемы в этих языках относится модель типа «согласный + гласный». Такую же структуру имеют и важнейшие деривационные морфемы. Отсюда морфологическое членение основ, состоящих из морфем указанного типа, совпадает с их слогоделением. Одно-сложные корневые морфемы типа «согласный + гласный + согласный», а также двусложные корневые морфемы открытого типа являются результатом преобразования двуморфемной модели в именах и глаголах. Продуктивные модели этого типа чаще всего указывают на наличие морфемного шва, т. е. они характерны для производных основ.

Отношение корневых и аффиксальных морфем характеризуется тем, что их дифференциальными признаками далеко не всегда оказывается наличие или отсутствие коррелята в виде автономной единицы. Согласно распространенному мнению, морфема считается аффиксальной, если она не имеет коррелята в виде автономной единицы, и слово рассматривается как аффиксальное образование, когда в его состав входит элемент, не имеющий соответствия в самостоятельной единице, но оно считается сложным (компози́та), когда в качестве его компонентов выступают самостоятельно существующие в этом языке основы знаменательных слов².

При разграничении корневых и аффиксальных морфем на основании указанного критерия остаются в стороне многочисленные переходные явления (ср., например, так называемые полупрефиксы в германских языках, полусуффиксы в адыгских языках). Но дело не только в этом. Наличие коррелята в виде автономной единицы не является постоянным релевантным признаком корневой морфемы, так же как отсутствие такого коррелята нельзя считать постоянным релевантным признаком аффиксальной морфемы.

² А. Мартине, *Основы общей лингвистики*, — сб. «Новое в лингвистике», т. III, стр. 488—489.

В абхазско-адыгских языках в качестве дифференциального признака корневых и аффиксальных морфем выступает дистрибуция морфемы в слове. Морфема приобретает статус префикса или суффикса, если она ведет себя в глаголе как аффиксальная морфема. Это положение можно пояснить на противопоставлении, с одной стороны, простых и отыменных префиксов, а с другой — отыменных префиксов и их коррелятов — именных основ. Основы типа «аффикс + корневая морфема» в отличие от основ типа «корневая морфема + корневая морфема» допускают дистантное положение своих составных частей. Иными словами, аффиксальные основы разрываются другими морфемами, в частности личными показателями субъекта переходного глагола. Так, в адыгских языках деривационный префикс *дэ-* в переходном глаголе оказывается в препозиции по отношению к аффиксу субъекта, который инкорпорируется в основу. Ср., например, в кабардинском языке: *сы-дэ-т-а-шь* 'я стоял между ними' (*сы-* — аффикс субъекта 1-го л. ед. ч., *дэ-* — деривационный префикс) но: *дэ-с-тх-а-шь* 'я написал что-то между ними' (*дэ-* — деривационный префикс, *с-* — префикс субъекта 1-го л. ед. ч.).

По своей дистрибуции с деривационной морфемой *дэ-* в этом же языке совпадает морфема *шлэ-*, например кабардинское *сы-шлэ-т-а-шь* 'я стоял под ними', *шлэ-с-тх-а-шь* 'я написал что-то под ним'. Морфемы *дэ-*, *шлэ-* относятся к однопорядковым единицам, т. е. в сочетании с другими морфемами они ведут себя одинаково. Эти морфемы входят в класс локальных (деривационных) морфем, занимающих фиксированное место в слове. Принадлежность этих морфем к одному классу подтверждается тем, что они занимают не только одинаковое место, но оказываются взаимоисключающими, т. е. в одном слове встречается только одна из них.

Итак, в структурном плане морфемы *дэ-* и *шлэ-* являются деривационными морфемами. Между тем морфема *шлэ-* в отличие от морфемы *дэ-* имеет коррелят в виде автономной единицы, ср. *шлэ* 'дно, нижняя часть чего-то'.

Можно привести еще примеры из абхазского языка, демонстрирующего своеобразную систему взаимоотношений корневых и деривационных морфем. Локальные префиксы в абхазском языке имеют корреляты в виде глагольных корневых морфем. Так, морфема *та-* в словоформе *д-та-ул* 'он (человек) внутри находится' выступает как корневая морфема. Та же самая морфема в слове *а-та-ла-ра* 'входить', 'войти' по своей дистрибуции попадает в класс деривационных морфем.

Изложенное выше имело целью не только продемонстрировать соотношение корневых и аффиксальных морфем в рассматриваемых языках, но и показать на конкретных примерах, что преобразование структур, т. е. создание деривационных

морфем на базе морфем корневых может достигаться чисто дистрибутивным путем. Отсюда нельзя не прийти к выводу, что критерии разграничения таких типов основ, как «аффикс + корень», «корень + корень» (иначе: аффиксальное основообразование и основообразование, аффиксальное слово и сложное слово), могут быть также дистрибутивными, поскольку эти критерии определяются соотношением корневых и аффиксальных морфем в слове. Естественно, не только в языках различных морфологических типов, но и в пределах одного и того же языка могут существовать различные соотношения корневых и аффиксальных морфем. Приведенные факты свидетельствуют о том, что отсутствие коррелята, фонеморфологическая изоляция и процессы семантического опрощения исконного элемента не всегда оказываются существенными для преобразования корневой морфемы в морфему деривационную.

Общей спецификой абхазско-адыгских языков является то, что по степени синтета имя резко противопоставлено глаголу. Имя (существительное и прилагательное) имеет относительно простую структуру, тогда как глагол характеризуется многоступенчатой стратификацией своих конститутивных единиц. (Поэтому для выявления грамматических универсалий, относящихся к порядку значимых элементов слова, следует остановиться в первую очередь на анализе структуры глагола).

Важнейшими способами именного основообразования являются: а) сложение, б) редупликация, в) суффиксация. Деривационные именные префиксы в синхронном плане почти отсутствуют в этих языках.

В области именной парадигматики разбираемые языки объединяются наличием четырех морфологических категорий: определенности-неопределенности, принадлежности, союзности и числа. Категория определенности-неопределенности выражается в адыгских языках суффиксальным, а в других языках — префиксальным способом. Для выражения категории принадлежности используется префиксация, а для выражения категорий союзности и числа — суффиксация.

Категория склонения не составляет изоморфизма в этих языках. В адыгейском, кабардинском и убыхском именительному падежу противопоставляется эргативный падеж. При непереходном глаголе подлежащее стоит в именительном падеже и отсутствует прямое дополнение, тогда как при переходном глаголе подлежащее ставится в эргативном падеже, а прямое дополнение — в именительном падеже, например кабардинское *лЫр мэлэжъэ* 'мужчина работает', *лЫм уынэр еш!* 'мужчина делает дом' (*лЫр* — им. пад., *лЫм* — эрг. пад., *уын р* — им. пад.). В абхазском и абазинском имя (подлежащее и дополнение) не оформляется падежными аффиксами, но в глаголе (как в адыгейском, кабардинском и убыхском языках)

порядок личных аффиксов варьируется в зависимости от переходности и непереходности действия (об этом см. ниже). Иными словами, в структуре эргативной конструкции между абхазско-адыгскими языками наблюдается полный изоморфизм в плане спряжения.

Если для имени нехарактерны деривационные префиксы, то в глаголе префиксация играет ведущую роль в основообразовании. Деривационные морфемы, выражающие побудительность (каузативность), союзность, совместность, возможность, локальные и направительные значения, а также так называемые версионные морфемы по отношению к корневой морфеме занимают препозицию. Препозитивны также личные аффиксы субъекта, прямого объекта и косвенного объекта. Как увидим ниже, личный аффикс в зависимости от значения и строения производящей основы по отношению к деривационной морфеме может быть препозитивным и постпозитивным. Постпозитивы в глагольной парадигме занимают аффиксы времен и наклонения. Аранжировка аффиксов деривации (Д), лица (Л), времен (В) и наклонений (Н) по отношению к корневой морфеме (К) упрощенно может быть представлена следующей схемой:

$$Л + Д (Д + Л) + К + В + Н.$$

Ср.: кабардинское *сы-дэ-кIу-а-мэ* 'если бы я пошел вместе с ним'; *дэ-с-шI-а-мэ* 'если бы я сделал вместе с ним'.

Многморфемность как основы, так и словоформы глагола обусловлена разнообразием форм деривации и словоизменения. Аффиксальные морфемы, хотя и образуют чрезвычайно разнообразные комбинации в сочетании с корневой морфемой, строго ограничены с точки зрения их дистрибуции. Ограничения, касающиеся дистрибуции морфем, составляющих слово, в сущности и создают его структуру.

Для построения грамматической типологии этих языков важнейшее значение имеет выяснение универсалий, ограничивающих последовательность морфем внутри слова. Как уже давно отмечено в литературе, в этих языках глагол изменяется по лицам субъекта и объекта. Аранжировка морфем (вернее, морф) субъекта и объекта в парадигматическом ряду определяется переходностью и непереходностью корневой морфемы. Следовательно, критерием разграничения переходных и непереходных глаголов служит порядок личных морфем в парадигме спряжения³.

³ Указанный критерий разграничения переходных и непереходных глаголов, который является чисто дистрибутивным, выдвинут так называемой традиционной грамматикой. Таких точных, формальных критериев выделения морфологических категорий немало в традиционной грамматической науке, что свидетельствует о несостоятельности довольно распространенной точки зрения, согласно которой существуют якобы резко очерченные границы между традиционной и структурной лингвистикой.

Морфемы субъекта (S) и прямого объекта (O) в сочетании с корневой морфемой (K) нетранзитивного значения имеют следующую аранжировку: S + O + K.

Ср.: адыг. *сэ-уэ-жэ* 'я тебя жду'; абх. *с-у-сугеитI* 'я тебя бью'; убых. *сы-у (ы)-мышан* 'я тебя зову'.

Те же грамматические морфемы в сочетании с корневой морфемой транзитивного значения распределяются в обратной последовательности: O + S + K.

Ср.: «тебя я вижу» адыг. *уы-сэ-лгэгъу*, абх. *уы-з-боитI*, убых. *уы-з-бийан*.

В отличие от аранжировки личных аффиксов аранжировка деривационных аффиксов является постоянной, т. е. на нее не оказывает влияние значение производящей основы.

Деривационные морфемы, входящие в полисинтетический комплекс, распределяются по классам. Каждый класс морфем имеет фиксированный порядок расположения в парадигме. Мы не будем останавливаться на дистрибуции каждого класса морфем. Но отметим, что классификация деривационных морфем с точки зрения их взаимосвязи с корневой морфемой выявляет абсолютные универсалии (не знающие исключения), относящиеся к порядку этих значимых элементов в пределах слова. Так, например, если задан тип основы «корневая морфема (K) + морфемы, выражающие побудительность (П), конкретное место (M), совместное действие (C)», то во всех рассматриваемых языках деривационные элементы производной основы одинаково распределяются следующим образом: C + M + П + K.

Это можно проиллюстрировать следующим примером из адыгейского языка: *ды-хэ-гъэ-хьа(-н)* 'вместе внутрь заставить идти'; ср. абх. *(а)ц-та-р-ныкьуа-ра* 'вместе внутрь заставить идти'.

Основа C + M + П + K может осложняться не только другими деривационными морфемами, но и способна сочетаться с грамматическими (личными) аффиксами. Более того, часть деривационных морфем, входящих в состав основы C + M + П + K, предопределяет существование грамматических морфем. Иначе говоря, между деривационными и грамматическими морфемами устанавливается отношение так называемой детерминации. В основе C + M + П + K члены C и П всегда предполагают наличие детерминируемых морфем, выражающих объекты действия. Значение «кого-либо», «с кем-либо» выражается нулевыми морфемами, которые детерминированы соответственно морфемами *гъэ* и *ды*. Место детерминируемых морфем в словоформе ясно показывает сравнение основы *ды-хэ-гъэ-хьэ-н* с личной формой *у-а-ды-хы-сэ-гъэ-хьэ* 'тебя (у-) с ними (а-) вместе (ды-) внутрь (хы-) я (сэ-) заставляю (гъэ-) идти (хьэ-)'.
166

Аранжировка аффиксов субъекта (S), прямого объекта (O) косвенного объекта (O₁) в сочетании с производной основой указанного типа может быть изображена схемой:

$$O + O_1 + C + M + S + П + K$$

Если к ним присоединить аффиксы времени (V) и наклонения (H), то получится:

$$O + O_1 + C + M + S + П + K + V + H$$

Ср. каб. *у-а-ды-хэ-з-гээ-хь-а-мэ* 'если бы я заставил тебя вместе с ним входить'. Исключение из этой модели члена С влечет за собой исключение из модели детерминируемого им члена O₁:

$$O + M + S + П + K + V + H$$

Пример: *уб-хэ-з-гээ-хь-а-мэ* 'если бы я тебя заставил войти'.

Исключение из той же модели члена П влечет за собой не только исключение из нее детерминируемого им члена O, но и преобразование переходной основы в непереходную. Соответственным образом меняется и аранжировка членов S и O₁. Итак, мы будем иметь следующую последовательность морфем в парадигме от переходной основы:

$$S + O_1 + C + M + K + V + H$$

Пример: *с-а-ды-хэ-хь-а-мэ* 'если бы я вместе с ними вошел'.

Для образования глагольных основ наряду с чисто основообразующими морфемами используются морфемы. Морфемы в этих языках являются результатом чередования гласных и служат для выражения противоположных направлений действия — центростремительного и центробежного. Ср. адыг. *хэшьэ-н* 'вводить', *хэшьы-н* 'выводить', абх. *д-ты-ц/итт* 'он (человек) вышел', *д-та-леитт* 'он (человек) вошел'. Небезынтересно отметить, что в этих языках имеет место нейтрализация противопоставлений морфем, входящих в состав основ, образованных морфонологическим способом. Например, в кабардинском наличие противопоставлений *дсы:дзэ* в настоящем времени *хы-з-о-дзы-р* 'выбрасываю', *хы-з-о-дзэ-р* 'бросаю во что-то', снятие противопоставлений этих морфем (омонимия грамматических морфем) в прошедшем времени: *хэ-з-дз-а-шь* 'выбросил', *хэ-з-дз-а-шь* 'бросил во что-то'. Нетрудно заметить, что нейтрализация в данном случае является результатом редукции морфем *ы*, *э* до нуля перед гласным *а*.

Касаясь соотношения основ различных парадигматических классов, необходимо отметить следующее. Важной типологической чертой слова в рассматриваемых языках является то, что основы существительных и прилагательных в предикативном оформлении без специальных основообразующих морфем могут входить в парадигму глагола. Ср. в кабардинском языке:

сы-шзак/уэ-шь 'я охотник'
уы-шзак/уэ-шь 'ты охотник'
шзак/уэ-шь 'он охотник'

сы-йын-шь 'я большой'
уы-йын-шь 'ты большой'
йын-шь 'он большой'

сы-шбыль-шь 'я лежу'
уы-шбыль-шь 'ты лежишь'
шбыль-шь 'он лежит'

От этого явления следует отграничить основы, от которых парадигматическим путем образуются существительные и динамические глаголы. Речь идет о существительных и динамических глаголах, соотносительных по конверсии. Основы слов, соотносительных по конверсии, нейтральные по отношению их синхронной принадлежности к определенному классу слов. Основы, свободно включающиеся в парадигмы разных классов слов, характерны особенно для адыгских языков. В этих языках разбираемые основы по своей структуре могут быть не только простыми, но и производными. Слово может иметь основу, в состав которой входит деривационная морфема, хотя оно образовано не морфологическим способом словообразования, например адыг. *ч/абз* (орф. *к/абз*) 'подкладка' включает в свой состав деривационные морфемы *ч/л(a)*-, ср. *ч/ибзагъ* '(он) сделал подкладку'. Как видно, с помощью деривационной морфемы образована глагольная основа, а не слово *ч/абз*. В парадигмы разных классов слов могут включаться также сложные основы. Иными словами, не всякое слово со сложной основой образовано способом сложения. Точно так же слова, включающие в свой состав деривационную морфему, могут быть образованы без помощи этой деривационной морфемы. Указанные особенности в значительной степени определяют соотношения основы и слова. Отсюда проистекает также необходимость разграничения основообразования и словообразования.

Отрицание в абхазско-адыгских языках выражается морфологическим способом. Для выражения отрицания в глаголе используются префиксация и суффиксация. Ср. адыг. *тхэ* 'пиши!', *уы-мы-тхэ* 'ты не пиши' (*мы-* — префикс отрицания); *сы-тхэ-шьтэ-п* 'я не буду писать' (*п-* — суффикс отрицания). Как видим, способ выражения отрицания определяется конкретной грамматической формой глагола (отрицание выражается в повелительной форме префиксальным способом, а в форме изъявительного наклонения — суффиксальным способом).

Но способ выражения отрицания может определяться также значением производящей основы глагола. Так, одна и та же морфема, выражающая отрицание, в динамических глаголах префигурируется, а в статических — суфигурируется, например уступительно-ограничительные формы в абазинском: *уы-м-*

гылы-ргIад 'пусть ты не встанешь', *уы-гыла-мы-здын* 'допусти, что ты не стоишь'.

Как отмечалось, конститутивные элементы полисинтетического комплекса в абхазско-адыгских языках имеют строго фиксированное место. Хотя эти элементы далеко не всегда возводятся к генетическому тождеству, они по своей структуре изоморфны в этих языках. Следует указать еще на одно изоморфное явление, связанное также с взаимоотношением между значимыми элементами слова. Выше отмечалось, что морфемное строение слова не всегда совпадает с его словообразовательной моделью (аффиксальное слово, например по типу образования может быть безаффиксальным). Соотношение морфемного строения слова и словообразования обуславливает специфику иерархии морфем в словах, относящихся к различным парадигматическим классам.

Так, многоморфемные основы могут быть сегментированы по принципу непосредственно составляющих. Например, основа кабардинского *зэгъуынэгъухэр* «соседи» состоит из следующих последовательных слоев: 1) *зэ* + *гъуынэгъу*, 2) *гъуынэ-гъу* 'сосед', 'близкий', 3) *гъуынэ* 'край', 'окрестность'. Диахронически выделяется еще один (четвертый) слой: *гъуы* + *нэ*. Однако такая последовательная стратификация морфем не является типичной для структуры всех производных слов. В этом отношении в абхазско-адыгских языках в известной мере имя противопоставлено глаголу. Возьмем, например, основу адыгейского глагола *кьэ-кIуэ-жьы-н* 'идти обратно сюда'. Из этой основы путем редукции свободно устраняются морфемы *кьэ-жьы*: ср. *кIуэ-жьы-н* 'идти обратно', *кьэ-кIуэ-н* 'идти сюда', *кIуэ-н* 'идти'. Иными словами, сегментирование основы *кьэ-кIуэ-жьы-н* можно начать с любой деривационной морфемы. В отличие от этой основы основа *зэгъуынэгъу* имеет строгий порядок напластования непосредственно составляющих. Сегментирование этой основы невозможно начать с вычленения морфемы *-гъу* (*зэгъуынэ* + *гъу*), хотя она выделяется в морфологическом плане. В языке нет модели *зэ* + *гъуынэ*, но имеется модель *гъуынэ* + *гъу*, что, собственно, и определяет порядок членения основы *зэгъуынэгъу*, а именно: морфема *зэ*- является первым слоем, а морфема *-гъу* — вторым. Что же касается морфем *кьэ*-, *-жьы* в основе глагола *кьэ-кIуэ-жьы-н*, то совершенно невозможно определить, какая из них является первым слоем, а какая — вторым.

Так обстоит дело с трехморфемной основой глагола *кьэ-кIуэ-жьы-н* (*н* не входит в состав основы), не осложненной аффиксами словоизменения. Но положение намного осложняется, если взять многоморфемные (шестиморфемные, семиморфемные, восьмиморфемные) основы и включить их в парадигмы спряжения. В связи с этим следует сказать, что анализ

структуры слов данного типа может ставить основной целью выявление простейших значимых элементов и их аранжировки, а не порядка напластования непосредственно составляющих. Отсюда следует вывод: применение метода непосредственно составляющих, способного при учете действующих моделей языка отграничить синхронные типы образования слов от их морфемного строения, на морфемном уровне ограничено определенными типами производных слов⁴.

Говоря об отношениях слова к словосочетанию, следует прежде всего сказать, что ни фонетические, ни грамматические (словоизменительные), ни семантические признаки не могут всегда служить инвариантным признаком слова. Составные части синтаксической единицы, как и составные части (сложного) слова, фонетически могут образовать единое целое с одним объединяющим ударением, ср. каб. *цIыхуыфI* 'хороший человек' (*цIыху* 'человек' + *фIы* 'хороший'). С точки зрения словоизменения атрибутивный комплекс *цIыхуыфI* также не отграничивается от сложного слова, поскольку в парадигме словоизменения включается только второй член *фI*, ср. *цIыхуыфIхэр* 'хорошие люди'. Отсюда ясно, что морфологическая цельнооформленность, рассматриваемая многими лингвистами как универсальный критерий слова, не может считаться единственным инвариантным признаком слова.

Что же касается семантического критерия, то необходимо заметить, что с этой точки зрения слово не отграничивается от фразеологических единиц, обладающих лексической цельностью. Так, абх. *ашуа хьуара*, адыг. *уэрэд къэIуэн* 'петь', букв. 'песню говорить' в семантическом плане подводятся под категорию слова. Однако в структурном плане подобные образования являются словосочетаниями, а не словами. Противопоставление слова и словосочетания в абхазско-адыгских языках основано на том, что слово характеризуется структурной цельностью. Структурная цельность предполагает: а) смысловое единство; б) соотнесенность единицы (и ее членов) с одним парадигматическим классом; в) отсутствие у компонентов способности определяться в отдельности другими словами; г) компактность компонентов; д) устойчивый порядок следования компонентов.

Следует отметить, что при решении вопроса о соотношении слова и сложных языковых единиц постоянно наблюдается смешение слова и словосочетания⁵.

То же самое нужно сказать о соотношении слова и пред-

⁴ М. А. Кумахов, *О соотношении морфемного строения слова и словообразования (К вопросу о границах применения метода непосредственно составляющих)*, — ВЯ, № 6, 1963.

⁵ М. А. Кумахов, *К проблеме сложного слова*, — «Известия ОЛЯ АН СССР», т. XXII, вып. I, 1963.

ложения. Одной из важнейших типологических особенностей слова в абхазско-адыгских языках является то, что подчинительное значение в предложении может быть выражено одной словоформой. Такая словоформа функционально эквивалентна придаточному предложению в индоевропейских языках, например в кабардинском языке: *сы-шIэ-кIуэ-р* 'почему я иду', *сы-здэ-кIуэ-р* 'куда я иду', *сы-шы-кIуэ-р* 'когда я иду', *сы-зэры-кIуэ-р* 'как я иду', *сы-кIуэ-ну-мэ* 'если я пойду'. При одностороннем, вернее, логико-семантическом подходе к решению вопроса о границах слова и его отношении к предложению словоформы (формы одного и того же слова) типа *сышIэкIуэр*, *сыкIуэnumэ* рассматриваются как синтаксические обороты или придаточные предложения. Отсюда делается лингвистически необоснованный вывод о характере предложения в этих языках. В действительности же в данном случае имеет место игнорирование структурно-типологических особенностей слова и его отношения к предложению, что, собственно, приводит к неразличению единиц разных языковых уровней.

КОРЕЙСКОЕ СЛОВСОЧЕТАНИЕ КАК ТИПОЛОГИЧЕСКАЯ ЕДИНИЦА

Сравнивать языки можно по различным признакам. Выбор признака зависит от целей сравнения. Так, при необходимости установить различия в объеме и способах выражения грамматической категории (например, вида, залога) сопоставляются соответствующие грамматические категории разных языков. Поставив задачу выявить различия в способах выражения одного и того же содержания в разных языках, можно рассматривать способы выражения субъектно-предикативных, атрибутивных и объектных отношений.

Однако результаты, полученные путем сравнения языков по указанным выше признакам, не могут быть непосредственно использованы типологией. Такое сравнение необходимо главным образом для выявления языковых фактов.

Традиционная (классическая) типология, давшая морфологическую классификацию языков мира, строила свои выводы на анализе отношений между структурными единицами на уровне слова. Она свела все языки к ограниченному числу морфологических типов, но не объяснила, почему при существовании огромного количества материально различающихся языков имеется ограниченное число способов организации языковой материи.

Между тем многие языки, в том числе и географически удаленные друг от друга, вопрос о генетическом родстве которых даже не может быть поставлен, подчас обладают явным типологическим сходством; причем это сходство прослеживается на всех языковых уровнях (фонетическом, морфологическом и синтаксическом). В качестве примера сошлемся на удивительное сходство китайского языка и языка йоруба (одного из западноафриканских языков), которые характеризуются как моносиллабические и тональные, не имеющие синтетических форм слов и выражающие грамматические отношения порядком слов и служебными словами.

Отсюда делается заключение о существовании зависимости между различными языковыми уровнями. Эта мысль подтверждается многочисленными фактами (например, тональ-

ность связана с моносиллабизмом, явление групповой флексии характеризует языки с агглютинативными прилепами, обладающими подвижностью относительно основы).

В связи с этим целью типологических исследований на современном этапе должно быть объяснение того, почему данный язык устроен иначе, чем другой, в какой мере способ организации единиц одного уровня зависит от характеристик единиц другого уровня.

Совершенно очевидно, что эта цель будет достигнута только при условии полного и исчерпывающего обследования какого-либо языка, проведенного с охватом всех его уровней, иначе говоря, проведению собственно типологических (сопоставительных) исследований должно предшествовать подготовительное, определенным образом направленное исследование отдельных сопоставляемых языков. Такое исследование выявления отношения между единицами языковых уровней и даст возможность получить характеристики единиц. Полученные характеристики единиц одного языка будут сопоставлены с характеристиками единиц другого языка, и, следовательно, типология будет оперировать не реальными единицами, а данными об отношении единиц друг к другу в конкретных языках.

Ниже делается попытка получить типологические характеристики корейских словосочетаний.

Словосочетание, будучи грамматически организованной группой слов, как и слово, участвует в построении предложений. Поэтому типологические характеристики словосочетания будут получены при сопоставлении его со словом как номинативной единицей языка и словом как синтаксической единицей предложения. При сопоставлении со словом как номинативной единицей будут установлены структурные типы словосочетаний и структурные отличия словосочетания от слова. Сопоставление со словом как синтаксической единицей позволит определить, каким образом словосочетание отличается от слова функционально. Таким образом, к словосочетанию нужно подходить двояко: с точки зрения его структуры и с точки зрения синтаксической функции.

Знаменательные слова в корейском языке делятся на три группы, различающиеся семантически и структурно: имена, предикативы и наречия. Группа имен характеризуется способностью к функционированию как в аффиксных, так и в безаффиксных (нулевых) формах. Поэтому в сфере имени нередки случаи материального совпадения корня (основы) и словоформы. Предикативы, как правило, состоят из двух морфем — корня (основы) и окончания. Наречия — слова неизменяемые и потому не имеют формы.

Наличие трех структурно различающихся групп слов опре-

деляет существование словосочетаний различных структурных типов.

Среди сочетаний имени и имени имеются следующие основные типы:

1) *ачхим[-ый]*¹ *исыл* 'утренняя роса' (связь между компонентами — подчинительная; способ связи — либо родительный падеж первого компонента, либо отсутствие разделительной паузы);

2) *чапчи[ва, мит]* *синмун* 'журнал и газета' (связь компонентов — сочинительная; способ связи — соединительные морфемы либо перечислительная интонация);

3) *чигир[-ин]ким тонъму* 'дежурный — товарищ Ким' (связь компонентов — аппозитивная; способ связи — определительная форма глагола-связки *ида* 'быть' либо разделительная пауза).

Словосочетания указанных типов имеют одну общую черту — отношения между компонентами могут быть выражены как с помощью грамматических морфем, так и с помощью интонации. Считать, что в данных словосочетаниях связь выражена только местоположением компонентов, нельзя, так как синтаксическая связь качественно различна: подчинение, сочинение, аппозиция.

В силу того что именная словоформа структурно в корейском языке может совпасть с корневой морфемой, словосочетания всех трех типов имеют свои параллели в сложных словах, образованных способом корнесложения.

Словосочетание	Сложное слово
<i>ачхим</i> <i>исыл</i> 'утренняя роса' (букв. <i>ачхим</i> 'утро' + <i>исыл</i> 'роса')	<i>сан-мэри</i> 'вершина горы' (букв. <i>сан</i> 'гора' + <i>мэри</i> 'голова')
<i>чапчи, синмун</i> 'журнал', 'газета'	<i>нон-пат</i> 'поля' (букв. <i>нон</i> 'рисовое поле' + <i>пат</i> 'сходольное поле')
<i>нодонъданъвэн</i> <i>кисачжань</i> 'главный инженер — член Трудовой партии' (букв. <i>нодонъданъвэн</i> 'член Трудовой партии' + <i>кисачжань</i> 'главный инженер')	<i>эми-так</i> 'наседка' (букв. <i>эми</i> 'мать' + <i>так</i> 'курица')

Словосочетание от сложного слова отличает только потенциальная возможность первого компонента словосочетания иметь другую (аффиксальную) форму.

Словосочетания имени с предикативом также отличаются от сложных слов тем, что именной компонент может иметь

¹ В квадратных скобках заключена факультативная морфема.

либо аффиксную, либо безаффиксную форму: *синмун[-ыл]* *но-да* 'читать газету' (ср. со сложными словами *кйэллаон-читта* 'делать вывод', *кйэнянь-пода* 'прикидывать на глаз[ок]').

Словосочетания, в которых оба компонента — предикативы (глагол с глаголом, прилагательное с глаголом, прилагательное с прилагательным), отличаются от именных словосочетаний (имя с именем) и сочетаний имен с предикативом тем, что первый компонент словосочетания в любом случае будет иметь аффиксную форму. Отсутствие аффикса после первого компонента (и, следовательно, совпадение его с корнем) свидетельствует о том, что перед нами сложное слово (ср. словосочетания *кутко седа* 'крепкий и сильный', *ттивийэ нолда* 'прыгать и играть' с соответствующими по значению сложными словами *кут-седа* и *ттив-нолда*).

Таким образом, если именные словосочетания, а также словосочетания, состоящие из имени и предикатива, факультативно совпадают со сложным словом, то словосочетания, состоящие из двух предикативов, структурно совпасть со сложным словом не могут.

Тем не менее в корейском языке и словосочетания, состоящие из предикативов, имеют особенности, отличающие их, например, от аналогичных словосочетаний русского языка. В частности, два предикатива, находящиеся в равноправных отношениях друг к другу (сочинительная связь) соединяются через специальную незаключительную форму первого компонента: *кил-ко мак-та* 'глубокий и чистый', *норэ-рыл пурь-мйэ чхум-ыл чху-да* 'петь и танцевать'. В русском языке предикативы, находящиеся в равноправных отношениях, как это видно из переводов, будут иметь ту же форму.

Словосочетания, входя в предложение, либо распадаются на члены предложения, либо составляют цельные синтаксические единицы, несущие определенную синтаксическую функцию.

Наибольший интерес для нас представляют словосочетания второго типа как специфические для корейского языка. К этому типу принадлежат:

1) словосочетания, состоящие минимум из двух имен существительных, прилагательных или глаголов, находящихся в равноправных отношениях: *танэ ква чэньбу-ый пурьм* 'призыв партии и правительства'; *маньн нодонгчжа ва кисульчжа ва самувэндыр-и моду йэллиэри тхорон-ыл хайэтта* 'многие рабочие, инженерно-технические работники и служащие активно выступили в прениях'; *кипко малгын каньмул* 'глубокие и прозрачные воды реки'; *омйэ маньн пи* 'то идущий, то переставший дождь'.

В отличие от русского языка, в котором однородные члены одинаково оформляются (например, *веселящиеся и смею-*

щиеся люди), в корейском языке подобные словосочетания имеют иную структуру: форму зависимости от управляющего слова принимает только последний компонент, а незаключающие члены имеют либо форму основы (имена), либо форму соединительного деспричастия (предикативы). Такое явление называется групповой флексией. Наличие групповой флексии свидетельствует о том, что словосочетания этого типа осознаются как целостные синтаксические единицы;

2) неоднородные словосочетания со спрягаемо-склоняемой формой (так называемым инфинитивом) в качестве управляющего члена: *на нын кыдыр-ыл поги-га пуккырвэпта* 'мне стыдно было на них смотреть'; *кы нын ноньмин-ыл сараньхам ква хамкке нарар-ыл сараньхайэпта* 'он любил крестьян и страну' (букв. 'он любил крестьян и вместе с тем любил страну').

Такое словосочетание выступает как отдельный член предложения и вместе с тем само по себе не составляет (зависимого) предложения;

3) неоднородные словосочетания с предикативом в качестве управляющего члена, сопровождаемым склоняемым служебным словом. Словосочетание такого типа также выполняет в предложении функцию одного из его членов и обычно вводится служебными словами *кэт* или *те*: *тхучжэнь-ыл тэук каньвахал кэс-ыл хосоханын хэсомун-ыл паллэхайэпта* 'опубликовали обращение, призывающее еще более усилить борьбу'; *хангису ноньмин ын качхуг-ыл чал кырынын те ирым нан ноньмин-ида* 'крестьянин Хан Ги Су прославился умелым выращиванием скота' (букв. 'прославился в том, что умело выращивает скот').

В этих примерах словосочетания (соответственно) выполняют функцию прямого и косвенного дополнений. Служебные слова выполняют ту же роль, что и окончания инфинитива: они создают возможность употребить все словосочетание в функции одного члена предложения.

Таким образом, типологически важным у корейских словосочетаний именного типа является: факультативное совпадение со сложным словом; для однородных словосочетаний — способность функционировать в качестве отдельного члена предложения и быть цельноформленным. Предикативные словосочетания интересны для типологии тем, что при сочетании нескольких предикативов, находящихся в равноправных отношениях, они тоже бывают цельноформленными и, стало быть, также составляют один член предложения. Если сопоставить эти характеристики корейского словосочетания, скажем, с характеристиками словосочетания в китайском и русских языках, то сразу же будут обнаружены типологические различия этих языков: словосочетание китайского языка структур-

но всегда будет равно сложному слову, словосочетание в русском языке совершенно несводимо к сложному слову, но русский язык не знает и явления групповой флексии и, следовательно, не имеет цельнооформленных словосочетаний, несущих в предложении синтаксическую функцию одного из его членов.

О СОСУЩЕСТВОВАНИИ ГРАММАТИЧЕСКИХ ТИПОВ В ЯЗЫКЕ

(расчленение языка на элементарные структуры и
возможность типологической характеристики этих структур)

ПОСТАНОВКА ВОПРОСА

Направленность типологических классификаций языков часто не соответствует их названию в том смысле, что обычно ими характеризуются не собственно языки, но определенные конструкции, характерные для данных языков¹.

Это положение является следствием старого классификаторского подхода, при котором язык характеризовался соотношенностью с определенным языковым типом (без эксплицитного выделения признаков, характеризующих тот или иной тип)²; при этом признаки определенного типа могут присутствовать в конкретном языке лишь в какой-то степени и быть характерными лишь для некоторых конструкций этого языка.

Между тем в языке могут сосуществовать разные по типологической характеристике структурные конструкции³. Иными словами, если мы определим какой-то типологический признак (например, на грамматическом уровне — признак агглютинативности, флективности или другой), то может оказаться при рассмотрении конкретных предложений некоторого языка, что часть предложений соответствует данной характеристике, а другая часть не соответствует, или даже: часть данного предложения соответствует ей, а другая часть (того же предложения) ей не соответствует. Случай этот весьма тривиален и характерен для большинства языков.

Таким образом, традиционная типология (имеется в виду

¹ Ср. J. H. Greenberg, *A quantitative approach to the morphological typology of languages*, — IJAL, vol. XXVI, 1960, № 3, p. 182.

² Б. А. Успенский, *Структурная типология языков*, М., 1965 (далее — *Структурная типология*), стр. 46—48.

³ Для фонологического уровня это показали Фрис и Пайк (см. Ch. S. Fries, K. L. Pike, *Coexistent phonemic systems*, — «Language», vol. XXV, 1949, № 1). Нас же будет интересовать грамматический уровень, причем в несколько ином аспекте, чем в указанной статье.

прежде всего традиционная морфологическая классификация языков) характеризует одномерные конструкции (например, предложения) различных языков, но не сами языки. Возникает вопрос: как же быть в случае характеристики всего языка, т. е. множества конструкций, множества предложений. Представляется, что классические типологические исследования ориентируются на такие языки, все предложения (вообще все конструкции) которых однотипны по своей характеристике (такие языки можно называть «однородными»⁴). Эти идеальные языки и являются типами. Остальные же языки характеризуются по их соответствию этим априорным типам (иными словами, так определяется степень характерности того или иного типологического признака для данного языка). Степень соответствия языка типу точно не определяется; тут имеет место интуитивная статистика (аналогичным образом объясняется и понятие «смешанных» типов, которое иногда вводится). Соответственно при таком подходе вообще вне всякого определения могут остаться другие конструкции, существующие с характеризуемой.

На основании этого типологии последнего времени (после Сепира) стремятся характеризовать языки как многомерное пространство введением разных параметров для сравнения, т. е. производя типологическое сравнение по нескольким признакам. Этим объясняется введение различных оснований сравнения, дополнительных по отношению друг к другу (в частности характеристика языков как по синтагматической, так и по парадигматической оси)⁵, характерное для этих исследований. Через такое многомерное сравнение и может быть достигнута характеристика языка (не конструкции), фиксация его в языковом пространстве. Очевидно, что чем больше таких признаков, тем более подробна характеристика языка; в то же время среди признаков могут различаться более или менее существенные⁶.

Можно предложить и иной — параллельный — путь: расчленение языка на некоторые «подъязыки» или элементарные структуры и характеристика языка через сложение этих последних⁸.

⁴ Ср. *Структурная типология*, стр. 140, 143.

⁵ *Структурная типология*, стр. 47—48, 141, 170.

⁶ В качестве примера таких типологических исследований можно указать на классификации Сепира (Э. Сепир, *Язык*, М.—Л., 1934), Гринберга (J. H. Greenberg, *A quantitative approach to the morphological typology of languages*). Описанным путем пытаются идти и автор данной статьи в цитированной работе.

⁷ Сложение понимается в логико-математическом, а не арифметическом смысле.

⁸ Ср. следующее высказывание Ч. Базелла: «Языки суть не гомогенные системы, но, скорее, ряды перекрывающихся систем; именно последние, а

Действительно, многие языки характеризуются несколькими структурными моделями, которые, будучи взяты сами по себе, должны быть отнесены к различным грамматическим типам. Например, в немецком языке, как и в других германских, существуют два параллельных способа определения имени: а) определение прилагательным, т. е. специально оформленным словом (например, *süßer Wein*), и б) определение примыкающим неоформленным корнем (например, *Filmgerät*). Оба способа вполне продуктивны: применяя соответствующий способ, можно получить сколь угодно длинную последовательность прилагательных (ср. *süßer Wein* → *heller süßer Wein* и т. д.) или сколь угодно длинную последовательность корней (ср. *Filmgerät* → *Schmalfilmgerät* и т. д.)⁹

Первый способ, очевидно, тот же, что и во флективных языках, например в русском или латыни. Второй способ — тот же, что в инкорпорирующих языках (для инкорпорирующих языков, так же как и для сложных слов немецкого языка, характерно, что неограниченно длинная последовательность корней в совокупности оформляется служебными показателями). Таким образом, если представить себе немецкий язык без словосложения, т. е. искусственно вычленив некоторый подъязык (или стиль) немецкого языка, в котором было бы элиминировано словосложение, такой язык был бы, видимо, флективным. Если же, напротив, представить себе немецкий язык без прилагательных (в таком языке всякое определение имени происходило бы путем примыкания корней — ср. газетный или технический стили немецкого языка), мы получим инкорпорирующий язык¹⁰. С этой точки зрения можно было

не языки в целом и могут составить материал типологических исследований» [...languages do not present homogeneous systems, but rather sets of overlapping systems and therefore it is at best these, rather than languages as a whole, which would be the material for a typology» (С. Е. Bazell, *Linguistic Typology*, London, 1958, p. 4)]. Ср. также высказывание Р. Якобсона: «Для каждой языковой общности, для каждого языка существует языковое единство, но этот общий код представляет собой систему взаимосвязанных субкодов; каждый язык охватывает несколько сосуществующих моделей, каждая из которых характеризуется особой функцией» [...for any speech community, for any language there exists a unity of language, but this overall code represents a system of inter-connected sub-codes; each language encompasses several concurrent patterns which are each characterized by a different function» (R. Jakobson, *Linguistics and Poetics*, — «Style in Language», ed. Т. А. Sebeok, New York, 1960)].

⁹ Последний случай могут иллюстрировать многочисленные шуточные (но правильные грамматически) образования из немецкого языка, например в «Янки при дворе короля Артура» Марка Твена (Собрание сочинений в 12 томах, М., 1960—1961, т. VI, стр. 465); ср. Марк Твен, *Пешком по Европе*, — там же, т. V, стр. 416—417, *Красоты немецкого языка*, — там же, т. XII, стр. 77.

¹⁰ Мы сознательно оперируем здесь терминами традиционной морфологической классификации. Более точную интерпретацию этих терминов см. *Структурная типология...*, стр. 120.

бы говорить о сосуществовании флективной и инкорпорирующей структур в немецком языке.

В чукотском языке, как показали работы П. Я. Скорика, существуют агглютинативная и инкорпорирующая структуры¹¹. Здесь едва ли не на каждое предложение может быть построено по агглютинативному типу (каждый корень оформляется агглютинативными показателями) и инкорпорирующему типу (совокупность корней оформляется в целом)¹²; ср., например: *Чавчыва|та қора|т ны|нэля|қэнат* 'Оленеводы оленей покидают' и *Чавчыва|т ны|қора|нэля|қэнат* (с тем же значением), где *-та* — показатель эргативного падежа, *-т* — показатель абсолютного падежа, *ны...* *қэнат* — показатель 3-го л. мн. ч. II настоящего времени. То же относится и к корякскому языку¹³.

Аналогичное сосуществование различных по типологической характеристике структур имеется и в санскрите¹⁴. Мы попытаемся далее показать, что подобное сосуществование структур имеет место вообще в подавляющем большинстве языков.

Употребление той или иной из сосуществующих структур может быть связано с различием стилей, а иногда несет определенную семантическую функцию. Однако на формальном грамматическом уровне они выступают как функционально равноценные.

Следует отметить, что сосуществование грамматических структур может проявляться как в синтагматике языков, так и в парадигматике. Первый случай представлен, например, тогда, когда имя и глагол в языке оформляются типологически различно¹⁵. Так, в осетинском языке глагол оформляется флективным способом, а имя — агглютинативным. В не-

¹¹ См. П. Я. Скорик: *Инкорпорация в чукотском языке как способ выражения синтаксических отношений*, — «Известия АН СССР», ОЛЯ, т. VI, 1947, вып. 6; *Очерки по синтаксису чукотского языка, Инкорпорация*, Л., 1948.

¹² Мы намеренно отвлекаемся здесь от существенной разницы этих явлений в чукотском и немецком языках. Разница эта в общем сводится к тому, что в чукотском любое слово, т. е. любой корневой элемент, оформленный некоторыми служебными, может терять свое оформление и, превращаясь в корень, инкорпорироваться. Иными словами, любое конкретное предложение чукотского языка, построенное по агглютинативному типу, может, видимо, быть трансформировано в предложение из тех же корневых элементов, связанных способом инкорпорации. Между тем в немецком языке (и других германских) выбор того или иного способа зависит обычно от корневого элемента: одни корневые элементы примыкают к определенному имени, в то время как другие, требуя специального оформления, образуют слова, согласующиеся с определяемым.

¹³ См.: И. И. Мещанинов, *Агглютинация и инкорпорирование*, — ВЯ, 1962, № 5; А. Н. Жукова, *Два основных способа связи определения с определяемым в корякском языке*, — «Ученые записки ЛГПИ им. А. И. Герцена», 101, Л., 1954.

¹⁴ В. В. Иванов, В. Н. Топоров, *Санскрит*, М., 1960, стр. 119.

¹⁵ *Структурная типология*, стр. 119.

мецком, английском, датском языках примыкающие корневые элементы относятся в основном к имени. Во многих индейских языках Северной Америки инкорпорация может иметь место только в глагольных, но не в именных конструкциях.

Во втором случае (как в приведенных примерах немецкого и чукотского) одни и те же грамматические отношения могут передаваться в языке несколькими типологически различными способами. Таким образом, в этом случае внутри одного языка — на *интралингвистическом* уровне — могут иметь место те же типологические различия, что и между разными языками — на *интерлингвистическом* уровне. Именно этот последний случай, как наиболее показательный, и будет нас прежде всего интересовать. (В свою очередь, как мы увидим далее, первый случай можно описать через второй, представив его как ограниченную разновидность этого последнего).

Итак, мы будем говорить об элементарных структурах, противопоставляя их общей структуре языка. Мы покажем, что структуру языка в большинстве случаев можно представить как составную, образованную из нескольких элементарных структур (подъязыков); в минимальном случае она характеризуется всего одной элементарной структурой. Тогда достаточно будет охарактеризовать эти элементарные структуры, а сами языки представить как случаи сложения этих структур.

Для этого требуется, во-первых, дать некоторый метод расчленения языка на элементарные структуры и, во-вторых, предложить метод типологической характеристики элементарных структур.

Возможный подход к решению этих проблем и излагается далее в соответствующих разделах.

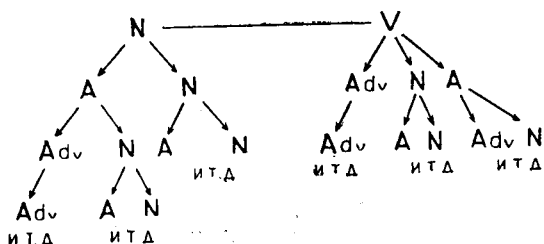
РАСЧЛЕНЕНИЕ ЯЗЫКА НА ЭЛЕМЕНТАРНЫЕ СТРУКТУРЫ

Структуру языка можно описать, если описать структуры всех предложений, возможных в этом языке. В свою очередь структуры предложений можно задать в виде какой-то базисной структуры (например, двусоставного предложения) и правил развертывания, порождающих из этой структуры структуры других предложений.

Итак, язык можно представить в виде некоторой базисной структуры (таких структур, вообще говоря, может быть и несколько) плюс правила для развертывания этой структуры. Если эту базисную структуру написать в виде последовательности классов слов (например, NV¹⁶), а развертывание

¹⁶ Здесь и далее применяются следующие обозначения: N — существительное, V — глагол, A — прилагательное, Adv — наречие. В отношении так

обозначить стрелками, соединяющими соответствующие классы слов, (например: $\begin{matrix} & N & \\ \swarrow & & \searrow \\ A & & N \end{matrix}$, значит, что существительное развертывается в сочетание «существительное — прилагательное» или в сочетание «существительное — существительное [в определенной форме]»), мы получим некоторый граф (дерево), — в данном случае с двумя выделенными вершинами¹⁷. Такой граф обладает тем свойством, что при стирании стрелок в направлении к базисной структуре (здесь: снизу вверх) граф порождает правильные предложения данного языка. Таким образом порождается основная масса предложений данного языка¹⁸. Например, для русского языка можно построить приблизительно следующий граф¹⁹:

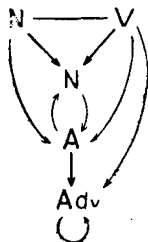
называемых «служебных слов» считается, что они входят в форму знаменательных слов, к которым они относятся.

¹⁷ Вершину такого графа образуют компоненты базисной структуры, от которых в виде пучка расходятся их возможные распространения. В случае двусоставности базисной структуры имеет место соответственно граф с двумя выделенными вершинами.

¹⁸ Часть предложений образуется при помощи вторичной трансформации: так образуются предложения с инверсией, эллипсисом, гипотаксисом и т. д. Вторичные трансформации, как менее показательные для структуры языка, могут специально не рассматриваться при общем типологическом подходе; их рассмотрение может быть целесообразным при выявлении специфики языков одного типа.

¹⁹ Отношение между компонентами развертываемой базисной структуры обозначается прямой горизонтальной линией.

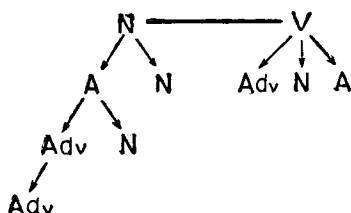
Этот же граф можно записать в более сложном виде, но с минимальными ссылками на уже встречавшиеся классы слов:

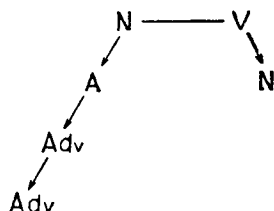
Примечание. Для простоты тут не учтено, что каждый класс слов может быть повторен как угодно много раз при помощи союзов или однородных членов; для того чтобы изобразить это обстоятельство графически, следовало бы в каждом узле графа пририсовать петлю.

Такой граф можно бесконечно продолжать в направлении вниз (поскольку количество возможных определений не ограничено механизмом языка²⁰); однако тогда фигуры графа будут повторяться. При построении графа (или дерева) языка можно ограничиться неповторяющимися фигурами (здесь может быть аналогия с записью периодических дробей в математике). Очевидно, что такое ограничение достаточно для характеристики языка. Таким образом, мы условимся строить дерево слева направо и сверху вниз до тех пор, пока не попадаем на класс слов, который уже встречался; в этом случае дерево прекращает строиться и происходит отсылка к уже имевшемуся случаю.

Например, для русского языка такое сокращенное дерево будет выглядеть следующим образом:

Будем называть «элементарной структурой» такое поддерево дерева языка, которое не имеет никаких разветвлений. Например:

Очевидно, что едва ли не в каждом языке может быть весьма много таких элементарных структур²¹. Далее (в сле-

²⁰ Речь идет о механизме языка (langue), а не о его реализации; поэтому гипотеза Инге об ограниченности размеров предложения в речи в связи с ограничениями, накладываемыми быстродействующей человеческой памятью, здесь не применима.

²¹ Можно видеть, что структура языка (дерево языка) равна логической (булевой) сумме всех элементарных структур этого языка.

дующем разделе) дается их типологическая характеристика: выделяются некоторые типы элементарных структур. При этом возможны следующие случаи:

1) элементарная структура целиком относится к одному какому-то типу (т. е. все части структуры характеризуются определенным типологическим признаком);

2) элементарная структура не относится целиком к одному типу — относится, следовательно, более чем к одному типу (т. е. какая-то часть ее характеризуется одним типом, другая часть — другим и т. д.). В этом случае смотрим, возможно ли в данном языке выделить такие элементарные структуры, каждая из которых целиком относится к одному из этих типов. Если это можно сделать, случай второй сводится к случаю первому, т. е. мы можем утверждать, что в структуре рассматриваемого языка полностью присутствуют данные типы элементарных структур. Если же этого сделать нельзя, это означает, что какой-то тип элементарных структур присутствует в языке неполностью: он может характеризовать лишь какую-то определенную часть элементарной структуры (т. е. синтагматически ограничен). Тогда в качестве дополнительных сведений надо указать ту часть дерева языка, которую не может характеризовать данный тип.

ТИПОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЭЛЕМЕНТАРНЫХ СТРУКТУР

Элементарные структуры, так же как и языки, могут характеризоваться типологически. Очевидно, что типологическая характеристика их достаточна для типологической характеристики самих языков. В то же время элементарные структуры проще типологически охарактеризовать, нежели языки — как потому, что первые представляют более простые объекты для описания, так и потому, что число возможных их типов значительно меньше, нежели число возможных типов языков.

Один из возможных методов типологической характеристики элементарных структур и описывается далее.

Ранее нами предлагался некоторый метод характеристики языков на основе классификации грамматических элементов²²; этот метод мы будем пытаться применить далее на материале не языков, а элементарных структур.

При типологической характеристике языков мы исходим из того, что нам известно для каждого рассматриваемого

²² См.: *Структурная типология*, стр. 98—124; см. также Б. А. Успенский: *Принципы структурной типологии*, М., 1962, стр. 20—36; *Типологическая классификация языков как основа языковых соответствий*, — ВЯ, 1961, № 6, стр. 52—60. Там же см. более подробное определение используемых ниже терминов.

языка: разделение языковых элементов на группу I — корневые элементы и группу II — служебные элементы. Известны также отношения свертывания и развертывания для этого языка.

Элементы группы II (служебные) распадаются по их функции на две взаимоисключающие подгруппы:

II 1. А ф ф и к с ы — элементы, которые оформляют какое-нибудь слово, но не оформляют любое сочетание, образуемое развертыванием этого слова²³, например: *стол-а* → *больш-ого стол-а* → *стул-а* и *стол-а* и т. д.²⁴. Таким образом, распространение эквивалентными сочетаниями может (хотя бы в одном случае) происходить вне комплекса, оформленного элементами данной группы.

II 2. Ч а с т и ц ы — элементы, которые оформляют не только некоторое слово, но и любое сочетание, образуемое развертыванием этого слова, например: *in houses* → *in tall houses* → *in houses and trees* и т. д.²⁵. Распространение эквивалентными сочетаниями должно происходить внутри комплекса, оформленного элементами данной группы.

Эта классификация применялась нами на материале всего языка (т. е. элементы характеризовались по их функции в общей структуре языка). Тогда к элементам *II 2* (частицам) относятся, например, аффиксы инкорпорирующих языков, предлоги английского, русского и большинства других языков и т. д., а к элементам *II 1* (аффиксам) — флексии русского, латинского языка и т. д. В то же время приведенную классификацию можно применить и на материале элементарных структур. Тогда конкретные элементы языка будут классифицироваться по тем же основаниям, но на ином материале: по

²³ Слово здесь можно понимать как минимальный результат свертывания (в предложении). Принимается, что слово обязательно состоит из корневого элемента, который может быть оформлен служебным (или служебными).

²⁴ Здесь элемент *-а* оформляет только то слово (*стола*), к которому принадлежит; другие же слова имеют свое специальное оформление. В самом деле, мы не можем считать, что элемент *-а* оформляет всю группу, поскольку при распространении слова он либо обязательно должен повториться непосредственно (так, невозможно сказать: **стул- и-стола*, где *стул-* — неоформленный корень, как например в немецких сложных словах), либо обязательно появляется другой служебный элемент, связанный с *-а* (так, невозможно сказать: **больш-стола*). (Мы говорим, что служебные элементы связаны в конструкции, если парадигматическое изменение одного из них может повлечь обязательное изменение другого).

Конкретная методика определения типа служебного элемента излагается в кн.: *Структурная типология*, стр. 100—102.

²⁵ Здесь элемент *in-* оформляет как слово *in houses*, так и развертываемое сочетание. В самом деле этот элемент не должен повторяться при развертывании, оформляя всю группу; он, так сказать, «вынесен за скобки».

Следует оговориться, что мы заранее исключаем из рассмотрения все факультативно употребляемые элементы.

их функции не во всем языке, а в элементарной структуре²⁶. Очевидно, что по результатам эти классификации не совпадут, т. е. характеристика того или иного служебного элемента будет различна в зависимости от того, рассматривается ли его функция на материале всего языка в целом или на ограниченном материале элементарной структуры. Одни и те же служебные элементы языка могут характеризоваться разным образом в разных элементарных структурах этого языка (поскольку в разных элементарных структурах одни и те же элементы могут иметь разные функции). Например, русская флексия *-а* по-разному будет охарактеризована в таких конструкциях, как *стола учителя* и *хорошего стола*: в первой конструкции *-а* выступает как элемент *II 2* (т. е. в функции, аналогичной функции предлога); во второй *-а* выступает как элемент *II 1* (т. е. в функции собственно аффикса)²⁷. Соответственно можно вывести, что эти конструкции принадлежат элементарным структурам разных типов. Есть определенная зависимость между характеристикой элемента по функции в языке и в элементарной структуре²⁸.

Перейдем к описанию типов элементарных структур. Будем называть разворачиваемое слово «определяемым» и говорить, что в результате разворачивания к определяемому относится «определение». Для характеристики типов элементарных структур достаточно рассмотреть бинарные конструкции: определение + определяемое. В самом деле, если две какие-то бинарные конструкции данной элементарной структуры принадлежат различным типам, это значит, что

²⁶ Иначе говоря, по их функции в таком искусственном (однородном — см. стр. 179) языке, который состоит всего лишь из одной элементарной структуры.

²⁷ Действительно, легко видеть, что в первом случае элемент *-а* никак не связан с элементом, оформляющим подчиненное слово (изменение формы определяемого никак не влияет на форму определения). Во втором же случае оба элемента связаны.

По функции в языке данный элемент относится к элементам *II 1*.

²⁸ Имеет место следующая зависимость между этими характеристиками: если по функции в структуре всего языка служебный элемент отнесен к типу *II 2*, он будет принадлежать этому типу и в любой элементарной структуре этого языка. В противоположном случае (если по функции в структуре языка служебный элемент характеризовался как *II 1*) невозможно сделать вывод о характеристике данного служебного элемента в элементарной структуре (по функции в элементарной структуре этот служебный элемент может принадлежать как типу *II 1*, так и типу *II 2*).

И обратно, если в элементарной структуре какой-то служебный элемент характеризуется как *II 1*, он будет так же характеризоваться по своей функции и в структуре всего языка. В то же время, если в элементарной структуре служебный элемент характеризуется как *II 2*, в структуре языка он может относиться как к типу *II 2*, так и к типу *II 1*. Таким образом, характеристики элемента по его функции в языке и в элементарной структуре в известной мере дополнительны по отношению одна к другой.

в языке присутствуют оба типа элементарных структур (которые могут присутствовать целиком или быть ограничены синтагматически). Бинарная конструкция может быть охарактеризована на основании свободы (связанности) слов в ней, что выражается в том, как оформлены ее компоненты: сформированы ли они служебными элементами и, если оформлены, служебные элементы какого типа оформляют определяемое²⁹. Определяемое, как и определение, может быть выражено: неоформленным корнем (X) или сочетанием корневого и служебного (служебных) элементов (Xп); служебный элемент (п) может быть типа II 2 (т. е. оформляющий всю конструкцию: определение и определяемое) или типа II 1 (т. е. оформляющий только определяемое)³⁰.

Выделяем следующие типы бинарных конструкций (и соответственно элементарных структур). (Названия структур даются по тому принципу, что, если язык состоит всего из одной структуры, он имеет характеристику того же названия).

I. Аморфная $A:X \rightarrow XX$ ³¹, т. е. и определяемое и определение представляют неоформленный корень. Так может быть в китайском.

II. Аморфная $B:X \rightarrow XпX$, т. е. определяемое — неоформленный корень, определение же оформляется служебным элементом. Так тоже может быть в китайском (например, выражение определения с помощью частицы *ды*).

III. Инкорпорирующая: $Xп \rightarrow XXп$, т. е. определяемое оформляется служебным элементом, определение — неоформленный корень (определяемое в этом случае может быть оформлено только элементом II 2). Так, например, в чукотском, немецком языках.

IV. Агглютинативно-флективная A (аналитическая): $Xп \rightarrow X_1п_1Xп$, где п — элемент II 2. Так в английском и в русском языках (развертывание с помощью управления).

V. Агглютинативно-флективная B (синтетическая): $Xп \rightarrow X_1п_1Xп$, где п — элемент II 1. Так в русском, латинском и других языках (развертывание с помощью согласования).

Представляется интересным в дальнейшем исследовать, какие типы элементарных структур могут сочетаться в языке.

²⁹ Нулевой элемент также считается оформлением.

³⁰ Если служебных элементов несколько, смотрим, имеется ли среди них хоть один элемент II 1, или все они относятся к типу II 2 (элементы II 1, таким образом, в этом случае маркированы). Тем самым этот случай принципиально не отличается от ситуации, когда слово оформлено всего одним служебным элементом.

³¹ В формулах определение предшествует определяемому. Оформляющий служебный элемент пишется справа от оформляемого корневого.

СОХРАНЯЕМОСТЬ ЛЕКСИКИ, УНИВЕРСАЛИИ И АРЕАЛЬНАЯ ТИПОЛОГИЯ

§ 1. В типологии полезно различать:

- 1) универсалии — явления, общие для всех языков мира;
- 2) ареальные особенности (в частности особенности языков определенной эпохи, языковых союзов, генетических групп и других ареалов, ограниченных в пространстве и времени);
- 3) индивидуальные особенности отдельных языков или диалектов.

Эмпирические универсалии, может быть, полезно рассматривать как закономерности вероятностного характера. Если вместо квантора всеобщности («всегда», «во всех языках») и квантора высокой вероятности («почти всегда»), с помощью которых записывает языковые универсалии Б. А. Успенский в своей рецензии на книгу «Universals of language»¹, мы будем указывать численное значение вероятности, то мы сможем таким образом охватить большее количество общих закономерностей: кроме абсолютных универсалий (universals), которые будут иметь вероятность 100%, и так называемых near-universals (имеющих вероятность, близкую к 100%), мы будем учитывать и те закономерности, для которых вероятность более низка. Важно знать, например, что переход $j > \check{z}$ в истории языков происходит чаще, нежели переход $\check{z} > j$, хотя ни тот, ни другой не представляют собой универсалии в традиционном смысле слова. Универсалия — это сама вероятность явления. Для реконструкции истории языков важно знать, какие события имеют высокую вероятность, какие — более низкую.

Мы исследуем универсалии и ареальные особенности, касающиеся сохраняемости морфем.

§ 2. Проведены подсчеты для определения степени исторической сохраняемости морфем разных значений. Сплошное статистическое обследование проведено на 150 языках Европы и большей части Азии. Материалы языков Австралии, Океании, Восточной и Юго-Восточной Азии, Африки и Америки привлечены для проверки (пока лишь качественной, а не

¹ «Вопросы языкознания», 1963, № 5, стр. 115—130.

количественной) универсального характера сведений по сохранности лексики, полученных на языках Евразии. Обследовались все значения из словаря Бака², которые в 55 индоевропейских, финно-угорских и тюркских языках имеют не более 10 замен корней, а также некоторые другие значения (всего свыше 200 значений).

Наименьшей заменяемостью, судя по этим данным, обладают морфемы 1-го и 2-го лица, вопросительного местоимения («кто?», «что?»), наименования некоторых частей тела («ухо», «глаз», «ноготь», «язык», «зуб», «сердце», «рог» и т. д.), морфемы отрицания и запрещения («не»), морфемы со значением «вода», «солнце» и др.

Степень предрасположенности значений к замене морфем есть универсалия.

§ 3. Показатель заменяемости морфем некоторого значения пропорционален вероятности замены морфемы за одну единицу времени (например, за столетие).

Представляет интерес не только эта средняя вероятность, но и пределы, в которых она изменяется в разных группах языков.

Судя по предварительным наблюдениям, эти пределы для многих значений в большинстве языковых групп не очень велики. Имеются, однако, и отклонения — аномалии, обычно охватывающие совокупности языков, четко ограниченные во времени и (или) в пространстве. Эти отклонения и есть ареальные особенности в области сохраняемости морфем. Приведем примеры таких аномалий.

§ 4. **Морфемы 1-го и 2-го лица.** В громадном большинстве языков мира морфемы, выражающие 1-е и 2-е лицо (корни личных местоимений, глагольные аффиксы и пр.), обладают очень высокой устойчивостью, очень редко сменяются во времени. На этом фоне резко выделяются три ареала аномалий:

А. Языки Западной Европы II тысячелетия н. э. (за последние 200—300 лет также некоторые языки Восточной Европы). Местоимение 2-го лица частично (в редких случаях полностью) вытесняется другим словом, выступающим в качестве его стилистического (более «вежливого» или несущего иную социальную функцию) синонима.

Б. Языки Восточной Азии: китайский, тибетский, корейский, японский, языки Индокитая и некоторые индонезийские. Тенденция к замене местоимений как 1-го, так и 2-го лица, во многих языках завершившаяся вытеснением древних местоимений. Эта тенденция наиболее отчетливо наблюдается во II тысячелетии н. э.

² С. Buck, *A Dictionary of Selected Synonyms in the Principal Indo-European languages*, Chicago, 1949.

В. В слабой форме тот же процесс обнаруживается в индоарийских языках (начиная с поздневедийского).

Важно, что в языках других эпох, в частности более древних, такой процесс не наблюдается.

§ 5. Рассмотрим этот процесс несколько подробнее.

Будем различать одноступенчатые и многоступенчатые системы личных местоимений:

Одноступенчатые системы. Личные местоимения различаются по лицу, а также часто по числу и иногда по роду или грамматическому классу, но не содержат указания на социальное положение говорящего или слушающего (классическая латынь, арабский, современный английский, языки Африки, Америки и пр.). Такая система может усложняться прономинативами — словами, значительно уступающими личным местоимениям по частотности и указывающими одновременно на лицо и на социальное положение (или возраст) говорящего: *ваше величество*, *ваша светлость*, *pan jasnowielmożny*, английское квакерское *thou*.

Многоступенчатые системы. Если прономинатив расширил свое употребление и приобрел частотность, близкую к частотности обычных местоимений 1-го и 2-го лица, он превращается в личное местоимение. Если это новое местоимение сосуществует со старым, может возникнуть многоступенчатая система местоимений, указывающих на то же (1-е либо 2-е) лицо, но различающихся по социальной характеристике собеседников. В современном русском языке лица, находящиеся между собой в фамильярных отношениях (близкие родственники, друзья), а также дети и пр. при обращении друг к другу используют местоимение *ты* (будем называть его «местоимением низшей ступени»), а взрослые люди, не находящиеся в фамильярных отношениях, употребляют местоимение *вы* («местоимение высшей ступени»). В языке белых таи (Вьетнам) человек, занимающий более высокое общественное положение, обращаясь к человеку более низкого положения, употребляет в 1-м лице местоимение *kou* и во 2-м лице *mûng*. Человек более низкого положения, обращаясь к вышестоящему, употребляет в 1-м лице *khroy* (самоунижительно) и во 2-м лице *kouan* (почтительное местоимение) или прономинативы. Почтительное местоимение 2-го лица будем называть «местоимением высшей ступени», а другое (древнее) — «местоимением низшей ступени»; в 1-м лице «местоимение низшей ступени» — это самоунижительно, а «местоимение высшей ступени» — это то, которое лишено самоунижительно значения. В некоторых языках не две, а три ступени местоимений: в румынском языке во 2-м лице *tu* (низшая ступень), в португальском языке Португалии соответственно *tu*, *você*, *o senhor*.

Теперь мы можем внести некоторое уточнение в формули-

ровку универсалии, касающейся личных местоимений: высокой сохраняемостью обладают личные местоимения 1-го и 2-го лица, а в языках с многоступенчатыми системами местоимений — личные местоимения 1-го лица высшей ступени (т. е. несамоничжительные) и 2-го лица низшей ступени (т. е. почтительные). Почтительные и самоничжительные местоимения обладают значительно меньшей сохраняемостью. Это можно наблюдать, в частности, на примере истории немецкого языка.

Здесь местоимение низшей ступени *du* 'ты' сохраняется на протяжении тысячелетий: сейчас употребляется то же местоимение, которое было и в древневерхненемецком, и в прагерманском, и в общиндоевропейском языке, и даже в более древние периоды (в общем языке-предке индоевропейских, уральских, алтайских, семито-хамитских языков). Наоборот, местоимения высшей ступени того же 2-го лица возникали и исчезали несколько раз: в IX в. впервые зарегистрировано в значении 2-го лица единственного числа местоимение *ir* > *Ihr* (прежде 'вы'), в XVI в. появляется в том же значении *Er* (прежде 'он'), в XVII в. — *Sie* (прежде 'они'). Местоимения *Er* и *Sie* вытесняют в этой функции *Ihr*, а впоследствии *Sie* вытесняет *Er*.

Другой пример представляет история португальского языка. В языке Португалии местоимение 2-го лица низшей ступени никогда не заменялось: и сейчас употребляется древнее индоевропейское (и доиндоевропейское) *tu*. Наоборот, в качестве местоимений высшей ступени сначала использовалось *vos* ('вы'), его вытеснило *você* (< *Vossa merce* 'ваша милость'), а сейчас употребляется *o senhor* ('господин').

Итак, несамоничжительное местоимение 2-го лица и непочтительное 2-го лица обладают высокой сохраняемостью. Но в языках с многоступенчатыми системами даже для этих самых сохраняемых местоимений вероятность замены все же выше, чем для языков с одноступенчатой системой местоимений. Действительно, здесь иногда почтительные (или самоничжительные) местоимения распространяются на все социальные ситуации употребления и вытесняют древнее местоимение: английское *you* 'вы' в XVII—XVIII вв. вытеснило древнее *thou* 'ты'. Это повышение вероятности и создает ареалы аномально повышенной заменяемости местоимений.

§ 6. Рассмотрим процессы, происходившие в этих ареалах. Западная Европа. Римские императоры, начиная с Гордиана III (238—244 гг.), в государственных документах именовали себя *nos* ('мы') вместо *ego* ('я'). Это *nos* следует квалифицировать как прономинатив 1-го лица. При обращении к императорам с IV или V в. стали *tu* заменять на *vos* ('вы'), что впервые засвидетельствовано в письмах Валентиниана

к своему отцу императору Феодосию, в письмах Симмаха к Феодосию и т. д. Местоимение *vos* стали употреблять и при обращении к римскому папе, архиепископам. В письмах к папе Льву Великому император Марциан (450—457) употребляет только *vos*. Вскоре местоимение *vos* начинают применять при обращении ко всем коронованным особам (к франкским королям, начиная с Хлодвига), к епископам, герцогам, графам и пр. Такое употребление, сначала известное только в латыни, с IX в. засвидетельствовано в немецком языке. Поэт Отфрид, посвящая стихотворение епископу констанцскому Соломону, употребляет местоимение *ir*.

Постепенно калькированное с латыни употребление «вы» вместо «ты» начинает проникать в разные западноевропейские языки. Это «вы» применяется уже по отношению к любым лицам дворянского сословия, во французском языке с XI в. (в обращении не только к королю, но и к Роланду, к св. Алексию), у провансальских поэтов XI в. (у Джирарта Россильонского при обращении дворян друг к другу), в испанских текстах начиная с XII в. (при обращении к дворянам в «Песне о Сиде»), в итальянских текстах XIII в. (поэт Гвигтоне д'Ареццо при обращении к даме употребляет местоимение *voi*), в английских текстах с XIII в. и т. д.

Постепенно расширяя свое употребление, прономинатив (калькированный с латинского *vos*) превращается в местоимение высшей ступени. В XIV в. (а может быть, и в XIII) можно уже говорить о многоступенчатой системе местоимений, например во французском языке. Здесь в «вежливой» речи (в речи людей, не находящихся в фамильярных отношениях и не принадлежащих к крестьянам) *vos, vous* начинает употребляться в качестве основного местоимения. Такая же многоступенчатая система создается и в других западноевропейских языках, а в последние несколько столетий и в языках Восточной Европы.

Создается возможность вытеснения местоимения 2-го лица низшей ступени (древнего местоимения). Сколь вероятно такое вытеснение, можно судить по следующему факту: из нескольких десятков языков Европы такое вытеснение произошло только в двух: английском и голландском, а также в бразильском варианте португальского языка и в некоторых территориальных разновидностях испанского языка Латинской Америки. В английском *thou* 'ты' вытеснено формой *you* (прежде 'вы'). В голландском *dû* вытеснено местоимениями *gij* (прежде 'вы') и *U* (*úwe < uwé < Uw Edelheid* 'ваше благородие'). В испанском языке Аргентины и некоторых других районов Латинской Америки *tú* вытеснено формой *vos* (когда-то означавшей 'вы'), в Бразилии *tu* вытеснено местоимением *você* (< *Vossa mercede* 'ваша милость').

Страны Дальнего Востока. В китайском, тибетском, японском, корейском, в языках Индокитая и в индонезийских языках наблюдаются процессы, приводящие к повышению заменяемости местоимений как 2-го, так и 1-го лица.

В китайском языке прономинативы засвидетельствованы уже в начале I тысячелетия до н. э. Однако на протяжении всей дальнейшей трехтысячелетней истории китайского языка прономинативы (превращавшиеся в отдельные периоды в почтительные или самоуничижительные местоимения) не могли вытеснить основных древних местоимений. Современное китайское местоимение *wo* 'я' восходит к архаическому китайскому **wa* и к местоимению китайско-тибетского праязыка (ср. тибетское *wa* и пр.). Современное местоимение 2-го лица *ni* 'ты' (в гуаньхуа) и вэньяньское *er* 'ты' восходят к архаическому китайскому **nia* 'ты' и к местоимению китайско-тибетского праязыка (ср. нага *no*, гаро *na* и пр.).

Более интенсивно (хотя и в более короткое время) процесс повышения заменяемости местоимений протекал в других языках указанной зоны.

В японском языке древние местоимения 1-го лица *a* и *wa* в Хэйскую эпоху (IX—XII вв.) почти полностью вытесняются бывшим прономинативом *watakushi* (букв. 'лично'). В современном языке древний корень *wa* еще сохраняется в местоимении множественного числа (*ware-ware* 'мы') и в притяжательном местоимении *waga* 'мой'. В качестве основного местоимения 1-го лица сейчас, несомненно, выступает *watakushi*. Древнее местоимение 2-го лица *na* полностью вытеснено. В современном языке наиболее распространено местоимение 2-го лица *anata* (букв. 'то место').

Аналогичные процессы, завершившиеся полным или почти полным вытеснением древних местоимений 1-го и 2-го лица, имели место в большинстве языков Индокитая. В тайском языке древнее местоимение 1-го лица *ka* употребляется сейчас только в деревне. Его вытеснили местоимения *chan* (употребляемое в беседе с низшим по положению), *nom* (употребляемое мужчиной в беседе с высшим по положению), *dichan* (употребляемое женщиной, говорящей с высшим по положению) и т. д. Древнее местоимение 2-го лица *myng* сейчас стало вульгарным, его вытеснило *ka* (употребляемое в фамильярном обращении), *thau* (при вежливом обращении к низшему) и т. д. В лаотянском языке на месте вытесненных древних местоимений 1-го и 2-го лица употребляются: в 1-м лице высшей ступени — *khōdj*, низшей ступени — *khanōdj*, во 2-м лице — *chau*. В кхмерском языке прономинатив *khōt* (этимологически 'раб') почти полностью вытеснил древнее местоимение 1-го лица *ai* общеавстралийского происхождения (ср. бахнарск. *iñ*, монск. *ai*, сантальск. *iñ* 'я'); во 2-м ли-

це древнее местоимение на *m-* (соответствующее кхаси *me*, стиенгск. *mêi*, никобарск. *me*, *mē*, сантальск. *me* и т. д.) в кхмерском уже исчезло, а на его месте употребляется новое местоимение низшей ступени *aey* и высшей ступени *neak* (этимологически 'человек', 'сын') и *louk* (этимологически 'го-сподин'). Во вьетнамском языке древнее местоимение 2-го лица *mâu* (имеющее австроазиатское происхождение: ср. кхаси *me*, сантальск. *me* и пр.) не вытеснено, но ограничено особыми ситуациями общения: обращение высшего к низшему, невежливая или оскорбительная речь; в прочих случаях используются слова *anh* 'старший брат' (при обращении к мужчине), *chị* 'старшая сестра' (при обращении к женщине) и т. д. Древнее австроазиатское местоимение 1-го лица, по-видимому, не сохранилось, вместо него употребляется новое местоимение *tôi*, другие местоимения и прономинативы. В бирманском языке древнее местоимение *ña* 'я' и *nih* 'ты' сейчас осмысляются как грубые; вместо них употребляются другие местоимения и прономинативы.

Важно заметить, что этот процесс прошел в языках всех крупных народностей Индокитая, тогда как в языках некоторых более мелких народностей тех же языковых групп и географических зон (возможно, стоявших до последнего времени на более низкой ступени феодальной цивилизации) этот процесс не завершился или даже не начинался. Если у тайцев (сиамцев) и лао древние местоимения 1-го и 2-го лица почти полностью вытеснены из системы языка (во всяком случае из литературной нормы), то в близкородственном языке белых тай эти древние местоимения (*kou* 'я', *mûng* 'ты') нормально употребляются при обращении к низшему по положению (т. е. участвуют в многоступенчатой системе местоимений), а в чжуанском языке (также близкородственном тайскому и лаотянскому) описываемые процессы вытеснения местоимений даже не начинались, и там в любой ситуации обычно употребляются древние местоимения *gou* 'я' и *thw*² 'ты'. Пример языков тайской группы указывает, возможно, на связь указанных языковых процессов с какими-то социальными явлениями развития феодализма.

Такой же процесс в более слабой степени отмечается в истории части индонезийских языков: яванского, малайского и некоторых других. В яванском языке древние местоимения употребляются в нгоко (низшей стилистической разновидности языка), а в кромо (более высокой стилистической разновидности, применяемой при обращении к высшим по положению) вместо них употребляются другие слова. В малайском (и индонезийском) в 1-м лице наряду с древним *aku* употребляется *saja*, во 2-м лице наряду с (*en*)*kau* 'ты' употребляется и *kanu* (по происхождению — местоимение 'вы').

В тибетском языке также употребление древних местоимений ограничено низшим стилем речи.

В корейском языке история современных местоимений неясна. Во всяком случае древние алтайские местоимения **min* 'я' и **tin* ~ **sin* 'ты' (присутствующие во всех прочих алтайских языках) здесь не прослеживаются, и существует весьма развитая многоступенчатая система местоимений и много прономинативов.

Итак, на Дальнем Востоке процесс развития прономинативов, создания многоступенчатых систем местоимений и вытеснения древних местоимений (как 1-го, так и 2-го лица) проходил значительно интенсивнее, нежели в Западной Европе. Это можно было бы показать простым подсчетом отношения количества языков, в которых процесс завершился вытеснением древних местоимений, к общему количеству языков дальневосточной зоны (в сравнении с соответствующим отношением для Европы).

Индия. В Индии аналогичные процессы протекают в гораздо более слабой форме. Уже в «Брахманах» и «Упанишадах» (видимо, вторая половина I тысячелетия до н. э.) появляется прономинатив *bhavat* ('сущий') в качестве почтительного заменителя местоимения 2-го лица. Однако этот прономинатив, как и другие, возникавшие в истории индоарийских языков последующего времени, не превратился в местоимение и, разумеется, не оттеснил древнего местоимения 2-го лица. Дальше всего процесс зашел в современном бенгали: здесь возникло местоимение 2-го лица высшей ступени *āpnī* (из др.-инд. *ātman*- 'душа'), которое, однако, не вытеснило местоимения с древним общеиндоевропейским корнем **tū-* (бенг. *tūmī* и пренебрежительное *tūy*). Таким образом, эта потенциальная аномалия (тенденция, способная завершиться заменой местоимений) не отразилась на фактическом положении местоимений в языках Индии.

Важно, что в языках других эпох, а именно более древних, процессы создания многоступенчатых систем местоимений не наблюдались.

§ 7. Числительные. В отношении сохраняемости имен числительных языки мира четко распадаются на несколько хронологических ареалов.

А. В языках более поздних и более развитых цивилизаций существуют все числительные первого десятка. Корни числительных от «двух» до «десяти» обладают почти абсолютной сохраняемостью. Такое положение мы наблюдаем в индоевропейских языках на протяжении всей их истории (начиная с эпохи распада праязыка), в тюркских (начиная с праязыка), в монгольских, в тунгусо-маньчжурских, в семитских, северокавказских, картвельских, китайско-тибетских и пр.

Редкие случаи замены числительных в этих языках: замена числительного «девять» в осетинском, числительного «четыре» в хетто-лувийских, «два» в эфиопских языках и в магрибских диалектах современного арабского языка.

Б. Иначе дело обстоит в языках более древних культур. Во многих языках Австралии имеются числительные лишь до «двух» и «трех». В ряде австралийских языков понятие «три» выражается словосочетанием (типа «два и один»). В тасманийских языках, как показал В. Шмидт, существовали лишь числительные «один» и «два», о трех предметах говорили «много». Путешественник Бэксон писал: «Аборигены могут сказать лишь „один, много (plenty)“, а чтобы указать на количество людей, при чем-либо присутствующих, тасманиец перечислял их имена»³.

По-видимому, отсутствие числительных связано с уровнем цивилизации. У австралийцев европейцы застают еще цивилизацию раннего неолита, а у тасманийцев, может быть, и верхнего палеолита. Жизненный уклад этих племен не вызывал, видимо, никакой необходимости в точном указании количества предметов, большего, чем два.

Заметим, что корень числительного «два» обладает в австралийских языках высокой сохраняемостью.

В. От названных двух типов отличны многочисленные языки с элементами пятеричного счисления (меланезийские, чукотско-камчатские, эскимосо-алеутские, многие языки Америки и Африки), где числа «шесть — девять» (или «семь — девять») обозначаются сочетанием нескольких корней. Исторически этот тип занимает, видимо, промежуточное положение между первыми двумя. Корни числительных от «двух» до «пяти» здесь обладают высокой сохраняемостью.

Числительные иллюстрируют другой тип языковых особенностей, для которых нельзя установить общих универсалий, вместо них приходится устанавливать ареалы, разграниченные хронологически (точнее, по уровню цивилизации). Однако в пределах каждого хронологического слоя действуют весьма четкие универсалии. Действительно, в пределах языков современных цивилизаций (в частности, всех цивилизаций классового общества) высокая сохраняемость числительных от «двух» до «десяти» — это весьма надежная универсалия, которая нарушается обычно лишь в условиях исключительно сильного и длительного культурного влияния, делающего возможным заимствование числительных (ср. заимствование китайских числительных от «трех» до «десяти» в тайском, сосуществование китайских заимствований со своими числительными

³ См. W. Schmidt, *Die tasmanischen Sprachen. Quellen, Gruppierungen, Grammatik, Wörterbücher*, Utrecht—Anvers, 1952, § 328.

в японском и корейском языках и т. п.). Знание таких универсалий весьма облегчает сравнительно-историческое изучение языков.

§ 8. Другие примеры ареальных особенностей в области заменяемости морфем: несколько повышенная заменяемость морфем со значением «кровь» в индоарийских и дравидийских языках, морфем со значением «ухо» в кельтских, пониженная заменяемость морфем со значением «брат» и «сестра» в индоевропейских и семитских языках и пр.

§ 9. О причинах таких ареальных особенностей иногда можно догадываться. Они по крайней мере отчасти носят внелингвистический характер. Раскрыть механизм влияния экстралингвистических факторов, создающих такие аномалии, можно лишь после изучения ряда лингвосоциологических проблем.

ЛЕКСЕМНЫЙ И МОРФЕМНЫЙ СИНТАКСИС И ПРОБЛЕМЫ ТИПОЛОГИИ

1. Одно и то же языковое состояние, т. е. одна и та же историческая и диалектная модификация языка, может быть описано с помощью различных моделей, в равной степени адекватных языковой данности. Это объясняется тем, что при моделировании языка мы принуждены непосредственно обращаться не к самому языку как исторически развивающейся системе, а, как правило, к множеству его конкретных реализаций в речевой деятельности его носителей. От этой непосредственно данной нам языковой действительности к искомой системе языка мы можем прийти различными путями, используя различные методы описания и реконструкции и соответственно различные модели языка¹.

Такие модели могут создаваться нами *ad hoc* и быть пригодными только для языка или языков определенного строя. Именно так обстояло дело, к сожалению, и с большинством восточных языков, в течение долгого времени подгонявшихся под «европейскую» грамматическую модель. Однако возможно выработать и более общие, в известном смысле универсальные, принципы описания языка, которые позволили бы нам описывать языки различного строя с помощью одного и того же метаязыка, одной и той же системы основных понятий, а следовательно, сопоставлять их по ограниченному количеству параметров, вынося другие параметры за скобки.

2. Для таких сопоставительно-типологических целей наиболее подходящей является, по нашему мнению, аналитическая дистрибутивная модель с независимыми уровнями, т. е. такая модель, которая: а) служит для преобразования множества конкретных вариантов, встречающихся в по-

¹ См.: Вяч. В Иванов, *О приемлемости фонологических моделей*, — «Машинный перевод», вып. 2, М., 1961, стр. 397—398; А. А. Leontiev, *The Plurality of Language Models and the Problems of Teaching Languages and Grammar*, — «International Review of Applied Linguistics», vol. 1, 1963, Н. 3—4.

токе речи, в ограниченное число инвариантов, т. е. лингвистических единиц; б) представляет единицу как альтернативный ряд, т. е. по типу «единица X имеет вид A при условии Y и вид A₁ при условии Z»; в) строится не иерархически, т. е. из единиц фонемного уровня в этой модели нельзя построить единицы морфемного или лексемного уровня, но при анализе на каждом уровне мы независимо обращаемся к данности потока речи. В нашей модели насчитывается четыре таких независимых уровня — лексемный, морфемный, фонемный и уровень звукотипов.

Базисной единицей лексемного уровня является лексема, ее алловариантом в потоке речи — лекса. Основным критерием для выделения лексы в потоке речи считается критерий потенциальной изолируемости без нарушения системного и референтного тождества значения.

Базисной единицей морфемного уровня является морфема, которой соответствует морфа. Морфема есть минимальная единица, способная участвовать в построении таких гомотогенных последовательностей, которые могут соответствовать различным осмысленным последовательностям лексем. Морфы могут выступать в потоке речи в фиксированных сочетаниях, образуя алловарианты морфемных слов или словоформы. Целесообразно ввести также понятие синтагмы как определенного типа соотношения словоформ в пределах последовательности двух лексем. Синтагмы могут объединяться в более сложные нелинейные сочетания, образуя «дерево». Если такое «дерево» соответствует законченному сообщению, мы будем называть его фразой. Ограничимся пока только двумя описанными уровнями.

Очевидно, что в нашей модели алловарианты единиц лексемного и единиц морфемного уровня совершенно необязательно будут совпадать по протяженности. Типичным примером такого несовпадения являются аналитические формы, соответствующие одной лексеме, но двум морфемным словам².

Если попытаться описать с помощью нашей модели язык разного строя, то очевидно, что как общие принципы построения модели, включая систему уровней, так и номенклатура базисных единиц останутся теми же. Иначе говоря: в любом языке можно выделить элементарные семантические единицы, или лексемы, элементарные единицы, выполняющие грамматическую функцию, или морфемы, и т. д. Трудности начинаются тогда, когда мы от базисных единиц переходим к небазисным, а тем более тогда, когда мы начинаем сопо-

² А. А. Леонтьев, *Аналитические формы и проблема «единства слова»*, — «Аналитические конструкции в языках различных типов. Тезисы докладов», Л., 1963.

ставлять друг с другом в потоке речи алловарианты единиц разных уровней. Так, в русском языке лексема обычно соотносится по протяженности с морфемным словом вплоть до совпадения границ их алловариантов в потоке речи, но лишь в исключительных случаях соотносится с морфемой; но единицы лексемного уровня, большие, чем лексема, для русского языка нетипичны. Однако для китайского языка характерно, когда лексема соотносится по протяженности с морфемой (так называемое «цзы»). О морфемном слове в китайском языке говорить, по-видимому, вообще не приходится; зато в нем существует единица лексемного уровня, примерно так соотносящаяся с лексемой, как в других языках морфемное слово соотносится с морфемой (так называемый бином, или «цы») ³.

3. Исходя из такой модели, можно построить две параллельные системы синтаксиса, описывающие соответственно сочетаемость единиц лексемного и морфемного уровня. По-видимому, эта мысль принадлежит А. В. де Грооту, разделившему «последовательность слов» и «синтаксис» как две самостоятельные структуры, находящиеся в разных языках в различных соотношениях ⁴. Дальнейшее развитие этой мысли мы находим у Л. Теньера, который исходит из противопоставления «структурного порядка» (*l'ordre structural*) и «линейного порядка» (*l'ordre linéaire*) ⁵.

Мы будем говорить соответственно о «морфемном синтаксисе» и «лексемном синтаксисе».

Лексемный синтаксис описывает закономерности сочетания лексем и классов лексем в линейные цепочки. Так, тот факт, что в латинском предложении глагол стоит в большинстве случаев в конце, есть факт лексемного синтаксиса. К сожалению, такого рода закономерности в большинстве языков (а вернее, практически ни в одном языке) не исследовались.

Морфемный синтаксис описывает закономерности сочетания единиц морфемного уровня, начиная с морфемного слова и выше, независимо от лексического «наполнения» этих единиц.

Иными словами, морфемный синтаксис является частью морфотактики, как ее понимают представители американского дескриптивного направления.

³ См. Н. Н. Коротков, *К проблеме морфологической характеристики современного китайского литературного языка*, — «XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР», М., 1960; Ю. В. Рождественский, *Проблема слова в свете данных китайского языка*, — «Морфологическая структура слова в языках различных типов», М., 1963.

⁴ A. W. de Groot, *Structurele syntaxis*, Den Haag, 1949, p. 54—56.

⁵ L. Tesnière, *Eléments de syntaxe structurale*, Paris, 1959, Ch. VI.

4. Разделение морфемного и лексемного синтаксисов связано с различием двух концепций грамматики, известных нам из истории языкознания.

Это, с одной стороны, концепция, исходящая из формальной выраженности грамматических отношений и в конечном счете ограничивающая предмет морфологии рамками структурно-функциональной морфемики. В русском языкознании эта концепция связана прежде всего с именем Ф. Ф. Fortunatova, за рубежом она особенно ясно выражена в работах дескриптивистов так называемой Иельской школы. Эта концепция грамматики выработана на материале языков флективного (а также агглютинативного) строя и наиболее пригодна для описания языков именно этого строя, где грамматическое значение закреплено за определенными линейными отрезками потока речи, которые, с одной стороны, четко противопоставлены другим отрезкам, имеющим только лексическое значение, а с другой, как правило, объединены с ними в единицы, иерархически более сложные — морфологические слова.

Понимаемый в этом плане синтаксис, т. е. морфемный синтаксис, строго говоря, имеет дело не с морфологическими словами как таковыми, а лишь с грамматическими морфами или морфемами. Иначе говоря, никакая замена лексической морфемы на другую лексическую при условии, конечно, что это морфемы именно лексические, не выражающие абсолютно никакого вторичного, сопутствующего значения, не приводит в таких языках, как русский, немецкий, отчасти суахили, к изменению морфосинтаксической конструкции, к преобразованию «дерева» фразы. Это обуславливает возможность построения грамматически безупречного, но бессодержательного текста на данном языке — типа известной «глокой куздры» Л. В. Щербы или не менее известного немецкого «Piroten katulieren elatisch».

Другая, развивавшаяся параллельно описанной, концепция грамматики, исходившая не из формальной выраженности грамматического значения, а из самого факта наличия этого значения безотносительно к тому, выражено оно формально или нет, в истории русской лингвистики представлена в первую очередь А. А. Потемной и его школой, а позже И. И. Мещаниновым.

При таком понимании грамматики синтаксис предстает перед нами как учение о сочетании основных значений на основе дополнительных. Иначе говоря, сочетания лексем будут изучаться нами под углом зрения тех сопутствующих лексическому значению и интуитивно ощущаемых, но не обязательно формально выраженных грамматических значений, которые обуславливают эти сочетания. Так, в китайском язы-

же в синтагмах типа *ху лай* 'тигр пришел', *фэй ху* 'летающий тигр' и *ху ни* 'тигра шкура' различная грамматическая, вернее синтаксическая функция слова *ху* никак формально не выражена. Очевидно, что моделирование текста на языке типа китайского по принципу «глокой куздры» невозможно.

Как правило, ни в одном языке мы не встречаем только морфемного или только лексемного синтаксиса. Однако в различных языках эти «синтаксисы» имеют разный удельный вес.

В языках типа китайского лексемный синтаксис является по существу единственным средством соединения слов в более крупные синтаксические целые. Поэтому здесь можно говорить о системной значимости лексемного синтаксиса, противопоставляя ей значимость нормативную, характерную для языков типа русского. В русском языке, как, например и в латинском, основная функциональная нагрузка ложится на морфемный синтаксис. Что касается синтаксиса лексемного, то его закономерности имеют в значительной мере факультативный характер и во всяком случае не связаны со смыслоразличием; при нарушении закономерностей линейного сочетания лексем возникает не новое значение, а обычно эмпфаза.

Здесь уместно указать на один из типов речи, где линейный, лексемный синтаксис выдвигается и в языках типа русского на первый план, иногда даже подчиняя себе синтаксис морфемный. Я имею в виду поэтическую речь. На эту ее особенность указал Ю. Н. Тынянов, назвав ее «теснотой стихового ряда»⁶.

В соответствии с этим в языках типа китайского и типа русского совершенно разный смысл имеет безразлично употребляющийся термин «члены предложения». Для языков типа китайского члены предложения — это классы лексем, встречающиеся в определенной синтаксической позиции. Для языков типа русского, т. е. флективных, система членов предложения производна от системы частей речи, т. е. члены предложения — это классы морфемных слов, или вернее, алловариантов морфемных слов, т. е. словоформ.

В заключение укажем на принципиальную возможность классификации языков по характерным для них типам соотношения единиц различных уровней предлагаемой аналитической модели. С этой точки зрения можно установить некоторые интересные параллели. Так, если ограничиться сопоставлением единиц морфемного и лексемного уровней, об-

⁶ Ю. Н. Тынянов, *Проблема стихотворного языка*, Л., 1924; о проблеме поэтического синтаксиса см. также М. Hammond, *Poetic Syntax*, — «Poetics», Warszawa, 1961.

наруживается значительное типологическое сходство между языками инкорпорирующими (типа чукотского) и языками изолирующими (типа китайского). Таким образом, Е. Д. Поливанов, говоривший об инкорпорации в китайском языке⁷, не был так уж неправ.

⁷ А. И. Иванов и Е. Д. Поливанов, *Грамматика современного китайского языка*, Л., 1930, стр. 7—11, 21—22 и др.

К ПРОБЛЕМЕ ТИПОЛОГИЧЕСКОГО СХОДСТВА ДРАВИДИЙСКИХ И ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ (на материале тамильского и уйгурского языков)

1. 1. Классификация Шлегеля—Шлейхера, подразделяющая все языки на изолирующие, агглютинативные и флективные, была подвергнута в последние десятилетия основательной критике по ряду причин, среди которых можно назвать неважноисключающий характер деления и двусмысленность основной терминологии. Если приходится констатировать отставание лингвистической типологии, то последнее следует признать достаточно закономерным, поскольку эффективность типологических исследований имплицитруется уровнем адекватного и исчерпывающего описания максимального числа языков. Эффективность лингвистической типологии и масштаб дескриптивных исследований находятся в отношении взаимного стимулирования.

1. 2. Типологические классификации основаны на критериях формы без значения, значения без формы или обоих критериях, взятых вместе.

В отличие от генетической классификации, отражающей исторические события, и от ареальной, предполагающей географическую близость, типологическая классификация, основывающаяся на изоморфизме, не предполагает обязательного фактора времени или пространства, иначе говоря, типологически сходные классы языков могут быть географически несмежными и несинхронными во времени. Типология фонологических и грамматических систем может быть реализована лишь в результате логического переформулирования этих систем со стремлением к максимальной экономии посредством строгого удаления избыточных критериев. Лингвистическая типология, если она основана на произвольно выбранных критериях, не может дать удовлетворительных результатов.

Следует быть осмотрительным в использовании критериев, релевантных лишь для типологических классификаций, для установления генетического родства языковых семей. Успешные результаты типологической классификации могут в не-

которых случаях предвелять или стимулировать наши поиски в области установления генетического родства между языками, для чего потребуется применение совершенно иных критериев¹.

Наиболее обоснованные критерии типологической классификации языков были сформулированы в исследованиях Э. Сепира и Дж. Гринберга. Типологическая классификация суживается рамками морфологической системы языков и основывается на исчерпывающем анализе слова как свободной морфологической конституции, с точки зрения составляющих его морфем, характера морфемных стыков, а также взаимоотношений слов. На основе этих трех осей Э. Сепира Дж. Гринберг устанавливает пять параметров с целью определения места любого языка в сопоставлении с любым другим языком мира². Совокупность процедур именуется количественным подходом к морфологической типологии с целью установления ограниченного числа индексов, каждый из которых в любом языке представляет переменную с ограниченной амплитудой значений.

2.1. Первый параметр показывает степень синтеза слова с точки зрения общего числа составляющих его морфем: корневых, словообразовательных и словоизменяемых. Берется один или несколько текстов на интересующем нас языке ограниченной протяженности в сто слов, и для каждого такого текста высчитывается соотношение общего числа морфем к числу слов — индекс M/C .

2.2. Второй параметр относится к сфере морфофонетики и показывает степень автоматической альтернации для морфов данного языка. Под автоматической альтернативой понимается такое чередование, при котором все альтернанты могут быть выведены из основной формы посредством правил комбинаций, которые имеют силу в языке во всех подобных позициях. Если оба морфа в конструкции принадлежат к морфемам, являющимся автоматическими, то такая конструкция из двух морфов называется агглютинативной. В тамильском слове *viṭukalai* — форма вин. пад. мн. ч. от *viṭu* 'дом', мы имеем в общей сложности четыре морфемы: корневая морфема *viṭ-* + словообразовательная морфема *-u-*; морфема мн. ч. *-kaɻ-* + морфема вин. пад. *-ai*; в уйгурском слове *öylärni*, имеющем то же значение, мы выделяем три морфемы: корневая морфема *öy-* + морфема мн. ч. *-lar-* + морфема вин. пад. *-ni* при отсутствии словообразовательной морфемы типа тамильской *-u-*.

¹ J. Greenberg, *Historical Linguistics and Unwritten Languages*, — сб «Anthropology to-day», ed. by A. L. Kroeber, Chicago, 1953, pp. 266—269.

² J. Greenberg, *A quantitative approach to the morphological typology of language*, — IJAL, vol. XXVI, 1960, pp. 185—187.

Здесь все морфные конструкции типа *vīṭ-u*, *-u-kaḷ*, *kaḷ-ai*, *ḅu-lar-*, *-lar-ni* (число их в слове равно количеству морфных стыков, в то время как в слове всегда одним морфным стыком меньше, чем число морфов) должны быть отнесены к разряду агглютинативных конструкций, тогда как в тамильском слове *kēṭṭēn* 'я услышал' (корневая морфема *kēḷ* + морфема претерита *-t-* + морфема 1-го л. ед. ч. *-ēn*) морфную конструкцию *kēṭṭ* < (*kēḷ*) + (*-t-*) мы должны отнести к разряду неагглютинативных, или фузионных, конструкций, поскольку на стыке морфов с тождественной фонемной структурой регистрируется также иная альтернатива, например: *viṇṭupō-narkaḷ* 'там они разошлись', букв. 'разделившись, ушли' [корневая морфема *viḷ-* + морфема претерита *-t-* + *-u-* и т. д.]. Иными словами, результатом ассимиляции *ḷ* и *t* в различных морфных конструкциях бывает либо *ṭṭ*, либо *ṇṭ*. Индекс агглютинации определяется соотношением агглютинативных конструкций и морфных стыков в пределах анализируемого текста и обозначается А/Ст, где А означает общее число агглютинативных конструкций, а Ст — количество морфных стыков.

2.3. Третий параметр включает три индекса и определяет фундаментальную основу морфологической классификации языков, а именно степень встречаемости корневых, словообразовательных и словоизменительных морфем.

Наличие более чем одной корневой морфемы указывает на сложение, являющееся важным признаком морфологической структуры языка на уровне слова: соотношение общего числа корневых морфем [К] и слов дает нам индекс сложения К/с. Соотношение словообразовательных морфем и слов дает индекс словообразования С-обр./С; соответственно индекс общего словоизменения С-изм./С высчитывается в результате соотношения общего числа словоизменительных морфем и слов.

2.4. Четвертый параметр относится к способу присоединения или инкорпорации словообразовательных и словоизменительных морфем, он устанавливает размеры префиксации, инфиксации и суффиксации в языке. Под инфиксацией понимаются внутренние изменения в корневых морфемах, выражаемые в изменении долготы гласного или инкорпорации согласного, что приводит к сдвигам в плане содержания, например: там. *raḷi* 'делить' — *raḷḷi* 'часть', 'доля'; там. *naṭu* 'сажать', 'сеять' — *nāṭu* 'страна', 'край'. В дравидийских языках, в частности в тамильском, посредством инфиксации могут выражаться деривационные понятия, тогда как в других языках, например арабском, это способ реализации словоизменения. Индексы Преф/С, Инф/С, Суф/С служат соответственно для оценки показателей префиксации, инфиксации и суффиксации. Для тюркских и дравидийских языков индекс префиксации должен быть ничтожно мал.

2.5. Пятый параметр относится к способу установления зависимости между словами в предложении, характеризуя сферу пересечения морфологии и синтаксиса. Языки используют три приема для взаимного соотнесения слов: значимый порядок слов, словоизменятельные морфемы без согласования и согласование. В индекс С-изм./С включены все морфемы словоизменения, тогда как при определении этого параметра следует различать морфемы чистого словоизменения и согласующиеся словоизменятельные морфемы. Отношения между словами, выражаемые без помощи словоизменятельных морфем, иначе говоря, посредством простого порядка слов, образуют класс изоляции. Поскольку установление релевантности порядка слов является трудноразрешимым в данном исследовании, предполагается, что отсутствие словоизменятельной морфемы на стыке двух слов является указанием на порядок слов как способ соотношения слов, тем более что в тюркских и дравидийских языках определение предшествует определяемому, подлежащее и дополнение — сказуемому. Если каждый случай взаимоотношения слов в предложении будет назван нексусом (Н), то возможно подсчитать три следующих индекса на основе четкого трехстороннего деления отношений единиц внутри предложения: индексы изоляции П/Н, чистого словоизменения ЧС-изм./Н и согласования Согл./Н.

Таким образом, мы должны подсчитать следующие типологические индексы:

- 1) М/С — индекс синтеза;
- 2) А/Ст — индекс агглютинации;
- 3) К/С — индекс сложения;
- 4) С-обр./С — индекс словообразования;
- 5) С-изм./С — индекс общего словоизменения;
- 6) Преф./С — индекс префиксации;
- 7) Инф./С — индекс инфиксации;
- 8) Суф./С — индекс суффиксации;
- 9) П/Н — индекс изоляции;
- 10) ЧС-изм./Н — индекс чистого словоизменения;
- 11) Согл./Н — индекс согласования.

3.1. Типологическое сопоставление дравидийских и тюркских языков рассматривается как необходимая попытка в свете гипотез родства дравидийской и урало-алтайской языковых семей, выдвигавшихся видными лингвистами начиная с Р. Раска и Р. Колдуэлла, которые употребляли термин «скифские языки» для обозначения урало-алтайских языков, включая в эту группу [угро-]финские, тюркские, монгольские и тунгусские языки³. В пользу такого родства выступали Ч. Ше-

³ R. Caldwell, *A Comparative Grammar of the Dravidian or South-Indian Family of Languages*, London, 1856, p. 42—43.

бель⁴, О. Ф. Шрадер⁵, А. М. Мерварт⁶, Т. Барроу⁷, К. Буда⁸. Как бы то ни было, несмотря на сравнительно богатый материал, приводимый данными исследователями в сфере лексических и грамматических совпадений, все эти усилия следует признать лишенными необходимой доказательной силы, и дравидийские языки все еще пребывают в состоянии изоляции в плане языкового родства⁹.

3.2. В данной статье поставлена цель провести типологическое сопоставление дравидийских и тюркских языков: строгость исчисления большинства индексов зависит от нашей способности различать корневые, словообразовательные и словоизменяемые морфемы. В плане идентификации корневых морфем задача существенно облегчается как агглютинативным строем интересующих нас языков, где корневая морфема предшествует веренице словообразовательных и словоизменяемых морфем, так и прочно укоренившейся в дравидологии и тюркологии гипотезой, приобретающей в настоящее время характер аксиомы, о моносиллабичной структуре корня в обеих языковых семьях¹⁰. Более того, в тюркологии в последние годы аргументированно решается проблема двухфонемной структуры глагольного корня с отнесением конечного согласного прототюркских корневых морфем к категории словообразовательных морфем, например от *tu-* 'заграждать дорогу' образованы *tu-n* 'быть закрытым', *tu-l* 'бить', 'ударять'¹¹, *tu-š* 'встречаться', *tu-t* 'поймать', 'схватить'¹². К важным сопоставлениям между данными языковыми семьями может при

⁴ C. Schoebel, *Affinités des langues dravidiennes et des langues Ouralo-Altaiques*, — «Memoires du Congres international des orientalistes», t. 2, Paris, 1876, pp. 348—350.

⁵ O. F. Schrader, *Dravidisch und Uralisch*, — «Zeitschrift für Indologie und Iranistik», 1925, S. 81 ff.

⁶ А. М. Мерварт, *Грамматика тамильского разговорного языка*, Л., 1929, стр. 228.

⁷ T. Burrow, *Dravidian Studies IV: The Body in Dravidian and Uralian*, — BSOAS, 11, Part II, 1944, p. 328 ff; ср. также его отзыв на попытку установить родственные связи между дравидийскими языками и языками Средиземноморья, см. T. Burrow, рец на «Dravidian Origins and the West» by N. Lahovary, Orient Longmans, Madras, 1963, в «Journal of Indian History», vol. XIII, p. 2; 1964, p. 587 ff.

⁸ K. Bouda, *Dravidisch und Uraltaltisch*, — «Lingua», V, 1956, S. 129.

⁹ P. W. Schmidt, *Die Sprachfamilien und Sprachen Kreise der Erde*, Heidelberg, 1926, S. 121.

¹⁰ Ср. Самойлович, *Краткая учебная грамматика современного турецкого языка*, Л., 1925, стр. 38—42; А. М. Мерварт, *Грамматика тамильского разговорного языка*, стр. 4.

¹¹ Зарегистрировано в «Диван лугат ат-тюрк» Махмуда Кашгарского (XI в. н. э.).

¹² См. А. Зайончковский, *К вопросу о структуре корня в тюркских языках*, — ВЯ, 1961, № 1, стр. 28 и сл.; ср. Р. И. Рамстедт, *Введение в алтайское языкознание*, М., 1957, стр. 147.

вести дальнейшая разработка проблемы о долгом гласном глагольного корня с открытым слогом в тюркских языках, поскольку в дравидологической литературе подобное мнение о структуре одного из двух больших классов корневых морфем является очевидным, например, *tō* 'пахнуть', *nā* 'язык', *sā* 'умирать'.

Идентификация корневых морфем в тюркских языках предстает, таким образом, как достаточно трудная задача в сравнении с разграничением корневых и некорневых морфем в дравидийских языках, в частности в тамильском. Корневые морфемы, выражающие конкретные значения, находятся в резком контрасте со словоизменительными морфемами. Словообразовательные и словоизменительные морфемы составляют две пересекающиеся сферы и в ограниченном ряде случаев представляется весьма затруднительным провести четкую границу между деривацией и флексией. Более того, в плане диахронии наблюдается смещение морфем из сферы флексии в сферу деривации¹³. Словообразовательные морфемы можно определить как такие смыслоразличительные единицы, которые в сочетании с корневой морфемой образуют форму, заменяющую посредством субституции определенный класс одиночных морфем без порождения изменений в конструкции, например, в уйгурской конструкции *qay-tur-d-im* 'я возвратил' вместо сочетания *qay-tur*, где *-tur-* является словообразовательной морфемой, можно подставить одиночную морфему *qil* 'делай': *qil-d-im* 'я сделал'.

Помимо очевидных словообразовательных морфем тамильского языка, выделяемых на основе положения о моносиллабичности корневой морфемы, типа *-ku-*, *-kku*, *-vu*, *-pu*, *-mbu*, *-tu*, *-ar*, *-ar*, *-il*, *-ir* в формах *aṛi-ku* 'знание', *vaṛa-kku* 'поведение', *vārvu* 'жизнь', *kaṛ-pu* 'чистота', *uṭa-mbu* 'тело', *paṇ-tu* 'прошлое', 'старина', *al-ar* 'слух', *puk-ar* 'похвала', *ve-u-il* 'жара', *u-u-ir* 'жизнь', 'душа', мы отграничиваем в качестве самостоятельных словообразовательных морфем такие; сегменты, как *-a-*, *-u-*, *-i-*, *-ai* в различных конструкциях, поскольку мы можем установить в большинстве случаев пропозиции с эксплицитно выраженным противопоставлением: *kaṭ-a* 'проходить' — *kaṭ-i* 'устранять'; *kaṭ-u* 'быстро двигаться' — *kaṭ-ai* 'сбивать'; *maṛ-a* 'пренебрегать' — *maṛ-i* 'останавливать'; *maṛ-u* 'отвергать' — *maṛ-ai* 'прятать', 'скрывать'.

В тюркских морфологических конструкциях будут сегментироваться морфемы в соответствии с упомянутой выше теорией двухфонемной корневой морфемы.

Словоизменительная морфема определяется как некорневая

¹³ A. von Gabain, *Alltürkische Grammatik*, Leipzig, 1950, S. 154; Г. И. Рамstedт, *Введение в алтайское языкознание*, стр. 218.

и несловообразовательная морфема с конкретно-реляционным значением; таким образом, все морфемы группируются в три исчерпывающих и взаимоисключающих класса минимальных смысловых различительных единиц. Флективные инкременты, называемые в тамильской грамматике «*sāiyai*», типа *-iṅ-*, *-aṅ-*, *-arru-*, *-ku-* [например, *parrinai* 'привязанность' вин. пад. ед. ч. — *parru-iṅ-ai*; *atanai* 'то, ту вещь' вин. пад. ед. ч. — *aiu-aṅ-ai*; *avarrul* 'среди них' — *ava-arru-uḷ*, *aṛikuvam* 'мы узнаем' — *aṛi* 'знать' + *-ku-* + *-v-* (аор. наст. буд. вр.) + *-am* (1-е л. мн. ч.)] не включаются в категорию словоизменятельных морфем, так как они лишены какого бы то ни было дери-вационного или реляционного значения и выполняют функции пограничных сигналов на стыке словообразовательных и словоизменятельных морфем.

Поскольку при подсчете индексов принимается во внимание явно или косвенно общее число слов и поскольку в лингвистической литературе до сих пор отсутствует строгое определение слова, нам необходимо принять недвусмысленное определение слова на основе чисто морфологического критерия, так как в дравидийских языках, и в тамильском в частности, выделение фонологических критериев определения слова представляется невозможным вследствие частичного совпадения внутренних и внешних сандхи, регистрируемых на стыках соотвественно морфем и слов. Морфологический критерий должен быть основан на сочетаемости смысловых различительных единиц. Определение слова как минимальной свободной формы служит скорее наводящим, нежели практически абсолютно эффективным инструментом выделения слова. На основе этого определения мы не сможем прийти к строгому выводу относительно таких тамильских форм, как *enbilataṅai* 'нечто, лишенное костей' (*enbu* 'кость' + *ilatu* 'нечто, лишенное' + *-aṅ-* флек. инкр. + *-ai* морф. вин. пад.) или *vēka-tāka* 'быстро' (*vēkam* 'скорость', 'быстрота' + *āka* 'будучи'), точно так же как относительно таких уйгурских конструкций, как *oqupkördi* '[он] пробовал читать' — *oqup* 'читав' (деепр. прош. вр. от *oqu* 'читай') + *kördi* '[он] видел', *birnæssä* 'несколько' и т. д. При выделении слова мы будем применять процедуру Дж. Гринберга, основанную на различении классов морфной субституции¹⁴. Эта процедура состоит в следующем: высказывание разбивается на ядра или очевидно свободные морфологические конструкции, после чего предпринимается испытание ядерной границы с целью выяснения, является ли она границей слова или нет. Ядерная граница служит границей слова, если возможно инкорпорирование неопределенной последовательности морфов. Внутрисловная граница регистри-

¹⁴ J. Greenberg, *A quantitative approach to the morphological typology of language*, p. 192.

руется в случае невозможности введения ни одного морфа вообще или строгой фиксированности максимального числа инкорпорируемых морфов. Следовательно, на основе классов морфной дистрибуции вследствие невозможности инкорпорации неограниченных морф приведенные выше морфологические конструкции должны быть зафиксированы как отдельные слова. Ниже приводится таблица, позволяющая сравнить основные морфологические индексы на основе четырех текстов из тамильского¹⁵ и уйгурского¹⁶ языков как представителей дравидийской и тюркской семей.

Индексы	Языки			Уйгурский		
	Тамильский	Тамильский	среднее	Уйгурский	Уйгурский	среднее
	I	II		III	IV	
1. М/С синтез	3.17	3.19	3.18	3.25	2.38	2.77
2. А/Ст агглютинация	0.90	0.94	0.92	0.98	0.99	0.99
3. К/С сложение	1.28	1.39	1.34	1.05	1.04	1.05
4. С-обр/С деривация	0.65	0.71	0.68	1.18	0.56	0.87
5. С-изм/С общая флексия	1.04	1.07	1.06	0.87	0.71	0.79
6. Преф/С префиксация	0.00	0.05	0.03	0.00	0.01	0.01
7. Инф/С инфикация	0.03	0.02	0.03	0.00	0.00	0.00
8. Суф/С суффиксация	2.13	1.76	1.94	2.05	1.27	1.66
9. П/Н изоляция	0.39	0.35	0.37	0.26	0.46	0.36
10. ЧС-изм/Н чистая флексия	0.44	1.04	0.74	0.83	0.63	0.73
11. Согл./Н согласование	0.15	0.09	0.12	0.11	0.23	0.17

Таким образом, большинство средних индексов свидетельствует о типологической близости в количественном плане. Представляет интерес применить ту же процедуру сопоставления дравидийских языков с другими представителями урало-алтайской группы.

¹⁵ Два тамильских текста взяты из Ārvi, *Aṇaya viḷakku, Mayilappūr, Kalaikakal, Kāriyālayam*, 1956, стр. 208, от слова *viṣayam* по *makaṇṭaya* (I); K. V. Jagannathan, *Tamil Kavayas*, University of Madras, 1940, от слова *itaṇai* по *caṭṭapperu* (II).

¹⁶ Два уйгурских текста взяты из «Tarim», Urumci, 1959, № 10, стр. 61, от *mən* до *həy* (III); Rabghuzi, *Qässās ul-enbiya*, см. G. Jarring, *Studien zu Einer Osttürkischen Lautlehre*, Lund, 1933, p. 21, от *hikayət* по *boldum dedi* (IV).

НЕКОТОРЫЕ ЧЕРТЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИСЧИСЛЕНИЯ

Типология занимается проблемами отображения одного языка в другой. Отображение может осуществляться на различных уровнях. Отображение одного языка в другой на фонологическом уровне дает транскрипцию, т. е. выражение фонологическими средствами одного языка фонологических средств другого. Отображение одного языка в другой на лексическом уровне дает двуязычные или многоязычные словари. Отображение на грамматическом уровне дает сопоставительную грамматику.

Не следует думать, что проблема типологии в том виде, в котором она поставлена выше, возникла только в XIX в. Практически эта проблема решалась и в более отдаленные времена. Транскрипция существует с того момента, как появились памятники письменности, в которых встречаются иноязычные слова: названия племен, народов, титулов, государственных учреждений и т. п. Двуязычные или многоязычные словари возникли с того момента, когда возникла потребность в систематическом изучении иностранных языков. Сопоставительные грамматики появились сравнительно недавно. Это связано с возникновением интереса к связям между грамматическими структурами как родственных, так и неродственных языков.

Сейчас проблемы типологии вновь выдвигаются на первый план, потому что уже недалек период автоматизации лингвистических исследований, когда на помощь лингвисту приходят или во всяком случае могут прийти счетно-решающие устройства, позволяющие значительно ускорить работу. В частности, ускорения можно достичь прежде всего в проблемах отображения, потому что именно здесь требуется проделать наибольшее количество технической работы. Поэтому уже теперь нужно задуматься о том, как следует представлять грамматики, чтобы их составление и сопоставление было бы возможно с помощью счетно-решающих устройств.

Очевидно, что для типологии нужна такая форма изложения лингвистических исследований, которая была бы наибо-

лее компактной, потому что в этом случае легче всего осуществить отображение. В поисках компактности можно идти различными путями. Видимо, наиболее компактно результаты лингвистического исследования можно изложить только в форме исчисления.

Лингвистическое исчисление ничем не отличается от исчисления логического. Оно состоит из алфавита, правил вывода, аксиом. Для того чтобы построить исчисление, необходимо установить его алфавит. Естественно, что алфавитом лингвистического исчисления должны быть некоторые лингвистические единицы, которые выделяются экспериментально.

Статистический метод, которым обычно пользуются для выделения лингвистических единиц, может быть явным или неявным. Традиционное языкознание применяет главным образом неявную статистику, основанную на интуитивной оценке частотности какого-либо явления. Современное структурное языкознание предпочитает пользоваться методами явной статистики. Статистический метод выявляет основные повторяющиеся элементы языка: фонемы, морфемы, слова. Прямое статистическое выделение предложения невозможно потому, что в этом случае мы имеем дело с бесконечно большим числом единиц. Это означает, что следует выделять не предложения, а их типы, число которых составляет конечную величину. Однако выделение типов предложений связано с содержательным толкованием единиц лексического уровня.

Единицы каждого уровня характеризуются определенными закономерностями в отношениях друг с другом. Так, например, на низшем уровне отношения между единицами сводятся к отношению последовательности. На более высоких уровнях отношения становятся все более сложными и многообразными: единицы, находящиеся рядом, не обязательно соединены каким-либо отношением.

Исходя из этого, не представляется возможным построить такое исчисление, которое могло бы непосредственно охватить все уровни языковой структуры. Можно строить исчисления для каждого уровня в отдельности.

Исчисление на уровне фонемы содержит все звуки данного языка в качестве алфавита. Правила этого исчисления указывают выведение фонем из звуков. Исчисление на уровне слога содержит в качестве алфавита все фонемы данного языка. При определении правил вывода должны быть оговорены ограничения дистрибутивного характера, налагаемые на сочетания фонем в начале и конце слога, а также на величину допускаемых в слоге данного языка стечений гласных или согласных.

Исчисление на уровне морфемы содержит в качестве ал-

фавита все слоги данного языка. При определении правил вывода должны быть оговорены ограничения на сочетаемость слогов в морфеме и правила сандхи, если они имеют место. Особое положение занимают те языки, где морфема, как правило, состоит только из одного слога. В лингвистических исчислениях таких языков уровень морфем оказывается излишним.

Исчисление на уровне слова содержит в качестве алфавита все морфемы данного языка, полученные на уровне морфемы. При определении правил вывода должны быть оговорены классы морфем, как минимум знаменательные и служебные, и ограничения на сочетания морфем вместе с правилами сандхи, если таковые имеются.

На первом синтаксическом уровне, или на уровне синтагмы, исчисление содержит в качестве алфавита все слова, полученные на предыдущем уровне. При определении правил вывода должны быть оговорены классы слов и синтагматические отношения, которые содержательно определяются как предикативность, комплетивность, атрибутивность и т. п. С помощью этого исчисления можно получить все синтагмы, возможные в данном языке.

На втором синтаксическом уровне, или на уровне простого предложения, в качестве алфавита исчисления могут фигурировать как непосредственно синтагмы исследуемого языка, так и типы этих синтагм. Различие между этими двумя случаями состоит только в том, что в первом случае в правила предыдущего уровня не вводятся правила подстановки, а во втором случае — вводятся. Для того чтобы получить конечные результаты, в правила вывода исчисления уровня простого предложения следует ввести правила подстановки, а в состав алфавита — скобки, потому что на этом уровне отношения между единицами могут осуществляться также и на расстоянии.

На третьем синтаксическом уровне, или на уровне сложного предложения, алфавит исчисления состоит из типов простых предложений. При определении правил вывода обязательно вводятся правила подстановки, а также разного рода отношения, как, например, сочинительность, подчинительность, в которых в свою очередь выделяются причинность, условность, уступительность и т. п.

Таким образом, грамматика языка, изложенная в виде исчисления, представляет собой в действительности множество вложенных друг в друга исчислений, у которых алфавит последующего состоит из всех конечных результатов предшествующего исчисления. Эти результаты могут быть неприведенными в том случае, если они представляют собой простое перечисление полученных на предшествующем уровне

единиц, и приведенными в том случае, если они представляют собой типы этих единиц.

Преимущества такого рода записи результатов лингвистического исследования состоят в том, что (при условии точного соглашения о порядке и условных обозначениях записи) появляется возможность сравнивать алфавиты и правила вывода независимо от их внутреннего содержания или с тем привлечением содержания, которое бывает необходимо в таких случаях.

О ТИПОЛОГИИ ПОБУДИТЕЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ

1. Типологическое исследование на синтаксическом уровне возможно лишь при наличии небольшого количества исходных единиц, в терминах которых проведено адекватное описание синтаксиса каждого данного языка¹.

За исходную единицу синтаксиса нами принимается конфигурация². Под конфигурацией понимается такая синтаксическая конструкция на уровне подклассов слов, которая характеризуется постоянным набором элементов и определенными типами отношений между этими элементами.

Порождающий (ядерный) элемент каждой конфигурации принадлежит к классу глаголов. Остальные зависимые от ядра элементы составляют его оптимальное окружение. Они могут принадлежать как к классу имен, так и к классу глаголов³.

Каждая конфигурация допускает только одну смысловую интерпретацию.

Количество основных глагольных конфигураций в каждом языке, по-видимому, не превышает нескольких десятков.

Можно привести следующие примеры некоторых конфигураций русского языка: 1) *Петр едет домой* (конфигурация с глаголом движения); 2) *Сестра хочет петь* (модальная конфигурация); 3) *Мать сказала сыну, что отец уже вернулся* (конфигурация с глаголом речи) и т. п.

2. Настоящее сообщение имеет целью на материале разноструктурных языков дать предварительное описание конфигурации, в которой в качестве ядерного элемента выступают побудительные (фактитивные) глаголы⁴, т. е. глаголы со зна-

¹ Необходимость ограниченного количества исходных единиц не является самоочевидным фактом и нуждается в доказательстве, которое, однако, выходит за рамки настоящего сообщения.

² См. А. А. Холодович, *Опыт теории подклассов слов*, — ВЯ, 1960, № 1.

³ В качестве элемента конфигурации может выступать не только слово, но и морфема.

⁴ В сообщении не рассматривается процедура выделения конфигурации.

чениями «заставить», «разрешить», «запретить», «помочь», «требовать».

3. Представляется неудобным проводить синтаксическое описание в терминах конструкций (под которыми в структурной лингвистике понимают последовательности элементов, представляющих данные классы слов и связанных некоторыми отношениями), поскольку одна и та же конструкция в ряде случаев может служить оболочкой для нескольких конфигураций, иначе говоря, не всегда допускает однозначную семантическую интерпретацию.

Так, если рассмотреть четырехэлементную конструкцию, которая служит оболочкой для описываемой ниже фактивной конфигурации (структурная формула конструкции — $N_1 V_1 N_2 V_2$, где N_1 — субъект действия для V_1 , а N_2 — субъект действия для V_2 и объект действия для V_1), то окажется, что в некоторых языках она является оболочкой и для ряда других конфигураций.

Всего, видимо, можно указать шесть подклассов глаголов, образующих самостоятельные конфигурации и способных выступать в качестве ядерных элементов в указанной конструкции.

Перечислим эти подклассы в наиболее вероятном порядке убывающей частотности их появления в различных языках в данной конструкции: 1) побудительные глаголы; 2) глаголы чувства и мысли; 3) глаголы внутреннего психического состояния; 4) глаголы речи; 5) глаголы превращения типа «выбирать» (председателем), «назначать» (директором); 6) глагол «иметь» со связанным значением «быть», «существовать».

Примером языка, в котором все указанные подклассы глаголов могут выступать в конструкции $N_1 V_1 N_2 V_2$, является китайский язык (в русском языке только побудительные глаголы участвуют в названной конструкции), ср.: 1) *та цюань бежэнь е наян цзо* 'он уговаривал и других поступить так же'; 2) *та чжидао бежэнь е наян цзо* 'он знал [что] и другие поступают так же'; 3) *во хэнь та букуай гэй во лай синь* 'я рассердился [на него за то, что] он не сразу прислал мне письмо'; 4) *дацзя сюань та дан шэнчань цзучжан* 'все выбрали его бригадиром' (букв. '...быть бригадиром'); 5) *во шо та бу хуэй цзохо* 'я сказал [что] он не умеет работать'; 6) *во ю игэ пэн'ю хуэй шо чжунго хуа* 'я имею друга [который] умеет говорить по-китайски'⁵.

Значения всех перечисленных подклассов глаголов логически, по-видимому, исчерпывают возможные внутренние ре-

⁵ Ср. аналогичное употребление в немецком языке глагола *haben*: *Er hat einen kranken Vater zu Hause liegen* 'У него в доме больной отец'.

акции человека на действия или состояния другого человека или предмета, благодаря чему очерчивается предел омонимии конструкции $N_1 V_1 N_2 V_2$ в различных языках.

Поскольку нам неизвестен язык, в котором функции ядерного элемента конструкции $N_1 V_1 N_2 V_2$ могли бы выполнять глаголы иных подклассов, то имеются основания сформулировать следующую типологическую закономерность вероятностного характера: если в каком-либо языке существует конструкция $N_1 V_1 N_2 V_2$, то функции ядерного элемента в этой конструкции выполняют глаголы, относящиеся к каким-либо из названных выше шести подклассов.

4. Описываемая конфигурация состоит из четырех элементов.

Проведем поэлементный анализ фактитивной конфигурации, примером которой может служить предложение: *командир (N_1) приказал (V_1) солдатам (N_2) стрелять (V_2)*.

Функции ядерного элемента выполняют глаголы, относящиеся к подклассу побудительных глаголов.

Функции элемента N_1 , обозначающего инициатора действия, могут выполнять любые слова, входящие в класс имен, а также слова-заместители этого класса. Преимущественно в этой роли выступают имена, обозначающие лицо, которые свободно сочетаются почти со всеми фактитивными глаголами. Имена, не обозначающие лицо, в функции элемента N_1 выступают реже.

Функции элемента N_2 , обозначающего исполнителя действия V_2 , могут выполнять любые слова, входящие в класс имен, а также слова-заместители этого класса.

Функции элемента V_2 могут выполнять слова, относящиеся к классу глаголов, а также отглагольные имена.

Аналогичное толкование элементов конфигурации может быть проведено на материале любого языка, в котором существует фактитивная конфигурация.

5. Коснемся вопроса о функционировании фактитивной конфигурации в тексте. Будучи сложной по составу единицей, представленной в виде цепочки из четырех элементов, конфигурация в идеальном случае должна выступать в высказывании, имея в наличии все эти четыре элемента. Однако если допустить возможность пропуска в тексте элементов конфигурации, то перебор логических возможностей дает следующую схему текстовых возможностей: 1) $N_1 V_1 N_2 V_2$; 2) $V_1 N_2 V_2$; 3) $N_1 V_1 V_2$; 4) $N_1 V_1 N_2$; 5) $N_1 N_2 V_2$; 6) $N_1 V_1$; 7) $N_1 N_2$; 8) $V_1 N_2$; 9) $V_1 V_2$; 10) $N_1 V_2$; 11) $N_2 V_2$; 12) N_1 ; 13) V_1 ; 14) N_2 ; 15) V_2 .

Частотность появления в тексте указанных текстовых вариантов конфигурации находится в зависимости, с одной сто-

роны, от того, сколько элементов присутствует в варианте конфигурации, а с другой — от того, какие это элементы.

Довольно характерен для ряда языков пропуск элемента N_1 . Например, из выписанных подряд 45 японских примеров только в двух случаях был зарегистрирован этот элемент. В остальных примерах он определялся из общего контекста. Регулярным является пропуск элемента N_1 в страдательном и неопределенно-личном трансформам фактитивной конфигурации типа «приказано стрелять» и «меня заставили стрелять».

Элемент N_2 довольно часто отсутствует при ядерных глаголах определенной семантики. Так, по материалам немецкого языка при ядерном глаголе *helfen* «помогать» элемент N_2 отсутствует в 48% охваченных случаев употребления. Любопытно отметить, что при глаголе-антониме *verhindern* «помешать» элемент N_2 отсутствует только в 0,6%.

Пропуск элемента V_2 обычно возможен, когда в варианте конфигурации присутствует управляемое им слово. Так, например, высказывание: *Врач запретил пить вино, но разрешил курить папиросы* дает: *Врач запретил вино, но разрешил папиросы*. В данном случае происходит переподчинение (слова, зависимые от пропущенного элемента V_2 , теперь управляются ядерным глаголом). Подобные случаи весьма распространены во многих языках, например в немецком, английском, китайском, русском, арабском и др.

Что касается ядерного элемента, то он, естественно, опускается в очень редких случаях.

6. Можно выделить три разновидности фактитивной конфигурации, что определяется наличием трех групп ядерных фактитивных глаголов.

В различных языках представлен вариант фактитивной конфигурации, в котором в качестве ядерного элемента выступает однозначный фактитивный глагол, например в русском, китайском, японском и целом ряде других языков.

Существует также вариант фактитивной конфигурации, в котором в качестве ядерного элемента выступает служебный побудительный глагол. Подобные глаголы засвидетельствованы, например в немецком, корейском, вьетнамском и других языках.

В ряде языков мы встречаем компрессированный вариант фактитивной конфигурации, в котором элементы V_1 и V_2 реализуются в виде одной словоформы. Речь идет о так называемых формах побудительного залога или о производно-каузативных глаголах, которые имеются, например в турецком, японском и других языках.

7. Указанные варианты фактитивной конфигурации в от-

дельных формальных моментах существенно отличаются друг от друга.

Так, например, в компрессированном варианте фактивной конфигурации, в котором в качестве ядра выступают формы побудительного залога или производно-каузативные глаголы, в том случае, когда функции элемента N_2 выполняет имя, входящее в подкласс нелиц, функции элемента N_1 расширяются. Этот элемент выступает не только в роли инициатора действия, он также участвует в его осуществлении.

Отметим попутно, что формы побудительного залога в различных языках образуются или только от непереходных глаголов, или также от переходных. Иначе говоря, наблюдается следующая закономерность: если в каком-либо языке существуют формы побудительного залога, образованные от переходных глаголов, то такие же формы образуются и от непереходных глаголов; обратное наблюдается не всегда (например, арабские производно-каузативные глаголы, чукотский побудительный залог с префиксом, *ры*-⁶ образуются, как правило, только от непереходных глаголов).

В варианте конфигурации с однозначными фактивными глаголами функции элементов N_1 и N_2 обычно выполняют имена, входящие в подкласс лиц, и слова-заместители этого подкласса. Имена, входящие в подкласс нелиц, в роли элементов N_1 и N_2 чаще всего представляют собой более или менее ясно ощущаемую метафору.

Характерно, что в некоторых языках имя, входящее в подкласс нелиц, вообще не может выступать в функции элемента N_1 при однозначных фактивных глаголах. Так обстоит дело, например, в мансийском языке, где можно сказать *леккар пыг юн хультуптитэ* 'врач заставил его остаться дома', но грамматически невозможна фраза «болезнь вынудила его остаться дома» (**агум пыг юн хультуптитэ*).

В компрессированном варианте фактивной конфигурации и в варианте со служебным фактивным глаголом элемент N_1 функционирует так же, как и в варианте с однозначным фактивным глаголом. Иначе обстоит дело с элементом N_2 , функции которого свободно могут выполнять как имена, входящие в подкласс лиц, так и имена, входящие в подкласс нелиц.

Таким образом, можно считать, что вариант фактивной конфигурации с однозначным глаголом в отличие от остальных вариантов маркирован относительно элемента N_2 , функции

⁶ П. Я. Скорик, *О категории залога в чукотском языке*, — сб. «Вопросы грамматики», М.—Л., 1960, стр. 143.

которого в этом случае выполняет, как правило, только имя, входящее в подкласс лиц.

8. Если в варианте фактитивной конфигурации со служебным фактитивным глаголом функции элемента V_2 обычно может выполнять строго определенная глагольная форма, то в варианте фактитивной конфигурации с полнозначным фактитивным глаголом функции этого элемента могут осуществляться целым рядом глагольных форм, включая отглагольные имена. К их числу относятся: инфинитив, конъюнктив, отглагольное имя, стоящее после частицы *ды* в китайском языке, субстантивированный инфинитив (типа немецкого), отглагольные имена действия (типа арабского масдара или английского герундия), целевые формы (типа супина в некоторых северных языках) и т. п.

Парадигма форм, выступающих в роли элемента V_2 , варьирует от языка к языку, причем, видимо, всегда можно противопоставить форму более частотную менее частотным формам, употребляющимся только с некоторыми ядерными глаголами.

Следует отметить своеобразное грамматическое оформление всех форм, выступающих в роли элемента V_2 , или, иначе говоря, указать такие дифференциальные признаки, которые в их совокупности свойственны только этим формам в отличие от других.

Так, те из них, которые входят в парадигму именного склонения, являются дефективными с точки зрения набора грамматических категорий, оформляющих имя в языках морфологического строя. Такие отглагольные имена не имеют категории числа (они выступают только в форме единственного числа).

Вместе с тем эти имена могут (правда, в разных языках в разной степени) сохранять основное свойство глагольных форм — способность к управлению другими словами. В ряде случаев регулярность образования таких имен от любого глагола позволяет включать их в глагольную парадигму (как, например, в арабском, грузинском и эстонском языках). Однако все эти имена лишены ряда глагольных категорий, таких, например, как время и лицо.

Что касается инфинитива, то, как известно, по набору грамматических категорий он противостоит финитным формам глагола. Инфинитив лишен всех категорий, которые участвуют в предикации, и обладает лишь такими собственно глагольными категориями, как залог и вид (в тех языках, где они представлены).

Китайский язык как будто бы представляет исключение, допуская оформление V_2 видо-временным суффиксом *-ла*. Однако, во-первых, видо-временной показатель *-ла*, как и

другие видо-временные показатели, факультативен (отметим, что большую часть в функции V_2 встречается неформальный глагол); во-вторых, формальных показателей, имеющих только временное значение, в китайском языке нет; даже при наличии у V_2 суффикса *-ла* последний нередко имеет чисто видовое значение; например: *во цин та ба шицин цзохаола та цзола, кэши мэи цзохао* 'я просил его сделать это дело, он делал, но не сделал'; *яоши нин юньсюй во шаола даньшу...* 'если вы разрешите мне **сжечь** [этот] документ...' Кроме того, показателем дефективности V_2 в китайском языке является то, что перед ним не употребляются модальные глаголы⁷.

По способности выступать в роли элемента V_2 с инфинитивом соперничает конъюнктив. У этой глагольной формы отсутствует категория абсолютного времени.

Итак, обязательное отсутствие категории времени, как, впрочем, в ряде случаев и других глагольных категорий, участвующих в предикации, при сохранении в большей или меньшей мере способности к управлению, свойственной остальным глагольным формам, — такова типологическая особенность тех форм глагола, которые могут выступать в роли элемента V_2 .

Появление указанного набора форм определяется функциональной нагрузкой элемента V_2 , который служит для обозначения действия, являющегося не самостоятельным, а подчиненным, определяемым действием ядерного глагола.

Таким образом, здесь мы сталкиваемся с парадигматическими отношениями на синтаксическом уровне языка.

Действительно, все формы, которые могут занимать место элемента V_2 в фактитивной конфигурации, образуют парадигму. Члены этой парадигмы, несмотря на различия во внешнем оформлении, в силу тождественной функциональной нагрузки могут в определенных условиях заменять друг друга.

При замещении членов парадигмы элемента V_2 возникают варианты фактитивной конфигурации, которые обладают одинаковым структурным содержанием, различаясь отдельными элементами структурной формы.

9. Из других особенностей функционирования указанных разновидностей фактитивной конфигурации следует отметить, что по частотности в тексте варианты с залоговыми формами и со служебными фактитивными глаголами противопоставлены варианту с полнозначными глаголами. Первые встречаются относительно часто, последний — много реже. Так, сплошной просмотр 200 страниц вьетнамского текста

⁷ С. Е. Яхонтов, *Категория глагола в китайском языке*, Л., 1957, стр. 44—46.

дал, например, следующие результаты. Зарегистрировано употребление всех четырех служебных фактивных глаголов и 32 полнозначных. Четыре служебных глагола встретились 111 раз, а 32 полнозначных глагола встретились 73 раза, т. е. всего лишь несколько чаще, чем только один служебный фактивный глагол *làt*, который встретился 65 раз⁸.

10. Конкретные случаи использования всех трех указанных разновидностей фактивной конфигурации весьма разнообразны. Так, анализ употребления варианта конфигурации, в котором в качестве ядра выступает залоговая форма, показывает, что наряду с языками, в которых для построения залоговой формы используется только один аффикс (например, в бабийском, нивхском, кетском и других языках), существуют и такие языки, в которых имеется несколько аффиксов, служащих аналогичной цели. В этом случае, видимо, можно указать следующие причины, регулирующие употребление того или иного аффикса:

1) морфологические — выбор аффикса обуславливается типом основы исходного глагола (например, в японском языке)⁹;

2) синтаксические — выбор аффикса обуславливается типом исходной конструкции (например, в грузинском языке)¹⁰;

3) семантические — каждый аффикс имеет особое значение (например, в эскимосском языке)¹¹;

4) наконец, возможна такая ситуация, когда выбор того или другого аффикса для построения залоговой формы регулируется только узусом. Так обстоит дело, например, в современном литературном арабском языке, где залоговая форма строится с помощью аффиксов: аффикса IV породы и аффикса II породы, а закономерности, управляющей выбором аффиксов, в синхронном описании нельзя усмотреть.

Что касается варианта фактивной конфигурации, в котором в качестве ядерного элемента выступает служебный фактивный глагол, то и в его употреблении нет единообразия.

Так, например, существуют языки, в которых имеется только один служебный фактивный глагол (например, в немецком языке — *lassen*), наряду с ними существуют языки с двумя (французский язык — *faire* и *laisser*), тремя (ки-

⁸ И. С. Быстров, *Побудительная конструкция во вьетнамском языке*, — сб. «Вопросы грамматики языков стран Азии», Л., 1964, стр. 28.

⁹ Н. И. Конрад, *Синтаксис японского национального литературного языка*, М., 1937, стр. 206.

¹⁰ Б. Т. Руденко, *Грамматика грузинского языка*, М.—Л., 1940, стр. 200—201.

¹¹ Г. А. Меновщиков, *О категориях переходности и залога в эскимосском языке*, — сб. «Вопросы грамматики», М.—Л., 1960, стр. 93—94.

тайский язык — *цзяо, жан и ши*) и четырьмя служебными фактивными глаголами (вьетнамский язык — *lâm, chô, di, khiên*), причем выбор служебных фактивных глаголов, видимо, регулируется в ряде случаев теми же причинами, что и употребление залоговых форм.

Аналогичная ситуация возникает и при функционировании варианта фактивной конфигурации, в котором в качестве ядра выступает полнозначный фактивный глагол. Количество полнозначных фактивных глаголов в тех языках, где они представлены, резко колеблется. Так, существуют языки, где имеется, по-видимому, всего один-два полнозначных фактивных глагола (мансийский и нивхский), в то время как в таких языках, как немецкий и английский, число подобных глаголов достигает 150—200.

11. С помощью набора различных формальных операций, основанных на использовании дистрибутивного и трансформационного анализов, в подклассе фактивных глаголов выделяются более узкие группы с общей семантикой, в основном однотипные для различных языков.

В качестве примера наиболее характерных групп, выделяющихся в различных языках, можно указать следующие: глаголы «просьбы», «требования», «совета», «предложения», глаголы «разрешения» и «запрещения», «приказания», глаголы «общего побуждения», глаголы «помощи» и т. п.

12. Одной из задач синтаксической типологии является установление тождеств и различий, выявляющихся в результате сравнения адекватно проведенных описаний синтаксического уровня конкретных языков.

С этой точки зрения выявление закономерностей функционирования фактивной конфигурации в разноструктурных языках может рассматриваться как один из этапов на пути построения универсального синтаксиса, проводимого по единой типологической схеме.

Анализ одной фактивной конфигурации, как, видимо, и анализ любой другой конфигурации, с первых шагов обнаруживает конкретные результаты для типологии тождеств. Так, одинаково количество элементов конфигурации. Одни и те же подклассы слов могут выступать в роли этих элементов. Наблюдаются одинаковые типы компрессии ее элементов.

Для типологии различий существенным может оказаться тот факт, что имеются три типа глаголов, определяющих наличие трех разновидностей этой конфигурации. Эти три разновидности фактивной конфигурации могут выступать как порознь, так и в различных комбинациях. Отсюда логически возможны следующие семь основных типов языков, в которых зарегистрирована фактивная конфигурация:

	1	2	3	4	5	6	7
Залоговые фактитивы	+	+	-	-	+	+	-
Служебные фактитивы	+	-	+	-	+	-	+
Полнозначные фактитивы	+	+	+	+	-	-	-

Данные по тридцати двум языкам позволяют нам проиллюстрировать все семь групп:

1) аварский, арабский, корейский, курдский (курманджи), татский, кхмерский, чукотский;

2) абхазский, грузинский, зулу, индонезийский, курдский (сорани), мансийский, нивхский, суахили, татарский, хауса, чеченский;

3) албанский, английский, вьетнамский, голландский, китайский, немецкий, французский;

4) болгарский, латинский, польский, русский;

5) ительменский;

6) эскимосский;

7) дунганский.

13. Рассмотрение этой таблицы с учетом данных о функционировании вариантов фактитивной конфигурации в конкретных языках позволяет высказать некоторые соображения относительно диахронической типологии фактитивной конфигурации.

Нам представляется, что типы языков 5-й, 6-й, 7-й, в которых отсутствует вариант с полнозначными фактитивными глаголами, в настоящий момент являются реликтовыми, неразвивающимися, имеющими ограниченную область распространения. Им противостоят типы 1-й, 2-й, 3-й, 4-й, которые являются продуктивными и имеют широкую область распространения.

В процессе формирования фактитивная конфигурация, которую едва ли можно отнести к числу первичных общечеловеческих конфигураций, прошла ряд этапов. Причем, возможно, что вариант конфигурации с полнозначными фактитивными глаголами в ряде языков формировался на основе либо варианта с залоговыми формами, либо варианта со служебными фактитивными глаголами.

Можно привести некоторые факты, свидетельствующие в пользу этого предположения. Так, ко 2-му типу относится такой язык, как нивхский, в котором вариант конфигурации с полнозначными глаголами еще находится в процессе ста-

новления. По-видимому, только один глагол *итть* со значением 'сказать' и его синоним *хездь* можно рассматривать как полнозначные фактитивы¹².

Интересно отметить следующее: при употреблении этого глагола в качестве ядерного в конструкции $N_1 V_1 N_2 V_2$ глагол, выполняющий функции элемента V_2 , все равно оформляется фактитивным аффиксом. Таким образом, в данном случае мы имеем одновременное использование двух различных формальных способов выражения одного и того же значения.

Такое явление, видимо, возможно потому, что фактитивное значение ядерного глагола еще находится в процессе становления, в силу чего оно нуждается в формальной опоре.

Закономерно, что наиболее многочисленны варианты фактитивной конфигурации с полнозначными глаголами в языках народов, стоящих на высокой ступени цивилизации, обладающих длительной письменной и литературной традицией.

Можно считать, что залоговые формы и сочетания служебного фактитивного глагола с другим глаголом отличаются друг от друга в основном техникой реализации фактитивного значения. В самом деле, фактитивный аффикс можно рассматривать как грамматическую морфему, связанную со своей лексической морфемой, тогда как служебный фактитивный глагол можно рассматривать как ту же самую грамматическую морфему, но расположенную дистантно по отношению к своей лексической морфеме.

Любопытно, что в отдельных случаях граница между контактными и дистантными расположениями морфем не всегда отчетлива. Об этом свидетельствуют, например, данные аварского языка. «С точки зрения морфологической глаголы понудительного залога представляют собой соединение соответствующего непонудительного глагола в форме долженствовательного наклонения с глаголом *гыбизе* 'делать', стоящим в форме, требуемой контекстом. Соединение частей понудительной формы может быть неполным или полным. В первом случае форма долженствовательного наклонения и глагол *гыбизе* не претерпевают фонетических изменений и держатся в речи отдельно, причем иногда между обеими частями формы может быть вставлено третье слово либо к форме долженствовательного наклонения может быть прибавлена усилительная частица *чи*, также подчеркивающая раздельность обеих частей формы. Во втором случае, т. е. в случае полного объединения формы, конечное *е* долженство-

¹² По-видимому, вообще во многих языках исходной базой для формирования полнозначных фактитивов послужили глаголы речи.

зательного склонения и начальный *гь* глагола *гьабизе* исчезают, и оба слова сливаются в фонетически единое целое»¹³.

Сказанное объясняет, почему варианты фактитивной конфигурации с залоговыми формами и служебными фактитивными глаголами в общем являются изофункциональными, в силу чего они в конкретных языках либо вместе не встречаются (чаще всего), либо находятся в отношении дополнительной дистрибуции (например, в татском языке, где залоговые формы образуются от непереходных глаголов, а с переходными употребляется служебный фактитивный глагол), либо дублируют друг друга (реже всего).

В языках 4-го типа, в которых не представлены варианты фактитивной конфигурации с залоговыми формами и со служебными фактитивными глаголами, их функции частично осуществляются полнозначными глаголами «общего побуждения» типа «заставить», «принудить», «разрешить».

Хотя приведенная выше таблица составлена приближенно и не дает достаточно полного представления об объеме и степени использования вариантов конфигурации в каждом типе и в каждом конкретном языке, она может служить ориентиром для дальнейших исследований.

¹³ А. А. Бокарев, *Синтаксис аварского языка*, М.—Л., 1949, стр. 59.

ОПЫТ КЛАССИФИКАЦИИ ЯЗЫКОВ НА ОСНОВАНИИ ВЫДЕЛЕНИЯ ТИПОВ БИНАРНЫХ СЛОВСОЧЕТАНИЙ¹

Пусть имеется некоторый искусственный язык, который представлен в виде бинарных цепочек слов. Каждое предложение такого языка имеет вид $A_1 + A_2$. Предположим, что каждое слово такого языка может в тексте один раз выражать информацию о своей синтаксической функции, т. е. каждое слово можно записать в следующем виде:

$A = at$, где t — информация о синтаксической функции слова, синтаксема, a — информация о лексико-морфологическом значении слова, лексема².

Рассмотрим все логически возможные сочетания t_1 и a_1 в таком языке, т. е. логические возможности способов выражения синтаксической информации внутри бинарной системы. Другими словами, решим вопрос о том, как может быть распределена синтаксическая информация между двумя словами, если она выражается один раз.

1. Вся информация о синтаксической функции данного слова сосредоточена в нем самом, и предложение имеет вид $a_1t_1 + a_2t_2$.

В этом случае, чтобы судить о функции каждого из слов, не надо обращаться к другому члену бинарной системы: его функция ясна из него самого. Следовательно, мы имеем внутри данной бинарной системы две равноправные независимые симметричные подсистемы с синтаксической информацией, равномерно распределенной между ними.

2. Вся информация о синтаксических функциях данных слов (обоих) сосредоточена вне их, т. е. система представляет совокупность двух подсистем, в одной из которых содержится информация о синтаксических функциях, а в другой — информация о лексико-морфологическом значении: $t_1t_2 (a_1 + a_2)$.

¹ Данная работа посвящена вопросу описания заданных заранее объектов и классификации языков на основании сравнения аналогичных описаний.

² В частном случае t или a может быть равно 1.

Для того чтобы судить о функциях каждого из слов, достаточно посмотреть на извлеченную из них синтаксическую информацию, даже не обращаясь к лексемам. Здесь внутри данной бинарной системы существуют две неравноправные независимые подсистемы с информацией, неравнораспределенной между ними.

3. Вся информация о синтаксических функциях обоих слов сосредоточена внутри одного из них: $a_1 + a_2 t_1 t_2$.

Для того чтобы судить о синтаксической функции второго слова, надо обратиться к нему самому, но о синтаксической информации первого слова ничего сказать нельзя — для этого необходимо обратиться к a_2 . Назовем такое явление односторонней зависимостью (селекцией). Таким образом, внутри данной бинарной системы мы имеем две неравноправные несимметричные подсистемы с односторонней зависимостью, при которой синтаксическая информация распределена неравномерно.

4. Аналогично: $a_1 t_1 t_2 + a_2$.

5. Возможен, наконец, и такой вариант, когда каждое слово содержит в себе только информацию о другом: $a_1 t_2 + a_2 t_1$.

Тогда о функции каждого из слов можно судить, лишь обратившись к другому. Назовем такое явление двусторонней зависимостью (комбинацией). Таким образом, внутри данной бинарной системы мы имеем две равноправные симметричные подсистемы с двусторонней зависимостью, при которой синтаксическая информация распределяется равномерно между компонентами.

Этим перебором исчерпываются все логические возможности. О частных случаях, когда t_1 или $a_1 = 1$, сказано выше.

Итак, примем аксиому: любая бинарная языковая система может быть однозначно описана с помощью пяти приведенных соотношений, если синтаксическая информация о слове передается один раз.

Перейдем к реальным языковым системам, где каждое предложение состоит из n -слов и каждое слово может выражать синтаксическое отношение не один, а k -раз.

Предположим, что синтаксическую информацию даже можно выражать столько раз, сколько есть слов в предложении. Введем совершенно условно правило редукции, по которому $t_i x t_i = t_i$ ³. Умножив полученные пять сочетаний на t_1 и

³ Если под t_i понимать некоторый вектор, а под $t_i \times t_i$ — векторное умножение двух векторов, то можно предположить, что языковые поля (для которых определение операции векторного умножения включает равенство $t_i \times t_i = t_i$) обладают другими закономерностями, чем поля чисел, для которых справедливо равенство $t_i \times t_i = 0$.

t_2 и воспользовавшись правилом редукции, получим всего десять соотношений, в которых реализуются все логические возможности выражения синтаксической информации внутри бинарной языковой системы:

1. $a_1t_1 + a_2t_2$
2. $(a_1 + a_2) t_1t_2$
3. $a_1 + a_2t_1t_2$
4. $a_1t_1t_2 + a_2$
5. $a_1t_2 + a_2t_1$
6. $a_1t_2 + a_2t_1t_2$
7. $a_1t_1t_2 + a_2t_1$
8. $a_1t_1 + a_2t_1t_2$
9. $a_1t_1t_2 + a_2t_2$
10. $a_1t_1t_2 + a_2t_1t_2$

Назовем подсистемы 6—10 избыточными в отличие от 1—5, подсистемы 6, 7 — зависимыми несимметричными с неравнораспределенной синтаксической информацией, подсистемы 8, 9 — независимыми несимметричными, с неравнораспределенной синтаксической информацией, а подсистему 10 — независимой симметричной, с информацией, равномерно распределенной между компонентами.

Не останавливаясь на доказательстве, приведем следующую теорему: любая языковая бинарная система может быть описана однозначно с помощью десяти указанных соотношений, причем нельзя найти ни одного добавочного соотношения, которое, не дублируя названные, описывало бы систему в соответствии с сформулированными выше требованиями. Назовем соотношения 1—10 типами.

Таким образом, любое предложение любого языка допускает описание (однозначное) в терминах 10 названных типов. Это описание применяется ко всем бинарным сочетаниям, которые возможно построить из данного предложения.

Иллюстрации названных типов на материале русского языка:

1. Человек	стоит в лесу.	}	стоит
a_1t_2	$a_2t_1t_2 a_3t_3$		$a_2t_1t_2$
2. Человек	плохо видит		видит
a_1t_2	$a_3t_3 a_2t_1t_2$		$a_2t_1t_2$
2а. Человек	видит дом		$+a_2t_1t_2t_3$
a_1t_2	$a_2t_1t_2t_3 a_3t_2$		$a_2t_1t_2t_3$
3. Человек	разбивает вазу		разбивает
a_1t_2	$a_2t_1t_2t_3 a_3t_2$		$a_2t_1t_2t_3$
4. Человек	дошел — до предела		дошел—до
a_1t_2	$a_2t_1t_2t_3 a_3t_2$		$a_2t_1t_2t_3$

5. Стакан	разбил графин	
$a_1 t_1 t_2$	$a_2 t_1 t_2 t_3$ $a_3 t_2 t_3$	$a_2 t_1 t_2 t_3$
6. Мать	видит дочь	
$a_1 t_1 t_2$	$a_2 t_1 t_2 t_3$ $a_3 t_2 t_3$	$a_2 t_1 t_2 t_3$

Очевидно, что в каждом языке можно найти словосочетания, которые соответствуют всем или многим из десяти типов. Однако некоторые из них встречаются в языке с большей частотностью, другие — с меньшей, что и отличает языки друг от друга. Чтобы можно было классифицировать языки по такому принципу, надо, чтобы для сравнения привлекались не любые части систем или не все системы целиком, а изофункциональные части различных языковых систем. Изофункциональными будем называть такие части различных систем, которые в каждой системе выполняют одну и ту же функцию по отношению к другим частям системы. Таким образом, если существует процедура выделения изофункциональных подсистем, то последние могут быть описаны указанным образом⁴. Основываясь на материале изученных языков, примем следующую аксиому: подсистемы, которые включают предложения, соответствующие конфигурации $N_1 N_2 V_f N_3$, в каждом языке, изофункциональны⁵.

Следовательно, к ним применимы сформулированные выше принципы описания в терминах десяти типов синтаксических отношений.

В соответствии с изложенным ранее в каждом языке будут рассмотрены по шесть бинарных сочетаний $N_1 N_2 V_f N_3 = N_1 V_f + N_1 N_2 + N_1 N_3 + V_f N_2 + V_f N_3 + N_2 N_3$, на которые можно разложить данную конфигурацию. Каждой паре ставится в соответствие один тип. Однако несомненно и то, что одна конфигурация объединяет такие виды предложений, синтаксические отношения между членами которых реализуются по-разному. Например, в зулу:

Umuntu wasishayisa isalukazi ikati
 a_1 $a_2 t_1 t_2 t_3$ a_3 $a_4 t_4$

‘Кто-то заставил старуху ударить кога’

Umuntu washayisa isalukazi ikati
 a_1 $a_2 t_1 t_2$ $a_3 t_3$ $a_4 t_4$

‘Кто-то заставил старуху ударить кога’

Umuntu wamshayisa umfana ikati
 $a_1 t_1$ $a_2 t_1 t_2 t_3$ $a_3 t_3$ $a_4 t_4$

‘Кто-то заставил мальчика ударить кога’

⁴ А. А. Холодович, *Опыт теории подклассов слов*, — ВЯ, 1960, № 1.

⁵ По-видимому, подсистемы $N_1 N_2 V_f$ (в отличие от $N_1 N_2 V_f N_3$) не будут изофункциональными.

$$\left\{ \begin{array}{llll} a_1 & a_2 t_1 t_2 t_3 & a_3 t_3 & a_4 t_4 \\ a_1 & a_2 t_1 t_2 & a_3 t_3 & a_4 t_4 \\ a_1 t_1 & a_2 t_1 t_2 t_3 & a_3 t_3 & a_4 t_4 \end{array} \right.$$

Таким образом, существует не один способ проявления синтаксической информации в одной и той же конфигурации, а их синонимия. Так, запись одного предложения данного языка имеет вид

3	2	1	4	1	1
---	---	---	---	---	---

где в каждую ячейку помещаем номер типа, соответствующего данному бинарному словосочетанию. Запись конфигурации:

1	3	2	1	4	1	1
2	3	1	1	1	1	1
3	8	1	1	9	1	1
...						
...						
S						

где S — количество видов предложений (см. выше), объединяемых данной конфигурацией.

Сформулируем некоторые упрощения, которые были приняты при классификации языков в зависимости от типов выражения синтаксических отношений:

а) каждый язык описывается через его репрезентанта — конфигурацию $N_1 V_i N_2 N_3$. Этим нарушается полнота описания, добиться которой снова можно будет только после описания всех конфигураций языка;

б) поскольку в каждом языке можно статистически установить вид предложения, типичного для данной конфигурации, то в целях экономии описания каждая конфигурация представлена в виде одной типичной строки. Так как допускаемая погрешность примерно одинакова для всех языков, то на общую картину группировки языков этот фактор повлияет незначительно;

в) для упрощения описания рассматриваются не все шесть бинарных сочетаний, а только три, в которых участву-

ет глагол. Учитывая возможность повторения показателя синтаксического отношения в имени и в глаголе, получим матрицу из шести столбцов. Поскольку в каждом столбце может быть двойкий ответ, то такая матрица даст не более $2^6=64$ языковых групп, т. е. мы получим классификацию языков, в которой все языки располагаются по 64 уровням полученной таким образом шкалы.

Языки	Субъектное N_1V_f		Первое объектное V_fN_2		Второе объектное V_fN_3	
	имя	глагол	имя	глагол	имя	глагол
Адыгейский	+	+	+	+	+	+
Абазинский	+	+	+	+	+	+
Шумерский	+	+	+	+	+	+
Эскимосский	+	+	+ (-)	+	- (+)	+
Чеченский	-	+	-	+	+	+
Чукотский	-	+	-	+	+	+
Нивхский	- (+)	+	- (+)	+	-	+
Грузинский	+	+	-	+	-	+
Японский	+	+	-	+	-	+
Персидский	+	+	-	+	-	+
Таджикский	+	+	-	+	-	+
Зулу	+	- (+)	+	- (+)	-	+
Ганда	+	- (+)	+	- (+)	-	+
Коса	+	- (+)	+	- (+)	-	+
Каранга	+	-	+	- (+)	- (+)	+
Шона	+	- (+)	- (+)	+	- (+)	+
Ламба	+	- (+)	- (+)	+	-	+
Хауса	-	+	-	+	-	+
Турецкий	-	+	-	+	-	+
Татарский	-	+	-	+	-	+
Монгольский	-	+	-	+	-	+
Якутский	-	+	- (+)	+	-	+
Аварский	- (+)	+	+ (-)	+	-	+

О СООТНОШЕНИИ ЯЗЫКОВЫХ ПОДСИСТЕМ

Данная работа посвящена вопросу о соотношении исходных и производных подсистем на синтаксическом уровне языка. Предварительно опытным путем устанавливается изофункциональность¹ некоторых производных подсистем. В качестве изофункциональных рассматриваются производные подсистемы, образуемые предложениями, которые имеют конфигурационную формулу $N_1 N_2 V_f N_3$, где ядерный элемент V_f — производный транзитивно-каузативный глагол².

Необходимо выяснить, являются ли изофункциональными исходные подсистемы, образуемые предложениями, которые имеют конфигурационную формулу $N_1 V N_2$, где ядерный элемент V — исходный переходный глагол. Представляется, что изофункциональны те исходные подсистемы, для которых: 1) изофункциональны производные подсистемы и 2) существует одно-однозначный переход между производными и исходными подсистемами.

Поскольку изофункциональность описываемых производных подсистем в исследуемых языках установлена предварительно, то представляется целесообразным принять данные производные подсистемы за «точку» отсчета и, построив затем формальную процедуру перехода к исходным подсистемам (если таковая существует), показать одно-однозначность этого перехода («обратимость процедуры»). Нам кажется, что это будет служить достаточно веским доводом в пользу изофункциональности исходных подсистем.

Процедура перехода от известных производных подсистем к искомому исходным подсистемам разлагается нами на три типа операций: 1) инвариантные, общие для всех языков, 2) детерминантные, общие только для языков, принадлежащих к некоторому типу, и 3) специфические, присущие толь-

¹ Изофункциональными считаем такие подсистемы различных языков, которые в своей системе выполняют одну и ту же функцию по отношению к другим подсистемам.

² Ср. В. П. Недялков, Т. Н. Никитина, В. С. Храковский, *О типологии побудительных конструкций*, — настоящий сборник, стр. 217.

ко одному конкретному языку. В инвариантных операциях проявляется типология тождеств, в детерминантных и специфических — типология различий сравниваемых языков.

Инвариантные операции перехода от производной конфигурации к исходной.

1. Сохранив корень (основу) производно-каузативного глагола, уничтожив показатели прежних связей, извлечь из него каузативный аффикс.

2. Убрать из конфигурации элемент N_1 , обозначающий инициатора каузативного действия.

3. Элемент N_2 , обозначающий исполнителя каузативного действия, превратить в элемент N'_1 , обозначающий субъекта действия; приписать элементу N'_1 номер стрелки субъекта³.

4. Приписать элементу N_3 номер стрелки объекта.

Детерминантные операции перехода от производной конфигурации к исходной.

Изменение определенного номера стрелки, показывающей тип синтаксического отношения, обладает следующей закономерностью: в каждом языке оно проводится с помощью преобразования тех элементов конфигурации, в графах которых стоит +⁴.

Специфические операции перехода от производной конфигурации к исходной.

1. Найти морфологическое оформление элементов конфигурации.

2. Упорядочить их в речевой цепи.

Мы полагаем, что в результате применения указанных операций к производным подсистемам можно получить исходные подсистемы, которые будут изофункциональными во всех исследуемых языках. Мы не можем в качестве точки отсчета принять исходные подсистемы, поскольку неизвестно, существует ли единственный для них переход к данным производным подсистемам или таких переходов может быть несколько (в том числе и переходы не только к данным производным подсистемам, но и к некоторым другим). Здесь можно рассмотреть следующие четыре случая:

1. Преобразование осуществляется с помощью единственного аффикса, выступающего в роли показателя каузативного значения, т. е. один формант имеет одно значение, и мы можем построить обратимую процедуру при переходе от производной конфигурации к исходной, и наоборот. Так, в четырех из рассмотренных тридцати языков нами отмечена одно-

³ Под определенным номером стрелки понимается некоторое определенное синтаксическое отношение.

⁴ См. таблицу, приложенную к статье: Л. З. Сова, *Опыт классификации языков на основании выделения типов бинарных словосочетаний*, — настоящий сборник, стр. 234.

значность каузативного аффикса. Это — суффиксы в чеченском и нивхском и префиксы — в адыгейском и абазинском⁵.

2. Преобразование осуществляется с помощью нескольких аффиксов, выступающих в роли показателей каузативного значения, т. е. несколько формантов имеет одно и то же значение. В этом случае мы также можем построить обратимую процедуру при переходе от производной конфигурации к исходной, и наоборот. Укажем причины неединственности каузативных аффиксов в различных языках:

а) фонетические — тип основы исходного глагола определяет выбор аффикса. Например, в якутском языке после основ, оканчивающихся на гласные, ставится суффикс *-m*, после основ, оканчивающихся на согласный, ставится суффикс *-ap* (*-ыр*). В турецком выбор суффикса зависит как от последнего звука основы, так и от количества слогов в основе;

б) морфологические — в японском глаголы 1-го спряжения принимают суффикс *-seru*, все остальные *-saseru*. В ряде языков банту на выбор суффикса влияет ступень деривации или морфологический тип основы. Например, в языке зулу многие глаголы, образованные от идеофонов, образуют каузатив с помощью преобразования конечных *-ka*, *-la* в *-za*, тогда как для всех остальных глаголов, за редким исключением, на первой ступени каузативации применяется суффикс *-is*;

в) синтаксические — выбор аффикса диктуется типом конфигурации. В хинди, например, на выбор аффикса влияет наличие или отсутствие в конфигурации элемента, обозначающего посредника каузативного действия. С аналогичным явлением мы сталкиваемся в персидском классическом и таджикском разговорном.

3. Необратимым является преобразование при переходе от исходной конфигурации к производной в том случае, когда один и тот же аффикс служит для передачи нескольких различных значений, т. е. входит в различные системы формантов. Например, В. Котвич указывает, что в некоторых алтайских языках суффикс « $\gamma=q+$ гласный» выступает параллельно для образования как каузативного, так и пассивного залога⁶. То же наблюдается в маньчжурском и в якутском, где суффиксы побудительного залога имеют также значения среднего или возвратного залогов.

⁵ Каузативные аффиксы могут занимать любое положение внутри глагола. Статистической закономерностью является то, что каузативный аффикс неизменно контактирует с основой, выступая в любой аффиксальной разновидности. Так, в адыгейском и абазинском — это префикс, в чукотском — циркумфикс, в чеченском, хинди, японском, тюркских языках, языках банту — суффикс.

⁶ См. В. Котвич, *Исследование по алтайским языкам*, М., 1962, стр. 198, 201 и сл.

4. Наконец, еще возможен такой случай, когда преобразование осуществляется с помощью нескольких аффиксов, выступающих в роли показателей каузативного преобразования, и хотя бы один из них входит в различные системы. Такковы суффиксы *-γul*, *-lγa*, *-γa*, *-xa* в монгольском языке или *-t*, *-tir* в турецком, которые наряду с каузативностью могут выражать значение страдательного залога.

Рассмотрение всех возможных значений, характерных для каузативных глаголов, позволяет считать, что в целом образуется довольно однородная в семантическом отношении группа производных глаголов, которая имеет общее значение, свойственное данной конфигурации («позволить, заставить, дать сделать таким-то»), а также частные значения, варьирующие от языка к языку и даже от глагола к глаголу в данном языке («помогать», «делать как кто-то» — в зулу). Отсутствие у данной группы глаголов каких-либо других грамматических значений как раз и говорит о том, что вся группа представляет однородное явление, а это в свою очередь подчеркивает изофункциональность данных производных подсистем в различных языках.

Таким образом, мы показали, что при переходе от производной конфигурации к исходной преобразовательная процедура всегда обратима; при переходе от исходной конфигурации к производной — не всегда обратима.

Следовательно, если за начало отсчета принимать производную конфигурацию, то имеет место обратимая процедура:

$$K'(I+D+d)=K; \quad K \cdot \frac{1}{I+D+d}=K'$$

Если за точку отсчета принимать исходную конфигурацию, то в общем случае имеет место необратимая процедура:

$$K_1 \cdot \frac{1}{I+K+d}=K'_1+(R); \quad K'_1(I+D+d)=K_1,$$

где (R) — часть производных глаголов, которая в результате данного преобразования выходит за рамки фактивной конфигурации; K' и K'_1 — производные конфигурации; K и K_1 — исходные конфигурации ($K \neq K_1$); j — инвариант каузативного преобразования; D — детерминантные операции; d — специфические операции.

ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ В РАЗВИТИИ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКОВ

(к вопросу об универсалиях лингвистического развития)

Развитие пространственно-временного континуума лингвистических систем от праязыка до современной эпохи национальных литературных языков может быть описано с трех принципиально отличных точек зрения.

С изменением лингвистического времени t меняется соотношение между множеством единиц, восходящих к праязыку, и множеством новообразований, между множеством единиц, встречающихся по всей лингвистической территории, и множествами, которые характеризуют ее отдельные ареалы. Обозначив через P праязык, через A и B два определенных ареала языковой области, мы теоретически можем выделить восемь множеств:

P	+	+	+	+	—	—	—	—
A	+	+	—	—	+	+	—	—
B	+	—	+	—	+	—	+	—
	{a} {b} {c} {d}				{a ₁ } {b ₁ } {c ₁ } {d ₁ }			

В данной схеме соотношение $+$ $+$ означает материально-генетическое соответствие единиц, основывающееся на регулярных фонетических корреспонденциях. При небольших значениях t множество {a} значительно превосходит множества {b} {c} {d}. При увеличении t возрастает множество {d}, а также множества {b} {c} по отношению к множеству {a}. Здесь развитие может быть описано в терминах сохранения или замены материальных языковых единиц и измерено соотношением мощностей каждого множества, т. е. количеством единиц, входящих в эти множества. Такое описание действительно только в определенных пределах — при некоторых значениях t множества {a} {b} {c} должны исчезнуть за счет увеличения {d}. Но даже прежде чем это произойдет, преобладание энтропии выразится в значительном увеличении вероятности случайного совпадения единиц, обладающих тождественной значимостью в системе, что снимает

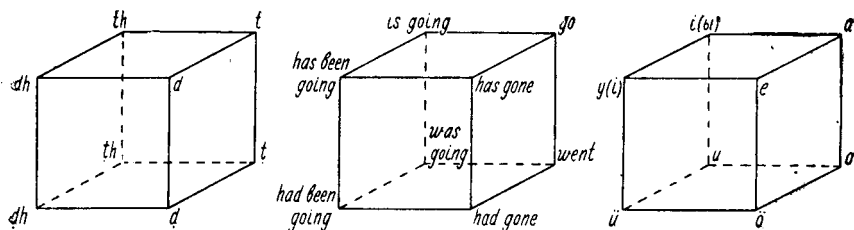
возможность установления регулярных фонетических корреспонденций. Чем далее мы углубляемся в прошлое языковой семьи, тем менее надежные результаты дает нам реконструкция, тем более возрастает роль внутренней реконструкции и генетико-типологического анализа. Конечным результатом применения всех приемов реконструкции при большом значении t является восстановление праязыка как типологической сущности.

Так сравнительно-историческое изучение индоевропейских языков дает нам реконструкцию протоиндоевропейского состояния в виде корнеизолирующей системы с одним фонологически иррелевантным гласным элементом. Сравнительно-историческое изучение родственных языков с целью восстановления праязыка как множества лингвистических единиц перерастает в генетико-типологический анализ, дающий реконструкцию моделей праязыковых отношений.

При дескриптивном исследовании языка лингвист членит речевой поток на сегменты и устанавливает правила встречаемости этих сегментов по отношению друг к другу, которые сводимы к простейшим линейным отношениям: контактному или дистактному расположению, предшествованию или следованию, совместной или раздельной встречаемости. Поток звучащих элементов, служащих для общения членов одного речевого коллектива, пронизан причинными связями. Является ли в сегменте речи одного индивида какая-либо фонетическая особенность смысловозначительной, обусловлено тем, в каких позициях соответствующий элемент встречается в других речевых произведениях, созданных в иное (астрономическое) время и в ином месте. Если внутри определенного периода астрономического времени причинные связи между фактами речи не изменились, лингвистическое время не изменилось, *fuga temporis* данной системы равно нулю. Если эти причинные связи нарушились, возникла новая система, осуществился один шаг дискретного квантованного лингвистического времени. Различия между отрезками речи, которые зависят от соседства других сегментов на синтагматической оси, варьируют в различных позициях и не могут нести информацию и использоваться в языковой системе. Объединяя такие аллосегменты, находящиеся в дополнительной дистрибуции, мы получаем список («алфавит») инвариантов языковой системы.

Такое описание само по себе не полно, так как простой список не дает представления о системных связях составляющих его единиц. Эти последние выражаются в наличии парадигматических отношений сходства и различия между единицами и могут быть описаны словесно в терминах классификации оппозиций Н. С. Трубецкого, либо заданы в виде

абстрактной модели. В принципе системные отношения единиц можно было бы исследовать на уровне моделей-конструктов, отвлекаясь от реальных отличий речевых фактов. Изоморфизм лингвистических систем предполагает наличие одинаковых моделей в системах совершенно различных в материальном отношении, так одна и та же модель отношений (куб, т. е. восемь элементов противопоставляются по трем дифференциальным признакам, каждый из которых встречается четыре раза) может быть установлена в согласных санскрита, тюркском вокализме и системе времен английского глагола.

Отсюда возникает направление типологических исследований, рассматривающее модели языков вне субстанции их выражения, вне времени и развития, ставящее своей целью определение имманентных и ахроничных языковых универсалий. Все многообразие лингвистической реальности рассматривается как проявление единого инварианта, языка-эталоны, конструируемого дедуктивно. Такой подход к проблеме типологии представляет определенный теоретический интерес, однако не его следует признавать наиболее плодотворным. Прежде всего таким путем можно получить не классификацию языков, а классификацию уровней языковых систем. Далее, поскольку дескриптивный анализ синхронного состояния, описывая соотношения языковых систем на уровне моделей-конструктов, дает некоторое множество систем, сосуществующих на одном уровне в определенное астрономическое время, мы можем получить классификацию подсистем уровней, а классификация языков оказывается при этом условии возможной только на основании механического объединения разнотипных критериев.

Для нас более существенно устанавливать не изоморфизм подсистем, а динамику соотношений между подсистемами как одного уровня, так и системы в целом¹. Фонологическое

¹ См. Г. С. Клычков, *Типологическая гипотеза реконструкции индоевропейского праязыка*, — ВЯ, 1963, № 5.

устройство морфемы — ключевой момент в определении типологии языка — частный случай соотношения между естественным фонетическим распадом речи на слоги, речевые такты, фразы и структурной сегментацией ее на морфемы, слова и предложения, или, по теории Ю. В. Рождественского², способа членораздельности. Способ членораздельности, иначе говоря, есть характер связей между уровнями, осуществляющихся в звуковой субстанции языка, качественное соотношение между уровнями, специфическое для конкретного языка. Онтологически это соотношение между уровнями заложено в речевой субстанции процесса общения, гносеологически дано нам в характере вычленения структурных единиц языка, в том, как решаются проблемы «отдельности» слова и морфемы, выделимости фонемы на данном конкретном речевом материале.

Лингвистическое развитие, таким образом, может быть описано, во-первых, теоретико-множественным путем, во-вторых, через отношения сосуществующих подсистем и изменение способа членораздельности. Абсолютно необходим также и третий подход. Возникновение подсистем, вариантность языка связаны с наличием внутри языкового коллектива различных социальных, территориальных, профессиональных и возрастных групп, соотношение подсистем в прагматическом плане (с точки зрения применяющих знаковую систему) определяется языковой нормой, регулирующей стилистическую стратификацию речи. Лингвистическое развитие связано в целом с характером языкового существования, социальной организацией речевого коллектива. Исходным типом речевого коллектива следует, по-видимому, считать родовой язык. Внутри рода не было классовой дифференциации, стратификация лингвистических подсистем в этих условиях идет по линии возраста и пола. В случае дробления рода возникают два новых родо-языка, носители которых не образуют еще этнической общности.

До конца мезолита (5 тыс. до н. э.) и археологическое сходство отдельных вещей или орудий не выходит за рамки медленного общечеловеческого прогресса в обработке камня и не означает племенной близости. В неолите возрастает население, усиливается межродовой обмен, происходит широкая экспансия на новые территории. Результатом было «...занятие больших пространств группами родственных племен, совокупность которых, по генетической близости их материальной культуры и по вероятной близости языков, мы можем назвать племенными общностями... Такие общности сложны-

² См. Ю. В. Рождественский, *Возможны ли противоречия в описании грамматической системы языка*, — сб. «Спорные вопросы китайской грамматики», М., 1963, стр. 23.

лись на территории Восточной Европы к III тысячелетию до н. э., раньше на юге, позже на севере»³.

С лингвистической точки зрения эта эпоха развития общества характеризуется образованием континуума диалектов. Если ранее дробление речевого коллектива приводило обычно к нарушению связей между образовавшимися диалектами, то в новую эпоху родственные речевые коллективы образуют цепочку, где каждые два соседних диалекта максимально близки и между их носителями регулярно осуществляется междиалектное общение, хотя звенья, расположенные дальше друг от друга, могут значительно отличаться. Обозначив через АБВГ... диалекты, а через абвг... диалектальные языковые черты, мы получим следующую схему континуума: А абвг — Б бвгд — В вгде — Г гдеж — Д джез.

На этом уровне развития были зафиксированы австралийские языки. Континуум диалектов образует лингвистическое пространство, в котором происходит распространение языковых инноваций. Со временем отдельные ареалы континуума начинают характеризоваться общими чертами, объединяющими некоторые диалекты в целостную группу: Аабвг/хуз — Ббвгд/хуз — Вгде/хуз — Ггдеж/uvw — Дджез/uvw.

В дальнейшем идут два процесса — с одной стороны, цепь диалектов может рваться, давая начало отдельным племенным языкам. На этом этапе развития были зафиксированы амеро-индейские языки. С другой стороны, общие черты какой-либо лингвистической области выделяются в особую систему, которая служит целям междиалектного общения (в нашей схеме это койне uvwxuz). Эта эпоха соотносится с процессом становления классового общества, наиболее типичные примеры таких лингвистических систем — гомеровское койне, крито-микенский и древнесеверный рунический языки, это время характеризуется возникновением письменности. Тем самым мы вступаем в письменную историю языков, первоначально языков народностей с континуумом уже территориальных диалектов, а позже — национальных языков. Каждый из этих периодов, поневоле очерченных нами в самых общих чертах, характеризуется особыми отношениями между лингвистическими подсистемами как в лингвистическом времени, так и в лингвистическом пространстве. По отношению к этим периодам лингвистика пользуется различными приемами анализа. Современные языки, данные нам непосредственно в речевом общении, допускают применение дескриптивной методики. По отношению к письменным языкам народностей прошлых эпох необходимо пользоваться приемами реконструкции речи по письменному тексту как

³ А. Я. Брюсов, *Очерки по истории племен европейской части СССР в неолитическую эпоху*, М., 1952, стр. 10.

предварительному условию применения дескриптивных приемов. В дальнейшем, изучая первую письменную фиксацию древних индоевропейских койне, мы вынуждены существенно дополнить методику реконструкции речи по тексту приемами уже собственно дешифровки. Дальнейшее углубление в историю требует применения различных приемов реконструкции, но уже не текста, а языковой системы.

Мы будем различать три основных уровня реконструкции в области индоевропейских языков:

1. Ближайший реконструируемый срез — общие племенные языки (общегерманский, общеславянский, общеарийский и т. д.), т. е. обособившиеся части лингвистического континуума, обладающие определенным множеством общих черт (в нашей схеме это группа АБВГ: абвг/хуз либо ГДгдеж/uvw). Поскольку период времени t , прошедший со времени письменной фиксации, невелик, основной исследовательский прием здесь — реконструкция на основании сравнения памятников первой письменной фиксации родственных языков, процедурно сводимая к определению распределения корреспонденций единиц, входящих во множество $\{a\}$. Большую роль здесь играет также фонеморфологический анализ памятников первой письменной фиксации. Под протогерманским, протославянским, протоарийским понимается та же совокупность лингвистических систем, но в эпоху до распада континуума, до нарушения реальных исторических связей между общими племенными языками.

2. Уровень реконструкции общеиндоевропейского континуума диалектов (АБВГД: абвгдеж) путем сравнения фактов общих племенных языков и внутренней реконструкции на основании отдельных общих языков, когда единицы множества $\{b\}$ или $\{c\}$, представленные только в одном из сравниваемых языков, проецируются в реконструируемую систему. Можно различать ранний общеиндоевропейский — периода до образования диалектных групп протогерманского, протославянского и т. д. — и поздний общеиндоевропейский — эпохи, когда соответствующие образования уже возникли.

3. Уровень реконструкции протоиндоевропейского праязыка как реального источника родственных связей диалектов общеиндоевропейского языка. Основными рабочими приемами в этой области становятся внутренняя реконструкция на основании фактов общеиндоевропейского языка и генетико-типологический анализ, дающий восстановление только причинных качественных связей материально невосстановленных единиц. Конечным результатом применения сравнительно-исторического метода является восстановление не системы, а всего лишь типологической схемы строения протоиндоевропейского праязыка.

При возникновении сравнительно-исторического языкознания перед компаративистами вставали прежде всего широкие глоттогонические проблемы, они ставили задачу объяснения характера языкового развития. Младограмматизм ограничил задачи компаративистики реконструкцией праязыка, а стадиальная теория Н. Я. Марра во многом дискредитировала саму постановку глоттогонических вопросов, невозможную также и в рамках ахронической типологии моделей. Представляется, что историческая типология позволяет вернуться к глоттогонии с принципиально иных позиций. Компаративистика, восстанавливая последовательно все более глубокие хронологические срезы развития языковой семьи, подводит к определению праязыка как типологической сущности; взяв ее за основу, можно двигаться в обратном направлении от праязыка к современности, прослеживая динамику соотношения лингвистических подсистем и изменения расстояний между уровнями через развитие способа членораздельности. Эти изменения можно рассматривать в связи с развитием общества — через развитие характера языкового существования (родовой язык — континуум диалектов — племенной язык и т. д.). Типологическое развитие индоевропейских языков можно представить в виде схемы⁴:

1. Письменные койне — греческий, готский и т. д.	Наддиалектная норма	Флексия	Звукофонемный строй
2. Племенные языки (общегерманский, общеарийский и т. д.)	Континуум диалектов, объединенных общими чертами	Флексия с пережитками агглютинации	
3. Поздний общеиндоевропейский с диалектами: протогерманским, протоарийским и т. д.	То же, но связи между группами диалектов не нарушены	Агглютинация и флексия	
4. Ранний общеиндоевропейский	Континуум диалектов до образования групп	Агглютинация	
5. Протоиндоевропейский	Изолированная группа родовых говоров	Корневой строй	

⁴ О силлабофоническом строе протоиндоевропейского см. Г. С. Клычков, *Типологическая гипотеза реконструкции индоевропейского праязыка*, — ВЯ, 1963 № 5; о развитии индоевропейских языков к флексии от изоляции через агглютинацию см. Г. С. Клычков, *Типологическая гипотеза реконст-*

Развитие сравнительной грамматики подводит к положению о том, что индоевропейский праязык в древнейшую эпоху своего развития был корнеизолирующим. Различные исследователи восстанавливают в нем всего один гласный звук (фонид), не имеющий фонологической значимости. В структуре корнеслова этот гласный характеризовал каждый слог, который таким образом был всегда открытым. Корни восстанавливаются служебные (местоименные) и полнозначные, причем последние допускают свободное варьирование своего исхода. Варьирующий исход корня (детерминатив) на древнейшем уровне реконструкции не выделим как структурная единица, не образует ни словоизменяющей, ни словообразовательной флексии, хотя, возможно, связан как-то с лексическо-семантической варианностью корнеслова, ср. корень **kei-* в др.-инд. *śayate* 'покоится'; **k'eim-* в гот. *haimš* 'деревня', русск. 'семья'; **k'eiu-* в лат. *ciuis*, др.-инд. *śivaḥ* 'приятный'.

Вариантность корня находит типологические параллели в материале языков других семей, например в чередовании инициалей китайского корня. Типологически соотношение китайских корней *пяо* 'плавать по ветру, колыхаться', *яо* 'носить по ветру', *ляо* 'дуть, веять', *сяо* 'свистеть (о ветре)'⁵ соположимо с варианностью индоевропейского корня, ср. аналогичный пример: **Huēi-* — др.-инд. *vāti* 'дует, веет'; **Hueg'h-* — др.-инд. *vahati* 'течет'; **Huep-* — др.-исл. *vafra* 'парить'; **Huel-* — алб. *valoj* 'развеваться'. В качестве типологической параллели может быть привлечен абазинский язык, в котором в относительно недавнее лингвистическое время был один гласный. В абазинском гласные *э, и, о, у* — долгие, происходят из сочетаний гласного *а* с сонорными (*э < ай* и т. д.) либо из заимствованных слов. Гласные *а, ы* — краткие, причем *ы* часто выступает как факультативный слогаобразующий элемент, свободно чередующийся с *а* и нулем гласного при слогаобразующем характере согласного, ср.: *мз* — *мзы* — *мыз* — *амз* — *амыз* 'месяц'; *ми* — *миы* — *мыи* — *ами* — *амыи* — *миыи* — *мыиыи* 'день'⁶ и т. д.

В этих условиях ударение различает большое количество слов, ср. *гара* 'люлька', *гарá* 'нести', *áща* 'кровь', *ащá* 'брат' и т. д. Аналогичные соотношения со структурно-типологической точки зрения устанавливаются в протоиндоевропейском между *páda-sa* и *padá-ta*: первое дает лат. *pes* из

рукции индоевропейского праязыка и проблема становления индоевропейских флексий, — «Проблемы сравнительной грамматики индоевропейских языков, Научная сессия. Тезисы докладов. Изд. МГУ, 1964, стр. 31—35. Ср. Н. Д. Андреев, *Периодизация истории индоевропейского праязыка*, — ВЯ, 1957, № 2.

⁵ И. М. Ошанин, *Китайско-русский словарь*, М., 1955.

⁶ Г. П. Сердюченко, *Язык абазин*, М., 1955, стр. 65.

**peds*, др.-инд. *pat* с активным значением 'нога', второе др.-инд. *padám*, греч. *pédon*, хет. *petan* с пассивным значением 'шаг, след, место', аналогично др.-инд. *bhārgah* 'блеск' — греч. *phloks* 'пламя', др.-инд. *bharáh* 'ноша' (пассивное значение) — греч. *phōr* 'вор' (активное значение) и т. д. Именно на уровне протоиндоевропейского происходит шепление, вариантность исхода корня, варьирующий элемент не образует структурной единицы ни на фонологическом, ни на морфологическом уровне — детерминатив выступает здесь как характеристика корня в целом (подобно ударению), ср. протоиндоевропейский корень *ghájam* — в греч. *kheima*, др.-инд. *hemanta* 'зима'; *ghajá* — в авест. *zyā*; *ghajám* — в греч. *khión*, лат. *hiems*, галл. *giamon*; *dájau* — в др.-лат. *deiuos*, лат. *deus*; *dajáu* — в др.-инд. *dyauh*; *daján* — в др.-инд. *madyam-dina* 'полдень'.

Протоиндоевропейская силлабофоническая корнеизолирующая языковая система допускает типологическое сближение со структурами праязыков других языковых семей. Моновокалическая структура слова установлена К. Боргстремом, одним из основоположников теории моновокаличности индоевропейского праязыка, в амеро-индейском языке тонкава⁷. Представляется, что аналогичная структура восстанавливается и для прошлого семито-хамитских языков. Основанием для этого может служить регулярное противопоставление эмфатических и неэмфатических согласных⁸, объяснимое как результат контаминации двух подсистем с выделением признака напряженности в гласном или согласном. Отмечающееся в семито-хамитских языках смешение глухих-звонких⁹ объяснимо через взаимодействие подсистем с выделением звонкости в гласном или согласном. Наконец, семитские языки обладают противопоставлением основ типа индоевропейского *perk/prek*, соотношение основы $C_1C_2VC_3$ и основы $C_1VC_2C_3$ позволяет¹⁰ восстановить состояние $C_1VC_2VC_3$, где один из согласных является финально силлабофонема. Триада семитских гласных аналогична индоевропейскому противопоставлению *e* — *o* и его нейтрализации в архифонема *a*¹¹.

Подвижность фонологического признака внутри слога, характерная для отдельных периодов развития некоторых ара-

⁷ С. Н. Borgström. *Tonkawa and Indo-European vowel Gradation*, — «Norsk Tidsskrift for Sprogvidenskap», bd. XVII.

⁸ L. H. Cray, *Introduction to semitic comparative linguistics*, 1934, p. 9.

⁹ M. Cohen, *Langues Chamito-semitique*, — «Les langues du monde», Paris, 1952, p. 91.

¹⁰ J. Kuryłowicz, *L'apophonie en semitique*, Wrocław-Warszawa-Kraków, 1961, p. 18.

¹¹ Ibid., p. 29.

лов индоевропейской языковой области, с этой точки зрения не может считаться нововведением, а представляет собою регенерацию типологических черт индоевропейского праязыка дофлективной эпохи. Сюда следует отнести слоговой сингармонизм в славянских языках, связь геминации согласных с долготой гласных в немецких диалектах, взаимосвязь форм типа аттич. *gunē*, беот. *band* в греческих диалектах, показывающая подвижность признака лабиальности в сочетании согласного и гласного, аналогичное поведение признака придыхательности в новоисландском и тембровых дифференциальных признаков в кашмири. Эти явления примыкают к широко представленным в различных (в том числе индоевропейских) языках фактам подвижности дифференциального признака звонкости в слоге. Однако рассмотрение типологических параллелей в области фонологии требует пересмотра самой фонологической методики.

При традиционном структурном описании фонологической системы исходными элементами анализа являются фонемы; между ними члены одного речевого коллектива могут устанавливать антропофонические различия. Тем самым бесконечное количество звуков речи сводится к некоторому ограниченному множеству так называемых звуков языка, которые подвергаются последующему дистрибутивному анализу. Последний зиждется на постулате о возможности интуитивного выделения линейного элемента фонетического уровня. Этот постулат предполагает, что определенное количество различий между элементами речевого потока (звуками) воспринимается говорящими одинаково. Если различия между отрезками речи не слышатся индивидом либо воспринимаются иначе, чем другими индивидами, эти различия не могут нести информацию при речевой коммуникации. Из этого не следует, однако, что и границы между звуками (фонами) в равной мере задаются нам самим процессом общения.

Как дистрибуционализм, так и трансформационализм основываются на постулате о линейности, наличии между исходными элементами анализа отношений расположенности, т. е. предшествования или следования, контактности или дистактности, совместной или раздельной встречаемости. Процедуры исследования предполагают возможность манипулировать исходными элементами¹², меняя отношения расположенности, что требует обязательного допущения не только линейности,

¹² F. Harley, H. H. Paper, *Toward a General Calculus of Phonemic distribution*, — «Language», vol. 33, № 2, 1957; B. Sigurd, *Rank Order consonants established by distributional criteria*, — «Studia linguistica», vol. 9, № 1, 1955; L. Cårding, *Relation and Order*, — *ibid.*; A. A. Hill, *A postulate for linguistics in the sixties*, — «Language», vol. 38, № 4, 1962.

но и дискретности исходного языкового материала. Процедуры анализа фактически производятся не с реальностями речевого потока, а с их графическим изображением, где требование дискретности выдерживается.

Фонема как основная единица смысловых различия, соответствующая звуку (графическому знаку в транскрипции), не является языковой универсалией¹³, членение речи на звуки¹⁴ не является естественной физиологической особенностью говорения, оно производно по отношению к системе различий, образующих фонологическую систему языка. Реально информация о сегменте речи как коммуникативной единице распределена нелинейно и бывает заключена в смежных отрезках речевого потока. Возникает таким образом круг: исходный этап анализа предполагает знание (хотя и интуитивное) его конечного результата. Отсюда индетерминированность фонологических описаний, возникающая от произвольности в отнесении того или иного фонетического фактора в список сегментных либо супraseгментных элементов, что особенно хорошо прослеживается на новоисландском материале¹⁵. Противоречивость и множественность описаний отражает не только объективную полисистемность любого языка, но и недостатки исследовательской методики¹⁶. Отказавшись от постулата дискретности, необходимо начинать анализ со слоговой структуры фонетического слова. Деление речи на сло-

¹³ См. Ch. F. Hockett, *The problem of Universal in Language*, — «Universals of Language», The Massachusetts Institute of Technology, 1963, p. 19, § 5.2.

¹⁴ Н. И. Дукельский, *Принципы сегментации речевого потока*, Л., 1963; A. A. Liberman, K-R. Harris, H. S. Hoffman, B. C. Griffith, *The discrimination of Speech sounds within and across phoneme boundaries*, — «Journal of Experimental Psychology», vol. 54, 1957; L. Lisker, F. S. Cooper, A. Liberman, *The Uses of Experiment in language description*, — «Word», vol. 18, № 1—2, 1962; C. Harris, *The building blocks of Speech*, — «Journal of the Acoustical Society of America», XXV, 1953; G. Petersen, W. Wang, E. Sivertsen, *Segmentation Techniques in Speech Synthesis*, ibid. XXX, 1958.

¹⁵ E. Haugen, *The phonemics of modern Icelandic*, *Language*, 34, 1.

¹⁶ См. E. Haugen, *Phoneme or prosedeme*, — «Language», 25, 2, 19, 1949; *The syllable in linguistic description*, — сб. «For Roman Jakobson», 1956; J. R. Firth, *Sounds and Prosodies. Papers in linguistics*, 1934—1951, Oxford, 1957; A. A. Hill, *Suprasegmentals, Prosodies, Prosodemes*, — «Language», vol. 37, № 4, (p. 1), 1961. См. также L. Hjelmslev, *The syllable as a structural Unit*, — «Proceedings of the 3-d International Congress of Phonetic Sciences», Ghent, 1938; A. Sommerfelt, *Sur l'importance général de la syllabe*, — TCLP, IV, 1931; A. W. de Groot, *Voyelle, consonne et syllabe*, — «Archives neerlandaises de phonétique expérimentale», XVII, 1941; J. Kuryłowicz, *Contribution à la théorie de la Syllabe*, — «Bulletin de la Société Polonaise de linguistique», VIII, 1948; R. H. Stetson, *Motor phonetics*, Amsterdam, 1951; J. D. O'Connor, J. L. Trim, *Vowel, consonnants and syllable — phonological definition*, — «Word», IX, 1953; W. F. Twadell, *Stetson's model and the suprasegmental phonemes*, — «Language», XXIX, 1953.

ги имеется во всех языках мира и является естественным следствием того, что при речевой коммуникации человек дышит. Речь, естественно, распадается на участки с чередованием повышенной (преобладание тонов) и пониженной sonorности (преобладание шумов).

Трудности определения слога деления обычно связаны с письменной фиксацией и представлением, основанным на том, что слог «складывается из звуков», является линейной последовательностью фонем. Реально границы слогов могут быть неопределимы в терминах фонем и проходить внутри сегмента, который в фонологическом описании представлен как фонема¹⁷. Дифференциальные фонологические признаки могут характеризовать слог в целом (и гласную и согласную его часть) или отличаться подвижностью внутри слога, выражаясь либо в гласном, либо в согласном. Этот принцип позволяет дать единое теоретическое объяснение ряду явлений в развитии индоевропейских языков, в частности передвижению согласных¹⁸. Для его подтверждения в синхронном анализе особый интерес представляет новоисландский консонантизм, где процессы «передвижения» могут быть наблюдаемы непосредственно¹⁹.

Исходные постулаты фонологико-типологического исследования можно формулировать следующим образом:

1. В потоке речи выделены речевые произведения или высказывания, ограниченные паузами.

2. Они фонетически закончены, т. е. все фонетические их особенности могут быть полностью установлены аудиативно или инструментально без выхода в смежные высказывания.

3. Они фонетически независимы, т. е. ни одна из фонетических особенностей высказывания не определяется смежными высказываниями.

4. Среди высказываний мы можем выделить минимальные, которые назовем фонетическими словами (далее для краткости просто «слово»).

5. Каждое слово состоит по крайней мере из одного слога.

¹⁷ Ср. Постулаты Дж. Гринберга о слоге: 1. Каждая фонема принадлежит какому-либо слогу. Отдельная фонема может принадлежать двум слогам, но это никогда не справедливо по отношению к последовательности двух фонем. 2. Все фонемы, принадлежащие одному слогу, образуют линейную последовательность. 3. Имеется верхний конечный предел длины каждого слога (см. J. H. Greenberg, *Is the vowel-consonant dichotomy universal?* — «Word», 18, № 1—2, 1962).

¹⁸ Г. С. Клычков, *Типологическая гипотеза реконструкции индоевропейского праязыка*, — ВЯ, 1963, № 6; ср. J. Van Ginneken, *La reconstruction typologique des langues Archaiques de l'Humanité*, Amsterdam, 1939.

¹⁹ М. И. Стеблин-Каменский, *Исландское передвижение согласных*, — «Скандинавский сборник», 1, стр. 205 и сл.

6. Если фонетическое слово многосложно, мы можем определить, сколько в нем слогов (но не можем точно определить их границ).

7. Некоторые фонетические особенности слова линейны, т. е. обладают отношениями расположенности (но не сегментности).

8. Некоторые фонетические особенности слова характеризуют его в целом.

Слоговую структуру слова целесообразно описывать в терминах, предполагающих отношения расположенности, но не имплицитующих сегментность.

Связь гласных с силовым ударением общеизвестна; вместе с тем взаимосвязь согласных и акцента, распространенная не менее широко, не привлекала должного внимания языковедов.

В различных языках представлено связанное варьирование музыкального ударения и глухости (аспирированности) — звонкости согласного. Оно наблюдается в латышских диалектах²⁰, ср. аспирацию глухих смычных в литовских диалектах²¹. По наблюдениям Т. Фрингса, в нижнерейнских диалектах (Лимбург, Люксембург) представлены два типа ударения: первый — акцентный тип характеризуется подъемом в начале слога и падением в конце, второй — ровным тоном в начале слога с подъемом в конце. Движение тона обусловлено последующей согласной: акцент 1 (понижение) перед звонкой согласной, акцент 2 (повышение) перед глухой согласной, например: *hou↑s — hei↓zer* 'дом' — 'дома', *kle↑t — kle↓der* 'одежда' — 'одежды' (мн. ч.). Аналогичные наблюдения были сделаны В. Вельтером и И. Тансом²². Тоническое ударение обычно представлено в языках с фонологической долготой гласного, точнее слога, где долгим может быть либо гласный, либо согласный. В латинском на морфологическом уровне формы слова типа *cupa — cuppa, litus — littus, littera — littera, strenna — strenna, Jupiter — Juppiter* находятся в свободном варьировании, в то время как гласный и согласный (в обратном соотношении — краткий с долгим) находятся в связанном варьировании²³. Долгие гласные «по положению» широко представлены в индоевропейских языках. Связь тонического ударения с геминацией отмечалась

²⁰ J. Endzellin, *Lettische Grammatik*, Heidelberg, 1923, p. 56.

²¹ Baranowski-Specht, *Litauische Mundarten*, Leipzig, 1920, Bd 2.

²² Th. Frings, *Die Reinsche Accentuirung*, Marburg, 1916, 25—32; W. Welter, *Die niederfränkischen Mundarten im Nordösten der Provinz Lüttich*, S. Gravenhage, 1933; J. Tans, *Isoglossen rond Maastricht*, Maastricht, 1938, § 5.

²³ A. Graur, *Les consonnes gémînées en latin*, Paris, 1929; cp. N. S. Trubetzkoy, *Die phonologische Grundlagen der sogenannten «Quantität»*, Milan, 1938.

Э. Зиверсом²⁴, реконструировавшим на ее основании тонические различия в древневерхненемецком. Установив в «Отфриде» случаи, когда ожидаемая по метрическим соображениям долгота не отмечается в графике, Э. Зиверс предполагает изменение тона внутри геминаты на стыке двух слогов с двумя возможными типами: *Steiggeminata* и *Fallgeminata*. Согласно его теории, в случае, если тональные различия слога снимались под воздействием интонации предложения, согласный терял геминированный характер за счет удлинения гласной части слога, не отмечаемого в графике.

За пределами германских языков связь тонического ударения с качеством согласных встречается также в пенджаби, лахнда, пахари²⁵.

В северных диалектах лахнда после глухой инициали отмечается высокий тон с последующим понижением, после звонкой — низкий тон с последующим повышением. В пенджаби перед старыми звонкими придыхательными и звонким придыханием наблюдается высокий тон с последующим падением, но после тех же согласных — низкий тон с последующим повышением.

На связь интонационного рисунка слога с согласными указывают также типологические параллели в неиндоевропейских языках.

В китайских диалектах после совпадения старых глухих и звонких инициалей противопоставление согласных заменяется противопоставлением тонов. «Тоническая система китайского языка, — писал В. Карлгрен, — определяется прежде всего качеством инициалей, что находит отражение во всех диалектах. Даже отклонения современных диалектов от древней системы чаще всего представляют собой изменение тона под влиянием инициали»²⁶. Аналогичное положение в тибетском: после глухой инициали представлен тон высокого регистра, после звонкой — тон низкого регистра, после глухой придыхательной — тон среднего регистра²⁷. В мон-кхмерских языках тональные различия подобного рода, возможно, выражаются в апофонии гласных — после глухих согласных представлены акустически более высокие передние гласные, а после звонких — более низкие

²⁴ E. Sievers, *Steigton und Fallton in Althochdeutschen*. Sonderdruck aus den Aufsätzen zur Sprach und Literaturgeschichte Wilhelm Braune zum 20 Februar, 1920. dargebracht von Freunden und Schülern, 1920.

²⁵ T. G. Bailey, *Penjabi phonetic reader*, 1914; J. Bloch, *L'intonation en Penjabi, une variante asiatique de la loi de Verner*. Mélanges Linguistiques Vendryes, Paris, 1925.

²⁶ B. Karlgren, *Etudes sur la Phonologie chinoise*, Leyden et Stockholm, 1915—1917, p. 597.

²⁷ Jäschke-Franke-Simon, *Tibetan Grammar*, Berlin, 1929, pp. 12—13, 110; E. Amundsen, *Primer of Standard Tibetan*, Darjeeling, 1903.

задние гласные²⁸ (*ta* > *ti*, *dū* > *do*, *tā* > *tō*, *da* > *do* > *du*, *du* > *du*).

Тоническое ударение широко представлено в суданских языках, где, как правило, сопровождается наличием фонологической долготы²⁹. В гвеабо, например, фонологически релевантно как противопоставление по высоте тона, так и по долготе гласной. Одновременно представлено противопоставление простых и геминированных согласных. Внутри геминат всегда происходит изменение тона, в том числе и в начальной позиции. В тех случаях, когда долгота гласной фонетически иррелевантна (в языках кунама, динка), представлены только два тона, противопоставление которых нейтрализуется в односложных словах (так же как и в норвежском и шведском языках)³⁰. В языках банту³¹ тональные различия представлены не только у гласных (параллельно с фонологической долготой), но и у согласных, причем в ряде случаев отмечается тональный сингармонизм слога³².

В готтентотском (в ньяма) тоническое ударение может падать на гласные и носовые сонорные, они же различаются по долготе. Высокие тоны ньяма соответствуют высоким тонам в корана, однако тоны низкого регистра в корана представлены в двух вариантах: более высоком — после начальной глухой согласной, более низким — после звонкой согласной³³.

В малайско-полинезийских языках также отмечается взаимозависимость дифференциальных признаков гласных и согласных: в даякском — перед глухой согласной геминатой и аффрикатой гласный краток, перед звонкой — долг. В этой языковой области представлен слоговой и словесный сингар-

²⁸ См. W. Schmidt, *Gründzuge einer Lautlehre der Mon-Khmer-Sprachen*, Akademie der Wissenschaft Philologische-Historische Klasse, Bd 51, Wien, 1905; *Gründzuge einer Lautlehre der Khasi-Sprache*, Akademie der Wissenschaft I Klasse, Bd XXII, 3, München, 1904; cp. G. Grierson, *On the Representation of tones in Oriental languages*, — JRAS, London, 1920, p. 453—479.

²⁹ S. Westermann, *Die Sudansprachen*, Hamburg, 1911; D. Westermann — J. Ward, *Practical phonetics for students of African languages*, London, 1933.

³⁰ E. Aginsky, *A Grammar of the Mende language*, Philadelphia, 1935, pp. 10—12.

³¹ P. H. Skolater, *Die Musikalischen Töne in der Basa Sprache*, — «Anthropos», 9, 1914; H. Nekes, *Zur Tonologie in den Bantusprachen*, Vienne, 1928.

³² P. P. Schumacher, *La phonétique du Kinyawanda*, — «Anthropos», № 16—17, 18—19, 24, 26, особо — № 24, p. 79. О возможной связи с коммуникацией при помощи барабанов см. G. Hulstaert, *Les tone en Lonkundo*, — «Anthropos», 29, 1934; *De telephoon der Nkundo*, — Ibid., 30, 1935.

³³ См. D. M. Beach, *The Phonetics of the Hottentot language*, Cambridge, 1938; *The Science of Tonetics and its application to Bantu languages*, — «Bantu Studies», 11.

монизм, явления аналогичные германской палатальной перегласовке и преломлению, а также удлинение перед группой «носовой + согласный»³⁴. Возможно, что сингармонизм алтайских языков также может быть объяснен через взаимодействие гласных и согласных элементов слога³⁵.

В амеро-индейской языковой области музыкальное ударение, связанное с долготой гласного, отмечается в семьях каддо, надэн, пенутийской и танской³⁶. В такельма (пенутийский язык) движение тона характеризует сонорные в дифтонгических сочетаниях. В середине слова неударенная глухая взрывная придыхательная встречается только после высокого или восходящего тона предыдущего слога, при изменении тона восходящий тон вызывает изменение последующей слабой звонкой согласной в придыхательную; после нисходящего тона представлены как сильные придыхательные, так и слабые звонкие. Э. Сепир отмечает также в такельма сингармонизм, аналогичный германским перегласовкам³⁷. Ф. Боас следующим образом объяснял связь тонического ударения с согласной: «...интонация, очевидно, связана с напряженностью артикуляции, например, при напряженном *t* смьчка может быть столь сильной, что все органы артикуляции оказываются в напряженном состоянии, включая головные связки; при эксплозии мгновенный выдох сопровождается мгновенным высвобождением энергии напряженности голосовых связок»³⁸.

В свете изложенных выше фактов возникает необходимость пересмотреть вопрос и о соотношении согласных и тонов и в скандинавских языках, где изменения согласных и словесное ударение относятся к разным ареалам и традиционно описываются изолированно.

Приведенные типологические параллели подводят к мысли о том, что исландское «передвижение согласных» не может рассматриваться отдельно от проблемы скандинавских тонов и датского твердого приступа, а также консонантизма фаррерского языка. Фаррерский, исландский и отдельные западные норвежские говоры образуют четкую языковую область с ирландским, частично морфологизовавшим придыха-

³⁴ R. Brandstetter, *Die Lauterscheinungen in den Indonesischen Sprachen*, Luzern, 1930, § 330, 260, 251.

³⁵ L. Novak, *L'harmonie vocalique et les alternances consonantiques dans les langues ouralo-altaïques, surtout finnoougriennes*, — «Travaux CLP», VI, 1936. Ср. A. V. Gabain, *Altürkische Grammatik*, Leipzig, 1950. М. Рясанен, *Материалы по исторической фонетике тюркских языков*, М., 1955.

³⁶ Ср. «Les langues du monde», Paris, 1952.

³⁷ См. E. Sapir, *The Takelma language of Southwestern Oregon*, Washington, 1912; *Pitch Accent in Sarcee, an Athabaskan Language*, — «Journal de la Société des Américanistes», Paris, 1925.

³⁸ F. Boas, *Handbook of American Indian Languages*, Washington, 1911, p. 77.

ние, и гаэльскими диалектами Шотландии³⁹. Этот ареал противопоставляется ареалу скандинавского тонического ударения, который, в свою очередь, примыкает к ареалу балтийских тонов. Если рассматривать изолированно фонологические особенности скандинавских языков, они оказываются противопоставленными по наличию или отсутствию тонов и аспирации, объединяясь в то же время в один ареал с неблизкородственными индоевропейскими языками кельтской и балтийской группы. При выборе типологических признаков, лежащих в промежуточной области между уровнями, в частности при выборе фонеморфологических признаков, противопоставление скандинавских языков будет снято, и они будут объединяться важными общими чертами фонологической структуры слова, наиболее очевидной из которых является выражение долготы сильного слога либо в гласной, либо в согласной его части.

³⁹ Представление об исторической изоляции Исландии и несмешанном характере ее населения не вполне справедливо. Антропологически современные исландцы на 80% принадлежат кельтскому типу. См. J. Steffensen, *Nokkur atridi ur fornsögu Norregs*, — «Samti og Saga», V Bind; *Vikingar*, ibid., Reykjavik, 1952. Этот факт объясняется Чэпманом тем, что в западной Норвегии, откуда происходило большинство переселенцев, наиболее сильным было влияние догерманского субстрата, так же как в гаэльской языковой области. Именно в западной Норвегии в современных диалектах представлена преаспирация. С другой стороны, переселение шло через Оркнейские острова; см. С. G. Chapman, *Icelandic — Norwegian linguistic relationships*, Universitets forlaget, 1962, p. 54 и сл. (NTS, suppl. N VII); A. Sommerfelt, *Norse—Gaelic contacts*, — NTS, XVI, 1952.

К ТИПОЛОГИЧЕСКИМ ОБЪЯСНЕНИЯМ И ИНТЕРПРЕТАЦИЯМ

В работе «К субсистемам системы языка: кажущаяся нерегулярность склонения в осетинском языке», посвященной Е. Куриловичу, я рассматривал склонение осетинских местоимений *чи* 'кто', *цы* 'что', которое до последнего времени считалось «весьма примечательным» без каких-либо объяснений. Факты таковы:

1. Осетинские существительные склоняются чисто агглютинативным способом. Корень не изменяется, падежные окончания одинаковы в единственном и множественном числе, множественное число характеризуется так называемой «плюральной морфемой» *т(æ)*, которая ставится между корнем и окончаниями, например: *сæр* 'голова' — им. пад. ед. ч., *сæр-тæ* — им. пад. мн. ч.; *сæр-ы* — род. пад. ед. ч., *сæр-т-ы* — род. пад. мн. ч.; *сæр-æп* — дат. пад. ед. ч., *сæр-т-æп* — дат. пад. мн. ч. и т. д.

2. Осетинские местоимения склоняются флективным способом. Корни отдельных падежей часто различаются, а образование множественного числа почти всегда супплетивно; не всегда легко установить границу между корнем и склонением, например: *æз* 'я' — им. пад. ед. ч., *мах* 'мы' — им. пад. мн. ч.; *тæн* — род. пад. ед. ч., *мах* — род. пад. мн. ч. и т. д.

3. Осетинские местоимения *чи* 'кто', *цы* 'что' хотя и склоняются супплетивно (например, род. пад. — *кæй*, *цæй*), что характерно для флективного типа, однако множественное число эти местоимения образуют агглютинативным способом, а именно при помощи плюральной морфемы *тæ/ты*, которая тем не менее — что наиболее примечательно — ставится не между корнем и окончанием, а после окончания, например: *кæй*, *цæй* — рад. пад. ед. ч. + *кæй-ты*, *цæй-ты* — род. пад. мн. ч.

Объяснить такое странное склонение, собственно говоря, нетрудно. Категория 3-я возникла из перекрещивания категорий 1-й и 2-й. Однако остается неясным, почему возникло именно такое перекрещивание. Почему эти местоимения либо не остались в категории 2-й, либо не перешли целиком в

категорию 1-ю, как, скажем, местоимение *кæцы* 'который', склоняющееся как существительное?

Ответом могут служить два следующих обстоятельства:

А. Множественное число *чи-тæ*, *цы-тæ* расположено не на том же уровне, что другие плюральные формы: согласно информации моего друга проф. В. И. Абаева, множественное число этих местоимений употребляется лишь в тех случаях, когда речь идет об определенных лицах или предметах. Когда же речь идет о неопределенных лицах или предметах, в функции множественного числа употребляется единственное. Таким образом, формально обозначенное множественное число стоит в семантическом противоречии формально не обозначенному. Следовательно, формальное обозначение носит вторичный характер, и в этом случае употребляется обычная для существительных плюральная морфема.

Б. Поскольку в отличие от существительных корень и окончание у местоимений нелегко отделить друг от друга, то, естественно, плюральная морфема вторичного порядка ставится после комплекса «корень + окончание».

Такое объяснение дает возможность сделать некоторые интересные предположения о сущности и широте отдельных типологических интерпретаций.

Во-первых, мы еще раз можем отметить плодотворность типологического метода, так как он позволяет лучше понять факты и исторические процессы.

Во-вторых, нужно и должно очень внимательно подходить к любым типологическим исследованиям какого-либо языка, будь то обобщение, характеристика или классификация. Описанные факты наглядно показывают, что при рассмотрении какого-либо языка следует учитывать не только различные системы, принадлежащие к разным языковым темам, но и подсистемы, охватывающие одну грамматическую категорию или одно или два слова. Правда, можно отметить, что здесь имеется в виду не одна подсистема, а пограничное явление двух реальных подсистем. Однако как бы мы ни называли явление, это вопрос чисто терминологический. Факты говорят о том, что склонение *чи* и *цы* не относится ни к типу субстантивной подсистемы, ни к типу прономинальной подсистемы, а имеет характеризующие признаки обеих.

В-третьих, необходимо отметить еще и следующий момент. Полезно комбинировать типологическое объяснение с исследованием конкретных исторических данных. Подходя с чисто типологической точки зрения и с точки зрения системы в целом, можно было бы уверенно предположить, что наличие двух подсистем — агглютинативной субстантивной и флективной прономинальной — приводит к синтезированию их, что будут иметь место аналогичные выравнивания и новообразо-

вания. Можно было бы предположить, что возникнут именно такие пограничные явления. Однако, подходя с чисто типологической точки зрения и с точки зрения всей системы в целом, вряд ли можно предсказать, где, в каком случае возникнет подобное аналогичное выравнивание. Такое конкретное осмысление и последующее обобщение возможны лишь на базе рассмотрения конкретных исторических данных. Итак, можно утверждать, что в подобных интерпретациях комбинирование обоих методов дает плодотворные результаты.

О КОМПЛЕКСНОСТИ ТИПОЛОГИЧЕСКОГО МЕТОДА

Типология есть не что иное, как сравнение с целью установления типов. Сравняться могут элементы или единицы, определенные качественно и количественно. Элементы или единицы могут быть выявлены путем дескриптивного анализа данных синхронных систем различных языков и описанием систем исторических изменений в различных языках независимо от их генетического родства. Мы можем, например, с одной стороны, сравнить структуру смычных и спирантов в двух и более языках и прийти к заключению, что некоторые из языков имеют одинаковые оппозиции и дистрибуцию этих согласных, т. е. с точки зрения системы смычно-спирантных фонем они принадлежат к тому же типу. С другой стороны, мы можем сравнивать языки, в которых процесс спирантизации смычных проходил одинаково, и в таком случае мы будем иметь дело с одним и тем же типом языка с точки зрения развития смычных в спиранты.

В обоих случаях можно сравнивать языки генетически родственные или ставить тот же вопрос для языков генетически неродственных, и тогда мы должны установить очевидное типологическое сходство или должны исследовать причины этого сходства. Типологическое сходство может быть результатом лингвистических процессов, общих для всех языков или для группы неродственных языков, а также и следствием генетического родства. Одновременно этот вопрос можно исследовать и с количественной стороны. Мы можем сравнить количественное отношение между взрывными и спирантами в определенных языках и прийти к заключению, что есть языки, имеющие соответственно одинаковые отношения между количеством спирантов и смычных. Далее, развитие смычных в спиранты может иметь одинаковую количественную сторону в двух или нескольких языках. В обоих случаях мы говорим об одном и том же количественном типе с точки зрения смычно-спирантной оппозиции.

Всем сказанным я хотел лишь показать, что типология — это комплексный научный метод, который используется не только в описательной синхронной лингвистике, но и в диакроническом исследовании.

Второй вопрос, с которым я столкнулся на этой конференции, заключается в том, что должно быть взято для сравнения. Я думаю, что следует проводить различие между конфигурацией и типом. Конфигурация — это каждое возможное отношение между каждой возможной единицей, в то время как лингвистический тип — это конфигурация, или более точно — абстракция конфигурации, которая имеет социальное значение. Если надо выяснить связь между мышлением и его языковым выражением или если мы хотим найти связь между языком и обществом, в обоих случаях мы должны иметь дело с социальными продуктами, или иначе — с явлениями, имеющим социальную функцию. А если это так, я не могу не прийти к выводу, что только те элементы могут быть полезны для научного сравнения, типология которых подводит нас ближе к социальным функциям языка. В этом отношении я не считаю обоснованным противопоставление исторической и формально-математической лингвистик. Мы должны говорить только об особых научных технических приемах в одной лингвистической науке, которая является и останется социальной наукой¹.

Какова связь между количественной и качественной типологией? Каждая количественная операция постулируется качественной операцией дефиницией элементов. А цель каждой качественной операции состоит в том, чтобы подойти ближе к качеству исследуемого объекта. Следовательно, количественная лингвистика может быть только относительно независимой и является в конечном счете инструментом для качественного анализа языка.

Я хочу показать на конкретном примере, что традиционно-исторический и типологический подходы к языку не исключают, а дополняют друг друга и математический метод может быть даже использован в традиционной лингвистике. В этом отношении я присоединяюсь к интересному докладу проф. Г. Д. Санжеева.

Лингвисту представлена серия языков: тюркские, монгольские и маньчжуро-тунгусские. Ученый, стоящий на позициях традиционной сравнительно-исторической лингвистики, ставит вопрос: находятся ли они в генетическом родстве? Существовал ли общий алтайский язык, ответвлениями которого

¹ К этому я хотел бы добавить: справедливо говорить о синхронной структуре языка в данный отрезок времени. Это полезная научная абстракция. Но мы не должны забывать, что язык как таковой не статическая, а динамическая структура, которая имеет свои собственные формы движения. Ни одна наука не может отказаться от исследования развития своего объекта. Структуральная лингвистика исследует взаимоотношение лингвистических единиц, историческая лингвистика интересуется движением элементов языка. Но каждое движение существует только во взаимоотношении, и взаимоотношение существует только в движении.

являются тюркские, монгольские и маньчжуро-тунгусские языки? Типолог ставит вопрос: каковы типологические сходства и различия этих языков? Если мы рассмотрим доводы тех, кто признает генетическую общность алтайских языков, то столкнемся со странным положением. Доводы можно подразделить на две группы:

1) существование слов и морфологических единиц в каждом алтайском языке, связь которых может быть объяснена регулярными фонетическими соответствиями, и 2) типологическое сходство тюркских, монгольских и маньчжуро-тунгусских языков — гармония гласных, агглютинация, система падежей и т. д.

Относительно первой группы доводов можно сказать — и это уже много раз подчеркивал проф. Лигети, — что: а) одна часть лингвистически установленных соответствий имеется только в тюркских и монгольских языках, а другая часть — в монгольских и маньчжуро-тунгусских языках. Есть немного соответствующих слов или морфологических единиц, которые встречается во всех трех группах, но большая часть из них вызывает сомнение, а остальные являются очевидными заимствованиями; б) в случае тюрко-монгольских и монголо-маньчжурских соответствий нет таких критериев, согласно которым можно решить, имеем ли мы дело с заимствованием или генетическим родством. Двух языков недостаточно для решения этого вопроса. Таким образом, остается только типологическое сходство.

Является ли это сходство генетическим или это результат длительного влияния одного языка на другой? Этот вопрос ведет к теоретической проблеме: в какой степени может изменяться тип одного языка под влиянием другого? Заинтересовавшись этой проблемой, я начал, по совету проф. Лигети, поиски соответствий монгурского и тибетского языков. Для этого было три основания: 1) монгурская речь претерпела большие изменения, хорошо прослеживаемые; 2) монгурская речь типологически далек от тибетского, и поэтому изменения под влиянием тибетского очень отличаются от его внутренних изменений; 3) исторический период их контакта может быть хорошо определен: он начался только в XIII в.

Результаты моего исследования могут быть кратко суммированы таким образом:

1. Трансформация фонемного состава.

Из пятнадцати согласных фонем среднемонгольского (ср.-монг.) языка (t' , k' , B' , G , Q , $t\check{s}'$, $D\check{z}$, s , \check{s} , j , m , n , l , r , h) две исчезли: k' и h , и в то же время появились девять новых (Dz , $D\check{z}$, ts' , $t\check{s}'$, γ , f , ω , \check{s} и редко \check{z}). Из этих девяти новых фонем γ , f , ω — чисто монгурского (мгр.) происхождения, остальные развились под влиянием тибетского. Они по-

являются также и в словах монгольского происхождения: ср.-монг. *jula* 'лампа' ~ мгр. *ǰžülā*; ср.-монг. *jun* 'лето' ~ мгр. *Džun*; ср.-монг. *čisun* 'кровь' ~ мгр. *ts'eDzu*; ср.-монг. *časun* 'снег' ~ мгр. *tš'iäse*; ср.-монг. *čiki* 'ухо' ~ мгр. *tš'i-Gi*. Из шести новых монгольских фонем пять имеются в соседних тибетских диалектах и одна (*ʒ*) в китайском.

2. Трансформация фонемной структуры слова. В среднемонгольском были только следующие типы слогов (С — согласный, V — гласный): V (*a-qa* 'брат'), V + C (*al-ba* 'пóдать', 'пошлина'), C + V (*ba-ri-* 'ловить'), C + V + C (*ber-ke* 'трудный'), C + V + C + C (*bars* 'тигр'). В монгольском мы находим те же и еще новые типы: C + C + V (мгр. *nǰžiä-se* 'плуг' ~ ср.-монг. *anjisun*), C + C + V + C (мгр. *sGir* 'сердце' ~ ср.-монг. *sedkil*).

Эти новые типы развились под влиянием тибетского языка, так как такие сочетания согласных имеются только в соседних тибетских диалектах².

3. Изменения в морфологии — утрата гласного притяжения в суффиксах под влиянием тибетского, в котором отсутствует гармония гласных. Вместо исконно монгольских типов V + U и U + U в современном монгольском языке обнаруживаются V + V U + V:

	ср.-монг.	мгр.
Им.	<i>ger</i> 'дом'	<i>Ger</i>
Род.	<i>ger-üч</i>	<i>Gerni</i>
Вин.	<i>ger-i</i>	<i>Gerni</i>
Дат.	<i>ger-tü(r)</i>	<i>GerDu</i>
Исх.	<i>ger-eče</i>	<i>GerDza</i>
Орудн.	<i>ger-iyer</i>	<i>Gera</i> < <i>Gerra</i>
Соед.	<i>ger-lüge</i>	<i>Gerla Gerlā ger + laγai</i>

	ср.-монг.	мгр.
Им.	<i>γar</i> 'рука'	<i>ǰar</i>
Род.	<i>γar-un</i>	<i>ǰarni</i>
Вин.	<i>γar-i</i>	<i>ǰarni</i>
Дат.	<i>γar-tu(r)</i>	<i>ǰarDu</i>
Исх.	<i>γar-ača</i>	<i>ǰarDza</i>
Орудн.	<i>γar-iyar</i>	<i>ǰara</i> < <i>ǰarra</i>
Соед.	<i>γar-luγa</i>	<i>ǰarla</i> < <i>ǰarlā</i> < <i>γar + la-γai</i>

Утрата некоторых падежей, а именно: направительного (directiv) *-ru/rü*, пролатива (prolativ) *-γur/gür*, лимитатива (limita-

² Ср. «Acta Orientalia Hungarica», X, 1960, pp. 263—264

tiv) -*čaγa/čege*, утрата всех монгольских показателей множественного числа — в равной мере свидетельство радикального изменения. В то же время появились новые форманты, такие, как показатель множественного числа -*sGi*, местного падежа -*re*. Последний стремится вытеснить дательный, исходный и соединительный падежи. Это ведет к новой структуре системы падежей, которая приближается к тибетской.

	мгр.		тиб.
Им.	- <i>zero</i>	Им.	<i>zero</i>
Род.	- <i>ni</i>	Род.	- <i>gi/gō</i>
Местн.	- <i>re</i>	Местн.	- <i>ā/la</i>
Соед.	- <i>lā</i>	Исх.	- <i>nē</i>

4. Трансформация синтаксической структуры. В среднемонгольском атрибутивное прилагательное (N) обычно предшествует определяемому (O), и монгорский язык придерживается этой системы: см. *qara miqa* 'постное мясо' ~ мгр. *χara таха*, однако встречается и определение после определяемого, как это имеет место в тибетском: *bu k'un oluoni uDžiāwa* 'я видел много людей' наряду с исконной монгольской структурой: *uluon kuni mošē uguo guliegu šgamu* 'трудно говорить перед многими людьми'.

Тип NO модифицируется в тип ON, и эта тенденция наблюдается в пределах одной синхронной структуры. Можно было бы увеличить количество подобных примеров, но сущность вопроса ясна из приведенных выше. Вся структура монгорского языка находится в изменении, его тип отходит от первоначального монгольского и приближается к тибетскому. На наших глазах происходит типологическое изменение под влиянием языка другого типа, и это результат исторического взаимоотношения двух языков на протяжении шестидесяти лет.

Если рассмотреть изменение типов других языков под влиянием тибетского, например тюркского языка желтых уйгуров, то обнаружится такое же явление. Таким образом, мы можем установить типологию лингвистических изменений. Кроме того, это дает возможность провести аналогию о взаимоотношении алтайских языков, которые более тысячелетия жили по соседству. Если монгорский и тибетский языки так сблизились за шестьсот лет, что же могло произойти с тюркскими и монгольскими, с монгольскими и маньчжурскими? Вот почему я присоединяюсь к мнению проф. Г. Д. Санжеева о том, что «на поле алтаистики исторический метод не может быть отброшен, но должен быть дополнен другими методами, одним из которых является типологический»³.

³ Д. Санжеев, *Сравнительно-исторические и типологические исследования в алтаистике*, — настоящий сборник, стр. 77—92.

Влияние одного языка на другой вызывает заимствования по аналогии с которыми заимствующий язык изменяет свою структуру. Таким образом, если мы исследуем типологию структурных изменений, мы должны исследовать заимствованные слова.

Процесс изменения заимствующего языка (ЗЯ) сложен. Фонетическая структура слов языка влияющего (ВЯ) отражает в своей первоначальной форме структуру этого языка. Если слова проникают в другой язык, то они адаптируются структуре заимствующего языка путем замещения (substitution), добавления (addition) или опущения (omission):

Замещение: лит. тиб. *zan-dmar* ~ диал. тиб. *zanmar* 'медь' > мгр. *Dzāṃmar*.

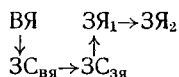
Добавление: лит. тиб. *gliñ* ~ диал. тиб. *laṅ* 'страна' > мгр. *alān*, лит. тиб. *smug-pa* ~ диал. тиб. *smug-go, smu-go* 'туман' > мгр. *sēmuk'uo*.

Опущение: лит. тиб. *gser* ~ диал. тиб. *γser* 'золото' > мгр. *sēr* 'деньги'.

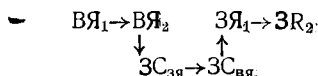
Но под влиянием массы заимствованных слов фонетическая структура заимствующего языка также меняется, например в монгорском, воспринявшем массу слов, начинающих в тибетском с сочетания *rg-*, тенденция к разложению этого сочетания путем добавления ослабевает, и начинает сохраняться исконное сочетание *rg-*, хотя оно и чуждо структуре монгорского языка, так, кроме монгорского *rēGuomBa* 'монастырь' встречается также форма *rGuomBa* < диал. тиб. *rgom-ba*, лит. тиб. *dgon-pa*.

При наличии большого количества таких слов [ср. *rGe* 'старый' < лит. тиб. *rgan*, мгр. *rGölie* 'быть необходимым' < лит. тиб. *dgos-*, мгр. *rGunla-* 'сгибать(ся)' < лит. тиб. *dgun-* и т. д.] исконные монгольские слова воспринимают их структуру: ср.-монг. *örgen* 'широкий' ~ мгр. *rGuān*; ср. монг. *örgüs-ün* 'шип', 'колючка' ~ мгр. *rGuōDze* и т. д., что, естественно, возможно только при переносе ударения с первого слога на второй.

Этот процесс можно показать схемой:

где новый тип заимствующего языка (ЗЯ₂) ближе к типу ВЯ, чем ЗЯ₁. Так как в течение всего процесса тип языка влияющего также изменяется, то более точно это выглядит так:

Поскольку вся процедура изменения типа заимствующего языка происходит только в случае, если число заимствованных слов достаточно велико, мы сталкиваемся с типично количественным вопросом: каковы отношения между числом заимствованных слов и степенью изменения типа заимствующего языка?

Мы можем исследовать этот вопрос на лексическом и текстуальном уровнях, упрощая процедуру, можно выяснить, сколько приходится заимствований на 1000 слов, лексических единиц («лексем») и сколько заимствований из другого языка на 1000 слов текста? В первом случае каждое слово заимствующего языка исчисляется один раз, во втором — оно фигурирует со своим коэффициентом, показывающим частоту его употребления в среднем тексте.

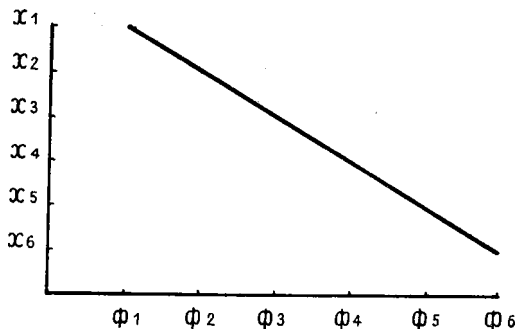
Оба исследования — комплексные. Дистрибуция заимствованных слов неодинакова в каждой семантической группе и в каждом виде текста. Таким образом, мы можем сгруппировать лексический состав согласно частоте употребления заимствованных слов, содержащихся в нем. Кроме того, объем типологических изменений языка можно предвидеть, если знать процент заимствованных слов в различных группах лексических единиц.

На текстуальном уровне следует различать связанный и свободный тексты. К первой группе принадлежат фольклор, религиозные и другие тексты, а подгруппы могут состоять из прозаических и поэтических текстов. Они более консервативны, чем тексты второй группы, тексты, описывающие повседневную жизнь.

Мои исследования показали, что в связанном тексте монгорской народной поэзии процент тибетских заимствований может достигать 15%, тогда как стихи имеют в каждом случае больший процент, чем проза, если они оба тибетского происхождения. Таким образом, мы подошли к области типологии, цель которой — сравнение языков по структуре заимствованных слов. Такого рода исследование основывается на традиционном разборе этимологии заимствованного слова, и эффективность его зависит от надежности установления этимологий. В каждом случае возникает вопрос: достаточно ли мы имеем этимологий для нашего исследования и правильно ли представляют эти этимологии действительно существующие в языке заимствованные слова? Для ответа на этот важный вопрос я выработал особый математический контрольный метод.

Общеизвестен факт, что для каждого языка можно построить диаграмму, которая покажет количественную дистрибуцию его фонем. Можно, например, сказать, что в языке влияющем фонема ϕ_1 встречается в начальной позиции на

100 слов x_1 раз, а фонема ϕ_2 — x_2 раз и т. д. Это можно представить в виде системы координат:

Первый тезис: чем больше слов данной модели, тем ближе дистрибуция их фонем к фактической дистрибуции в языке, если слова модели были выбраны независимо от их фонемной характеристики. Это четкое статистическое правило.

Второй тезис: слова, перешедшие из влияющего языка (ВЯ) в заимствующий (ЗЯ), представляют собой модель таких заимствованных слов, которые были взяты независимо от их фонетической структуры, или, другими словами, принятие или непринятие слова не зависит от его фонемной структуры, хотя язык заимствующий оформляет их согласно своей структуре.

Если две первые предпосылки верны, то можно заключить: если имеется достаточное количество заимствованных слов, их фонемная дистрибуция будет ближе к языку, из которого они заимствованы. Если мы исследуем эти слова в той реальной форме, в которой они существуют в заимствующем языке, мы должны получить ту же фонемную дистрибуцию, которая существует в данном языке; если же мы исследуем их в их первоначальной форме, то мы должны получить фонемную дистрибуцию, свойственную влияющему языку в той мере, в какой число заимствованных слов модели соотносится с числом слов в языке. Мои исследования тибетских заимствованных слов в монгорском языке показали, что уже в случае 800 заимствований дистрибуция фонем очень близка к реальной дистрибуции в соответствующих языках.

Я реконструировал для тибетских заимствований их литературную форму, затем подсчитал, сколько слов начинается с k -, k' -, g - и т. д., и обнаружил такую же дистрибуцию, как и в словаре Йешке (Jäschke). Только в одном случае было большее отклонение, чем ожидалось. Литературный ти-

бетский *ñ*- чаще встречается в словаре Йешке, чем в моей модели заимствованных слов.

Это отклонение может быть только результатом отсутствия этимологии. Получив сигнал, я еще раз проверил свой материал и обнаружил, что литературному тибетскому *ñ*- в тибетских заимствованиях в монгорском неожиданно соответствует у-. С добавлением новой этимологии в модель диаграмма приблизилась к ожидаемой форме.

Я надеюсь, что сказанное выше подтверждает мое мнение, что типологический, математический и традиционный методы в лингвистике могут хорошо дополнять друг друга, и их комплексное использование сможет продвинуть вперед лингвистику. Только мы никогда не должны забывать цели нашей науки.

О ТИПОЛОГИИ ЯЗЫКОВ У В. А. БОГОРОДИЦКОГО

В настоящее время в языкознании можно наметить двусторонний подход к пониманию сущности типологических исследований.

С одной стороны, типология языков занимается выделением и изучением некоторых структурных признаков, характерных для ряда языков, не связанных признаками генетического родства. При таком подходе выделяются и сопоставляются в этих языках целостные системы, определенные структурные отношения, в которых обнаруживаются функционально-тождественные общие черты, например выражение грамматической категории степени сравнения прилагательного в суахили и в русском языке, т. е. изучаются различные способы передачи одного и того же грамматического значения.

С другой стороны, в типологическом исследовании изучаются фонологические и морфологические структуры родственных языков, что дает возможность проследить общие тенденции развития этих языков.

Впервые в русском языкознании такой подход к типологии языков наблюдается у И. А. Бодуэна де Куртенэ в его лекциях, читанных в Казанском университете. В частности, в лекциях за 1877/1878 г. он, например, выделял морфологическую функцию ударения и долготу-краткость гласных как общие признаки, характерные для ряда славянских языков. Это стремление Бодуэна де Куртенэ проводить сопоставительное изучение языков характерно и для исследований одного из его талантливейших учеников — В. А. Богородицкого.

Общеизвестны занятия В. А. Богородицкого татарским языком. В его архивных материалах имеются также заметки, свидетельствующие об интересе ученого к арабскому, китайскому, персидскому, японскому, финскому, а также африканским языкам. Это расширение круга изучаемых языков и стремление выйти за пределы индоевропейской языковой семьи составляет большую заслугу В. А. Богородицкого, но этот момент еще мало освещен в нашей лингвистической литературе.

К занятиям языками, не входящими в орбиту индоевропейстики, В. А. Богородицкий был подготовлен всем развитием филологии в Казанском университете, в котором было введено преподавание ряда восточных языков: арабского, персидского, турецкого, татарского, китайского, маньчжурского, армянского языка и санскрита. Длительное и плодотворное знакомство с виднейшими ориенталистами В. В. Радловым и Н. Ф. Катановым, а также самостоятельные занятия побуждали В. А. Богородицкого выйти за пределы отдельных семейств родственных языков и привлекать другие языки, неродственные, для их сопоставительного, типологического изучения. Эта мысль о привлечении родственных и неродственных языков для изучения общих черт в разных языках была высказана В. А. Богородицким в конце прошлого века в его «Курсе сравнительной грамматики индоевропейских языков (1890—1899)».

Мысль В. А. Богородицкого о наличии «однородных» явлений в родственных и неродственных языках свидетельствовала о прогрессивном характере его научной деятельности и его научного метода.

«Сравнение, — указывал В. А. Богородицкий, — может быть не только генетическое, но также аналогическое, т. е. можно сравнивать однородные явления и в языках неродственных»¹. Такое типологическое («аналогическое» — в терминологии В. А. Богородицкого) изучение языков стало особенно занимать его в 20-е годы нашего столетия. Позже, в 30-е годы, в своей работе «Введение в татарское языкознание в связи с другими тюркскими языками» (1934) он писал, что при изучении языков этого семейства «сравнение в дальнейшем может еще более расшириться сопоставлением с другими так называемыми семьями или системами, т. е. перейти в сравнение „аналогическое“».

В. А. Богородицкий четко представлял себе цели и задачи генетического и «аналогического» изучения языков. Если сравнение грамматических явлений в родственных индоевропейских языках служило построению гипотез относительно того, что соответствовало этим явлениям в индоевропейском праязыке, то, характеризуя «аналогическое» сравнение, он отмечает, что оно заключается в «...систематическом и углубленном сравнении морфологических и синтаксических структур языков, принадлежащих к разным семьям»². Это разграничение генетического и аналогического изучения языков связывалось не только с конечными результатами такого

¹ В. А. Богородицкий, *Курс сравнительной грамматики индоевропейских языков (1890—1899)*, Тетрадь 1, стр. 5.

² В. А. Богородицкий, *Введение в татарское языкознание*, Казань, 1934, стр. 23.

изучения, но также с пониманием различия причин общих явлений в родственных и неродственных языках.

Если общие признаки в родственных языках объясняются происхождением этих языков от единого общего источника, то в неродственных языках они представляют собой либо результат соприкосновения или смешения этих языков при племенных передвижениях в прошлом, либо в основных свойствах ума, т. е. в общечеловеческой способности мышления.

В. А. Богородицкий не отрицал того, что «...при дальнейших изучениях языки, кажущиеся теперь неродственными, могут через дальнейшее раскрытие структурных одинаковостей, особенно морфологических и словарных, войти так или иначе в общее родословное древо человеческих языков»³, но это не дает права утверждать, что он отождествлял генетическое и аналогическое изучение языков. А такого рода утверждения в свое время появлялись в советском языковедении⁴.

Сопоставительное изучение общих структурных черт в родственных и неродственных языках В. А. Богородицкий проводил как в области фонетики, так и в области морфологии и синтаксиса. Он указывал, что с фонетической стороны нужно стремиться к установлению соотношения между звуковыми системами, например, татарского языка и системами других языков, прежде всего русского и основных западноевропейских, а затем и системами других языков. Ученый сам дал образец изучения таких соотношений звуковых систем русского и татарского языков, весьма подробно характеризуя общие и различные признаки ударяемых и неударяемых гласных, согласных, на основе как непосредственных наблюдений над живой речью, так и экспериментально-фонетических, а также статистических и диалектальных данных.

Но попытки построения статистической типологии звуковых систем неродственных языков проявились у В. А. Богородицкого в весьма неяркой форме.

Типологическую характеристику по структурному признаку долготы и краткости гласных в славянских языках, выдвинутую И. А. Бодуэном де Куртенэ, В. А. Богородицкий применил и для тюркских языков (*ū, ū — u, ü*), отмечая, что указываемые вариации тюркского вокализма весьма поучительны для понимания такого же процесса в индоевропейских языках, где также существовало различие в ослаблении

³ В. А. Богородицкий, *О научных задачах татарского языковедения*, Казань, 1934, стр. 4.

⁴ См. статью Р. Р. Гельгардта, *Лингвистическая концепция проф. В. А. Богородицкого*, — «Киргизский филиал АН СССР, Труды института языка, литературы и истории», 1944, вып. 1.

долгих и кратких гласных: ср. скр. *dhīs* 'мысль' — *dhiyas:* (род. пад. ед. ч.); *bhūs* 'земля' — *bhuvas* (род. пад. ед. ч.) и т. д.

Представляет интерес также отмеченная В. А. Богородицким типологическая характеристика роли ударения в дифференциации значения в языках различных семейств. Так, рассматривая смысловозначительную роль интонации в китайском языке, он отмечает, что аналогичную функцию интонации можно обнаружить в индоевропейских языках, именно в тех, в которых существуют различные виды ударения, например в литовском: *aušti* 'стынуть' — *aūšti* 'светать'.

Рассматривая чередование в тюркских языках, В. А. Богородицкий отмечал, что, как и в индоевропейских, здесь нужно выделять чередования по морфологическому использованию ударения и чередования под влиянием гармонии гласных, или сингармонизма, которое, по его мнению, является общей типологической особенностью ряда неродственных языков.

В своих «Этюдах по татарскому и тюркскому языкознанию» В. А. Богородицкий высказывает мысль, что подчинение вокализма аффиксов вокализму корня представляет собой в настоящее время не столько фонетическое явление, сколько историческое чередование. Исходя из признания тесной связи между морфологией и фонетикой, В. А. Богородицкий объясняет прогрессивное направление ассимиляции звуков в тюркских языках характером их морфологического строя, не знающего префиксов. Сингармонизм, как и развитие морфем исключительно в виде суффиксов при отсутствии префиксов, является, по его мнению, характерной особенностью не только тюркских языков, но и всех урало-алтайских языков. Изучение рукописного материала В. А. Богородицкого показывает, что он был склонен связывать сингармонизм тюркских языков с таким же явлением в японском языке. «Если допустить эпоху единой близости этих явлений (тюркских с японским. — Ф. Б.), то ее придется отнести или к очень ранним временам, до начала тюркского сингармонизма, когда произошло уже разъединение, или к более позднему периоду, когда уже сформировалась тюркская гармония и японцы уже не смогли участвовать в ее формировании и поэтому остались при свободе в порядке следования гласных»⁵. В. А. Богородицкий находит ряд моментов, общих тюркским, финским, монгольским языкам, на которых мы остановимся ниже, и склонен признать общий урало-алтайский праязык. Впрочем, он выражает сомнение в правильности своего предположения и говорит, что «вопрос этот пока не может счи-

⁵ Архив АН СССР, ф. 898, оп. 1, ед. хр. 72.

таться решенным». Примечательно, что само происхождение тюркской гармонии гласных объяснялось В. А. Богородицким параллельными явлениями индоевропейских языков, а именно — палатализацией гласных (*зобод'от* вместо *зобод'от*, вызываемого неударяемым вокализмом), причем в индоевропейских языках направление такого изменения было регрессивным, а в тюркских — прогрессивным.

Но В. А. Богородицкий неоднократно подчеркивает, что сингармонизм как фонетическое явление никоим образом не связан с определенным, в частности с агглютинативным, типом языка, а встречается и в языках другого строя. Так, в языках банту он тоже отмечает явления сингармонизма. Сингармонизм этих языков он характеризует как «морфологосинтаксический» или просто «синтаксический», поскольку вокализм присоединяющегося префикса проходит через все предложение, связывая слова в предложении в синтаксическое единство. Так, В. А. Богородицкий отмечает, что в диалекте зулусов имеются особые префиксы единственного числа и соответствующие префиксы множественного числа, например:

Ед. ч.		Мн. ч.
<i>umfana</i>	'мальчик'	<i>abafana</i>
<i>ilizwi</i>	'слово'	<i>amazwi</i>

В. А. Богородицкому принадлежат также интересные наблюдения в области морфологической типологии, которые не ограничиваются общими замечаниями о том, что «...в арио-европейских языках идеи аффиксов всплывают в уме говорящего частью ранее идеи корня, а частью вслед за нею; в тюркских языках они всегда следуют за идеей главной морфемы или корня»⁶, но и конкретным изучением значения аффиксов в генетически неродственных языках. Так, например, суффикс в готтентотском языке не просто оформляет существительное, но одновременно несет и логико-грамматическую функцию..., т. е. одновременно выражает различие рода, числа, падежа, подобно префиксальным прибавкам французского языка: *de, la* (ж. р., ед. ч., род. пад.), *du* (м. р., ед. ч., род. пад.), и как французские прибавки общи для всех имен, так и готтентотские суффиксы⁷.

По мнению В. А. Богородицкого, заслуживает внимания и сопоставление суффиксов в финском и тюркских языках, сходство между которыми состоит в наличии у них общей категории лично-притяжательных суффиксов.

⁶ В. А. Богородицкий, *Этюды по татарскому и тюркскому языкознанию*, Казань, 1933, стр. 28, прим. 2.

⁷ Архив АН СССР, ф. 898, оп. 1, ед. хр. 72.

Наблюдения В. А. Богородицкого над морфологической типологией простирались не только на личные указатели парадигматических рядов, но и на определенные системные отношения внутри словообразовательных парадигм. С этой точки зрения его интересовала тождественность аблаутных отношений в семитских и некоторых индоевропейских языках.

Для изучения общих тенденций языкового развития в родственных и неродственных языках гораздо большее значение по сравнению с морфологическими моделями имеют типы синтаксической связи, так как они представляют большую одинаковость в разных языках ввиду ограниченного круга выражаемых ими систем отношений. Одной из таких синтаксических конструкций, рассматриваемых В. А. Богородицким, была эргативная конструкция, привлекавшая внимание различных ученых. В. А. Богородицкий находил аналогию между способом выражения субъекта в косвенном падеже, а объекта в прямом, характерном для эргативной конструкции, и в русском языке, иллюстрируя это примером: *Мне виделся сон*, который, по его мнению, является тождественным конструкции *Охотнику убита птица*, т. е. *Охотник убил птицу*.

По мнению В. А. Богородицкого, существует однообразие и в способах выражения отрицания в разных языках. Так, в китайском *во бу май* и русском *я не продаю* отрицание находится после личного местоимения. Кроме отрицания *бу* в китайском имеется отрицание *бе* (*бе гань* 'не смей'), что находит свою параллель в наличии двух отрицаний в греческом: *α* и *η*.

Общечеловеческий характер мышления, несомненно, оказал свое воздействие на формирование параллельных смысловых моделей, основанных на общности какого-либо признака. В. А. Богородицкий приводит в своих работах некоторые любопытные примеры существования сходных семасиологических моделей в разных языках. Так, он указывал, что татарское *хардаш* или *харындаш* 'брат' представляет удивительную аналогию греческому *αδελφός*, так как *харын* значит 'брюхо', а все слово — 'товарищ по утробе матери', 'соутробник', причем в татарском, как и в греческом, имеет место опрощение.

Касаясь важности привлечения данных неродственных языков для сравнительно-исторического языкознания, В. А. Богородицкий отмечал, что типологическое (аналогическое) изучение языков и сравнительно-историческое должны быть тесно связаны между собой и данные неродственных языков не должны носить произвольный или случайный характер.

Небезынтересно отметить, что В. А. Богородицкий, привлекая индоевропейский материал, не основывался на стадиальных типологических построениях. Произвольное оперирование языковым материалом в намечаемых Н. Я. Марром стадиальных схемах вызывало уже в то время возражения В. А. Богородицкого. В одной из своих рукописей, датированных 1938 г., он писал: «При своих сравнениях акад. Марр опирается всегда на собственную, им составленную яфетическую фонетику, базирующуюся на многочисленных вариациях указанных четырех звуковых комплексов и их переходов, равно как и на выработанную им оригинальную семасиологию, резко отличающуюся от научной ариоевропейской...

Не будет ошибки, если скажем, что в общем в сопоставлениях акад. Н. Я. Марра, в связи с многочисленностью допускаемых им звукоизменений, значительно больше свободы по сравнению с приемами ариоевропейского языкознания, которые не позволяют опираться на законы других языков, считаемых даже близкородственными, без предварительного установления при этом их параллелизма, и требуют от выводов, чтобы основывались не на отдельных примерах, а на ряде однородных»⁸.

Какова была конечная цель всех этих типологических построений В. А. Богородицкого? Прежде всего он полагал, что наличие аналогичных черт в структуре неродственных языков навряд ли можно объяснить результатом параллельного и независимого развития: эти черты слишком сходны, сложны и многочисленны, чтобы можно было объяснить только этой причиной. На возникновение этих общих черт могло повлиять «смешение» языков родственных с языками неродственными, происшедшее в результате соприкосновения языков, или же их происхождения от общих предков.

Любопытно отметить, что эти положения В. А. Богородицкого, высказанные им в конце 20-х — начале 30-х годов, имеют параллели в работах некоторых современных зарубежных языковедов. Так, недавно Т. Милевский писал в одной из своих работ, посвященной типологическим сходствам между азиатскими языками и языками американских индейцев: «Сходства могут быть различного происхождения: 1) сходные черты могли развиться из единого общего языка; 2) сходства объясняются древними контактами языков»⁹.

При сопоставлении языков В. А. Богородицкий исходил из неоднократно высказываемого им положения о том, что «...разные типы языков не являются чем-то взаимно несоизмеримым». Общая задача языковедения, по его мнению,

⁸ Архив АН СССР, ф. 898, оп. 1, ед. хр. 10, л. 3—4.

⁹ T. Milewsky, *Similarities between the Asiatic and American Indian Languages*, — IJAL, 1960, vol. 26, № 4, p. 265.

«...это тщательное изучение отдельных языковых типов и семейств в их диалектологии и истории, параллельно с изучением этнографическим и культурно-археологическим (палеонтологическим), чтобы таким сложным путем развивать сферу родства между языковыми типами и семействами, не упуская, конечно, из виду, что те или иные частные совпадения могут зависеть не от родства, а от участия сходных факторов. Этому пути и следует языкознание, причем видное место при установлении соотношений между языковыми семействами отводится языкам Кавказа»¹⁰.

В. А. Богородицкий специально не занимался типологическими исследованиями и не давал определенной методики проведения этих исследований, как это было сделано им в отношении сравнительно-исторического языкознания. Приведенный выше материал показывает, что он устанавливал сходные структурные особенности в чисто статическом плане путем сопоставления разных языков безотносительно к их генетическому родству, без установления определенных тенденций их развития, без учета их относительной хронологии. Но если вплоть до последнего времени в зарубежном языкознании проводилась мысль о противополжности типологических исследований сравнительно-историческим¹¹, то уже в 1924 г. В. А. Богородицкий выступил против такого разобщенного развития сравнительного языкознания и типологических исследований и стремился к их объединению. Конечная цель сочетания такого рода исследований заключается в том, чтобы «...идти все дальше и дальше в глубь времен, служа к выяснению глоттогонических вопросов и к гипотетическому построению общего родословного древа человеческих языков...»¹².

Можно спорить о приложении типологических исследований — содействуют ли они созданию новых схем сравнительной грамматики и в конечном итоге более ясному представлению единого глоттогонического процесса¹³ или построению универсальной грамматики, — но высказанная В. А. Богородицким мысль о расширении генетического сравнения путем сопоставления с различными языками, основанная на типологическом подходе, находится в согласии с общим направлением развития современного языкознания.

¹⁰ Архив АН СССР, ф. 898, оп. 1, ед. хр. 5, л. 5, рукопись относится к 30-м годам.

¹¹ См. А. Мейе, *Сравнительный метод в историческом языкознании*, М., 1954.

¹² В. А. Богородицкий, *О научных задачах татарского языкознания*, Казань, 1935, стр. 9—10.

¹³ М. М. Гухман, *Индоевропейское сравнительно-историческое языкознание и типологические исследования*, — ВЯ, 1957, № 5.

А. В. Десницкая

ОБ ОЦЕНКЕ ТИПОЛОГИЧЕСКИХ ТЕОРИЙ Н. Я. МАРРА и И. И. МЕЩАНИНОВА

Следует приветствовать организацию научного совещания, посвященного вопросам лингвистической типологии. Можно ожидать, что такое совещание явится началом дальнейших дискуссий на эту тему, актуальность которой для теоретического языкознания совершенно несомненна.

Вместе с тем можно отметить некоторую расплывчатость тематики, предложенной для обсуждения. Опубликованные тезисы охватывают огромное количество самых различных вопросов, имеющих как непосредственное, так и более отдаленное отношение к лингвистической типологии. Вероятно, в дальнейшем дискуссии в этой области должны продолжаться с более конкретной и более строго очерченной тематикой.

В докладе Г. П. Сердюченко шла речь о том, что типологические исследования в свое время составляли одно из характерных для советского языкознания направлений. Действительно, изыскания в этой области, развернутые в 30—40-е годы, в большой степени определяли облик советской лингвистической науки. К сожалению, в 50-е годы вся проблематика, связанная с вопросами типологии, оказалась устраненной из программы наших языковедческих работ.

В настоящее время началось воскрешение этой традиции советского языкознания. В связи с этим естественно возникают мысли о том, как и в чем надлежит ее воскрешать. Признавая несомненный интерес исследований 30—40-х годов, следует подумать об их объективной критической оценке.

Прежде всего, конечно, вызывает интерес постановка вопросов лингвистической типологии, предлагавшаяся Н. Я. Марром и неразрывно связанная с его теорией единства глоттогонического процесса. Если оставить в стороне выдвинутые им общие положения относительно стадий развития языка в связи с историей развития общественных формаций, и ограничиться чисто лингвистической стороной его теории, то ста-

новится ясным, что типология, в понимании Н. Я. Марра, по существу сводилась к очень старой стадиальной схеме развития языков от аморфности через агглютинацию к флексии, т. е., иначе говоря, к схеме, разработанной еще на заре сравнительного языкознания (наиболее отчетливо эта схема была сформулирована А. Шлейхером).

В настоящее время в связи с усилением интереса к проблемам типологии наблюдаются случаи частичного возвращения и к этой схеме, например, в работах по сравнительной грамматике индоевропейских языков, в которых ставится вопрос о протоиндоевропейском состоянии, причем состояние это мыслится в виде стадии первичной «аморфности».

Не затрагивая сейчас широкого круга вопросов, связанных с этой проблемой, замечу лишь, что при конкретизации представлений о подобном рода примитивно аморфной стадии легко возникает соблазн типологических сопоставлений ее со структурными моделями современных языков изолирующего типа. Между тем модели эти далеко не примитивны и, конечно, далеко не элементарны по своей структуре. Сравнение с ними открывает возможности для слишком модернизированных представлений о «протострое», лежавшем в основании современных флективных структур.

Вопрос о том, насколько старая концепция типологической стадиальности, которую условно можно обозначить как шлейхеро-марровскую, отражает закономерности структурного развития языков, нуждаются в серьезном обсуждении. При этом стоило бы вспомнить и об идеях В. Гумбольдта, давшего гораздо более сложную и тонкую схему типов развития морфологических моделей языка.

Относительно типологических исследований И. И. Мещанинова следует заметить, что по своему направлению они несомненно ближе к проблематике современного языкознания, чем стадиальные схемы Н. Я. Марра. Огромная заслуга И. И. Мещанинова состоит в том, что он, первый из языковедов, ввел разноструктурный материал языков народов Советского Союза в общелингвистический научный оборот. Дальнейшее разветвление исследований в этом плане было бы очень плодотворным, конечно, с учетом новейших достижений языкознания в отношении отдельных языков и языковых групп и методов анализа лингвистических структур.

Работы 30—40-х годов в области исторической типологии строились главным образом на материале сравнительной грамматики и истории индоевропейских языков с привлечением типологически сходных явлений в языках других систем (палеоазиатских, кавказских и др.). Многие из этих исследований, по-видимому, не утратили интереса и для нашего времени. Сама идея разработки сравнительной грамматики

групп родственных языков в связи с проблемами типологии является вполне актуальной. Более того, исследования в области сравнительного языкознания без учета закономерностей типологического характера в настоящее время кажутся эмпирическими и малопродуктивными с точки зрения общей лингвистической теории.

Конечно, далеко не ясен вопрос о том, что считать общими закономерностями типологического развития. Полагаю, что этот вопрос тоже мог бы явиться предметом интересного обсуждения, притом не только в отношении формальной типологии структурных моделей языка, но и в отношении проблемы закономерностей в развитии сознания, находящих отражение в развитии языков.

В заключение очень кратко обозначу некоторые актуальные, как мне кажется, аспекты историко-типологических исследований.

1. Изучение истории языков и групп родственных языков, включающее типологическое сопоставление с неродственными языками.

2. Разработка типологических проблем, основанная на сравнении закономерностей развития родственных языков в различные периоды их истории — от древнейших состояний до современности. Иначе говоря, это сравнительно-типологический анализ, проводимый внутри одной группы языков, имеющий своей задачей проследить как параллелизм в развитии, так и дивергентные явления.

3. Исследование вопросов типологии в связи с проблемой образования языковых союзов. Типология языковых союзов — это одна из важнейших проблем современного теоретического языкознания. Она связана как с изучением истории и актуального состояния языков, так и с перспективами будущего развития лингвистической карты мира.

М. М. Гухман

О СОДЕРЖАНИИ И ЗАДАЧАХ ТИПОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Проблема типологии языков в последнее десятилетие оказалась в центре внимания лингвистов. К сожалению, до сих пор еще отсутствует необходимая точность в понимании того, что такое типология и какие задачи стоят перед типологическими исследованиями. Если же посмотреть на результаты изысканий в этой области за рубежом, то и там мы не увидим существенных достижений, которые говорили бы о зна-

чительном продвижении в разработке проблематики типологии языков. Поэтому вполне закономерно, что мы возвращаемся вновь к этой проблематике после значительного перерыва.

Во-первых, необходимо сказать, что совершенно очевидна необходимость обратить серьезное внимание на уточнение направления, проблематики и задач типологических исследований.

Во-вторых, для нас весьма существенно не забывать того, что было сделано в прошлом в этой области советскими языковедами, нам не к лицу быть «Иванами, не помнящими родства». К сожалению, у некоторых языковедов наблюдается такая тенденция. Но тем не менее было бы неправильным стремиться в какой-то степени восстановить то, что для сегодняшнего дня является неактуальным и несовременным в широком смысле этого слова, что оказалось отброшенным самим ходом развития нашей науки.

Я думаю, что А. В. Десницкая была совершенно права, когда она говорила здесь о том, что вряд ли сейчас стоит воскрешать типологические схемы Н. Я. Марра: это вчерашний день в науке. Мне кажется, что, оценивая работы И. И. Мещанинова, которые, несомненно, внесли много нового, интересного в лингвистику и незаслуженно замалчивались, надо внимательно посмотреть, что в них действительно заслуживает дальнейшего развития и разработки и что сегодня может быть уже отнесено к наследству. Еще более строго следует оценивать старые типологические исследования других советских авторов. Мне представляется, что весьма распространенным недостатком этих работ, в том числе и моих, было отсутствие необходимой предварительной обработки фактов путем использования сравнительно-исторического метода.

Что касается содержания и задач типологических исследований, мне хотелось бы выделить два направления в этих исследованиях: синхронно-типологическое и историко-типологическое.

Задача синхронно-типологических исследований — выделение постоянных характеристик разных языков на всех уровнях, выделение постоянного, общелингвистического инвентаря, т. е. построение типологической универсальной грамматики.

Задача историко-типологических исследований могла бы быть сформулирована как установление направлений, путей и закономерностей преобразования языковых систем и подсистем. Эти задачи и цели типологических исследований я определяю как конечные, так как их достижение невозможно без разработки многих более частных проблем. К ним отно-

сятся: 1) установление системы признаков координат, которые служат основой типологических сопоставлений; 2) определение тех единиц измерения, которые позволяют сравнивать разные языки; 3) типологическое изучение микросистем разных уровней; 4) изучение преобразования этих микросистем в истории языков разных типов.

Мне представляется весьма существенным уточнить, с одной стороны, что я понимаю под преобразованием систем, и с другой — уточнить отношения сравнительно-исторических и историко-типологических исследований.

Ряд выступавших на совещании формулировали это различие таким образом: сравнительно-историческое исследование в основном занимается ретроспекцией, т. е. восстановлением прошлого, а вот, мол, типологические исследования занимаются языковым развитием. Я думаю, что это толкование вряд ли правильно отражает содержание сравнительно-исторических и историко-типологических исследований. На самом деле, сравнительно-историческое исследование не только восстанавливает прошлое, но и рассматривает развитие восстановленных моделей в истории отдельных языков. Таким образом, развитие не снимается и в сравнительно-исторических исследованиях. Кроме того, в реконструкции, как известно, нередко в настоящее время используются данные типологических сопоставлений.

Различие же заключается в другом. Нетрудно заметить, что сравнительно-исторические исследования в тех случаях, когда они учитывают развитие тех или иных лингвистических явлений, всегда исходят из генетически тождественных единиц и прослеживают развитие только генетически тождественных моделей. В отличие от этого историко-типологические исследования могут оперировать как генетически тождественными моделями, так и моделями генетически не связанными, но занимающими одинаковую позицию в языковой системе.

Типологические исследования, рассматривая преобразование систем, способны установить определенные закономерности, типичные случаи преобразования систем, например в области какого-нибудь грамматического явления (скажем, в области преобразования залоговой оппозиции). Эта оппозиция претерпевает однотипные преобразования не только в индоевропейских языках, но и в других. Эти преобразования не обусловлены генетической общностью или принадлежностью языка к одной языковой семье, а отражают более общие, типичные пути развития языка. От исследования подобных микросистем возможен переход к рассмотрению закономерностей преобразования более объемных систем и т. д.

Мне представляется, что типологические исследования должны заниматься не вопросами стадильности процесса.

а обобщением конкретных данных, которые мы получаем при сопоставлении развития отдельных языков и языковых групп.

Иными словами, историко-типологические исследования вырастают как своеобразная, весьма сложная надстройка над конкретными историческими исследованиями, которые являются их основой. В связи с этим сами исторические исследования должны изменить свою направленность: они должны подготавливать материал для типологических обобщений. Поэтому я согласна с тем, что говорил здесь Г. П. Щедровицкий, который упрекнул некоторых наших лингвистов в том, что они, беря старые схемы и старые материалы, пытаются на них строить какие-то новые теории, проводить новые обобщения.

Я думаю, что типологические исследования действительно дадут что-то новое, но только они должны опираться на конкретный материал, рассматриваемый с новых позиций. Нельзя просто брать материал, имеющийся в старых работах, которые ставили другие задачи, а затем, слегка обработав его каким-либо методом, строить новую схему. Надо совершенно четко и ясно представлять себе, что новые задачи требуют и новых конкретных исследований.

И с этой точки зрения я считаю, что ставить знак равенства между типологическими исследованиями и любым сравнением было бы неверно. К сожалению, в выступлениях на совещании эти тенденции имели место.

Мне кажется, что неверным было бы отождествлять сопоставительные исследования двух языков (скажем, узбекского и русского или украинского и казахского) с типологическими исследованиями. Если мы так будем понимать типологию, тогда ни к чему и сам этот термин, поскольку получается, что термин «типологическое исследование» — только более «интеллигентное» название того, что давным-давно делается. А я думаю, что это не так, что осуществление типологических исследований позволит нашей науке открыть те общие закономерности, которые определяют функционирование и развитие языка.

В. И. Цинциус

НЕСКОЛЬКО ВОЗРАЖЕНИЙ проф. Г. Д. САНЖЕЕВУ

Необходимо подчеркнуть важность поставленной на совещании проблемы, тем более что пока еще не сложилось единого мнения о том, как лучше подходить к типологическому изучению языков.

Я лично склоняюсь к мнению тех докладчиков и выступавших, которые, как и открывший совещание проф. Г. П. Сердюченко, считают, что типологические исследования должны иметь своей конечной целью выявление в структуре языка закономерностей, связанных прежде всего с категориями субъекта, предиката и объекта, а также различных атрибутивных отношений.

Весьма досадно, что за последние два года каким-то образом стало складываться мнение, что советское языкознание якобы не имеет и не имело «своего лица», своей научной теоретической базы. Но ведь это не так.

Именно за годы советской власти у нас были подняты огромные языковые материалы, подверглись изучению и описанию десятки ранее совершенно неизвестных языков, создана письменность для ранее бесписьменных народностей, сложились новые литературные языки, выросла и успешно развивается советская многонациональная литература. Наивно было бы думать, что вся эта гигантская работа могла быть проделана на основе чисто эмпирического подхода: как известно, создание самых первоначальных учебных пособий, например букварей, требует глубокого знания фонетики, лексики, грамматики, так как только в этом случае может быть выявлена специфика языка. Кстати сказать, результаты этой работы — описательные грамматики, словари, тексты, фонетические исследования и даже учебные пособия для начальных школ — широко используются за рубежом как база для различных лингвистических изысканий и публикаций.

И следует признать, что, несмотря на ряд шатаний и заблуждений, интенсивности работы советских лингвистов во многом способствовала неукротимая страсть к поискам своего научного метода, которая была характерна для акад. Н. Я. Марра, любовь к общетеоретическим проблемам, которую прививал советским лингвистам акад. И. И. Мещанинов, так как только при помощи свободных исследовательских подходов к своеобразным языковым фактам можно было в кратчайшие сроки осмыслить неведомые ранее новые языковые миры.

На совещании многие подчеркивали, что изучение того или иного языка, его грамматического строя, его своеобразия всегда имеет в своей основе хотя бы потенциальное сравнение или сопоставление с данными другого языка, чаще всего родного языка исследователя, или с языками, являющимися предметом его специальности. Мне думается, что это не совсем правильное утверждение, так как у специалиста-лингвиста на вооружении имеются определенные теоретические предпосылки, и в свете преклонения перед методикой структуральных построений не лишним будет напомнить, что именно

в советском языкознании ставилась задача такого описания фонетики и грамматики языка, которое покоилось бы прежде всего на правильном понимании и учете его специфических структурных элементов.

В результате прослушанных докладов и выступлений мы приходим к выводу, что типологическое исследование языков может идти по двум направлениям — широких и узких анализов, что так отчетливо сформулировала в своем выступлении проф. М. М. Гухман¹.

Создается впечатление, что те, кто более склонен к частичным типологическим исследованиям, по-видимому, являются наиболее ярыми приверженцами математических приемов разработки языкового материала. Поскольку математическая обработка приложима к такому объекту научного изучения, как язык, постольку вряд ли можно отвергать подобные приемы. Но мне думается, что В. М. Жирмунский глубоко прав, когда он протестует против игнорирования специфики языка, против забвения общественной природы языка. Язык, конечно, не математика, языковые явления сложнее объектов чисто математических построений, но эти построения могут быть приняты как определенные способы для выражения тех или иных закономерностей структуры языка или обработки массовых языковых данных. Мне хотелось бы остановиться специально на докладе проф. Г. Д. Санжеева², поскольку языки, бывшие объектом его суждений, являются также объектом моей специальности.

Взятым в целом, языки алтайской семьи действительно прежде всего характеризуются сходством своей типологической, вернее морфологической, природы. Но следует подчеркнуть, что генетические, морфологические и типологические отношения языков нетождественны. Например, среди тунгусо-маньчжурских языков достаточно обособлен маньчжурский, который отличается рядом негативных характеристик: отсутствием изменения глагола по лицам и числам, отсутствием члительных форм имени (атрибутивные отношения в этом языке выражаются с помощью родительного падежа), немногочисленностью падежных форм именной парадигмы (однако при наличии ряда архаических падежных форм у наречий); нет в маньчжурском языке также столь характерных для остальных тунгусо-маньчжурских языков возвратных местоимений и т. д.

В качестве одного из аргументов, якобы свидетельствующих против генетической общности языков монгольских и

¹ См. М. М. Гухман, *О содержании и задачах типологических исследований*, — настоящий сборник, стр. 278—281.

² См. Г. Д. Санжеев, *Сравнительно-исторические и типологические исследования в алтаистике*, — настоящий сборник, стр. 77—92.

тюркских, проф. Г. Д. Санжеев привел факт отсутствия в последних противопоставления эксклюзивности и инклюзивности для формы 1-го лица множественного числа местоимений. Этот довод вряд ли можно признать имеющим силу, так как среди тунгусо-маньчжурских языков в трех (в нанайском, ульчском, орокском) отсутствует инклюзивная форма, а в говорах эвенского языка, напротив, нет эксклюзивного местоимения 1-го лица множественного числа и соответственно аналогичных личных глагольных и притяжательных именных аффиксов.

Не играет существенной роли, с моей точки зрения, также биллие или однотипность аффиксов множественного числа, как это отмечает проф. Г. Д. Санжеев для монгольских и тюркских языков, а также различие в образовании отрицательного аспекта глаголов. Значительно больший интерес вызывает, напротив, возможность сопоставления, например, средств отрицания корейского языка с таковыми различных алтайских языков (корейская отрицательная частица *ани* ~ *ан* и нанайская *ана*; корейская отрицательная частица *мот* и служебный глагол *мал-да* и тюркский аффикс *-ма*) или поразительное совпадение корейских показателей множественности с некоторыми тунгусо-маньчжурскими и монгольскими формативами (корейское *-тыл* и эвенкийское, эвенское, негидальское *-тыл* — *амтыл* 'отцы', *эн-тыл* 'матери'; маньчжурское *та/тэ* — *ама-та*, *эмэ-тэ*, а также корейское *не* < *най* 'человек' и эвенкийское, эвенское, негидальское *-нил* < **на + ил* в *ак-нил* 'старшие братья', *эк-нил* 'старшие сестры', ср. маньчжурская *хаха нялма* 'мужчины', монгольское *аха-нар* 'старшие братья' при нанайском *най* 'человек' < **нари*).

Поскольку проф. Г. Д. Санжеев в качестве доводов против общности алтайских языков приводил ряд фактов, постольку следует привести хотя бы и некоторый суммарный перечень данных в защиту этой общности. Сюда относятся, например, личные, указательные и вопросительные местоимения, некоторые числительные, падежные показатели, ряд глагольных аффиксов и т. д. Проф. Г. Д. Санжеев признает достижения лишь в области сравнительной грамматики монгольских языков, но ведь в данном случае дело обстоит действительно просто, поскольку многое сводимо к старописьменному монгольскому. Однако здесь мы имеем дело с весьма небольшим по времени для языкового развития сроком в семь столетий, для алтайской же семьи языков в целом речь идет о тысячелетии и, вероятно, не одном. В области сравнительно-исторического изучения алтайской семьи мы уже располагаем определенными результатами в фонетике, морфологии, не говоря уже о лексике. Для достижения больших результатов необходимо сочетать сравнительно-исторические изыскания с при-

емами типологически-структурными, помогающими не только нащупать почву, но и понять, осмыслить ту или иную форму и, наконец, реконструировать архи- или праформу. В качестве примера можно привести хотя бы вопросительные местоимения «кто» и «что», которые, например в тунгусо-маньчжурских языках, исторически оказываются двухэлементными (**ку-и* и **қа-и*), вопросительное местоимение «сколько», которое структурно напоминает английское *how many*, *how much* или немецкое *wieviel*, т. е. состоит также из двух частей-слов «как + много» (ср. эвенское *ады* < **қа + дуи* и *асун* < **қа + сун*); сюда же примыкает вопросительное наречие «куда» (эвенское *аваскй* < **қа + ба + си + ка + и*), которое реконструируется примерно как «в какое место», и т. д. Можно привести еще пример общности направления человеческой мысли: если в западноевропейских языках порядковые числительные требуют постановки определенного артикля, то в тунгусо-маньчжурских они оформляются притяжательными аффиксами, абстрактные имена существительные — наименование качеств — формируются на базе притяжательно оформленных прилагательных и т. д.

Обращаясь к вопросу о соотношении описательных, сравнительных и типологических грамматик, можно было бы следующим образом суммировать некоторые положения:

1. Наличие описательных (нормативных) грамматик — необходимое условие для создания историко-сравнительных исследований и широких типологических характеристик языка.

2. На современном этапе языкознания, имея в виду количество и уровень исследованных языков мира, суммарная морфологическая характеристика того или иного конкретного языка по преобладающим характерным морфологическим признакам (изолирующие, агглютинативные, флективные) представляется аксиоматической.

3. Генетические и морфологические, а также типологические отношения языков даже для близкородственных языков могут быть различными.

4. На современном этапе развития языкознания при создании нормативных (описательных) грамматик нельзя не учитывать достижений и задач сравнительно-исторического характера и проблем общей и частной типологии. Правильное изложение вопросов фонетики, морфологии и синтаксиса, а также лексикологии возможны по существу лишь при учете историко-сравнительных и типологических данных.

5. Явления, не укладывающиеся в систему современного языка, представляются исключениями, которые могут быть наследием прошлой, пришедшей в ветхость, структуры или следствием инноваций, в частности под влиянием контакта с

иноязычной средой, или первыми ростками оформляющегося нового типа языковой структуры.

6. Типологические или морфологические отличия родственных или предположительно родственных языков не менее ценны, чем сходство, так как они дают, пожалуй, самый ценный материал для истории языка, например корейский язык в рамках алтайского языкового мира.

А. А. Леонтьев

НЕСКОЛЬКО ВОЗРАЖЕНИЙ проф. Г. П. СЕРДЮЧЕНКО

Мне кажется, что в исторической части доклада проф. Г. П. Сердюченко¹ были частично смещены акценты. Те типологические исследования, которые связаны с теорией стадильности, имеют ряд уязвимых мест. Во-первых, это касается той внелингвистической базы, о которой говорил проф. Г. П. Сердюченко. Психологическое и социологическое обоснование этих историко-типологических построений было очень слабым. Во-вторых, очевидна неудовлетворительность методики установления родства языков, которая употреблялась Н. Я. Марром и другими представителями этого направления.

Мне думается, что приоритет Н. Я. Марра в области типологии есть приоритет в значительной мере эфемерный. Если искать приоритет в истории типологических исследований в русской науке, то его нужно искать не здесь, а в другой, более традиционной школе. Я имею в виду Петербургскую, или Ленинградскую школу и, в частности, типологические работы Е. Д. Поливанова. Не случайно именно эти работы в дальнейшем широко использовались представителями Пражской школы и других направлений, в то время как типология школы Н. Я. Марра распространения не получила.

И, наконец, едва ли можно понимать историю типологических исследований в нашей лингвистике как некое идиллическое состояние 20—30-х годов, которое в дальнейшем было нарушено вмешательством культа личности. Это не совсем точно, потому что как раз в начале 30-х годов вмешательство культа личности в лингвистику было особенно тяжелым.

¹ См. Г. П. Сердюченко, *Проблемы типологии в советском языкознании и задачи совещания*, — настоящий сборник, стр. 5—20.

О ТИПОЛОГИЧЕСКОМ МЕТОДЕ Н. Я. МАРРА
И И. И. МЕЩАНИНОВА

Стремление установить закономерности в типологическом развитии языков и разработать методику исследования путем привлечения материала ранее малоизученных языков являлось одно время отличительной чертой советского языкознания. В последнее же время этой важнейшей проблеме науки о языке, которая имеет не только большое теоретическое, но и практическое значение, особенно в связи с расширением международного и межнационального общения и обмена достижениями науки и культуры, уделялось незаслуженно мало внимания. Об актуальности проблем типологии свидетельствует обширная программа нашего совещания, большое количество прослушанных докладов и выступлений. Но было бы неразумно требовать, чтобы здесь были решены все вопросы этой сложнейшей проблемы, выдвинутой впервые на повестку дня после столь продолжительного перерыва. Некоторые высказанные здесь мнения вызывают возражения, некоторые требуют уточнений и дополнений.

Прежде всего я не могу не возразить А. А. Леонтьеву¹. Он сказал, что заслуги Н. Я. Марра и его школы в разработке проблем типологических исследований являются эфемерными и что только Е. Д. Поливанов внес нечто позитивное в решение этой проблемы.

Е. Д. Поливанов — крупный советский лингвист, много сделавший в области языкознания, но это не дает нам права с ходу отвергать одно и возвеличивать другое. Такой прием был присущ именно тому периоду, о котором говорил А. А. Леонтьев, — периоду культа личности. Мы можем сомневаться, скептически относиться к отдельным положениям той или иной школы, но быть нигилистом в науке нельзя. И вообще к наследию нашей науки мы должны относиться бережно.

В связи с этим я хочу сказать несколько слов о Н. Я. Марре и его попытках типологического исследования языков. Мне кажется, что Н. Я. Марр поставил впервые во всей полноте вопросы типологического исследования языков и вместе с этим ряд узловых проблем общего теоретического языкознания. Но это были первоначальные поиски, первые попытки в этом направлении, и поэтому он не избежал неточностей и

¹ См. А. А. Леонтьев, *Несколько возражений проф. Г. П. Сердюченко*, — настоящий сборник, стр. 286.

противоречий. Типологическое исследование языков — очень сложная проблема, это дело не одного человека и не одного поколения исследователей, а большого коллектива и нескольких поколений. Было бы странным требовать, чтобы эта проблема была и поставлена и разрешена одним человеком.

Г. П. Щедровицкий в своем докладе совершенно правильно противопоставил методику сторонников Н. Я. Марра и структуралистов². Последовательно и ясно он показал, что с точки зрения методики исследования марровцы находятся на нижнем ярусе, а структуралисты — на верхнем.

Но надо отметить, что в самом нижнем ярусе тоже обнаруживается неодинаковый подход к типологическому исследованию. Если присмотреться внимательно к тому, как подходил Н. Я. Марр и как подходил И. И. Мещанинов к типологическому сопоставлению языков, то увидим, что у этих исследователей была разная, даже в какой-то степени противоположная методика. Н. Я. Марр, как известно, при сравнении разносистемных языков искал сходные модели не только в плане содержания, но и в плане выражения. Он, к сожалению, не всегда бережно относился к языковым фактам. Но методика его исследования, несомненно, достойна внимания. Это становится особенно ясным сейчас, когда поиски отдельных лингвистов направлены на обнаружение изоморфных явлений в языке и языках. Например, в двух таких разносистемных языках, как армянский и монгольский, сравнительная степень прилагательных имеет одну и ту же модель: «Эльбрус от Казбека высокий», что означает: Эльбрус выше Казбека. Как видно, армянский язык в выражении этих категорий расходится с родственными ему индоевропейскими языками и соотносится с монгольскими языками. Вот такие случаи и искал Н. Я. Марр, пытаясь объяснить причины возникновения этих явлений в разносистемных языках и установить общую закономерность развития всех языков.

И. И. Мещанинов же исходил из категориальных значений языковых явлений, из понятийной категории и показал, в каких видах и вариантах реализуется данная категория или значение в разных типах языков.

Таким образом, в одном и том же ярусе имелись противоположные методические подходы к языку.

М. М. Гухман говорила, что И. И. Мещанинов ближе к нам, а Н. Я. Марр — дальше³. Но как понять «к нам»?

² См. Г. П. Щедровицкий, *Методологические замечания к проблеме типологической классификации языков*, — настоящий сборник, стр. 48—70.

³ См. М. М. Гухман, *О содержании и задачах типологических исследований*, — настоящий сборник, стр. 278—281.

«К нам» — понятие весьма широкое. Ведь советское языкознание состоит из разных школ и течений. Оно не может быть представлено одним лицом или одной группой ученых. Если уж искать какие-то параллели или сближения, то современные лингвисты, изучающие разного рода универсалии или инварианты в разных языках, несомненно, стоят ближе к методике Н. Я. Марра, чем И. И. Мещанинова.

Выступавший на совещании венгерский ученый Рона-Таш высказал мнение о невозможности доказательства генетического родства алтайских языков. При этом он основывался на данных одного из монгольских языков Внутренней Монголии, находившегося под влиянием тибетского языка, языка иной системы. Он говорил, что под влиянием тибетского языка в монгольском языке сейчас появились новые, совершенно не присущие монгольскому языку фонетические законы. В качестве примера он привел усечение начальных гласных в словах: *анжиас* > *нжиас*.

Рона-Таш объясняет это перемещением ударения в монгольском на последний слог под влиянием тибетской акцентуации.

Но дело в том, что подобное явление встречается и в бурятских диалектах, которые не находятся и никогда не находились под влиянием тибетского языка. Ср. *неэн* вместо *унээн* 'корова', *өдөр* > *дөр* 'день', *менөөхи* > *нөөхи* 'тот самый' и др. Поэтому говорить, что в данном случае монгольский язык находится под влиянием тибетского языка, совершенно неправомерно.

Когда мы решаем алтаистические проблемы, то часто хватаемся за верхушки, а до корней не доходим. Совершенно права была В. И. Цинциус, говоря, что необходимо изучать систему родственных языков во всей полноте и детально. Только при этих условиях можно решать положительно или отрицательно так называемые алтаистические проблемы.

В. Д. Аракин

ОБ ОСНОВНЫХ ТИПОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦАХ ЯЗЫКА

Прослушанные на совещании доклады представляют, с моей точки зрения, большой интерес и, естественно, наводят на размышления. В связи с этим мне хотелось бы высказать несколько слов в отношении того, что же является основой типологического анализа. В докладах и сообщениях, освещавших типологические особенности разнообразных по своей структуре восточных языков, высказывались разные точки

зрения, выявились различные подходы. Однако при всем том можно явственно почувствовать, что в качестве основных объектов, определяющих типологию языка, берутся четыре уровня: фонологический, слоговой, уровень слова и уровень предложения. И здесь возникает вопрос: данные каких из названных уровней будут решающими в определении типа языка?

Подавляющее большинство докладов освещало типологические особенности языков на уровнях фонологическом и слоговом.

Нисколько не отрицая значения типологического описания языков на этих уровнях, я в то же время думаю, что в основу определения типологии языка все же нужно положить уровень слова и уровень предложения. Почему это именно так? Прежде всего, потому, что это те единицы, в которых воплощаются компоненты нашего мышления. В слове, как известно, воплощается понятие. В предложении воплощается суждение или мысль. Кроме этого, мне кажется, следует принять еще во внимание следующее соображение: если мы подойдем с исторической точки зрения к фонетическому составу языка, мы легко убедимся, что этот состав и взаимоотношение фонем в системе языка иногда очень резко изменяются, в то время как слово, так и предложение оказываются гораздо более стабильными. При этом подход к описанию типологии предложения может быть различным. Можно отталкиваться от логических категорий, а можно исходить из категорий языка. И мне кажется, правильней было бы исходить из категорий лингвистических, поскольку мы имеем дело с проблемами языкового плана.

Если мы примем за основу наших суждений о типологии языка слово, то можно будет поставить такой вопрос: какова морфемная структура слова в данном языке и в какой мере наша корневая морфема может обрастать различными словоизменительными и словообразовательными морфемами.

Возьмем для примера несколько слов из разных языков — древнескандинавское *stain-a-R* — 'камень', любое слово в любом современном языке, исключая славянские языки (но включая болгарский), какое-нибудь тюркское слово или слово в китайском языке, — что мы увидим? В древнескандинавском *stain-a-R* мы обнаружим корневую морфему *stain-*, основообразующий аффикс *-a-* и падежный аффикс *-R*, т. е. налицо явный трехморфемный состав.

Это можно изобразить в виде формулы: $K + A_0 + A_n$, где K — корневая морфема, а A_0 — основообразующий аффикс, A_n — падежный аффикс.

Однако в процессе исторического развития германских языков трехморфемные слова постепенно исчезали, и в настоящее время в большинстве германских языков в един-

ственном числе имеют одноморфемный состав, а во множественном — двухморфемный. Сохранили двухморфемность в единственном числе лишь современный исландский язык и отчасти современный немецкий язык.

Одкоморфемное слово германских языков может приобретать аффиксы, например числа, так что к одноморфемному корню, равному основе, можно прибавить аффикс числа. Все германские языки и большая часть других индоевропейских языков допускают аффикс числа.

Скандинавские языки имеют еще одну особенность. Они могут принимать постпозитивный артикль. При образовании множественного числа имя имеет следующую структуру: *rike-n-a* 'государство', где *rike-* — корень, равный основе, *-n-* — аффикс числа и *-a* — артикль. Это может быть представлено в виде формулы: $(K = O) + A_ч + A_p$, где $A_ч$ — аффикс числа, A_p — постпозитивный артикль. Такую же структуру имеют имена существительные в ряде индоевропейских языков, например болгарском и румынском.

В тюркских языках, как известно, корень всегда равен основе. Этот корень основа может принимать целый ряд аффиксов, в том числе и аффиксы падежа (*şehir + de* 'в городе'), аффиксы принадлежности, аффиксы числа. Тогда наша формула будет принимать соответственно такой вид: $K + A_n$, $K + A_{пр}$, $K + A_ч$.

Во всех этих случаях словоформы будут двухморфемными. Но в тюркских языках могут возникнуть еще и такие случаи, когда требуется выразить какое-либо отношение слова, обозначающего несколько предметов, к другим словам в предложении или же принадлежность предметов, обозначенных данным словом, кому-либо.

Эти случаи могут быть представлены следующей структурой: $K + A_ч + A_n$ (тюрецкое *bağçe + ler — de* 'в садах') или $K + A_ч + A_{пр}$ (тюрецкое *defter + ler — im* 'мои тетради').

Иными словами, структура нашего слова станет трехморфемной.

Можно представить себе еще и такой случай, когда в существительном, обозначающем несколько предметов, должна быть выражена принадлежность и отношение данного слова к другим словам в предложении. В этом случае структура слова примет такой вид: $K + A_ч + A_{пр} + A_n$ (*şehir + ler + imiz + de* 'в наших городах').

Глагольные морфемы в тюркских языках также характеризуются способностью наращивать ряд аффиксальных морфем с другими значениями, например: *gel-iyor-um* 'я иду'.

Формула структуры будет такой: $K + A_{вр} + A_n$, где $A_{вр}$ — аффикс времени, A_n — аффикс лица.

Характер корневых и словоизменительных морфем в индо-

незийских языках, например в мальгашском, дает совершенно иную картину. Именная корневая морфема не может принимать никаких словоизменительных морфем. Зато глагольная корневая морфема может присоединять словоизменительные морфемы, но не больше одной. Это можно выразить формулой: $A_{вр} + K$ (например, *manoratra* < *man* + *soratra* 'пишу', 'пишешь'; *nanoratra* < *nan* + *soratra* 'писал', 'писали').

В индонезийском языке словоизменительные морфемы могут отражать залоговые отношения, например: *menulis* < *me* + *tulis* 'писать', *ter* + *tulis* 'написанный'. Формула: $A_d + K$, где A_d — аффикс действительного залога, и $A_{стр} + K$, где $A_{стр}$ — аффикс страдательного залога.

При использовании словообразовательных аффиксов схема не меняется. В индоевропейских языках производное слово может иметь ряд типов, из которых можно представить себе и такой, как, например, английское *un-grate-ful* 'неблагодарный'. Формула: $A_{пр} + (K + O) + A_{пр}$.

В тюркских языках такой схемы быть не может, ибо префикс здесь полностью отсутствует. Зато здесь имеется цепочка словообразовательных суффиксов. Так, производное слова типа турецкого *çift* + *çi* + *lik* соответствует формуле: $K + A_d + A_{отв}$, где A_d — аффикс деятеля, $A_{отв}$ — аффикс отвлеченного значения.

В языках индонезийского типа паразит либо полное отсутствие суффиксации и наличие префиксов, либо своеобразное явление, так называемые конфиксы. Так, в мальгашском языке имеются производные слова (например, *fanao* < *fan* + *tao* 'манеры', 'обычай') с такой структурой: $A_{отв} + K$ или $A_d + K$ (например, *mɔianatra* < *mɔi* + *anatra* 'ученик').

Таким образом, мы должны говорить не только об особенностях словоизменения, но и об особенностях словообразования в данном языке, поскольку оказывается, что словообразовательные и словоизменительные типы данного языка в известной степени совпадают. Например, тюркским языкам свойственно расположение словообразовательных и словоизменительных морфем после корневой морфемы, в индонезийских языках как словообразование, так и словоизменение осуществляются с помощью префиксов или конфиксов.

В арабском языке среди остальных типологических признаков можно найти признак изменения звукового состава корневой морфемы, который, однако, принципиально отличается от умлаута в германских языках как явления вторичного. В семитских языках оно первичное и имеет определенную функцию, например слово *афрр̣с* 'лошади' (мн. ч. от *фарас*), в котором при тех же согласных количественно преобразуются гласные.

Я остановился здесь только на тех изменениях, которые претерпевает слово как единица словесного уровня языка.

Из приведенных примеров, как нам представляется, достаточно ясно выявляются типологические черты каждой отдельной группы или семьи языков. Более детальное рассмотрение способности корневой морфемы слова принимать те или иные словоизменятельные и словообразовательные морфемы позволило бы определить типологические черты групп, подгрупп и отдельных языков.

Типологическое описание языков будет совершенно недостаточным, если будет отсутствовать их описание на уровне предложения.

Н. Ф. Алиева

ИНДОНЕЗИЙСКИЙ ТИП АГГЛЮТИНАЦИИ

По-видимому, закон неравномерности развития характерен и для развития нашей науки, языкознания, и совещание отражает эту неравномерность. Мы заслушали большое число докладов, в которых говорилось об «универсальных схемах» и «языковых универсалиях», о создании искусственных языков и тому подобных общих и подчас достаточно абстрактных проблемах; кроме того, были сделаны доклады гораздо более конкретные, из которых видно, что часто для некоторых языков не решены вопросы типологии даже в рамках традиционной морфологической классификации. В этой связи не могу не высказать сомнения, насколько правомерно применять термины «универсальные схемы» или «универсалии», если более половины всех языковых семей мира в силу их слабой изученности вообще не учитывается в подобных общих исследованиях.

Индонезийская группа языков специальным типологическим исследованиям не подвергалась даже в их традиционном понимании. Морфемный состав слова в этих языках точно так же во многих отношениях остается пока не изученным на уровне современной науки.

Обычно в существующих работах индонезийские языки определяются как агглютинативные. Морфологическая структура индонезийского слова имеет сходные черты со структурой слова в тюркских и монгольских языках, которые считаются «классическими» агглютинативными языками, но есть некоторые отличия. Сходство же между этими языками и индонезийскими состоит в следующем:

1. Как и в алтайских языках, корневая морфема может

одна составить слово или словоформу в предложении и вместе с тем может присоединять к себе различные словообразующие или формообразующие аффиксы.

2. Как в тюркских и монгольских языках, аффиксация является преобладающим способом слово- и формообразования, хотя количество аффиксов колеблется от языка к языку. В одних языках: тагальском, мальгашском, батакских — аффиксов много, несколько десятков, иногда больше сотни, и они более дифференцированы по значению. В других языках аффиксов немного, порядка десяти; тогда каждый из них передает ряд значений.

3. Как и в других агглютинативных языках, структура слова предельно прозрачна: морфемы в слове легко отделимы одна от другой. Например, индонез. *te-laku-kan* 'проводить', 'осуществлять' (*laku* — корнеслово со значением 'ход', 'движение', 'поведение'); *ke-benar-an* 'правда', 'истинность' (*benar* — корнеслово со значением 'правильный', 'верный'); тагальск. *ka-bulag-an* 'слепота' (*bulag* — корнеслово со значением 'слепой'); *h-um-ukau* 'копать' (*hukau* — корнеслово со значением 'яма') и т. п.

4. Моносемантизм аффиксов, как и в других агглютинативных языках, наблюдается в пределах одного слова, хотя один и тот же аффикс в разных словах может иметь разные значения и выполнять различные функции, например тагальское слово *magpakain* 'угощать', 'кормить' (*kain* — корневая морфема со значением 'есть', 'кушать', *mag*-префикс глагола со значением действительного залога, *pa-* — префикс с побудительным значением).

Отличие состоит в следующем: отсутствие сингармонизма; преобладание префиксов, а не суффиксов, и значительная роль инфиксов и, наконец, многофункциональность аффиксов, что, например, встречается в тюркских языках, но представляет собой нехарактерное явление.

Наиболее существенной из этих особенностей является многофункциональность аффиксов, главным образом глагольных. Она заключается в том, что один и тот же аффикс выполняет словообразовательную и формообразовательную функции. Совмещение функций имеет двоякий характер.

Во-первых, один и тот же аффикс в соединении с разными корневыми морфемами, т. е. в разных словах, выполняет то функцию словообразования, то функцию формообразования. Например, индонезийский префикс *me/meng-/men-/met-/menj-* образует глагол от неглагольных морфем, например, *hidjau* 'зеленый' — *menghidjau* 'зеленеть'. В соединении с корневым морфемой со значением переходного действия образует форму действительного залога, которая противопоставляется форме страдательного залога: *mengisap* 'сосать'

(*isap* — глагольный корень с тем же значением, *diisap* — форма страдательного залога), *membiarkan* 'позволять', 'допускать' (*mem-* — фонетический вариант префикса *me-*, *biarkan* — основа глагола, *dibiarkan* — форма страдательного залога).

Таким образом, функции одного и того же префикса в соединении с разными корневыми морфемами оказываются различными. На примере этого же префикса можно показать и другое явление, когда в одном и том же слове аффикс может выполнять одновременно и функцию словообразования, и функцию формообразования. Например, *menggambar* (от *gambar* 'картина') может употребляться как непереходный глагол со значением 'писать картину', 'заниматься рисованием', в этом случае *me-* выполняет словообразовательную функцию. По семантике *menggambar* может употребляться и как переходный глагол со значением 'изображать', 'рисовать что-либо', тогда *me-* выполняет еще и формообразовательную функцию показателя действительного залога.

Такое совмещение функций можно показать на разных аффиксах, оно пронизывает всю систему аффиксации индонезийского глагола. Причина этого, однако, не в том, что индонезийский язык сравнительно беден аффиксами. Если мы сравним индонезийский язык с тагальским, имеющим очень богатую аффиксальную систему, то и там это явление носит характер закономерности; тагальский глагольный аффикс тоже способен совмещать и словообразовательную, и формообразовательную функции, независимо от того, что аффиксы в этом языке более дифференцированы по своим значениям, например: *palahin* 'копать лопатой' (от *pala* 'лопата') — суффикс *-hin* (фонетический вариант суффикса *-in*) несет три функции: образует глагол от имени, образует форму прямого пассива и является показателем инфинитива; *ihandá* 'готовить' (от *handá* 'готовый') — префикс *i-* образует глагол от прилагательного, указывает на страдательный залог и на форму инфинитива.

Эта черта совмещения двух функций, по-видимому, является общей типологической чертой для этих языков. Можно считать, что такое совмещение двух функций противоречит определению агглютинации. Однако в последнее время становится все более очевидным, что на практике термин «агглютинация» употребляется у нас гораздо шире, чем он употреблялся первоначально. Например, на конференции в Ленинграде по вопросам агглютинации (декабрь 1961 г.) шла речь об элементах агглютинации в индоевропейских, палеоазиатских, семитских, китайском языках, где всех канонических признаков агглютинации, конечно, нет. Таким образом, практика подсказывает, что термин «агглютинация» надо пони-

мать гораздо шире. Могут быть разные типы, или разновидности, агглютинации, например, тюрко-монгольский тип, индонезийский тип. Возможно, изучение других семей языков покажет другие типы агглютинации.

Как способ построения слова агглютинация противопоставляется флексии и изоляции. В качестве основных признаков агглютинации могут быть названы, по-видимому, следующие: 1) наличие специальных служебных морфем-аффиксов, с помощью которых осуществляется словообразование и выражение различных грамматических значений; 2) семантическая однозначность аффикса в данном слове, не исключающая его грамматической многофункциональности; 3) самостоятельность, законченность корневой морфемы, ее способность выступать в качестве слова в предложении; 4) фонетическая отдельность служебных и значимых морфем внутри слова.

Л. Н. Старостов

О ПОНЯТИИ «ТИПОЛОГИЯ»

Один мой коллега был несказанно удивлен и обрадован, когда его статью предложили включить в типологический сборник. «А я,— говорит,— и не знал до сих пор, что я типолог».

Объясняется это очень просто. Недаром и здесь, на нашем совещании, наметились различные точки зрения, различные взгляды на само понятие типологии, и совершенно правильно, на мой взгляд, поступили организаторы этого форума, поставив вопрос о характере этой отрасли языкознания как один из отправных вопросов всей нашей дискуссии.

Я хочу высказать некоторые соображения по поводу того, как я понимаю типологию, соображения о ее предмете и методе, о целях ее и задачах.

О предмете типологии говорить, очевидно, не приходится. Предмет у нее тот же самый, что и у лингвистики вообще. Поэтому типологию нельзя назвать наукой. Следовательно, это один из методов языкознания, а точнее — та отрасль языкознания, где используется особый типологический метод.

Я склоняюсь к тому, чтобы согласиться с простой трактовкой этого метода, данной здесь Ю. К. Лекомцевым¹. Не мудрствуя лукаво, полагаю, что типологию нужно определить как метод в лингвистике, сводящийся к сравнению существен-

¹ См. Ю. К. Лекомцев, Вяч. В. Иванов, *Проблемы структурной типологии*, — настоящий сборник, стр. 21—32.

ных черт структуры отдельных языков с целью выделить исследуемые языки в определенные классы и группы, определить тип языка, как это, собственно, и следует из самого термина «типология».

Г. П. Щедровицкий возразил Ю. К. Лекомцеву на том основании, что-де всякий вид познания предполагает сравнение². Это верно, но, по-моему, сравнение сравнению рознь. Во всяком виде познания, при всякой форме познания мы сравниваем изучаемый предмет не с каким-то одним аналогичным ему объектом (или рядом таких объектов), но по сути дела пользуемся всей совокупностью нашего предшествующего жизненного, научного и иного опыта. При этом, если мы сравниваем аналогичные объекты, это сравнение осуществляется как бы подспудно, спонтанно. Что же касается типологии, то здесь мы сравниваем сознательно, изучая и объект сравнения и тот эталон, от которого мы отталкиваемся, и по мере возможности стараюсь глубже проникнуть в сходство и различие обоих сравниваемых объектов.

Теперь о целях типологии. После очень четко построенного и весьма убедительного сообщения проф. С. Д. Кацнельсона³ говорить об этом трудно, однако я все же позволю себе не согласиться с некоторыми положениями докладчика. Проф. С. Д. Кацнельсон склонен делить цели типологии на первостепенные и второстепенные, основные и неосновные, а следовательно, важные и неважные. Мне кажется, что такая трактовка вопроса ошибочна. Типологическим методом мы можем пользоваться для достижения самых разнообразных целей (помимо, так сказать, первоначальной: выделения исследуемых языков в определенные классы и группы), и какие из этих целей важные, какие неважные, — судить по меньшей мере рискованно.

Проф. С. Д. Кацнельсон, в частности, отметил, что известная типологическая классификация, основанная на морфологическом принципе, несовершенна, и это якобы доказывает, что не в попытках построения подобных классификаций состоит главная цель типологии.

Нет нужды здесь ломиться в открытую дверь, доказывая, какое огромное значение для любого лингвиста имеет разработанная нашими предшественниками морфологическая классификация языков мира. Просто трудно представить, в каком положении оказалась бы лингвистика сейчас, если бы не было этой классификации. Другое дело — необходимость ее дальнейшего усовершенствования. А, собственно говоря, что

² См. Г. П. Щедровицкий, *Методологические замечания к проблеме типологической классификации языков*, — настоящий сборник, стр. 48—70.

³ См. С. Д. Кацнельсон, *Основные задачи лингвистической типологии*, — настоящий сборник, стр. 71—76.

в лингвистике устоялось, что в ней отработано до полного совершенства?

Думается, что типология может иметь целью и создание так называемого языка-посредника, языка-эталона, кой столь необходим в деле машинного перевода. Без особых усилий, затрачиваемых на доказательство, можно сказать, что такой язык-посредник должен создаваться постепенно, этапами. Вначале должен быть создан язык-посредник для определенной группы языков, скажем тюркских. Затем может быть выбран язык, который способен послужить как бы мостиком между тюркскими и, скажем, индоевропейскими, в частности славянскими. Таким языком в нашей комбинации, я считаю, мог бы быть караимский или гагаузский: в этих языках почти одинаковое количество и элементов агглютинации и элементов флексии. Потом через этот «мостик» можно перейти и к языкам индоевропейским, флективным, к созданию языка-эталона, отражающего и строй агглютинативных и строй флективных языков. Это грубая, общая схема. Но она, если уж мы задаем целью создать язык-посредник, предсказывает, как мне кажется, наиболее разумный путь к достижению этой цели. Понятно, что без типологического метода здесь не обойтись. Первостепенная это цель типологии или нет? Судить не берусь. Но смело могу сказать, что возможна и вполне оправданна постановка и многих других задач для типологических штудий.

С. Д. Кацнельсон считает, что основной задачей типологии является вычленение неких микромиров в системе структуры того или иного языка и прослеживание в типологическом плане, в плане отличий и сходств данных микромиров или фрагментов разных языков с целью накопления фактов для последующих, более важных обобщений.

Конечно, эта задача очень существенна, очень плодотворны были бы результаты, могущие быть достигнутыми на этом пути. Но, повторяю, одно другому не мешает. Каждый исследователь может в соответствии со своими научными интересами выбрать ту или иную линию применения типологического метода. Важно лишь то, чтобы это имело если не сразу практическое значение, то хотя бы чисто научные, теоретические результаты.

С проблемой задач типологии тесно связан вопрос о тех объектах, которые достойны внимания типолога. Я вернусь здесь к тому, с чего начал. Почему этот мой коллега не ведает, что он типолог? Потому что, относя по традиции к типологически важным категориям лишь два-три «кита» вроде способа словообразования и словоизменения, он и не подозревал, что его исследование, посвященное более «мелким», менее «строевым» проблемам, может иметь типологи-

ческое значение. Он оказался, что называется, стихийным типологом. Мы все занимаемся — осознанно или не осознанно — типологией. По-моему, ни один лингвист не может не быть хоть в какой-то мере типологом. Меня очень радует, что именно на данном совещании, если не ошибаюсь, первые рамки типологии по сравнению с традиционным пониманием этого метода значительно расширены. Это нашло свое отражение во многих докладах. Мы были свидетелями развернутого типологического анализа вопросов и фонетики, и лексикологии, и морфологии, и синтаксиса. Особенно четко это было выражено в докладе В. М. Солнцева⁴, где несколько раз подчеркивалось, что типологическая структура языка должна прослеживаться снизу вверх и сверху вниз. Мне кажется, что это единственно правильная и очень плодотворная постановка вопроса о тех объектах, которые могут служить предметом исследования типологов.

Г. П. Мельников

ЕЩЕ РАЗ О НЕОБХОДИМОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ В ЯЗЫКОЗНАНИИ МАТЕМАТИЧЕСКИХ МЕТОДОВ

Вопрос о необходимости использования в языкознании математических методов с каждым годом ставится все резче, а лингвистических работ с полезными результатами, полученными математическими методами, появляется все больше. Однако эти работы бывают нередко изложены таким абстрактным, формальным языком, что хорошо их понять не могут даже ближайшие коллеги автора, а для широкого круга лингвистов они вообще остаются недоступными. Поэтому большая часть языковедов занимает довольно сдержанную, выжидательную позицию в отношении использования в своей практической работе математических методов и приемов и к каждому высказыванию, отрицающему целесообразность математизации лингвистики, относится с невольным вниманием и симпатией. Несмотря на это, мне хотелось бы встать на защиту математических методов.

Прежде всего остановимся на следующем. Дебаты относительно пользы математики для языкознания идут уже давно. Однако интересно то, что всякий раз, когда поднимается этот вопрос, многие представители соответствующего научного направления искренне убеждены, что математиза-

⁴ См. В. М. Солнцев, *Установление подобия как метод типологического исследования (на материале китайского и вьетнамского языков)*, — настоящий сборник, стр. 114—121.

ция в их науку пришла не по адресу, хотя, конечно, есть другие науки, где она полезна и необходима. У кого, например, сейчас может возникнуть сомнение в том, что в физике математика нужна?

Но ведь всего несколько десятков лет назад, с расширением знаний об атомном ядре, в физике дебатировалась именно эта проблема: нужно ли изучать новейшие математические методы анализа, может ли принести пользу физике формальный аппарат при описании атомного ядра, имеют ли право на существование те физики, которые сводят свою деятельность лишь к расчетам, формулам и построению математических моделей? Многие ученые, в том числе знаменитые профессора и академики, чьи имена всегда будут с благодарностью вспоминать человечество, протестовали против того, чтобы молодежь отрывалась от непосредственного исследования самих физических объектов, живой субстанции и тратила свои силы на математическое описание структур и даже разработку новых математических методов. Однако прошло немного времени, и дальнейшие успехи атомной физики стали невозможными без существования нового, сугубо математического направления.

Такую же стадию проходили и другие науки. С какой, например, борьбой вводилась столь привычная теперь символика, позволяющая описывать и рассчитывать ход химических реакций. Как долго пришлось доказывать, что без использования стереометрии невозможно понять многих особенностей органических соединений.

Но почему же тогда этап математизации наступает в различных науках неодновременно? И нет ли таких наук, которым лишь по велению моды стремятся навязать математику?

Естественные и социальные науки различаются прежде всего объектами своих исследований. А сами объекты различаются очень сильно. То, что изучает физик, химик почти полностью должен тоже учитывать, но, кроме того, он должен знать особенности структуры объектов с чисто химической точки зрения, учет которой для физика чаще всего оказывается необязательным. Следовательно, объекты химика более сложны. Математизация же возможна и необходима лишь тогда, когда хорошо изучены основные элементы исследуемой субстанции и основные типы связей между этими элементами. Естественно, что химия доросла до такого состояния позже физики. Если же учесть то многообразие элементов, из которого состоит языковая субстанция, и то обилие типов связи между этими элементами в языке и речи, то станет совершенно ясно, что структура языковых объектов несравненно сложнее структуры объектов физики и химии.

Следовательно, настолько же сложнее в лингвистике накопить достаточное количество исходных знаний об объекте, чтобы быть уверенным, что уже выявлены основные объекты и типы связей в языке и для дальнейшего прослеживания их сложных взаимосвязей можно воспользоваться математическими моделями.

Такие науки, как, например, история, еще позже, чем лингвистика, придут к необходимости широкого использования математических методов, так как кроме всего прочего история должна учитывать и различные языковые факторы, влияющие на развитие общества.

Таким образом, математизация приходит позже в те науки, которые изучают более сложные объекты.

Итак, первая причина отрицательного отношения к математизации в языкознании — слишком узкий подход к этому вопросу, нежелание сопоставить законы развития языкознания с общими законами развития науки. Но это не единственная причина. Большое значение имеет и то, что не все понимают сущность математики. Обычно считается, что математика — это наука о количественных отношениях изучаемых объектов. Из такого представления о математике исходил, в частности, и проф. В. М. Жирмунский. Однако такое определение математики далеко не исчерпывающее. Математика — это наука об отношениях между строго выявленными или заданными объектами. Но эти отношения совсем не обязательно должны быть количественными. Математика рассматривает и такие отношения, как отношение истинности-ложности, наличия-отсутствия, т. е. и качественные отношения. Правда, в этих случаях часто говорят не о математике, а о логике, однако это различие чисто терминологическое, связанное с тем, что впервые качественные отношения систематически начали исследоваться при анализе логических высказываний. Точнее же было бы называть это направление качественной математикой, или математикой дискретных отношений, в отличие от наиболее привычного направления — количественной математики, или математики непрерывных отношений.

Следует подчеркнуть, что в ряде случаев качественные отношения обнаруживаются гораздо проще, чем количественные, и, следовательно, при описании структуры качественных связей между элементами изучаемых объектов в первую очередь требуется аппарат дискретной математики. Именно таково положение в языкознании. Лишь где-то на вершине математического моделирования языка для описания связей его элементов потребуются аппарат количественной математики. Сейчас же он бывает нужен главным образом лишь для объективного доказательства существования тех или иных элементов структуры методом статистических

подсчетов (с этим лингвисты более или менее уже согласились).

Итак, одним из приемов доказательства неприменимости математики в лингвистике является следующий: берется какое-либо качественное отношение между элементами языка и доказывается, что использование количественных подсчетов для описания или объяснения рассматриваемого явления абсурдно. На самом же деле абсурдно применение только количественной математики. Дискретная же математика, если рассматриваемое качественное отношение достаточно сложно, помогает раскрыть его неочевидные особенности и свойства.

Указанным неправильным приемом пользовался в своем выступлении и проф. В. М. Жирмунский.

Теперь хотелось бы остановиться на вопросе взаимодействия лингвистов при все более широкой математизации языкознания.

Поскольку в конечном счете исходным материалом для математизации служит тот языковой материал, та языковая субстанция, которая получена обычными методами, то эффективность использования математики становится очевидной лишь тогда, когда из этой субстанции извлекается информация о структуре, достоверно установленная собирателями материала, но не осознанная, не выявленная ими.

Следовательно, говоря несколько грубо, «структурники» как бы снимают сметану с того молока, которое собрали «субстантники». Справедливо ли такое отношение между работниками одной науки? Безусловно, да.

Во-первых, никто не запрещает, а, наоборот, постоянно призывает «субстантников» стать «структурниками», овладеть новыми методами и без посредников снимать эту «сметану».

Во-вторых, «структурники» после соответствующей операции снова засучивают рукава и в меру своих сил и возможностей начинают сбивать из этой «сметаны» масло — строгую теорию. Следовательно, всем хватает работы ради большой общей цели.

Еще один вопрос: сотрутся ли со временем границы между «структурниками» и «субстантниками»?

Опыт других наук показывает, что эти две основные специализации сохраняются всегда. Снова обратимся к положению в ядерной физике, где разделение на «субстантников» и «структурников» произошло уже несколько десятков лет назад. То время, в течение которого я постоянно нахожусь в среде физиков, дает мне право поделиться некоторыми наблюдениями об интимных сторонах их «семейной жизни».

Физика, как и другие науки, продвигается вперед рывками: прорыв, подтягивание тылов, снова атака и прорыв. «Субстантник»-экспериментатор, наиболее удачливый, а чаще — наиболее талантливый, открывает новое явление. Теория трещит по швам. Другие экспериментаторы во всем мире повторяют опыт и убеждаются, что ошибки в методе нет. «Структурники»-теоретики думают, как объяснить это явление. Идут споры, растет число статей, работают вычислительные машины. И вот снова наиболее удачливый, а чаще — наиболее талантливый физик, но теперь уже «структурник», объявляет, что в прежнюю теорию нужно внести небольшую поправку, и тогда новый факт тоже будет объяснен и не будет противоречить открытым ранее.

Пока шло теоретическое осмысление, «субстантники» могли несколько отдохнуть, доделать несрочные работы, точнее списать результаты. Но как только новый факт получил объяснение, из уточненной теории последовали неожиданные многообещающие выводы, и снова потребовались проверки и эксперименты на самой физической субстанции. Экспериментаторы опять перегружены работой, создают новые установки, придумывают методику, а предышка наступает у «структурников», и они только поторапливают «субстантников» и тоже доделывают несрочные работы. Наиболее нетерпеливые иногда сами превращаются в «субстантников», чтобы скорее убедиться в правильности теоретических выводов.

Что же кроме общей конечной цели объединяет эти две научные специализации? То, что и те и другие знают цену математике, и те и другие могут говорить на одном языке. Разница же заключается в том, что одни знают лучше технику эксперимента, другие — технику расчета и построения моделей.

Следовательно, и в языкознании «субстантники» должны обладать необходимым минимумом математических знаний и быть мастерами в экспериментальной технике, широко использовать технические кибернетические устройства для ускорения сбора материала. «Структурники» непосредственно с технической кибернетикой будут связаны мало, но зато они должны овладеть вершинами математики. Лишь при такой специализации и содружестве возможны значительные достижения в языкознании будущего.

О ПРИМЕНЕНИИ МАТЕМАТИКИ В ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ И О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ТИПОЛОГИИ

Позволю себе не согласиться с проф. В. М. Жирмунским по вопросу: применять или не применять математику в лингвистических исследованиях¹.

В моем представлении сама альтернатива выглядит несколько странно. Математика есть некий язык. В лингвистических, как и в других исследованиях, для передачи сути явлений пользуются либо обыкновенным языком, на котором разговаривают, либо терминологическим, либо языком математики. Поэтому математика как вид языка существовала и существует в лингвистических описаниях.

Необходимость пользоваться разными языками вытекает из того, что с помощью разных языков передается разное содержание.

Возьмем пример проф. В. М. Жирмунского относительно слабых и сильных глаголов. В таком виде, как предлагает проф. В. М. Жирмунский, использовать математику действительно нецелесообразно; если взять количественные отношения между слабыми и сильными глаголами не в одном, а в нескольких синхронных срезах, то, вероятно, можно было бы увидеть движение в способах образования глаголов. Вероятно, при этом можно было бы получить данные, которые нельзя получить с помощью простого наблюдения над языком. Потому и создаются специальные научные языки вроде математического, что эти языки как бы позволяют обнаруживать «невидимое простым глазом».

Возражение проф. В. М. Жирмунского о том, что математика не есть лингвистика, по-видимому, связано со следующим. В последнее время в мировом языкознании выделилась специальная область теории методов, в которой математика активно применяется как метаязык (язык описания).

В этом случае лингвисты фактически исследуют не языки, а способы их описания или терминологический язык самой лингвистики. И вот тут-то часто не делается различий в предмете исследования. Некоторые теоретики, занимающиеся методами лингвистического описания, пишут так, как будто они исследуют не лингвистические описания, а собственно языки. Отсюда воз-

¹ См. В. М. Жирмунский, *О целесообразности применения в языкознании математических методов*, — настоящий сборник, стр. 108—113.

никает неправомерный перенос понятий. Исчисление, выведенное из лингвистического описания, интерпретируется как механизм самого естественного языка. Читая некоторые лингвистические сочинения по теории методов, можно подумать, что математика, ее построения и формулы и есть, собственно, описание языка. Против этого я стал бы возражать.

Теперь относительно типологии. Мы часто забываем историю ее возникновения. Ведь типологические понятия были нужны для совершенно определенной, конкретной цели: всю громадную общественно-языковую действительность, единый глоттогонический процесс нужно было организовать таким способом, чтобы обосновать генетическое родство языков. Все национальные языки были выделены дескриптивным описанием как один язык, в котором выделялись некоторые сегменты с целью их генетического описания.

Теперь мы имеем достаточное количество знаний относительно родства различных национальных языков, выделенных дескриптивным описанием, причем само по себе разделение языков по принципу генетической классификации предлагает как бы сложение существующих взаимопонимаемых лингвистических общностей. Мы пытаемся навязать им сверху типологические характеристики и тем самым какое-то количество языков, которые мы выделяем как единицы дескриптивного описания, аранжировать с помощью наших типологических понятий. Мы пытаемся это количество языков, уже дискретно разбитых, аранжировать дальше и объяснить с помощью тех понятий, которые существовали в начале их разбиения. Вот это, по-моему, уже неправильно.

Если мы хотим заняться типологией независимо, самостоятельно, как типологическим способом изучения языка, то мы должны вообще отказаться от деления языка на какие-то конкретные языки, отказаться от понятия их родства, а взять весь языковой континуум в целом и рассеять его особым образом, но так, чтобы это принесло известную пользу при современном состоянии науки и наших знаниях о родстве языков.

Но для того чтобы их рассеять, нам необходимо в них выделить те признаки, которые не являются специфическими признаками конкретных языков или языковых семей. Известно, что уровни в языках связаны по-разному, что могут быть некоторые особые способы связи между уровнями. Если эти связи фиксировать в известном аппарате понятия, то, вероятно, будет получен тот предмет, который называется типологией.

Можно идти и иным путем: взять существующее деление языков, из них извлечь некоторые признаки, суммировать их и сделать построение, посредством которого можно оперировать на разных уровнях, и т. д. В этом случае открываются

широкие возможности для применения языка математики, или математической логики, или нашего собственного лингвистического языка, с помощью которого тоже можно вести довольно точные исследования. Но мне думается, что такой путь — это езда из Москвы в Ленинград через Севастополь. Целесообразнее вернуться к понятию языка, взять его как общий континуум и совершенно особым способом его рассекать.

Т. Я. Елизаренкова

О КЛАССИФИКАЦИИ Дж. ГРИНБЕРГА

Когда с помощью метода Дж. Гринберга я пыталась дать характеристику пали, мне пришлось столкнуться с целым рядом трудностей, имеющих не только практический характер, но и теоретический интерес. В списке языков, исследованных Дж. Гринбергом, есть санскрит. Так как процедура анализа Дж. Гринбергом не определена, а есть только явно недостаточная ссылка на книгу Сепира, пришлось прежде всего обратиться к цифровым индексам санскрита, с тем чтобы понять, каким образом автор пришел к этим показателям.

Я сравнивала с этими показателями те показатели, которые получались на основании анализа различных текстов пали. Получилось то, о чем говорил проф. В. Винтер¹: в зависимости от стилистической принадлежности показатели некоторых текстов пали гораздо более близки к показателям санскрита, чем к показателям текстов пали иной стилистической окраски. Это касается не одного-двух показателей, а большей их части. Если взять такие памятники, как «Милиндапанья», с большим количеством сложных слов, то тут имеется очень большая близость к санскриту и меньшая близость к показателям, полученным на основании анализа каких-нибудь буддийских джатак.

¹ На совещании по типологии восточных языков выступил американский языковед проф. В. Винтер. Поскольку проф. В. Винтер не представил текста своего выступления, а стенограмма оказалась очень неточной, редакция лишена возможности поместить в сборнике это выступление.

Проф. В. Винтер, в частности, остановился на использовании статистического метода Дж. Гринберга, применение которого к разным стилям одного и того же языка дает расхождение в числах большее, чем между различными языками. По мнению проф. В. Винтера, проверившего метод Дж. Гринберга, выборка в 100 слов для морфологии так же недостаточна, как и выборка в 1000 слов для синтаксиса; поэтому результаты Дж. Гринберга в существующем виде не могут быть приняты и методика его является только наметкой, которую следует усовершенствовать (*Прим. отв. редактора*).

Мне кажется, что этот вопрос имеет очень важное значение. Это, собственно, вопрос о емкости той модели, которую мы получаем, и очень важно что-то изменить в методике исследования, потому что емкость моделей совершенно неодинакова.

Вообще говоря, цифровая характеристика находится в зависимости от того, имеем ли мы дело с языком большой литературной традиции или с языком фольклорной традиции. Скажем, когда речь идет об эскимосском языке, эти цифры, по-видимому, в гораздо большем приближении отражают реальные факты, чем когда речь идет о санскрите, потому что различные жанры санскрита, различные тексты стилистически настолько далеки друг от друга по своим показателям, что если составить список показателей на основании какого-то одного жанра текста, допустим, на основании классического санскрита, то это совершенно не будет подходить к санскриту другого жанра. Если же сопоставить нечто среднее на основе анализа текстов разных жанров, а потом противопоставить этот индекс индексу, составленному на основе, например, эскимосского языка, то реальное содержание этих двух моделей будет различным, емкость моделей будет совершенно разной.

К каким бы языкам мы ни обращались, сразу возникает этот вопрос и, видимо, именно в этом направлении нужно усовершенствовать методику Дж. Гринберга. Я в принципе отношусь к ней не так пессимистически, как проф. В. Винтер. Мне кажется классификация по Гринбергу более точной и более адекватной, чем приближенные, в значительной степени субъективные классификации, которые свойственны традиционному языкознанию. Поэтому мне представляется, что методика, которую предложил Дж. Гринберг, заслуживает того, чтобы работать над ее улучшением.

Работать, по-видимому, нужно и в другом направлении. Дж. Гринберг предлагает такой метод статистической характеристики, который применим ко всем языкам. С этой точки зрения его можно сравнить с некоторыми универсалиями Р. Якобсона. Классификация Дж. Гринберга касается морфемного уровня и фонологического уровня, причем эти два уровня представлены в индексах не в равной степени. Фонологический уровень мало отражен. Можно действительно говорить только о морфонологическом уровне.

Что касается классификации Р. Якобсона, то в общем ее можно назвать универсальной. Классификация же Гринберга, по-видимому, не является универсальной. Улучшение этой классификации должно идти в том направлении, которое подсказывает аналогия с методом Р. Якобсона.

Р. Якобсон предлагает набор признаков. Он подчерки-

вает, что это первый план, черновой набросок, который нуждается в дальнейшей разработке. С помощью двенадцати пар предложенных им признаков можно в принципе теоретически описать любой язык мира, но ни в одном языке мира не встречаются все двенадцать пар.

К индексам, которые предлагает Гринберг, было бы целесообразно относиться таким же образом. Вовсе не обязательно все применять к одному и тому же языку. Хорошо было бы выработать максимальное число таких характеристик, общее число которых теоретически достаточно для описания любого языка мира, а практически описание каждого конкретного языка осуществлять с помощью меньшего числа, чем этот максимум.

Кроме того, хорошо было бы несколько изменить набор этих индексов—критериев типологических характеристик, потому что одни характеристики переплетаются с другими, одни входят в состав других, а этого желательно избегать.

Б. А. Успенский

НЕСКОЛЬКО ЗАМЕЧАНИЙ О ЯЗЫКЕ-ЭТАЛОНЕ

Мне хотелось бы возразить по нескольким пунктам Н. Н. Короткову¹ и попытаться разрешить некоторые недоразумения.

Н. Н. Коротков выступает, как я понял, против понятия языка-эталона или во всяком случае против того, как он формулируется. Он говорит следующее: 1) современная структурная типология приходит к тому, что языком-эталонем должен быть аморфный язык; 2) образцом аморфного языка является, как известно, китайский; 3) однако китайский язык на самом деле — и это убедительно показывает Н. Н. Коротков — значительно сложнее, чем просто аморфный; 4) следовательно, структурная типология неправа. По-моему, именно этот вывод отсюда никак не следует, или я плохо уловил логическую связь посылок.

Никто не предлагает за язык-эталон брать именно китайский, это было бы по меньшей мере неоправданно. Положение дел иное. Дедуктивным образом пытаются конструировать некоторую априорную систему языка, которую целесообразно было бы использовать в качестве языка-эталона (для исследуемого языкового уровня). Далее рассматривается место

¹ См. Н. Н. Коротков, *Структурная типология, язык-эталон и задачи общей теории языка*, — настоящий сборник, стр. 93—99.

этого априорного языка в определенной классификации языков и выясняется, в частности, что он относится к числу аморфных.

Н. Н. Коротков показывает, что китайский язык на самом деле весьма сложен, значительно сложнее, чем можно думать. Это очень интересно, но это само по себе не может затронуть метода. Изменяется лишь место китайского языка в классификации.

Вообще, как мне кажется, смысл и цель типологии — очертить языковое пространство, наметить возможные типы языковых структур. По необходимости типологу приходится иметь дело со многими языками, в том числе с теми, которые он не знает, с теми, которые плохо описаны, наконец, с теми, которые описаны хорошо, но с какой-то другой точки зрения; описания последнего рода надо перевести предварительно на свою систему терминов и понятий. Такое положение дел — неизбежно.

Типология не имеет дела с ограниченным количеством языков. Сравнение, имеющее дело с заранее ограниченным количеством языков, хотелось бы отделить от типологии и назвать как-то иначе, например «характерология» или «сопоставительное описание». Вообще целесообразно считать, что число языков, составляющих предмет типологии, принципиально бесконечно в том смысле, что мы не можем задать их списком. Если мы вспомним количество мертвых языков, языков неизвестных или если мы подумаем о том, что каждый диалект языка принципиально не отличается для типолога от языка и может служить равноценным объектом типологического изучения, то, наверно, надо будет прийти к выводу, что число языков, составляющих предмет типологии, практически неисчислимо, и этим обуславливается необходимость введения дедуктивных методов при построении типологии.

Таким образом, типологи вынуждены строить свою теорию дедуктивным методом, предлагать определенные постулаты и делать из них некоторые выводы, а потом сравнивать эти выводы с тем, что реально есть. При этом типолог по необходимости отталкивается от каких-то языков и индуктивно распространяет свои знания на другие языки; этот индуктивный анализ входит, однако, в те постулаты и допущения, из которых исходит создаваемая им структурно-типологическая теория (это аналогично ситуации, когда лингвист, имея некий текст определенного языка, исходит при структурном анализе из представления об открытом, бесконечном тексте на данном языке, случайным образчиком которого является данный текст). При таком подходе может изменяться лишь место языков в классификации, но не сама классификация.

Г. П. Щедровицкий упрекал структуралистов в том, что

они бережно относятся к традициям. Мне кажется, это справедливо, но мне не кажется, что это упрек².

Я убежден, что лингвистика много сделала за время своего существования и что нецелесообразно ее строить на пустом месте. Языкознание накопило очень большой материал, часто уникальный, и выработало во многом продуктивную методику, однако эксплицитно не выраженную. Может быть, задача лингвистов и состоит сейчас в том, чтобы выразить ее однозначным и эксплицитным образом, формализовать лингвистическое знание.

Еще одно возражение Н. Н. Короткову. Н. Н. Коротков говорит, что метод выделения классов слов на основании парадигм словоизменения противоречит реальному процессу развития языка и, следовательно, не годится³. Кажется, что одно с другим никак не связано. Как представляется, сначала необходимо предложить какие-то методы и определить, что вообще мы называем классом слов, и лишь затем можно говорить о присутствии тех или иных классов слов в языке на определенном этапе его развития. Можно, наконец, следить, как изменяются классы слов при развитии языка; мне непонятно, однако, как можно руководствоваться развитием языков при выделении классов слсв.

В этой связи хочу заметить, что то, как предлагал подходить к выделению классов слов Н. Н. Коротков, мне кажется, не очень хорошо именно для типологии. Н. Н. Коротков руководствуется во многом семантическими критериями, которые безусловно важны, но, к сожалению, весьма далеки от формализации. Важность семантических критериев совершенно очевидна, причем ее ощущаешь тем больше, чем лучше знаешь язык. Однако семантические критерии очень неопределенны. Поэтому их нельзя применить при анализе другого языка: мы не можем быть уверены (в силу неопределенности этих критериев), что подходим с одной меркой к разным языкам. А это, кажется, необходимое условие плодотворных типологических исследований.

² См. Г. П. Щедровицкий, *Методологические замечания к проблеме типологической классификации языков*, — настоящий сборник, стр. 48—70.

³ См. Н. Н. Коротков, *Структурная типология, язык-эталон...*, стр. 94.

СОДЕРЖАНИЕ

От ответственного редактора 3

ДОКЛАДЫ

<u>Г. П. Сердюченко.</u> Проблемы типологии в советском языкознании и задачи совещания	5
<i>Вяч. В. Иванов, Ю. К. Лекомцев.</i> Проблемы структурной типологии	21
<i>Вяч. В. Иванов.</i> Структурная типология и единство лингвистики	33
<i>Т. П. Ломтев.</i> Типология языков как учение о классах и типах языков	39
<i>Г. П. Щедровицкий.</i> Методологические замечания к проблеме типологической классификации языков	48
<i>С. Д. Кацнельсон.</i> Основные задачи лингвистической типологии	71
<i>Г. Д. Санжеев.</i> Сравнительно-исторические и типологические исследования в алтаистике	77
<i>Н. Н. Коротков.</i> Структурная типология, язык-эталон и задачи общей теории языка	93
<i>У. В. Рождественский.</i> Тезисы о природе понятий лингвистической типологии	100
<i>В. М. Жирмунский.</i> О целесообразности применения в языкознании математических методов	108
<i>В. М. Солнцев.</i> Установление подобия как метод типологического исследования (на материале китайского и вьетнамского языков)	114
<i>М. С. Андронов.</i> О типологическом сходстве новоиндийских и дравидийских языков	122
<i>Ю. А. Горгониев.</i> Явление параллелизма в становлении грамматических категорий в языках изолирующего типа	132
<i>Д. Еловков.</i> О сходстве и различиях бирманского, тамильского и кхмерского языков	143
<i>Н. В. Охотина.</i> К типологической характеристике языка суахили	148
<i>А. Н. Жукова.</i> К типологической характеристике чукотско-камчатских языков	156
<i>М. А. Кумахов.</i> Типологическая характеристика слова в полисинтетических языках Западного Кавказа	159
<i>Л. Б. Никольский.</i> Корейское словосочетание как типологическая единица	172
<i>Б. А. Успенский.</i> О сосуществовании грамматических типов в языке (расчленение языка на элементарные структуры и возможность типологической характеристики этих структур)	178
<i>А. Б. Долгопольский.</i> Сохраняемость лексики, универсалии и ареальная типология	189
<i>А. А. Леонтьев.</i> Лексемный и морфемный синтаксис и проблемы типологии	199

Ю. Я. Глазов. К проблеме типологического сходства дравидийских и тюркских языков (на материале тамильского и уйгурского языков)	205
М. В. Софронов. Некоторые черты лингвистического исчисления	213
В. П. Небялков, Т. Н. Никитина, В. С. Храковский. О типологии побудительных конструкций	217
Л. З. Сова. Опыт классификации языков на основании выделения типов бинарных словосочетаний	229
Л. З. Сова, В. С. Храковский. О соотношении языковых подсистем	235
Г. С. Клычков. Типологические изменения в развитии индоевропейских языков (к вопросу об универсалиях лингвистического развития)	239
Л. Згушта (Чехословакия). К типологическим объяснениям и интерпретациям	256
А. Рона-Таш (Венгрия). О комплексности типологического метода	259
Ф. М. Березин. О типологии языков у В. А. Богородицкого	268

ВЫСТУПЛЕНИЯ

А. В. Десницкая. Об оценке типологических теорий Н. Я. Марра и И. И. Мещанинова	276
М. М. Гухмач. О содержании и задачах типологических исследований	278
В. И. Цинциус. Несколько возражений проф. Г. Д. Санжееву	281
А. А. Леонтьев. Несколько возражений проф. Г. П. Сердюченко	286
Т. А. Бертагаев. О типологическом методе Н. Я. Марра и И. И. Мещанинова	287
В. Д. Аракин. Об основных типологических единицах языка	289
Н. Ф. Ашева. Индонезийский тип агглютинации	293
Л. Н. Старостов. О понятии «типология»	296
Г. П. Мельников. Еще раз о необходимости применения в языкознании математических методов	299
Ю. В. Рождественский. О применении математики в лингвистических исследованиях и о некоторых вопросах лингвистической типологии	304
Т. Я. Елизаренкова. О классификации Дж. Гринберга	306
Б. А. Успенский. Несколько замечаний о языке-эталоно	308

О П Е Ч А Т К И

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
80	3 св.	у	ч
80	5 св.	ї	і, і
129			На стр. 129 строки 22 — 23 сверху читать после 24.
150	10 сн.	слов служебных частиц	слов, служебных частиц
150	21 сн.	<i>Kɪnafumɔia</i>	<i>Kɪnafumɔwa</i>
155	9 св.	твое	тебе
174	12 сн.	<i>кисачжань</i>	<i>кисачжань</i>
175	14 св.	<i>ттв</i>	<i>ттви</i>
255	3 сн.	Оркнейкие	Оркнейские
264	2 сн.	ЗР ₂	ЗЯ ₂

Зак. 1494